

1
2026

1
[129]

Отчий край

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Отчий
край

УТВЕРЖДЕНО
решением учредителей литературной премии
журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова
Протокол № 22
от 18 марта 2026 года

ЛАУРЕАТЫ
литературной премии журнала «Отчий край»
имени В. Б. Смирнова
Сезон – 2025 год

За вклад в русскую литературу

Виктор КУЛЛЭ
Евгений ЛУКИН

Проза

Анатолий ЕГИН
Олег КУИМОВ
Захар ПРИЛЕПИН

Поэзия

Юлия АРТЮХОВИЧ (Верба)
Екатерина БАРБАНЯГА
Елизавета ИВАННИКОВА

Литературоведение и критика

Усман АЛИМБЕКОВ
Ольга ДВОРЯДКИНА
Лариса САВИНА

Краеведение и документалистика

Евгений МАЛЮТА
Александр ТКАЧЕНКО
Ольга НАЗАРОВА
Ирина СОЛОМИНА
Наталья ПРОКУРОВА

РЕШЕНИЕ
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация учителей
литературы и русского языка»
от 18 марта 2026 года
(специальные номинации)

Проза. Выбор российских учителей
Владимир ЧЕРНЯВСКИЙ

Проза. Выбор российских школьников
Георгий ПОПОВ

Поэзия. Выбор российских учителей
Владислав МАЛЕНКО

Поэзия. Выбор российских школьников
Анна ДОЛГАРЕВА

Редакция, редакционный совет, жюри премии,
Ассоциация учителей литературы и русского языка
поздравляют лауреатов литературной премии журнала
«Отчий край» имени В. Б. Смирнова с заслуженной победой
и желают им новых творческих свершений!

Организационный комитет

Основан в 1994 году В. Б. Смирновым

*Лауреат Всероссийской литературной премии
«Сталинград»,
Государственной премии Волгоградской области,
премии имени Виктора Канунникова*

1 (129)
2026

ОТЧИЙ КРАЙ

Главный редактор
Ольга КРЮЧЕНКОВА

Шеф-редактор
Василий СТРУЖ

Художественный редактор
Вадим ЖУКОВ

Технический редактор
Кадрия ТАШЛАНОВА

Корректор
Валентина КРАВЧЕНКО

Художник обложки
Евгений ГУДИМЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр ЛЕПЕЩЕНКО,
председатель редакционного совета,
директор ГБУК ВОУНБ имени М. Горького,
член Союза писателей России

Александра ЕРОНОВА,
заведующая отделом «Редакционно-издательский центр»
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Лариса ТРОПКИНА,
директор лицея № 5 имени Ю. А. Гагарина,
депутат Волгоградской городской Думы

Лариса ЖАРАВИНА,
доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы и методики ее преподавания ВГСПУ

Василий СУПРУН,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Александр МЛЕЧКО,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русской филологии и журналистики ВолГУ

Елена ТИШИНА,
кандидат филологических наук,
доцент Московского университета «Синергия»

Ольга НАЗАРОВА,
заведующая сектором краеведения
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Роман ШКОДА,
кандидат экономических наук, главный редактор
интернет-издания «Царицын.рф»

Александр РОМАШКОВ,
председатель совета ветеранов Волгоградской
областной организации «Союз журналистов России»

Анатолий ЕГИН,
кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ,
член Союза писателей России

Александр КОЛОМЫТКИН,
директор ГКУВО ГАВО

Александр ТКАЧЕНКО,
кандидат политических наук,
почетный член Союза журналистов России

Петр ХАРИТОНЕНКО,
историк, краевед

Людмила ДУДОВА,
кандидат филологических наук, профессор кафедры
ЮНЕСКО РГПУ имени А. И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

- Василий СУПРУН. Крестьянская нравственность героев
Бориса Петровича Екимова 4

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

- Борис ЕКИМОВ. К тёплому морю 9

АЗБУКА ВЕРЫ

- Владимир КРУПИН. Родину не выбирают 22

ПРОЗА

- Александр ПРОХАНОВ. Меченосец 25
Захар ПРИЛЕПИН. Тума. 46
Светлана ВЬЮГИНА. Живые истории 80
Владимир ГОЛУБЕВ. Деревянный танк 96
Самид АГАЕВ. Тайна книги Аристотеля 160
Магомед КАДИРБЕКОВ. Человек, имеющий небесных покровителей 183
Игорь ОЗЁРСКИЙ. Эпоха огненной собаки 214
Виктория ТОПОНОВОГА. Подтвердите, что вы ИИ 230

ПОЭЗИЯ

- Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. Давняя песня 18
Игорь ВОЛГИН. «Обретаясь в земной круговерти...» 41
Анатолий КИМ. Философские стихи писателя 72
Иван НЕЧИПОРУК. «Донбасс — это край не избитого края» 91
Вадим НИКИТИН. «Поближе к простоте, природе, Богу» 180

ИМЕНА

- Виктор КУЛЛЭ. Проломивший стену. *О Денисе Новикове* 68

ЛИТЕРАТУРА

- Андрей РУМЯНЦЕВ. Воскресение для добра 110

СКРЕПЫ ИСТОРИИ

- Роман ШКОДА. Красный Верден: Царицын в революции
и Гражданской войне 198
Александр СМИРНОВ. Когда приходишь в «Поиск»,
жизнь только начинается 226

СКРЕПЫ СУДЬБЫ

- Татьяна ФЕДОСЕЕВА. Сталинград: послевоенное детство 241

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ: ДИАЛОГ РЕГИОНОВ

- «ОГНИ КУЗБАССА» — журнал писателей России 129
Наталья МУРЗИНА. «В повседневное смотрит вечность». *Стихи* 131
Павел КОНЦЕВОЙ. Правильный вопрос. *Рассказ* 138
Юлия СЫЧЁВА. «Мудрая память, ненужное вычеркни...» *Стихи* 146
Артур АХМЕТШИН. Держись, старина. *Рассказ* 150
Галина ЗОЛОТАИНА. «За Уральскими горами благодать...» *Стихи* 154
Яна РУМЯНЦЕВА. Говорите! *Рассказ* 156

«РУССКОГО СЛОВА ЖЕМЧУЖНАЯ НИТЬ»

- Анна ГЛЕБОВА. О заброшенном доме 253
Наталья КОЛМОГорова. Деревушка 254
Лариса ЧЕРНОМОРЕЦ. Марш деревянных солдатиков 255

Василий СУПРУН

Крестьянская нравственность героев Бориса Петровича Екимова

Никакое общество не может обойтись без результатов крестьянского труда. И представители высших кругов, и творческая интеллигенция, и «белые воротнички», и пролетариат нуждаются в пище, а хлеб, овощи и плоды, мясо и прочие продукты доставляют им крестьяне. При этом отношение к сельским труженикам у тех, кто потребляет их продукцию, часто бывает, в лучшем случае, снисходительным. Уже почти сто лет слово *крестьянин* отодвигается на периферию русского языкового сознания. В тридцатые годы прошлого века его заменило слово *колхозник*. Постепенно и оно стало приобретать негативные коннотации, употребляясь как оценочное слово, близкое по значению к *деревенщина*, которым горожане именовали простоватых, грубых, неотесанных жителей деревни. В наши дни человека, занимающегося крестьянским трудом, именуют, конечно же, на американский лад *фермером*. Словарь определяет это слово не очень четко: «арендатор или владелец фермы».

Слово же *ферма* и в советские времена часто использовалось: в каждом колхозе и совхозе были животноводческие фермы. Об этом его значении

СУПРУН Василий Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Родился в 1948 году. Живет в Волгограде. Член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы, член редакционных коллегий журналов «Отчий край», «Отечественная филология» (Москва), «Вопросы ономастики» (Екатеринбург), «Неофилология» (Тамбов) и других. Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» Министерства образования РФ (2001), орденами Русской православной церкви (2015, 2023). Лауреат премии городского Волгограда в области образования (2011). Автор более 600 публикаций в научных изданиях России и зарубежья.

с уточнениями современных реалий напоминает первое значение этого слова в современном словаре: «отдельное специализированное, обычно животноводческое хозяйство». В наши дни у этого слова появилось значение «частное хозяйство на собственном или арендуемом земельном участке». Тем самым подчеркивается нацеленность фермера на индивидуальный труд, отсутствие в его деятельности коллективного начала, которое превалировало у колхозников и не было чуждо крестьянам.

Слово *крестьянин* является преобразованием на русской почве греческого *χριστιανός* или латинского *christianus* «христианин». В русском языке произошло сближение со словом *крест* как символом христианства и преобразование концовки русским суффиксом *-янин*, которым во множественном числе (и его вариантом *-анин*) обозначались разного рода общности людей: *поляне, древляне, воляныне, агаряне, славяне, киевляне* и др. Первоначально этим словом назывались все православные верующие, но постепенно слова *христианин* и *крестьянин* разошлись по значениям, с конца XIV века второе уже обычно относилось к тем, кто выращивает хлеб и занимается сельскохозяйственным трудом, а с XV века такое значение становится у этого слова главным.

Практически все русские писатели обращались к теме крестьянства, его взглядов на жизнь и общество. С уважением и даже некоторым восторгом отзывался о русских крестьянах А. С. Пушкин в своем литературно-публицистическом произведении, опубликованном уже после его кончины и названном публикаторами «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835): «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. <...> никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день...»

Полемизируя с А. Н. Радищевым (видимо, поэтому издатели в 1933 году переименовали прежнее название пушкинского текста с «Мысли на дороге» на новое, фактически антирадищевское), поэт отмечает: «Очевидно, что Радищев начертал карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе как о необходимости русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь*» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1978. С. 198—200).

О русских крестьянах и их судьбах рассказывает в своих произведениях И. С. Тургенев. Работая над рассказом «Хорь и Калиныч», в котором изображены два разных русских крестьянских характера («Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же — к людям, к обществу; Калиныч не любил рассуждать и всему верил слепо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь»), писатель параллельно опубликовал в «Отечественных записках» в 1847 году рецензию на книгу В. И. Даля «Повести, сказки и рассказы Казака

Луганского», в которой отразил свои взгляды на будущее развитие общества: «В русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития...» (Отечественные записки. 1847. Т. L. № 1. Отд. VI. С. 1—3).

Тургеневские «Записки охотники» высоко оценил Л. Н. Толстой, отметивший, что писатель «сумел в эпоху крепостничества осветить крестьянскую жизнь и оттенить ее поэтические стороны». Свои представления о русском крестьянине Л. Н. Толстой воплотил в образе героя «Войны и мира» Платона Каратаева, который в своих беседах восстанавливает этимологию слова *крестьянин*: он «преимущественно рассказывал из своих старых и, видимо, дорогих ему воспоминаний „христианского“, как он выговаривал, крестьянского быта...» Рассказывая о своем прошлом, Платон вспоминает: «Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, и наш дом, слава тебе Богу. Сам-сем батюшка косить выходил. Жили хорошо. Христьяне настоящие были».

Как и все русские крестьяне, «он всё умел делать, не очень хорошо, но и не дурно. Он пек, варил, шил, строгал, тачал сапоги». Платон и в плену «...всегда был занят и только по ночам позволял себе разговоры, которые он любил, и песни». Своим мироощущением и мировоззрением герой оказывает влияние на всех окружающих. «Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого» (прилагательное *круглый* и наречие *кругло* постоянно присутствуют в тексте при описании героя) («Война и мир», т. 4, ч. 1, главы XII—XIII).

Можно вспомнить и других русских писателей, оставивших в своем творчестве размышления о русской душе, о нравственных поисках русских крестьян, об их христианских взглядах. Традиции русской классической литературы находят яркое продолжение в творчестве нашего земляка, современного классика Бориса Петровича Екимова.

В его произведениях современный житель деревни предстает постоянным и неутомимым тружеником. В труде он находит выражение своего предназначения в этом мире, свои представления о смысле жизни. В рассказе «На усадьбе» жители казачьего хутора ведут разговоры о своем житье-бытье: «Подходит кто-нибудь: вдова недавно схороненного Фомы Жармелова — Хомовна; сухоньякая востроглазая баба Катя — родная тетка моего приятеля; тихая, словно мышь, баба Акуля — все свои, прожившие на этом хуторе век.

— Могучие были родники... — Это про филиюковские огороды. — Прямо кипучие. Белый песок — буруном.

— Потому что их чистили каждый год, вот и буруном. А ныне?..

— Везде нужны руки. Те же огороды у Праскуни, бывало, как на картинке: канавочки везде ровные. А земля? Грядочки — любо глядеть. А всё труды. Копай, боронуй, сажай, с рассадой кохайся, как с дитём. А потом на всё лето казня: гнись и гнись. Трава — дурняком лезет. Да всякая гадость. Откель чего и берется. Зеленый червяк, тля, черепашка, клопы зеленые... На помидорах, на перце, на луке... Какой только страсти Господь не посылает...

— Праскуня... такую игу несла... Сколь скотины, сколь птицы...

— Иван тоже моторный, заядливый: надо и надо... Ни дня ни ночи... Ни лета ни зимы... Всё надо».

Человек не может жить без любви, он рождается для любви, в любви продолжает свой род, с любовью относится к своим ближним. Любовью наполнены рассказы Бориса Петровича. Любовь к матери вспыхивает в сердце дочери в рассказе «Говори, мама, говори...». Постоянно напоминая матери о тарифе на разговоры по мобильному телефону и призывая ее не отвлекаться на упоминания о козиных мордах, черномяске и прочих мелких предметах и событиях, она вдруг понимает всю никчемность всех тарифов: «В далеком городе дочь ее слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платочке. Увидела, но почуяла вдруг, как всё это зыбко и ненадежно: телефонная связь, видение.

— Говори, мама... — просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвется и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. — Говори, мама, говори...»

Любовью исцеляет свою бабу Дуню внук Гриша, сидя всю ночь у ее кровати и заботливо отводя ее от кошмарных воспоминаний о невыносимо трудной жизни: «Сердце мальчика облилось жалостью и болью». В рассказе «Ночь исцеления» ребенок получает нравственную зарядку на всю жизнь.

Он собирался утром рассказать бабушке о том, как ночью в ответ на ее крики давал успокаивающие реплики: «Но вдруг обожгло его ясной мыслью: нельзя говорить. Он отчетливо понял — ни слова, ни даже намек. Это должно остаться и умереть в нем. Нужно делать и молчать. Завтрашнюю ночь и ту, что будет за ней. Нужно делать и молчать. И придет исцеление».

Мечтает о добром отношении, тоскует по любви, мечтает о ней Валя Дадекина, непутевая героиня рассказа «Хука»: «Понемногу наплывало забыть ли, светлое виденье: детство, юность, молодость, зеленое лето, синее небо, светлый день... Так хорошо на душе, что появляются слезы, теперь уже светлые, сладкие. И во слезах, как в тумане, а потом всё ясней и ясней видится: по светлой тропинке навстречу малое дитя бежит, раскинув ручонки. Смеется, радуется и вот — наконец! — обнимает, целует. Господи, как хорошо...

— Зачем ты меня целуешь? Я такая страшная.

— Нет! Ты — хорошая, ты — красивая!

„Красивая...“ Так сладко, так больно отзывались в душе и сердце слова ребенка.

Она понимала, что это лишь сон, непрочное забытьё. Но какое счастливое!

Снова и снова повторялось: солнечная тропинка, и спешит по ней светло-головый, словно ангелок, мальчонка. Спешит, смеется и радуется. И вот-вот обнимет. Как прежде, как раньше. „Красивая...“ И вот уже обнимают ее чьи-то горячие руки, голубят так жарко, что сердцу становится тесно в груди. „Красивая...“ Сердцу тесно. И счастьем тесно; оно разливается по всему телу всё горячей и горячей».

Русский человек помнит не только о земной жизни, но и об ушедших родных и близких, которых обязательно следует проводить в иной мир по христианским законам. Баба Анеша из рассказа «Под высоким крестом» стала видеть покойного мужа во сне:

«— Ваня мне снится. Сроду не снился, а теперь всякую ночь его вижу. Приходит, просит...

— Чего просит? — спрашивали ее.

— Не знаю. Молчит. А по глазам вижу, что просит. И руки вот так протягает ко мне. И слёзы... явственно вижу, слёзы текут.

Баба Анеша мучилась долго и лишь потом догадалась:

— Это он просит креста.

— Какого креста?

— Чтобы отпели и крест поставили. Он ведь в земле лежит, а над ним креста нет. Это — нехорошо. Это — беда бедовая. Все наши родненькие на кладбище, под крестиками лежат. Это — Божий приют. А он словно во грехе. Вот и просит».

И принялась она вместе с другими старухами и правнуком Ваней ставить кресты погибшим воинам: «Вспоминали. Искали и находили места. Солдатское поле, которое долго не пахалось, — там снаряды, да мины, да сплошные кости. Танковое поле... Набатовские колодезя... Бывший лагерь военнопленных, там наших солдат перемерло несчитано.

Вспоминали... Ладили и ставили деревянные кресты. Пели:

— Упокой, Господи, и помилуй рабов Твоих Ивана, Михаила, Митрофана, Николая, Федора... и всех православных и прости им все прегрешения, вольные и невольные, даруй им...»

Трудно равнодушно читать рассказы Бориса Петровича. В каждом из них боль и страдания простых людей, русских крестьян, на долю которых пришлось испытание войной, голодом, невыносимыми условиями жизни. Но каждый из рассказов нашего писателя-земляка содержит христианскую доброту, подлинную веру и неизмеримую нравственность русского человека. А без нее нет смысла творчества, нет смысла жизни.

Борис ЕКИМОВ

К тёплому морю

(Из сборника рассказов)

(Продолжение. Начало в № 1 за 2024 год)

ЗМЕЮКА

Приходит ко мне старый знакомец и сообщает:

— Ездил рыбалить. Такую змеюку убил... Здоровенную!

— Она рыбалить мешала тебе? — спрашиваю.

— Она молчаком подкралась, — объясняет приятель. — Я сижу и не вижу. Потом углядел: змеюка на солнышке пристроилась, греется, прямо возле меня.

— Это ты к ней пристроился, — пытаюсь доказать ему. — Приехал, уселся. А она там живет. Ну, взял бы да и прогнал, если места мало. А чего убивать?

— Да это же змея, гадюка, ядовитая. Еще тяпнет.

— Нужен ты ей... Тебя тяпать. Да у нас и гадюк не осталось. Ужака, наверное, убил.

ЕКИМОВ Борис Петрович — прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1938 году. Живет в Волгограде. Является почетным гражданином города Калача-на-Дону и Волгоградской области. Повесть «Пастушья звезда» включена в Президентскую библиотеку — серию книг выдающихся произведений российских авторов. Лауреат премий: журнала «Наш современник» (1976), «Литературной газеты» (1987), имени И. А. Бунина (1994), журнала «Новый мир» (1996), премии «Москва — Пенне» (1997), Государственной премии РФ (1997), Всероссийской литературной премии «Сталинград» (1999), премии Александра Солженицына (2008), премии «Ясная Поляна» (2014), Патриаршей литературной премии (2016), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2020) и др.

— А то я ужака не знаю. У него желтое пятно. Это была точно гадюка. Черная. Я ее как тяпнул. Прямо в голову попал.

— Молодец, — говорю. — Справился.

Приятель мой — человек славный, добрый. Но вот змея ему помешала. И не только ему.

Помню детские годы. Змей в ту пору было в достатке. Били их почем зря. Особенно в лесистом займище и Задонье, куда весной ребятня устремлялась на вольную волю. Зорили птичьи гнезда, забирая яйца, тут же их жарили на костре, кормились. Время было голодное. Искали дикий чеснок, корни козелка, объедались щавелем, калачиками, китушками, цветом акации, вязиля, мышиноного горошка. А еще били змей. Они в эту весеннюю пору плыли через Дон, с луговой стороны на горную. Здесь их и били. Помногу. Устраивали «змеиные деревья», развешивая на ветвях мертвых змей.

Что это было: юная жестокость или врожденное ли, внушенное отвращение, ненависть к «гадам»? Не знаю. Ужей не трогали. Взрослые внушали: «Не обижайте ужей». Их, бывало, ловили, игрались и выпускали на волю. У парней взрослых даже забава такая была. Вечером взять ужака на танцы, и под рубашкой, на шее завязать, чтобы не видно. А потом, когда с девушкой танцевать начинаешь, голова ужака вдруг из ворота рубашки высовывается. Тут и визгу, и смеху — всего хватает.

А вот других змей убивали. Рассказывали всякие страшилки про их укусы: смертельный яд и прочее. Хотя за свою долгую жизнь не помню, чтобы в наших краях кто-нибудь умер от змеиного укуса. Ни прежде, когда змей было много, ни тем более теперь, когда их мало осталось.

Умирала, погибали в ту давнюю пору от голода, снарядов, мин, болезней, которых хватает и теперь, а еще — автомобили, поезда, самолеты: под колесами, на рельсах, в авариях; тонули и нынче тонут в Дону, озерах, а бывает, что в луже. Много всяких смертей, иногда редкостных: бык забодал до смерти, с лошади упал и убился, молния погубила, солнечные удары. Травились грибами, ягодами, домашними консервами, вяленой рыбой, поганым пойлом. Пчелы зажаливали до смерти, осы. Словом, на веку, как на долгом волоку, всего хватает. Но не помню: не видел и не слышал, чтобы в наших краях кто-нибудь умер от укуса змеи.

В детстве рассказывали страшные байки о желтопузах — самых больших в наших краях змеях, длиною до двух метров и в руку толщиной. Рассказывали, что желтопуз, разозлясь, надувает на хвосте огромную шишку, которой может убить человека и даже машину разбить. От него не уйти. Он колесом сворачивается и катит, мчится, догонит любую машину, а человека тем более. И как брякнет с разгону. Спасенье от него — косогор. Убегать надо косогором, по которому он будет соскальзывать вниз.

Всё это были, конечно, лишь байки, не более. Желтопуз, а точнее — полз, хоть и большая змея, но безобидная, у нее и яда нет. Большая, красивая, нынче ее мало кто видит. Разве что в зоопарках, в террариумах. Но это — в клетке. А все мы — люди и звери — хороши на воле. Змеи тоже. Как легко она скользит по земле и траве. Быстрое текучее движение мускулистого тела. Любопытно смотреть, как змея ловит рыбу. Из засады или под камнями рыщет. Просто лежит, греется на солнцепеке: на тропинке, на береговой коряге. Красивая животина. Но, повторюсь, теперь уже очень редкая. А кто виноват?

Помнится случай, который теперь уже не забудется, хотя он давний в моей взрослой, немолодой уже поре.

Приехал на хутор погостить. Время славное: начало лета. Жаворонки поют, красавцы удоды, скворцы заливаются, переливчатые шуры, сизоворонки, ласточки со щебетом носятся, ныряя в коровьи стойла, в курятник. Там у них гнезда. Ласточек я люблю. Милая птица-касаточка. Но в моем поселке они давно уже не селятся. А сколько их было! Полный двор. В коровнике гнезда, на открытой веранде и даже в летней кухне и в коридоре. Ничто им не помеха. Знают, что хозяйева лишь на ночь двери прикроют, а весь день — нараспашку. Гнездо ли, птенцов не тронут.

Но давно уже ласточки в поселке не селятся. Наверное, стало шумно и коров нет.

А на хуторе — воля. Я люблю ласточек. Приеду гостевать, с ними здороваюсь, слушаю их щебетание, проглядываю все гнезда, где в свою пору объявляются невеликие крапчатые яички, а потом птенцы, ласточата.

Так было и в этот раз. Приехал, огляделся, ласточкины дома попроведал. В курятнике, в коровнике. Но в этот приезд что-то было с этими птахами неладно: в коровнике два пустых гнезда, хотя пора уж птенцам там пищать. Они и пищали, но лишь в одном гнезде, в третьем. В курятнике та же песня: пустое гнездо.

И добрая хозяйка подтвердила: неладно с ласточками. Она объяснила:

— Яички были во всех. И птенчики вывелись. А потом стали пропадать. Одного нет, другого... И ласточки так кричат, так кричат. Я на сорок грешу. Пойду, погляжу, сорок вроде нет. А птенчики пропадают. Думала, из гнезда падают. Искала. Нет... А ласточки порою так кричат, надрываются. Летают, вьются. А сказать не могут. Может, это крысы?..

Я еще раз пошел, оглядел сараи, птичники, которые ютились под единой просторной крышею. Сорок не приметил. Крыс — тоже. Хотя они, конечно, шкодят. Цыплят и утят таскают, яйца крадут. Осмотрел пустые гнезда, повздыхал, пожал плечами. Ничего не понял.

Но вскоре подросла тревога. Ласточки закричали все разом, заметались, черными молниями ныряя под сарайную крышу и вылетая на волю. Громко, явственно пищали птенцы, уже большие, оперенные, из гнезда последнего.

Я поспешил в сарай, стал глядеть. Сорок там не было. На земляном полу, затолоченном соломой да объедьями, тоже птенцов не увидел. Они громко пищали в единственном живом гнезде, которое прилепилось под самой крышей на вязовом неошкуренном стояке. Отчаянно пищали птенцы, с криком металась ласточки.

Я стоял в недоуменье, оглядывая плетневые, глиной промазанные стены, шеломистую крышу из сухого желтого рогоза-чакана. И вдруг углядел в проемах сухих пучков медленно перетекающее, желто-белесое, узорчатое брюхо толстой змеи и точеную плоскую головку ее, возле самого гнезда. Змея замерла. Я тоже в первую минуту замер. Какой-то страх неожиданный, а еще омерзение, тошнота. Это желтое с белесью брюхо, скользящее, какое-то противное. И голова возле самого гнезда, от меня недалеко. Неморгающие глаза.

Но мой страх был коротким; крыша сарая низкая, рядом стояли вилы с крепким, коротким черенком. Я взял их в руки.

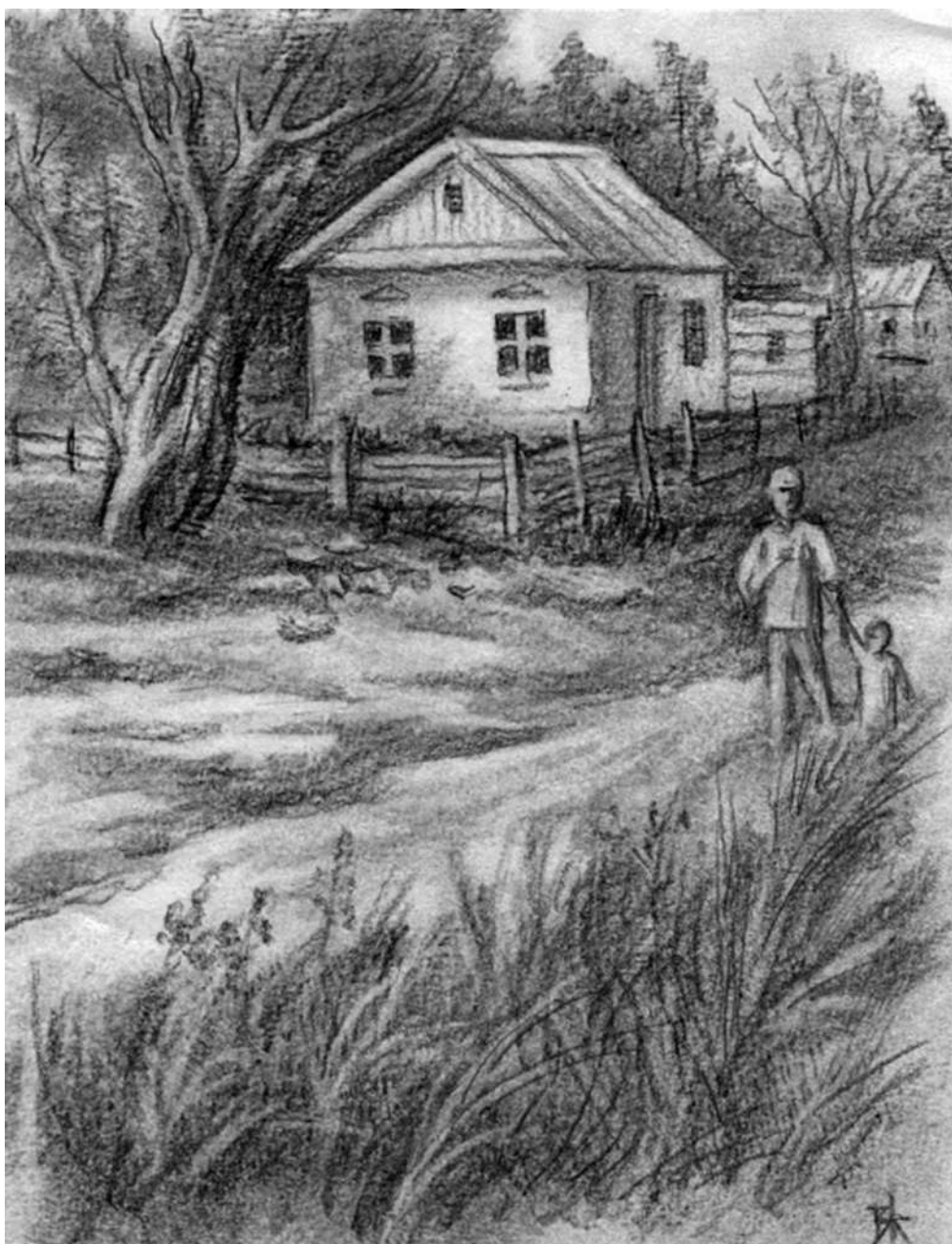

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Змея почуяла опасность. Пестрое, понизу желтое тело ее стало перетекать в камышовых проемах, пытаясь уйти, скрыться. Но я успел точно ударить зубцами, зацепить и не сразу, но выдрать змею из ухоронов камышовой крыши. И тут же на месте добил ее. А потом выбросил на забазье обмякшее тело большой двухметровой пестрой змеи с плоской головкой и видимым утолщением в том месте, где находился проглоченный ею птенец.

Сердобольная хозяйка подошла, захохала:

— Вот она всех и погубила, гадина. И откуда она взялась? Сроду такого не было. Сороки, карги, крысы, хори шkodят. И еще эта змеюка. Спасибо вы увидели.

Такой вот был случай на хуторе. Полоз узорчатый — называется эта змея, ныне редкая.

Змею я убил. Четыре ласточонка благополучно выросли, чем я немало гордился. От верной смерти спас.

Но вот потом, позднее и до поры нынешней гордость помаленьку ушла, и, вспоминая тот день, я сокрушенно вздыхаю. Красивая была змея — двухметровый полоз: чешуя гладкая, блестящая; оливково-серый верх с черно-пестрым узором, ярко-желтое, даже оранжевое брюхо. В солнечном свете всё это играет переливами. Сильная, красивая змея, даже мертвая.

И разве он был виноват, этот полоз, что ему надо жить своей жизнью, не нами установленной, и кормиться, чем велено? Сами ведь хрустим косточками: рыбьими, птичьими, другими.

И совесть не больно мучает.

Тут рассуждать можно долго. Теперь вот через время я жалею красавца-полоза. И птенцов-ласточат, конечно, тоже. Кто же не любит ласточек? А вот «змеюку»... не грех и «тяпнуть».

НА КУРОРТЫ!..

— На курорты!.. Пора на курорты! Обязательно надо на курорты! Каждый год! — убеждал по осени всех подряд давний знакомец, прежде начальник районный, потом областной, по дому сосед. — Без курортов — капец. Там — нудит, там — болит. А на курорты съездишь, и куда чего делось, никаких болячек. На бабьи лытки заглядываешь! — хохотал он. — На курорты!!! — громогласно призывал он нас, бестолковых.

Круглолицый, телом крепкий, с невеликим пузцом, шумливый — здоровье завидное, может, и впрямь от «курортов», куда он ежегодно отбывал порою осенью, как и все начальники сельские в прежнюю пору. В колхозах хлеб уберут, озимые посеют, вспашут зябь да пары. Теперь можно и «на курорты». Конечно, начальникам.

Сосед мой всю жизнь ездил в Кисловодск. Естественно, не в какую-нибудь профсоюзную здравницу, вроде «Москвы» да «Октября», а в «Зарю», которая прежде называлась «Партсъездом», принадлежала ЦК КПСС, потом ее новое руководство к рукам прибрало — управление делами президента.

— В «Зарю», в «Зарю»! — убеждал сосед. — Там — порядок. Там — забор, охрана. Там — кормежка хорошая. Там — лечение. И всякие не шалаются!

Понятно, что «не шалаются». Но там, в этой «Заре», и цены путевок — поднебесные.

Сосед мой, как и всё начальство, про цены путевок, естественно, не вспоминал. Потому что и себе, и жене путевки он получал бесплатные, как и все другие начальники. Так было при власти советской, так осталось и при нынешней.

— На курорты! Обязательно на курорты надо ездить! — убеждал всех сосед и в сроки обычные, осенью, ранним утром, конечно же не на поезде, а на своей служебной машине, багажник загрузив, усадив на заднем сиденье супругу, отбывал он на отдых в санаторий «Заря», бывший «Партсъезд», и через месяц возвращался довольный.

Мне тоже нравится Kisловодск. Там лишь выйдешь на перрон из вагона, вдохнешь и сразу почувешь сладость чистого воздуха. Дышишь — не надышишься. Никаких вод целебных не надо.

Kисловодск мне нравится, но дорог он. И с каждым годом становится всё дороже. А может, я становлюсь беднее. Но это уже иное.

Сосед мой ушел на пенсию. Я об этом не знал. И как всегда, по осени, встретив его после долгого лета, спросил:

— Когда на курорты?

— Не получится, — пожал он плечами. — На пенсию пошел. Ремонт... То да се. С деньгами подбились. Может, на тот год...

И вот уж который год он на заслуженном отдыхе и про «курорты» смолк. О бедности тут речи нет. И пенсию он получает начальственную, не нашим чета, и кроме пенсии кое-что имеет.

В прежние времена, советские, «умел жить». Успел и в новые времена поработать, «приватизируя» да «акционируя». Так что хватит с лихвой и ему, и детям с внуками.

Но про «курорты» молчит. Бесплатные путевки закончились. А за свои, «кровные», не привык. И теперь уже не привыкнет.

НА СТАРОСТИ ЛЕТ

Нынче, считай, всякий день, в пору послеобеденную, провожу я досуг с малолетним внуком Митей. Зимой — санки, снег, лед да сосульки. Потом — под крышу, в доме забавы, пока родители не придут с работы. Летом колготы много больше. «Бигом-бигом...» — командует малыш. Уже подросток он и бегаёт, словно заводной, устали не зная. «Бигом-бигом... Деда, за мной беги...» А у меня уже возраст немалый. «Догоняй меня, деда...» А еще игры — игры с мячом. Нехитрый, но футбол. А еще: «Колесо катать...» Словом, много всего. За три да четыре часа так упыхаешься, что дым идет. Порой думаешь: «Нет. Надо денек отдохнуть...» Но потом объявляются мысли иные: «Он ведь ждет. И с кем ему еще побегать?...» Ладно уж, поднатужимся. Мальчонке радость, а значит, и мне радость. Тоже дело немалое на старости лет.

* * *

Летним утром, на нешумном еще базаре встретил знакомую. Постояли, поговорили: кто — помер, а кто еще живой. Такие наши годы. Потом она спохватилась:

— Пряников забыла купить!

К ТЁПЛОМУ МОРЮ

— На сладкое потянуло? — посмеялся я.

— Это — мужу. Он утром в три часа встает, пьет чай с пряниками и на рыбалку.

— Значит, вы с рыбой.

— Мелочь ловит. Люди берут для кошек.

— Тоже дело, — похвалил я.

На том и расстались.

Но вспомнился другой человек и другой разговор. Но похожий.

Несколько лет назад прилачился я летними вечерами ездить в затон, купаться. В поселке меж домами к вечеру душно. Вот и катишь на велосипеде к воде: искупаться, посидеть, продышаться. Там и встретил давнего знакомого. Он рыбачил на вечерней зорьке, ловил всякую мелочевку.

— Я и утром хожу, — рассказал он. — Тоже на зорьке. Ловлю... Люди берут. Для кошек и себе. На мясорубке прогоняют, делают котлеты. Потихоньку на хлеб зарабатываю. Пенсии, сам знаешь, какие.

Пенсиями нас и впрямь не балуют. Вот старые люди и добывают «копейку». Кто сторожует, кто в огороде, в саду копается, а кому и Дон в подмогу. Вроде всё привычно и просто. На первый взгляд. Та же рыбалка. Всякий день вставай и иди. Уже не охотка тебя поднимает, а забота. Какой-никакой, пусть престарелый, но мужик, а значит, добытчик.

— Утром рыбалю и вечером. А еще уткам набираю ряски. Они любят. Услышат, что я иду, сразу: «Кря-кря-кря...» — он похохатывает, довольный; старый человек, но живой.

— Зимой ставлю жерлицы, на щуку. Летом удочкой. Верхоплавка, ласкирики, красноперки. Жена отнесет, продаст. Вот и на хлеб... Летом, конечно, лучше. Утром идешь раночко. Тихо... Первыми птицы просыпаются, чирикают; потом — кошки, собаки, а потом — алкаши. — Это уже с усмешкой. — Оттуда да отсюда вылазят, страх божий. Тоже — на промысел. А на воде во все расхорошо. В камышах утки крикают. Солнышко выходит. Тихая вода. И просто горит. Утром лучше клюет. Позатот день серушка хорошо брала, да крупная. Килограмма два поймал. Бабке говорю: «До пенсии — далеко. Будет у нас рыбная неделя». С деньгами подбились. Дочке пришлось помочь. Внучок приболел, а лекарства ныне — тыща, — объяснил он.

Пожилой мужик, морщинистый, седой, бывший хуторской тракторист да шофер. Крепкий еще, телом плотный, кубоватый.

— Я на хуторе любитель был порыбалить да на зайчиков по пороше побегать. Но там — некогда. А ныне вот довелось... — вздыхает он, радуясь ли, огорчаясь. Наверное, и то, и другое. Но думаю, что радости всё же больше: тихое утро, птичьи песни, алое небо... А еще: «дочке можно помочь». Это — тоже дело немалое, на старости лет.

* * *

Нынче июль выдался очень жарким. Я не выдержал, уехал к родным, на дачу, в края прохладные, на недельку-другую.

Дальнее Подмосковье, Волга, сосновый лес. Хорошо там дышится, до воды — два шага. Трижды в день купался, плавал: утром, в обед и вечером. Особенно хорошо по утрам. Прозрачная вода, желтый песочек, тишина,

спокойные птичьи песни. Искупаешься, посидишь на скамеечке, поглядишь. Место красоты удивительной, если приглядеться. Синий и зеленый простор воды, земли, неба. А какие облака... Особенно по вечерам. Высокие, могучие, сияющие белью вершин. Огромный простор, немереный, завораживающий. Темная зелень лесов, светлая — цветущих лугов, прохлада воды.

Сидишь и сидишь, глядишь и глядишь, забыв о времени.

А как хорошо гуляется в сосновой ли роще, в поле да на речных высоких откосах, где нетронутые цветущие травы источают такой сладкий и терпкий дух, что голова кругом идет.

Родственник мой, хозяин дачи, по возрасту мне ровесник — семьдесят годков. На даче своей он бывает редко. Потому что, несмотря на годы, не оставляет работу. А значит, свободен лишь два дня в неделю. В пятницу вечером ли, утром в субботу едет на дачу. Машина у него хорошая, но таких, как он, по летнему времени, в Москве — сотни тысяч, и потому в городе и по области дороги забиты. Не езда, а мука. А в день воскресный нужно уезжать к полудню, иначе будешь тащиться и в пробках стоять до ночи.

Вот и весь отдых в красивом месте, у реки и леса. А потом снова работа, с раннего утра: подъем в пять или ранее. Долгая дорога: два троллейбуса, и метро, слава богу, что всего с одной пересадкой. Толкотня, духота, особенно в часы вечерние. А на работе — работа. Частые командировки: поезд, самолет, гостиницы, чужая еда, ненужные выпивки. Семьдесят лет — это возраст немалый, как ни хорохорься. Да еще куча всяких болезней. Утром да вечером — горсть таблеток да витаминов в подмогу. Родственнику моему, по общему мнению, повезло. В советское время он работал обычным инженером, в обычной, как говорится, «конторе». Но с приходом новых времен эта «контора» и должность оказались весьма прибыльными. Появилась большая зарплата и еще большие доходы «со стороны».

На хороших машинах можно ездить и часто менять их. Харчи покупать дорогие, на ценники не заглядывая. То же — в одежде: ею шкафы забиты. «Евро» и прочие ремонты. Мебель — на заказ, из Италии. Хорошие санатории, за рубежом и в России. Просто поездки, для интереса, в любые далекие края, куда захочет душа. Конечно, детям и внукам надежная подмога. Они подолгу учатся да выбирают свой путь, без особых забот, с отцовской, дедовой помощью. Всё это — деньги, деньги и деньги. Потому о пенсионном, спокойном житье он и не помышляет. «Конечно, устал. Всё надоело, — признается он. — Но...» И тут же всякие доводы. О детях: «Они уже взрослые и сами... Но толку пока мало. Надо помогать». О внуках: «Обещал ей поездку в Англию, надо язык подтянуть... И за этого надо платить. В общем...» Он не говорит о жене, которая заранее вкочует, когда речь заходит о пенсии: «Ой, что будем делать.. Как будем жить?.. Тем более кризис...» И о себе он молчит. Но ведь привык, пусть не роскошно, но хорошо жить, недаром порой произносит: «Нет-нет... Только люкс, мы уже привыкли, только СВ, только бизнес-класс, только пять звезд...» и т. д.

На пенсию никаких люксов, конечно, не получится. Это яснее ясного. Значит, тяни лямку дальше. Пока... Наверное, пока не рухнешь. И ведь были такие «звоночки». Из одной командировки сын вывозил, из другой — сам еле выбрался. Старость, болезни — куда от них денешься...

За несколько дней до моего отъезда молодые привезли и сдали на руки бабке малую внучку. А сами на отдых укатили.

К ТЁПЛОМУ МОРЮ

Девчушке полтора года, лепечет, всё понимает — милое дитя. Своего родного деда — хозяина дачи — она видит редко, но, надевая нарядные резиновые сапожки или на маленький расписной стульчик усаживаясь, тычет пальчиком: «Де-да... Де-да...» Значит, купил да подарил заботливый дед.

В последние дни моего гостеванья обошел я округу, прощаясь. Погода стояла славная: не больно жаркое солнце, облака, от воды веет свежестью.

Каждый вечер, готовясь ко сну, мы гуляли вдвоем с малой девчушкой, рука об руку. Она всё понимала. «Нюхай цветы, нюхай...» — говорил я, и она старательно, шумно нюхала граммофоны белых да розовых петуний. А всякий вечер вела меня за калитку, усаживалась на большой камень-валун и, похлопав ладошкой, приглашала садиться рядом с ней. Сидели молча. Приутомили за долгий день, старый да малый. Вечер тихий, камень — теплый, зелень вокруг и цветы. Прижималось ко мне горячее детское тельце, словно искало защиты в сумерках вечерних.

Неволею мне вспоминался хозяин дачи — родной дедушка малышки, который сейчас дремлет в душном вагоне метро, прибываясь к отдыху, к пустому дому. Неволею вспоминал и вздыхал.

Господи, что надо нам в этом мире? Итальянскую мебель, французские сыры, шелковые галстуки?..

Хлеба ломоть, кружку воды и этот покой: тихий вечер, высокие розовые облака, детское тепло рядом. Тем более на старости лет.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Давняя песня

Вспоминая Киото

Вечерами сменялись дожди в Киото
шелковистой занавесью тумана.

Журавль подъедал там из миски что-то
на терраске старого ресторана

у камышей прибрежных
в мире свирепых и тут же нежных,

вымирающих как вид самураев
на подмостках театральных сараев.

Наши дни и судьбы уносит Лета
за пределы и темноты, и света.

.....

Ставшие плодами седьмого пота,
уж давно стихи не пишутся на коленке,
больше напоминая разбор полётов...

Вышли сроки — нас окликает кто-то
на журавлином
сленге.

31 мая 2025

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович — поэт, публицист, эссеист. Родился в Рыбинске в 1947 году. Выпускник искусствоведческого отделения МГУ. Автор лирических книг, вышедших в России и за рубежом. Лауреат многих литературных премий. Живет в Москве и в Поленове.

Сторож

Не бессонница — стерегу,
как умею, средю обитания.

Ночью лось, утопая в снегу,
ищет в нашем саду пропитания.

Там луны ослабевший накал
пробиваться сквозь ветви не стал...

Скоротал свою жизнь на бегу,
по-пацански оставшись без отчества.

Не бессонница — стерегу,
как умею, своё одиночество.

Лишь к тебе, спящей рядом, на миг
я в попытке согреться приник,

но не слышит родное плечо
и с годами не так горячо.

...Перед тем опрометчиво я,
злополучной дремотой стреноженный,

заглянул за рубеж бытия
и очнулся с лицом, обмороженным

холодами вселенских путей,
что на дальних заставах лютей.

Март 2025

* * *

Я, беря на грудь, избегал ерша.
И обычно мне без большой охоты
пожимают старые кореша
руку, будто неучу полиглоты.

В тусклых коммуналках возня юнцов,
из худых штанов выставших рано.
Призывник на проводах Ким Жильцов
нам плеснул сивухи на дно стакана.

Летом дачный стоил гроши постой.
Земляничкой радовали пригорки.
Назывались войлочные зимой
метко *прощаймолодостью* опорки...

Мы несём, кто медленней, кто скорей,
вещмешки с камнями последних дней.

Мнутся лица в окнах родных жилищ
тех, кого уже забрала стремнина
жизни — в тесноту городских кладбищ.

И пуглив свечной мотылёк помина.

13 сентября 2025

Давняя песня

В глубине с последним золотом сада
в старом флигеле — гудёж молодёжи:
гоготовок и переборы гитары.

Я когда-то знал эту песню!
Но не все слова сохранила
обессточенная временем память...

В оны дни я потерял своё царство.
Но вернулся ли обратно — не знаю:
слишком многих не могу досчитаться

уж из тех, кому подпевал, подвыпив.
Стали пухом прежние космы
под сырым от мороси капюшоном.

В общем, время на меня не скупится.
Ветерок прошёл — заершились плёсы
на темнеющем зеркальном закате.

Октябрь 2025

В нетях, сетях, силках...

Вётлы на берегах
начали нереститься.
В нетях, сетях, силках
сердце давно в бегах,
впору остановиться.

Сколько заветных лиц,
долгих немых прощаний,
серых зыбей, зарниц
кануло — ведь границ
нету у мирозданий.

ДАВНЯЯ ПЕСНЯ

Там, где живого нет
места, кремнисто, голо,
что им наш белый свет,
наши цепочки лет,
птичьи хоры и соло?

Статься, родную речь
по истечении срока
жизни, любви сиречь,
некому там беречь
пуще зеницы ока.

Сердце, повремени,
сразу заснуть не смея.
И, провожая дни,
дальних миров огни
пусть подождут трофея.

Июль 2025

Владимир КРУПИН

Родину не выбирают

То, что предлагаю к прочтению, написалось после встречи со студентами. Они задали мне хорошо известный всем писателям, отлитый в бронзе вопрос: «Как вы стали писателем?» Но я честно сказал, что ответа на этот вопрос не знаю. Просто с ранних лет решил стать писателем, вот и всё. А откуда это взялось во мне, не понимаю. Главное для меня в том, что писатель прежде всего гражданин, сын Отечества, любящий родину беспредельно. А без этого какой он писатель? А что меня созидало как гражданина, я попробовал изложить.

Великая тайна — судьба человека. Никто же не знает, где, когда, в какой семье он появится на свет. Всё решено без него. Человек рождается, вырастает, начинает смотреть, ходить, говорить и уже не представляет себя в каком-то другом месте, кроме того, в котором он появился на свет Божий. Более того — он любит и маму, и папу, и цветы на окне, и родных, и друзей, и в нем возникает то, что мы называем чувством родины. И это чувство с годами крепнет и составляет главную ценность жизни. И оно дается каждому.

Я — счастливейший человек. Появился на Вятской земле, в лучшем месте России, а значит, и мира, у меня самые лучшие родители, братья и сестры,

КРУПИН Владимир Николаевич — прозаик, публицист, педагог, секретарь правления Союза писателей России. Родился в 1941 году. Живет в Москве. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте имени А. М. Горького, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более ста пятидесяти книг. Лауреат Всероссийской литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского (2009), Патриаршей литературной премии (2011). Награжден орденом Дружбы народов (1984) и орденом «За заслуги в культуре и искусстве» (2024). Почетный гражданин Кировской области. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2024).

друзья, учителя, школа. Самая лучшая природа: река, леса, лесные опушки, сенокосные луга. Всё влияло на меня: двор, в котором радовалась нам наша собака, хлев, в котором находились корова, теленок, поросенок, овечки, куры во главе с огненным драчливым петухом. А огород, требующий непрестанных трудов прополки, поливки, но зато и одаривающий вкуснейшими овощами: помидоры зрели на грядках, огурцы соревновались с кабачками, тыквы размерами с колесо, картофель, который трижды за лето окучивали, доселе забываем — и в супе, и в костре, и поджаренный кружочками на плите в зимние вечера. А о горохе и бобах что и говорить! Какие там химические удобрения, какие ГМО — всё естественное, всё настолько вкусное, полезное, что заряд здоровья от питания и трудов на земле хранил потом всю жизнь.

Но нас же еще не только огород и поле кормили. А лес? Березовый сок, только его и пили всю весну, а съедобные свечки — будущие шишечки — на елках и соснах, дикий лук на приозерных лугах, кисленка, песты... Ну, всё не передать, не перечесать.

И надо поклон свершить Господу за те морозы, снегопады, разливы рек, за сияние солнца, за дожди и ливни, за грозы с молниями и громом небесным. И наши купания в заречных озерах, когда под ногами еще был шершавый придонный лед. И лыжные гонки, и бесстрашные спуски с гор. Как от этого вырасти слабаком?

Но это, так сказать, физическое выживание, а как же создавался я как гражданин Отечества? Конечно, семья и окружение, конечно, учителя. И радио с его патристическими передачами, наполненное народной и классической музыкой, и кино, всегда говорящее о защитниках Отечества: Александре Невском, Феодоре Ушакове, о героях только что прошедшей войны: «Повесть о настоящем человеке», «Подвиг разведчика», «Молодая гвардия», иностранные фильмы тоже из тематики борьбы с захватчиками: китайский «Седая девушка», советско-албанский «Великий воин Албании Скандербег».

А библиотека! О, представьте благоговейную тишину маленького зала со столами, покрытыми зеленой фланелью и со стоящими на столах настольными лампами. Тоже зелеными. А зеленое — цвет жизни. А книги — душа человечества, а чтение — спасение нашей души. Как без них? Бежал в библиотеку, взлетал на второй этаж, где она помещалась, замирал перед дверями и тихонько открывал вход в зеленое царство. И потом, когда я в шестнадцать лет стал работать в районной газете, у меня на столе была такая же зеленая лампа.

И в школе была библиотека. Школа вообще была вторым домом. После уроков бежали домой, обедали, торопливо делали уроки, помогали в чем-то по домашнему хозяйству и опять бежали в школу, в кружки военного дела, тракторный, на репетиции спектаклей, на спевки школьного хора. Когда тут было глупостями заниматься?

Каждую осень, обычно весь сентябрь, мы работали в колхозах. И это была серьезная помощь старшим. Поверьте на слово, мы любили эти выезды. Дергали, теребили лен, копали картошку, стояли на копнителях комбайнов, топили дровами печи сушилок, просушивали зерно, но интересно, что помню прежде всего не работу, а радости тех дней. Во-первых, нас любили в колхозах, кормили очень хорошо, через силу мы не работали, во-вторых, какие игры, какие песни у костра, какая дружба!

Кстати, дружба народов для меня была естественна, как дыхание: мы работали у татар в Тат-Кильмези, в Малой Кильмези у марийцев, в Паске у удмуртов.

А школа армейской службы — это новый этап, это школа возмужания. Мне, привыкшему к родителям, братьям, сестрам, друзьям, было очень тяжело перенести разлуку с ними. Но и это было очень полезно. Дослужился до старшины ракетного дивизиона, три года тогда служили. Куда поступать, сомнений не было: с самого раннего детства хотел стать писателем, запоем читал книги, сочинял стихи, пьесу в шестом классе написал. Учился неважно, но что-то же вело моей судьбой, в которой мне всё казалось малозначимым, кроме осуществления мечты. А быть русским писателем для меня всегда значило — служить родине, России.

Главное в моей жизни — приход к Богу. По сути, от него я и не уходил, родители мои из православных семей, годы хрущевских гонений я, Бог спас, пережил в армии. И комсомол прошел, и партию, и везде был активистом, но всегда тянуло меня в храм. По счастью, наш институт, в котором (еще один подарок Господа) встретил жену, был недалеко от места рождения Пушкина, и я всегда испытывал волнение, входя в Богоявленский собор, в котором крестили младенца Александра — солнце нашей поэзии.

Конечно, регулярное посещение храма, исповеди и причастия начались не сразу, а с 1976 года. Здесь опять несомненный промысел Божий: пришло время трех судьбоносных влияний на мое умонастроение: это преподавание в духовной академии, участие в ежегодном Великоорецком крестном ходе и паломничества в Святую землю. И соответственно к моим писательским трудам о жизни России добавились работы о Святой земле, о Святой горе Афон, о Великоорецком крестном ходе. Как и всё то, что относится к книгам для детей: книги о святых, о православных праздниках, о помощи Божией в испытаниях, посылаемых России.

То есть, как всё получалось в моей жизни, мне и не объяснить. Но когда с высоты прожитых лет вспоминаю те моменты, в которые жизнь моя как-то изменялась, то вижу: когда я поступал своевольно, то получалось плохо, а когда из послушания, то получалось с пользой. И если бы хватало моих молитв, чтобы растворить свою волю в воле Божией, то не пришлось бы мне горевать от осознания своей греховности. Но что печалиться: есть же в православии великая сила покаяния, великая, веками оправданная надежда на милость Божию.

Представить, что я мог бы где-то жить, кроме России, не могу. И очень понимаю тех братьев по крови и вере, которые покидали Родину. Как они уносили ее с собой в своем сердце, невозможно даже представить. Как надеялись вернуться и как там остались навсегда. Всегда думал о них, посещая русские кладбища за границей. И великая горесть — неблагодарность западного мира к подвигу России, спасшей ту же Европу от фашизма.

Говорят, Суворов восклицал: «Мы — русские, какой восторг!»

Добавляю к Суворову: я еще и вятский русский. Какое же счастье выше этого? Только Святое причастие!

Александр ПРОХАНОВ

Меченосец

(Продолжение. Начало в № 3 за 2025 год)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они вошли в подъезд сталинского дома. Белела лепнина потолка. Сияли зеркала вестибюля. В керамических вазах зеленели листья зимнего сада. Интеллигентная консьержка, похожая на классную даму, поинтересовалась, к кому визит. Лифт, тяжелый, просторный, мерно урчал натруженными колесами, помнил входивших в него блистательных режиссеров, знаменитых певцов, прославленных поэтов, — из той поры, когда Сталин создавал имперскую элиту, которой не суждено было состояться. Поднимаясь в лифте, капитан видел в зеркале свое и Варино отражение, ее голубое шелковое платье и свой лазурный галстук. Ему казалось, он слышит, как пахнут духи и меха исчезнувших женщин, табаки канувших в Лету мужчин. Печальные запахи истлевшей эпохи.

ПРОХАНОВ Александр Андреевич — прозаик, публицист, сценарист, политический и общественный деятель, главный редактор газеты «Завтра», член правления Союза писателей России, председатель и один из учредителей Изборского клуба (сообщества экспертов, изучающих внутреннюю и внешнюю политику России), член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Родился в 1938 году. Живет в Москве. Награжден орденами «Знак Почета» (1981), Трудового Красного Знамени (1984), Дружбы народов (1988), Александра Невского (2023). Лауреат премии Ленинского комсомола (1982), премий журналов «Знамя» (1984), «Наш современник» (1990, 1998), Международной Шолоховской премии (1998), Бунинской премии (2009), Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2012), Международной литературной премии «Белые журавли России» (2013), премии «Золотой Дельвиг» (2013), Всероссийской премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2023), Национальной литературной премии «Слово» (2024). В 2025 году удостоен звания Героя Труда РФ за особые заслуги в развитии отечественной культуры и литературы.

Дверь открыл высокий пышноволосый хозяин в домашней блузе, радостный, радушный.

— Варенька, свет души моей! — он поцеловал в щеку девушку и обратился к Листовидову немолодое носатое благодушное лицо, сиявшие голубые глаза.

— Мой друг Сергей Максимович, — представила спутника Варя.

— Сердечно рад, сердечно рад! — встречавший схватил его ладонь большой теплой рукой. — Антон Антонович!

Листовидов узнал в нем артиста, игравшего в театре разорившегося русского барина. Не мог вспомнить его фамилию, но старосветское «свет души моей!», доверчивое дружелюбие синих глаз, соломенные седеющие волосы делали его узнаваемым. Казалось, он не успел снять грим и оставался таким же благодушным русским барином.

— Сергей Максимович — космонавт, — продолжала представлять Листовидова Варя.

— Ба! В самом деле? Вы прямо оттуда? — Антон Антонович показал пальцем в потолок, где висела небольшая хрустальная люстра. — Прошу, прошу! — он вел гостей из прихожей в комнаты. — Космонавтам рады всегда!

Капитан неясно подумал, что входит в дом, которому, быть может, принесет разорение.

Они прошли мимо кухни. Там женщины готовили кушанья, улыбнулись пришедшим. Гостиная была просторная, высокий потолок, люстра с играющими хрустальными. За длинным столом было людно. Появление Вари и Листовидова прервало разговор, по-видимому оживленный.

— Вот наша Варенька, а с ней космонавт Сергей Максимович. Любите, жалуйте! — Антон Антонович раскрыл руки, словно выпускал Варю и ее спутника из объятий, дарил их обществу.

— У нас здесь все космонавты, — хмыкнул гость с костяными скулами, узкими губами, серыми стальными глазами. На лбу у него была перевязь из золотой ткани, какую носят огнепоклонники.

— Ты, Черепанов, человек космический, солнечный. А мы люди земные, — хохотнула женщина с круглым румяным лицом, с уложенной вокруг головы русой косой.

— Ксения, ты пойми. Черепанов считает, что русский язык космический, солнечный. В нем что ни слово, то солнце, «Ра». Урал, ракета, парад, радость. Если он скажет тебе: «Ты, Ксения, дура», не обижайся. Это значит «Ты солнечная», — грассируя, произнес черноволосый, с остреньким носиком и веселыми глазками гость.

— Ты, Марк, произносишь русское «р», будто изображаешь моторчик. «Ра» не выговариваешь. Лучше произноси такие слова, как «ки» или «ка», на санскрите «тьма», «смерть», — уязвленно ответил огнепоклонник. Его стальные глаза жестко осмотрели насмешника.

— Ну, всё! Кончайте свой вечный лингвистический спор! — хозяин Антон Антонович усадил Варю и Листовидова. — Кирилл Андреевич, продолжайте, пожалуйста. На чем мы вас прервали?

— «Кирилл», «ки». Подозрительно! — пробурчал Черепанов.

— Слушаем вас, дорогой Кирилл Андреевич. Вы так прекрасно рассказывали!

Бледный гость, к кому обратился хозяин, — огромный лоб, седая бородка, сияющие, бог весть чем восхищенные глаза, — простер над столом руки.

ДЕНЬ

Под его длинными ладонями белел холст, накрывавший то ли картину, то ли пирог, не давая ему остыть.

— Ну вот, на чем я остановился? — тот, кого называли Кириллом Андреевичем, потер огромный лоб тонким, как стебель, пальцем. — Да, так вот! Чувствую, что меня кто-то зовет, торопит: «Иди, иди!» Я иду, тороплюсь, а мне кто-то другой выставляет преграды. В лесу попал в бурелом. Пни, сучья, коряги! Чуть ногу не сломал, а меня всё зовет: «Иди, иди!» Попал в болото, топь. Трясина. Взял ветку, наощупь прошел болото. «Иди, иди!» Речка. Плавать не умею. «Всё, — думаю, — конец пути. Поворачивай обратно». А меня зовет: «Иди, иди!» Нашел бревно, на нем переплыл речку. Выхожу на поле, и вдали гора, а на горе церковь. Деревянная, с шатром. «Ты меня звала! Иду к тебе!» Поле широкое, солнечное, гора далеко, церковь то голубая, то розовая, то золотая. «Иду, иду к тебе!» Откуда ни возьмись, туча, черная, косматая. Встала надо мной. Тьма. И как хлынет дождь! Стеной! Непроглядно! Гора пропала, церкви не видно. Меня бьет, рубит, режет, как саблями. Не вижу, куда иду. «Иди, иди!» Пришел к горе, дождь пуще. Иду в гору, трава скользкая, упал, скатился к подножью. Дождь меня побивает. «Иди!» Я снова в гору. И как грянет, польхнет, загрохочет! Молнии посыпались. Бьют в гору, под ноги, не пускают. Ужас, страх несусветный! Бежать прочь! А слышу: «Иди!» И вдруг нет дождя, тучи нет. Небо голубое, радуга от края до края. А под радугой церковь. Издалека чудесная, а вблизи покосилась, чуть держится. Шатер наклонился, окна пустые. Внутри разгром, рухлядь, обломки. Такое горе! Думаю: «Зачем к тебе шел? Чтоб сердце свое надорвать?» Смотрю, в стороне от церкви, на траве икона. Ликом к небу. Казанская Божия Матерь! Облупленная, мокрая, обгорелая, исколотая. Будто ее кто-то жег и колол. «Боже, — думаю, — вот так же Россию жгли, рубили, кололи!» Я ее поднял, воду с нее слил. Она сквозь свои раны смотрит на меня дивными глазами. Младенец к ней ручку тянет. «Так это ты меня звала!» Постоял на горе, откуда вся Русь видна, — леса, дол, озера, и над Русью радуга. И такое во мне счастье, ликование! Такая любовь! Поцеловал икону и пошел с горы, нес ее перед собой, как на крестном ходу. Несу и пою «Богородица дево, радуйся». Сошел с горы, а за мной треск. Оглянулся, а церковь рухнула. Дождалась меня, отдала икону и померла. А Казанская — моя икона. Я на Казанскую крестился! — Кирилл Андреевич сиял глазами, в них блестели слезы.

Гости внимали с восхищением.

— Это чудо, Кирилл Андреевич! Великое чудо! Вас Господь послал, чтобы вы спасли его Матерь! — воскликнул хозяин Антон Антонович.

— Икона чудотворная! Явлена вам, как святому! — вторила красавица с русой косой.

— Это нечистый чинил вам препятствия! — молодой человек в косоворотке осенил себя крестом.

— Это так вас Господь испытывал. Огнем и водой. Вы праведник, Кирилл Андреевич. Вы в Боге. Вам Царствие Небесное, — женщина с увядшим лицом, которое, утратив свежесть, обрело новую, строгую красоту, поклонилась рассказчику.

— Дорогие мои, мы видим, что чудеса на Руси не кончаются! Русь возродится! Кирилл Андреевич, как Моисей с горы Синай, принес нам скрижаль! — Марк возбужденно моргал круглыми вишневыми глазками, грассируя от волнения больше обычного.

— При чем здесь Моисей? — сердито сказал Черепанов. — Кирилл Андреевич чай не иудей, а православный.

— Несть ни еллина, ни иудея! — укорил его Марк.

Листовидов явился в этот дом выведывать, высматривать, сопоставлять увиденное с тем, что зовется «русским движением». Это движение набирало силу в интеллигентской среде. Тут боготворили писателей-деревенщиков, группами и в одиночку отправлялись в северные деревни, привозя в Москву старинные иконы, домотканые сарафаны, поморские песни. Здесь жадно читали привозимые из-за границы запретные книги русских философов, богословов. В этой среде истлевало всё советское, одряхлевшее, выморочное и нарождалось свежее, сочное, плодотворное, готовое очнуться от кровавого, длящегося десятилетиями обморока, полного русской крови и слез. Здесь мечтали вернуть Россию в рай, «который мы потеряли».

Капитан первые минуты оставался «разведчиком, заброшенным в тыл неприятеля». Но вдруг ощутил свою близость с этими людьми, свою с ними общность, хотел быть их другом, единомышленником, званым гостем. Он был очарован радушным синеглазым хозяином, чудесным подвижником Кириллом Андреевичем, круглолицей румяной красавицей и другой, увядающей, благородной в своем увядании. Ему нравился огнепоклонник Черепанов, закрывший золотой лентой свое «лобное око». Нравился похожий на козлика вихрастый Марк. Юноша в косоворотке. Женщины, кивнувшие ему, когда проходил мимо кухни.

— Вы довольны? — шепнула ему Варя. — Этих возьмете в космос?

Он кивнул благодарно.

— Дальше, Кирилл Андреевич, дальше! — просил хозяин. — Расскажите, как реставрировали икону.

Кирилл Андреевич поднес ко лбу тонкий, как стебель, палец, словно хотел поймать в памяти секунду, где оборвался рассказ.

— Привез икону в Москву, не в мастерскую, а домой. Положил на стол, на белый холст, под лампу и заплакал. Лежит она, как неживая, без чувств, будто с эшафота. Резали ее, срывали одежду, вгоняли гвоздь в глаз, жгли огнем, рвали раскаленными клещами. И стал я ее целить. Сначала феном высушил, всю воду согнал. Была черная, тяжелая, а посветлела — стала легче, будто вздохнула. Мы, реставраторы, как врачи, как хирурги. Я и пинцетом, и скальпелем, и шприцем, и бинты, и тампоны, и капельницы. Каждую морщинку на ней разглядывал, каждую крошку цветную пинцетом подхватывал и возвращал на место. И молился, и ей, и Сыну, и Отцу, и России, и всей родне, которая погибла во время войн, в тюрьмах, на лесоповалах. «Прости меня, Господи! Прости, Пречистая Дева! Простите, родные мои, что вас нет, а я жив!» И вдруг она заблагоухала! То пахла землей, болотом, тленом, иссохшим деревом, и вдруг чудесный аромат! Ландыши! Я бинты с нее снял. Все ее краски заиграли. Как букет райских цветов! Малиновые, голубые, золотые, белоснежные! Радость во мне! Будто не я ее оживил, а она меня оживила! Не я ее исцелил, а она меня! Не я ее уносил с горы через топи, буреломы, гари, а она меня несла! И теперь она будет со мной до тех дней, когда оставят Россию напасти, сгинут все, кто ее терзал, рвал раскаленными клещами, вгонял в глаза гвозди. На той горе снова поставят храм, и я верну Казанскую в ее дом. «Радуйся, благодатная, Господь с Тобою!» А теперь я принес ее к вам, к моим самым близким и дорогим, чтобы вы к ней приложились!

ДЕНЬ

Кирилл Андреевич протянул к белому холсту длинные, как стебли, персты. Ухватил край холста и благоговейно совлек покров. И открылся дивный лик, печальный, любящий, умоляющий. Младенец, строгий и озаренный, ведающий всё о своей судьбе. В летнем московском солнце икона переливалась букетом райских цветов: алых, голубых, белоснежных.

— Подходите, друзья, приложитесь! — Кирилл Андреевич склонился к иконе, вытянул губы трубочкой и поцеловал облачение Богородицы, лучистую золотую звезду.

Вслед за ним подходили другие. Хозяин Антон Антонович, целуя икону, счастливо улыбался. Женщина с увядшим лицом склонилась, и на ее бледном лице процвела былая красота. Марк приблизил к иконе вихрастую голову и, целуя, благоговейно закрыл глаза.

Листовидов никогда в жизни не целовал икону. Теперь был смущен. Не поцелует — станет чужим для всех. Поцелует — и чуткие люди заметят его фальшь и обман.

Варя склонилась к иконе, прошептала чье-то имя, припала губами к руке Богородицы. Отошла со слезами. Сергей Максимович одолел робость, наклонился и прижал губы к перстам Богородицы, где только что дышали Варярины губы. Словно коснулся ее губ поцелуем. И вдруг почувствовал запах ландышей. Икона приняла его поцелуй.

Все приложились. Только Черепанов остался в стороне с языческой золотой повязкой, холодными стальными глазами.

— Черепанов, подойди, приложись! — позвала красавица с русой косой. — Ты что, не русский?

— Еврейским богам не поклоняюсь. Поклоняюсь русским богам, — упрямо сказал Черепанов.

— Если Христа милосердного и Мать его не считаешь, значит, ты окаянный язычник! — Кирилл Андреевич, минуту назад умиленный, восторженный, теперь непримиримо и зло смотрел на Черепанова.

— Язычники те, что на вещем языке разговаривают, — Черепанов сиял золотым венцом. — Наш русский язык солнечный, нам его солнце прислало. Нам «Велесову книгу» солнце прислало. Ваши еврейские милосердные боги на Русь пришли и стали русских волхвов на кол сажать, священные русские дубравы рубить, идолов жечь. Вам, православным, наши языческие слезы отлились, когда большевики ваши церкви рушили, ваших деревянных богов сжигали, а ваших еврейских жрецов в расход пускали.

— Да что ты такое говоришь, Черепанов! Ты кто? Комиссар? Чекист? — Кирилл Андреевич пошел на него огромным лбом, его бородака распушилась от гнева.

— Да бросьте его, Кирилл Андреевич! — успокаивала его круглолицая красавица с косой. — От него жена Лена ушла, он ее хотел язычницей сделать.

— И сделал! — грозно кричал Черепанов. — И сделал!

— Он ее в ванной рожать заставил! — перекрикивала его красавица с косой. — Он жену в ванну запихнул, налил воды, и ребенок, родившись, под воду ушел, едва не утонул. Он пуповину жене зубами перегрыз, а послед завернул в кулек, ночью отнес на Тверской бульвар и закопал под дубом, который Пушкин посадил.

— И перегрыз! И отнес! Сыну три года, и он не болел ни разу. Он тебя кулаком ударит и синяк оставит.

— Как сына зовут, Черепанов? — едко допытывалась красавица с косой.

— Сына зовут Перуний.

— Вот видите? Вот он весь, Черепанов!

Черепанов задохнулся, пошел к дверям, собираясь уйти. Его остановили, затормошили, обласкали, усадили. Женщина с косой обняла его:

— Ну что ты, Черепанчик! Мы все тебя любим! Язычник так язычник! Перунчик так Перунчик!

Понемногу всё улеглось. Но ненадолго. Молодой человек в косоворотке, взволнованный спором, решил предъяснить свое мнение:

— Вы мне скажите, Антон Антонович, почему узбеки имеют свою столицу Ташкент, у казахов Алма-Ата, у эстонцев Таллин, а у русских столицы нет? Москва — это столица русских или она столица узбеков, казахов, эстонцев?

— Ну, это же понятно, Митичка! Москва — столица империи, — учительским тоном произнес Антон Антонович.

— А зачем, Антон Антонович, такая империя, где у русских нет столицы? Давайте сделаем Ленинград столицей России и назовем ее Петербург!

— Ну, Митичка, русские — это имперский народ, — вразумлял Антон Антонович. — За имперский дом надо платить. Империя — дорогое удовольствие.

— А зачем русским платить за имперский дом, если в нем у русских самый темный угол? — запальчиво не соглашался Митичка.

— Ну, Митичка, русская история — имперская. Без империи нет русских. Бог дал задание русским создать империю. Русские собирают народы, накрывают единым имперским сводом и так сберегают.

— А может, хватит русским этот свод головой подпирать, так что ноги подкашиваются? Может, пусть народы поживут сами, а мы сами? А то сидим с народами за одним столом, у народов полны тарелки, а у русских тарелка пустая. У них в семье по десять детей, а у нас один, и то хорошо. Пусть русские для себя поживут, а не для других народов.

— Ты разве не знаешь, Митичка, мысль Достоевского о всемирности русской души? Русские собирают вокруг себя народы, чтобы вести их в Царствие Небесное.

— Лучше мы в Царствие Небесное сами, без узбеков, придем, без тубетеек. Когда ленинцы-сталинцы разбегутся, мы построим Русское государство, где русскому будет хорошо, сытно. Где в русских семьях по шесть детей. Я знаю, есть серьезные люди, — Митичка кивнул на потолок. — Они за Русское государство. Они тайно собираются, размышляют, как строить Русское государство. Мы имперский дом растворим и укажем народам на дверь: «Погуляйте-ка на морозе. Хватит греться у русской печки». А то на русской печи узбеки и киргизы лежат, а дрова русский мужик таскает.

— Митичка, ты разве не слышал тост Сталина за русский народ? Разве это не признание ведущей роли русских в империи? — Марк нервничал, мигал тревожными глазками, усматривал для себя в разговоре опасность. — Сталин поднял бокал: «Пью за великий русский народ!»

— Марк, ты кто: иудей, православный или сталинист? — Черепанов зло кривил губы, целил в Марка стальные глаза. — Сталин выпил за русский народ, а в узком кругу Кагановича, Микояна, Берии рассмеялся: «Пусть собаки жрут свою блевотину».

ДЕНЬ

Марк замахнулся на Черепанова. Тот ринулся на Марка, стараясь боднуть его лбом в золотой повязке. Все разнимали их, усаживали на разных оконечностях стола.

Листовидов следил за нитью, продернутой сквозь разговор. Эта нить разрывалась, пропадала и вновь появлялась, связывалась в узелки. Каждый узелок был воплощением «русской идеи». Книжных, передаваемых из поколения в поколение суждений, куда каждое поколение вносило свою истинность, любовь, помрачение. Такие разговоры русские интеллигенты вели во все времена, где бы их эти времена ни заставляли, — в гостиных, на кухнях, в окопах или тюремных камерах.

Капитан запоминал все узелки разговора, перебирая их, как перебирают четки. Особенно важным было упоминание Митички о «серьезных людях» там, наверху, — Листовидов посмотрел вслед за Митичкой на потолок, где висела хрустальная люстра, — о «серьезных людях», что хотят построить Русское государство, распустив существующее.

«Этот узелок я распутаю позже и пойму, сколь серьезны и высоко поставлены эти люди», — он смотрел, как хозяин дома актерским жестом, выражающим сердечную искренность, прижал большие ладони к сердцу.

— Друзья, братья! Будем дорожить нашей русской общиной, нашим маленьким монастырем, нашей катакомбной церковью! Ведь это счастье — быть русским! — Антон Антонович счастливо улыбался, его голубые глаза лучились.

Все, кто сидел в застолье, просияли, обратили друг к другу посветлевшие лица. Варя обернулась к своему спутнику. Ее темно-синие глаза становились серебряными, в черных волосах плеснул медный отблеск. Она улыбалась, словно спрашивая, хорошо ли ему, рад ли, что попал в дом чудесных людей, был принят в их «катакомбную церковь».

На Листовидова вдруг хлынул жаркий свет. Этот свет полыхнул не из просторного окна, не из люстры, играющей хрусталами, а из глубины распахнувшейся души, из остановившегося на мгновение сердца. «Я русский! Какое счастье! Люблю их всех! Кирилл Андреевича, несущего среди молний свою родовую икону. Антона Антоновича, хлебосольного московского барина. Язычника Черепанова, его дремучее знание о волхвах, которые в нем проснулись, увенчали чело золотой лентой. Красавицу Ксению с пшеничной косой, которую она по утрам заплетает, сидя у зеркала, как на картине художника. Юношу Митичку, так похожего на „русских мальчиков“ — кадетов, курсантов, беззаветных и жертвенных. Марка люблю с его похожими на рожки вихрами, смысленными зоркими глазками. Люблю их всех. Я русский, русский!»

Хлынувшая на него радость была внезапна и не оставляла его.

«Я русский, русский», — беззвучно повторял он, и глаза у Вари были серебряные, как синяя река с упавшим ветром.

— А кто такой русский? — Марк моргал глазками из черноплодной рябины. — Князь Курбский русский? Гришка Отрепьев русский? Генерал Власов русский? Не русские! А русский тот, кто кладет душу за други своя! Кто уйдет в башню Луковку и там примет смерть за Россию!

— Какая Луковка, Марк? — спросила Ксения.

— Он о крепостной башне, — Антон Антонович знал, о чем говорит Марк. Пояснял Листовидову: — Марк — искусствовед, изучает русскую крепостную архитектуру. Только что выпустил монографию об Изборской крепости.

— Да, Изборская крепость, под Псковом! — Марк восторженно, услышав любимое имя. — На Рижской дороге, прикрывает Псков. От псков-рыцарей, от ливенцев, от поляков. От всех нашествий. Они разбиваются об Изборскую крепость, — Марк ударил в ладонь кулаком, показав, как разбиваются нашествия. — На одних башнях бойницы смотрят в окрестные поля. Из них бьют врагов на дальних подступах. У других башен бойницы смотрят вдоль стен. Когда враг лезет на стены, его сбивают луками и пищалями. А есть башня Луковка. У нее бойницы смотрят внутрь крепости. Когда крепость пала, враг ворвался, тогда остатки гарнизона, раненые, посеченные, уходят в Луковку и там затворяются. Ведут бой, пока и эта башня не падет и весь гарнизон не погибнет. Врага на три дня задержали, а за эти три дня Псков успел подготовиться к осаде и дал отпор. Вот что такое Луковка! Русский тот, кто готов запереться в Луковке и биться до смерти!

Марк порозовел, был грозный, восхищенный. Уходил в Луковку, чтобы умереть за Россию.

— Русский народ небесный. Русский народ космический, — Антон Антонович обратился к Листовидову. — Сергей Максимович, расскажите, как русскому человеку в космосе?

Капитан растерялся. Когда он погнался от Вари уличных приставал и она спросила, кто он, Листовидов наобум назвал космонавтом. Она поверила и теперь, приведя его в дом, представила космонавтом. Он ничего не знал о космонавтах, кроме пустяков из газет. Сейчас он начнет лгать и будет изобличен.

Сергей Максимович молчал, мучился. Не было ничего, кроме серебристых личинок, летающих на привязи вокруг перепончатой станции. Ничего, кроме выпученных рыбьих глаз из скафандра. Расплесканного стакана, парящего в невесомости. Он закрыл глаза и движением бровей, переносицы, напряжением лобных долей растворил «лобное око», позволявшее видеть то, чего не существует в действительности.

— В космосе нет притяжения земли, деревья растут корнями вверх и птицы гнездятся не в ветвях, а в корнях. У зданий нет колонн и свай, удерживающих тяжесть строений, и города, как огромные подсолнухи, поворачивают соцветия к солнцу, — Листовидов говорил нараспев, закрыв глаза, как во сне. «Лобное око» рождало сновидения. Все умолкло, замороженные певучим рассказом. Огнепоклонник Черепанов, услышав о городах-подсолнухах, тронул золотую перевязь. — Там, в невесомости, снятся космические сны. Изумрудное озеро с белоснежными лилиями, на которых сидят фиолетовые стрекозы, где плещутся розовые русалки. Две луны, белая и красная, играют друг с другом. Сливаются, превращаясь в большую голубую луну, а потом рассыпаются на множество летающих спектров. Там есть планета, где живет Пушкин, и на этой планете на неведомых дорожках следы невиданных зверей. Есть планета, где живет Лермонтов, любящая землю в сиянии голубом. Среди миров есть светило, где живут наши предки, все деды, бабки, прабабки, и нас поджидают. Там есть другое светило, на котором живут младенцы, перед тем как родиться. Потом всю жизнь им снятся волшебные сны. Вот, пожалуй, и всё, что могу рассказать о русском космосе. Остальное под грифом «секретно».

Листовидов открыл глаза. Все немо смотрели, а потом заплотировали.

— Ты, Варенька, привела к нам не космонавта, а сказочника! — восхищался Антон Антонович.

ДЕНЬ

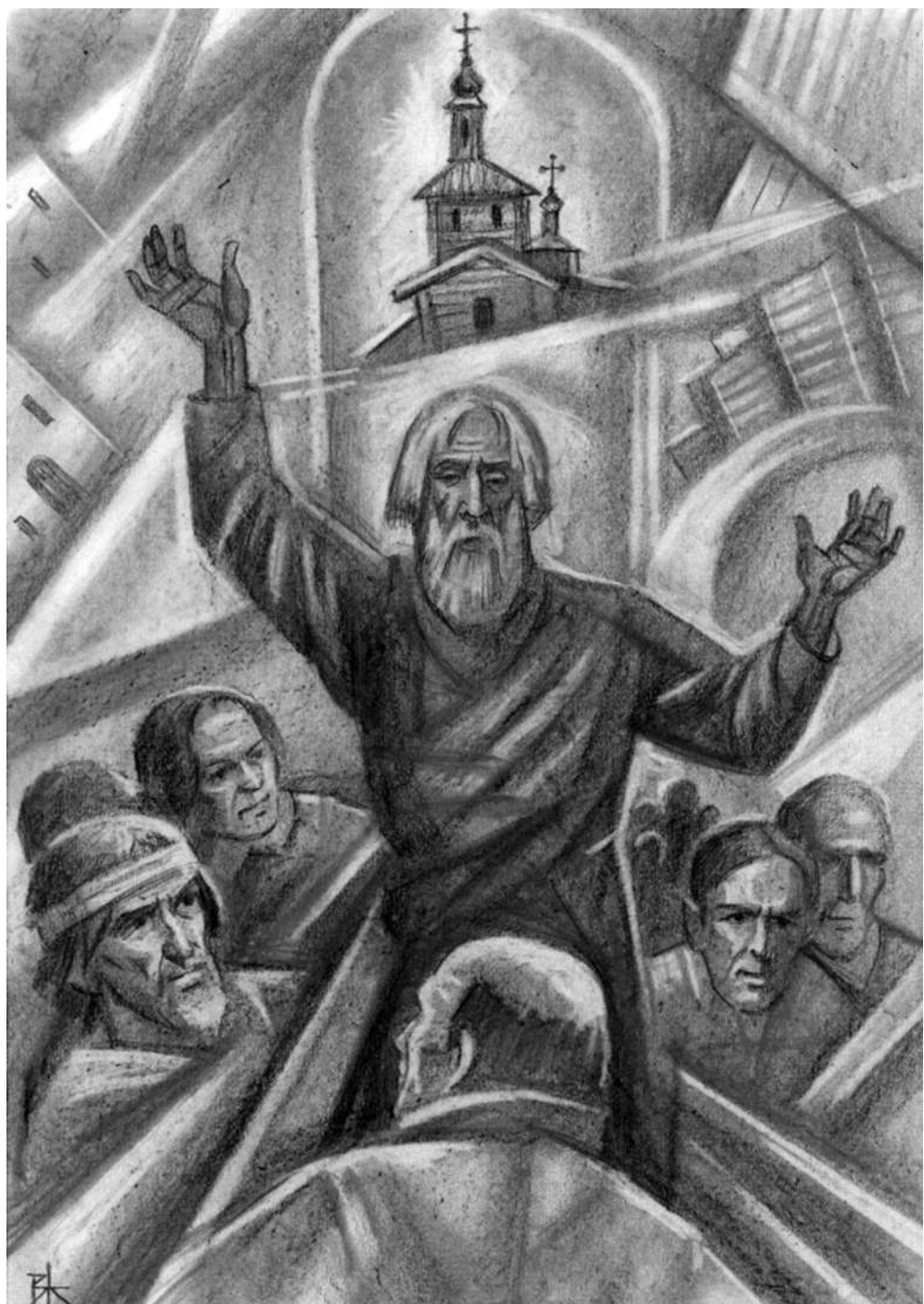

Рисунок Вадима ЖУКОВА

— Я всегда говорила, что Пушкин — космонавт, — Ксения сияла бирюзовыми глазами.

— Все космонавты — огнепоклонники, — скупое заметил Черепанов.

— И лунопоклонники, — съязвил Марк.

Варя изумленно смотрела на Листовидова, а тот движением бровей и переносицы затворил «лобное око».

Из кухни принесли кушанья. Уставили стол салатами, винегретами, разносолами, ломтями рыбы и мяса. Заблестели бокалы и рюмки. Появилась водка, вино. Уже смеркалось, но люстру не зажигали. Хозяин Антон Антонович выложил на стол между тарелками и рюмками обрезок березовой дровины с тремя свечами. Поднес зажигалку. Свечи мягко запыхали, казались прозрачными на концах, темнели у основания. Воск закапал на бересту. И стало торжественно, таинственно. Все смотрели на пылающие свечи. Огни колыхались от дыханий.

Ели, пили, произносили тосты, конечно же, за Россию, за хозяина, за братство. Счастливо пьянели.

Женщина, чья увядающая красота трогала Листовидова, поднялась с рюмочкой водки, где дрожал огонек свечи.

— Счастье, что мы подружились, нашли друг друга. Встречаемся, и расставаться не хочется. Давайте вместе поедим к озеру Светлояр. Это озеро русской тайны, озеро русского чуда. Соберемся на берегу и станем молить о чуде. И растворятся воды, и всплывет град Китеж, и снова по всей Руси зазвонят колокола, и дома наполнятся благодатью, а семьи — детьми. И Россия вознесется во всей своей небесной красоте!

Она так растрогалась, что водка пролилась из рюмки. Восторженный Антон Антонович кинулся целовать ей руку:

— Елизавета Васильевна, вы чудесная, вы добрая, вы пленительная!

Ксения от одной, двух чарок зарозовела. Глаза стали как васильки во ржи. Ее русская красота кружила голову.

— А я предлагаю выбрать какую-нибудь пустошь и посадить там рощу. Каждый по деревцу. Чтобы они росли, а когда нас не будет, напоминали о нашей дружбе. Я посажу березу. Елизавета Васильевна — липу. Антон Антонович — дуб. Варенька — сосну. Ее друг Сергей Максимович — елку. Черепанов — осину. А Марк... — она задумалась, подбирая дерево.

— Кактус, — буркнул Черепанов. Все зашикали, потянулись к Ксении выпить за священную рощу.

Кирилл Андреевич, сияя лбом, охватив тонкими перстами рюмку, водил ею в воздухе, описывая таинственные иероглифы.

— Совершим подвиг, братья! Отправимся к горе и сложим на вершине церковь, на месте пропавшей. И я верну икону, и люди станут приходить к чудотворной и смотреть с горы, откуда вся Россия видна!

Наливали, пили, звякали рюмками, чудесно пьянели.

— Митичка, а ну-ка спой нам! Удалую! Про белых кобылиц! — Антон Антонович принес гитару, вручил ему. — Про белых кобылиц!

Тот принял гитару, приложил ухо и несколько раз, тронув струны, пробренчал. Осмотрел застолье круглыми птичьими глазами. Молодецки повел плечом, лихо потрянул головой. С силой, всей пятерней зацепив все струны, грянул — да так, что poleg в свечах огонь.

ДЕНЬ

Товарищ Ленин, ты не виноват.
Тебя надул товарищ Карла Маркс.
Он жил давно, почти сто лет назад,
А на Руси тогда варили квас.

Все воспряли, буйно закрутили головами, забили пальцами о край стола.
Понеслись, закачались в седлах, воздели руки с блеснувшей сталью.

Теперь над Русью грай крикливых птиц.
Они сидят у нас на головах,
Клюют глаза у мёртвых кобылиц,
Справляют свадьбы в рухнувших церквах.

Митичка дышал черным ртом, блестел мокрыми зубами, краснел языком.
Свечи трепетали, по лицу бегали тени. Он был разбойный, лихой, бесстрашный.
Рвал на груди рубаху.

Но мы опять наточим топоры.
Опять уйдём в зелёный шум дубрав
И веселиться будем до зари.
Ах, старый Карла, ты совсем не прав.

Листовидов отшатнулся, отпрянул, когда на него полыхнула неистовая песня.
Но его качнуло вперед, и он уже был внутри обжигающего огня, мчался
огненной скачкой, куда-то летел, за каким-то буйным атаманом, свободный,
счастливый, русский. Он был одним из всадников, был с ними един в бою,
в гульбе, в буйстве.

Мы запалим весёлые костры,
У бочки выьем золотое дно
И веселиться будем до зари.
И с нами Бог наш светлый заодно.

Кругом неслись всадники. Мчались кони, рвалось на ветру белое, с золотом, знамя.
Хозяин Антон Антонович богатырски расправил плечи. Ксения мчалась,
развевая пшеничные волосы. Кирилл Андреевич, воин Христов, сиял очами.
Марк молодецки подпевал, победно смотрел фиолетовыми, ставшими вдруг
огромными глазами. Варя пела, оглядывалась на Листовидова, увлекала
за собой. Черепанов не пел, ссутулил каменные плечи, хмурил стальные брови,
кидал в кривой рот рюмку за рюмкой.

И пусть над Русью грай крикливых птиц
И на крестах могильных свежий снег,
Мы оседлаем белых кобылиц
И на зарю направим резвый бег.

Листовидов не слышал слов, а только гул ветра неумемной скачки. Любил
всех, был русский, был готов отдать жизнь. Чувствовал, как в нем прибывает
свет, в душе открывается небо, лазурь, приближается чудесное, небывалое,
что таилось, страшилось показаться, а теперь рвалось наружу.

Товарищ Ленин, ты не виноват.
Тебя надул товарищ Карла Маркс.
Он жил давно, почти сто лет назад,
А на Руси тогда варили квас.

Митичка ахнул и умолк. Но не стихло, а продолжало звенеть в гитаре, реяло под потолком, качало пламя свечей, сияло в глазах. Все с обожанием смотрели друг на друга.

— Это прекрасно! Белый снег, кобылицы! Костры в дубравах! — Антон Антонович кинулся наполнять рюмки. — Хочу сказать, друзья! Хочу предложить тост!

Черепанов сутуло поднялся, тяжкий, темный, мерцая из-под железных бровей розовыми от ярости глазами. Так вылезает из берлоги разбуженный медведь, водит башкой в поисках того, кто нарушил его спячку.

— Я хочу заявить! Хочу сказать! Среди нас есть еврей! Пусть уходит! Пусть больше никогда не садится за один стол с русскими! — Черепанов раскачивался. На шее взбухла черная жила. На потном лбу съехала золотая повязка. — Пусть уходит! — Не глядя на Марка, он указал на дверь.

Все ошеломленно молчали. Ксения прижала ладонь к губам, чтобы не вскрикнуть. Кирилл Андреевич задохнулся, шлепал губами, хватал ртом воздух. Антон Антонович остался с налитой рюмкой, и из нее выливалась водка.

Марк стал маленький, съежился. Глаза, недавно сиявшие, стали испуганными темными бусинами. Горбясь, бочком, обходя гостей, пошел из комнаты. В прихожей хлопнула входная дверь.

— Какой ужас! — ахнула женщина, звавшая поехать на Светлояр.

— Ты, Черепанов, мерзавец! — вскрикнула Ксения.

— Да что же это такое! В моем доме! В моем доме! — Антон Антонович порывался догнать Марка.

Черепанов стоял, пьяно улыбался кривым ртом, поправлял на лбу золотую перевязь.

— Идемте! — Варя потянула Листовидова. Они спустились в лифте, размыто отражаясь в зеркалах. Горели ночные фонари. Далеко семенил Марк, бежал, спасаясь от горя.

Капитан и Варя стояли на набережной. Он положил руки на гранитный парапет, слыша, как остывают камни. Остывал город, возвращая накопленное за день тепло, и это тепло было душистым, бархатным, печальным. По черной реке скользил трамвайчик на золотом отражении. На другом берегу в Парке культуры полыхали аттракционы, гремела музыка, гуляла толпа. Нескучный сад тяжело сползал к воде, в темной гуще блуждали огоньки, как летучие светлячки.

— Я не гожусь в провожатые, — сказала Варя и положила руку на каменный парапет. Сергей Максимович видел белую руку на темном камне. — Куда ни приведу, везде кошмар. Со мной вам не набрать переселенцев для космоса. Если такое случится в вашем городе-подсолнухе, куда пойдет Марк? — ее белая рука лежала на камне рядом с его рукой, и ему захотелось накрыть ее своей ладонью, услышать, как дрогнет рука, оживут пальцы, и она не уберет руку, делает вид, что ничего не случилось.

— Вы мне очень помогаете, Варя. Не дайте ошибиться. Мы должны пройти по всем кружкам и выбрать только солнечных, прозрачных для света людей.

ДЕНЬ

— Таких нет. Мы замутненные, непрозрачные. Мы не солнечные, мы лунные.

— В космосе происходит очищение. Опадает вся земная окалина, все земные болезни, все страхи и ненависть. Земное притяжение исчезает, и в невесомости рождается солнечный, летающий человек.

Речной трамвайчик расплескивал золотое отражение, приближался. Листовидов загадал: когда кораблик поравняется с ними, он накроет ее руку своей ладонью.

— Вы правда так думаете? Вам действительно снятся космические сны? — она хотела верить, что это не обман, не застольная фантазия. Эта доверчивость тронула его, причинила боль. Она была беззащитна, в ней присутствовал какой-то недуг, ныла в душе незримая трещинка. Он вспомнил ее лицо, склоненное к иконе, губы, шепнувшие чье-то имя. Трамвайчик прошелестел, унес отражение, и он не решился тронуть ее близкую, белую на черном камне руку.

— Когда вы говорили о снах, ваши глаза были закрыты, и мне казалось, я погружаюсь в ваши сновидения. Купаюсь в бирюзовом озере с белыми лилиями, на которых сидят фиолетовые стрекозы. Красная и белая луна целуют друг друга, превращаясь в голубое светило. Вы говорили, в космосе есть такая небесная земля, где живут твои любимые, близкие. И я видела моих ненаглядных, целовала их.

Листовидову показалось, что она снова прошептала чье-то имя. Он испытал к ней нежность. Она была той, в ком он нуждался, выполняя задание генерала, но теперь она вдруг стала другой. Той, к кому испытывал нежность.

— Пора по домам, — сказала она. — После этого безумия.

По реке, выплывая из-под млечной тени Крымского моста, появился кораблик, бесшумно приближался на золотом блюде своего отражения. Пристань была внизу, под гранитным отвесом набережной.

— Давайте покатаемся, — ему не хотелось расставаться. Было чувство, что вечер не кончен, чему-то предстоит еще совершиться. Она посмотрела на Листовидова, на кораблик. Убрала белую руку с черного камня.

— Покатаемся.

Они сели на кораблик, на деревянную лавку на носу. Кораблик прилежно постукивал. За бортом мягко скользила волна, темная, с золотистым отливом. «Как ее волосы», — подумал он.

С черной воды поднялись утки, бесшумно облетели кораблик и сели в стороне, качаясь на поднятой корабликом волне. Ветер дул прохладный, ночной, пахло рекой, деревьями Нескучного сада. Они проплыли величавое здание военного штаба с каменными знаменами на фасаде. Миновали сталинский дом, где только что были в гостях. Окна пылали, в гостиной продолжали ахать, ужасаться, утешали хозяина, театрально прижимавшего ладонь ко лбу.

— Не холодно? — ветер раздувал ее волосы, голубой шелк платья волновался вокруг белеющей шеи. — Возьмите пиджак.

— Не нужно. Мне хорошо.

Лужники светились, как круглая голубая луна.

— Из ваших космических снов? — ее голос был печальный, в нем слышалась всё та же больная трещинка.

Ленинские горы черным воротником повисли над рекой. Далеко на горах высился университет, розовый, заостренный.

— Как фламинго, — сказала она. Ему захотелось погрузиться в ее сознание, где рождались образы. Там находилась загадочная трещинка, источник печали.

Капитан хотел понять, как случилось, что днем она была для него полезной пособницей, которую он удачно включил в свой замысел, а вечером чувствует к ней нежность, хочет разгадать ее тайну, узнать, чье имя она прошептала, чей бирюзовый галстук треплет ветер у него на груди. Когда, на какой минуте случилось это чудесное превращение, непростительное для офицера, выполняющего спецзадание. Превращение, сулящее, быть может, провал.

Кораблик делал на реке широкую дугу, поворачивая в обратную сторону. Розовый университет исчез, заслоненный горой. Лужники открылись во всем своем лунном великолепии.

«Когда оно случилось?» — Листовидов перебирал, как четки, минуты, проведенные с Варей. Быть может, случилось сразу, когда оставил площадь с алмазным мечом, прогнал от женщины двух бузотеров, хотел от нее отмахнуться, как от досадной помехи, но увидел ее несчастный, умоляющий взгляд и посадил в машину? Или у сумрачной арки, где клубилась тьма, и она казалась порождением этой тьмы, и он торопился от нее уйти, но она так сердечно, бережно разглаживала ворот его нового пиджака, что он испытал сладость от ее прикосновений? Или недавно, в гостях, когда она склонилась к иконе, искала место, куда прижать свои губы, и припала к золотой лучистой звезде на малиновом плече Богородицы, и он поцеловал лучистое золото звезды, где только что дышали ее теплые губы? Или позже, когда возмечтал оказаться с ней у ночного озера Светлояр, и в темных водах вдруг забрезжит, и начнут всплывать разноцветные шатры, купола, и им будет явлено русское чудо?

Кораблик развернулся и плыл теперь мимо Нескучного сада, и запахло сырой землей и стволами деревьев. На палубу, где они сидели, вышла молодая пара и целовалась. Аттракционы Парка культуры взрывались огнями и музыкой, крутились сверкающие спирали, раскачивались гигантские качели, неслись стоцветные карусели.

— Вы сказали, что в космосе есть светило, где обитают младенцы, перед тем как им переселиться в земную жизнь. На этой планете их окружает такая любовь, что она сберегает человека всю остальную жизнь, не дает очерстветь, совершать злодеяния, погибнуть среди земного зла.

Крымский мост повис над корабликом, похожий на арфу, и, пока они проплывали, струны гудели, словно их трогали железные пальцы.

— Я жила на такой планете, в раннем детстве. В Кратове, на даче. Мама, папа, дедушка, бабушка. Сосны, на песке шишки, похожие на ежиков. Запахи смолы, самоварного дыма. Дед в рубахе навывпуск, босиком, несет самовар, отворачиваясь от голубого дыма. Мама ставит на стол тарелку, полную вишен. Такой сладкой вишни я больше никогда не ела. Таких розовых косточек, скользко вылетавших из пальцев, я никогда не видала. Съезжались гости, тетушки, дядюшки. Все обожали меня, дарили подарки. Их родные прекрасные лица, чудесные голоса. Когда они собирались за столом, шумно спорили, огорчались. Я чувствовала, у них есть своя тайна, своя горечь, но она была в стороне. Для меня у них была только любовь. Папа брал меня на руки, и мы кружили среди сосен, пугая белок. Дед, босой, белобородый, подпоясанный тряпицей, говорил с бабушкой по-французски. Тетущка тормозила, целовала

ДЕНЬ

меня, и от нее пахло яблоками. И потом они все уходили, умирали, исчезали навсегда из моей жизни. Но их тепло, их любовь оставались. Они не дали мне увянуть. Вы напомнили о них своими космическими фантазиями. Я вам благодарна.

Ее рассказ испугал Листовидова. Испугал свой искренностью, был исповедью. Она пустила его туда, куда чужих не пускают. Он перестал быть ей чужим. Она заманила его в свою жизнь, поселила в своей жизни, и он уже не мог убежать и скрыться. Без принуждения, бесхитростно, наивной доверчивостью приблизила к себе. Это случилось внезапно, когда гудели струны моста. Они проплыли мост и стали другими. И теперь он должен ответить ей той же искренностью, невозможной, ибо он был не тем, за кого себя выдавал.

Капитан подумал, что их отношения напоминают контурную карту. Сначала безжизненный сухой чертеж. Потом цветные вкрапления, одно, другое, и возникает цветущая страна. Теперь его черед наградить ее откровением, но оно невозможно. Так и останется рядом с цветными вкраплениями сухой бесцветный чертеж.

Впереди, из сумрака, из ночной синевы выплывало видение. Розовый Кремль, как заря. Кремль всходил, как восходит солнце, с блеском лучей, белизной облаков. Листовидов впервые видел его таким. Прежде — его торжественные башни, грозное великолепие соборов, солдаты, парадным шагом идущие к Мавзолею, как журавли, вороненая сталь брусчатки, — от этого сладостно сжималось его офицерское сердце. Это и было государство, которому он служил, как и многие прежде служили и погибали. Теперь же Кремль казался посланием свыше, в минуту, когда он нуждался в этом послании. Был состоялось. А что, он не мог объяснить. Смотрел на Кремль «лобным оком», зрячим сердцем. Видел каждый розовый камень в стене, каждую золотую чешуйку, каждого голубя, спящего в деревьях ночного сада.

— Он откуда-то всплыл, — сказала Варя. — А откуда вы всплыли?

Кремль таял, угасал среди мглы, темных фасадов, размытых фонарей.

— Откуда вы всплыли? — повторила она.

— Из Оби, — сказал он.

Настал черед пустить ее в свою жизнь, туда, где эта жизнь была готова оборваться, но чудесно удержалась и теперь длилась среди ночной Москвы рядом с женщиной, вчера чужой, а сегодня драгоценной.

— Из Оби?

— Я родом с Оби, такое местечко Колпашево. Мама с папой ботаники, изучали пойму. Такие травы, такие цветы, такие журавли, такие рыбы! Всё гудит, шумит, плещет. Такое обилие! Один генерал сказал: «Как в первый день творенья».

— Какой генерал?

— Так, отставник. Приезжал порыбачить на Обь. Я его позже узнал. Мне три годика было, когда мама с папой погибли.

— Боже, что случилось?

— На моторке поплыли в пойму, взяли меня. Мало что помню. Цветок огромный, как зонтик, кудрявый, пахучий, а на цветке бронзовый жук, отливает на солнце. Помню, как неслись по Оби, кругом сверканье, мамыны волосы на ветру. Папу не помню, но где-то рядом, за рулем, правит лодку. И вдруг удар, треск, гром. Нас протаранила другая моторка. Маму, папу, меня кинуло

в воду. Помню, как уходил в зеленую муть, захлебывался. Чья-то рука выбросила меня наверх, а другие руки подхватили. Мама и папа утонули, а меня мама, когда тонула, успела кинуть вверх, и те, что нас протаранили, вытащили меня из реки. Мамина рука, а может, чья-то другая. Не дала умереть.

Он рассказывал не только то, что удержала его детская память, но и то, что складывалось из рассказов других, из ужасных снов, из неутешных плачей. Бронзовый жук на цветке. Блестящая, несущаяся мимо вода. Треск удара. Зеленая муть, в которую он погружался, меркла, гасла, и неведомая сила толкнула его из воды. Отплывавшие обломки лодки, две солнечные воронки на пустой воде.

— Вам силы небесные не дали умереть. Вам предстоит совершить великое деяние или сделать великое открытие. Может, первым высадитесь на светиле, где живет Пушкин.

— Может, для того, чтобы я сидел рядом с вами и увидел Кремль, похожий на зарю.

Кораблик проплыл под Таганским мостом, который гудел, как оркестр. У Новоспасского монастыря, у его белесых стен и почернелых куполов повернул обратно.

— Я попросила у Антона Антоновича свечу и зажигалку, не знаю зачем. Теперь знаю. Зажжем свечу и помянем тех, кого нет с нами. Кто ждет нас на далеком светиле.

Девушка извлекла из сумочки белую свечу, заостренную на конце, с завитком фитилька. Чиркнула зажигалкой, проверив, вспыхнет ли голубой язычок. Они поднялись со скамьи, пошли на корабельный нос. Там сходилась корабельное железо. Варя расплавила донце свечи и прилепила к железу. Поднесла язычок зажигалки к фитильку. Огонь вспыхнул и тут же стал гаснуть, задуваемый ветром. Варя обняла огонек ладонями, не давая погаснуть. Сергей Максимович видел, как огонек озаряет ее пальцы. Она осторожно убрала ладони, и он снова погас. Она поймала его, как бабочку.

— Помогите мне, — сказала. Убрала руки.

Свеча стала гаснуть. Он обнял меркнувший огонек и сберег его. Варя поднесла руки. Их ладони касались, сберегая огонек свечи. Поминальная свеча горела на носу корабля. Они охраняли ее, чтобы не погасла.

Кораблик подошел к пристани, и они сошли. Листовидов отвез ее домой, на Кутузовский. Большой дом был из тех, где жили знаменитости.

— Я позвоню? — спросил он.

— Звоните, — и исчезла в темном подъезде.

Продолжение следует

Игорь ВОЛГИН

«Обретаясь в земной круговерти...»

(Глава из книги стихов «Прикосновенный запас». Продолжение)

* * *

Я жизнь провёл в борьбе.
Но, впрочем, для порядку
пора бы о себе
поведать правду-матку.

Я прост, как рваный рубль.
Цена мне — три копейки.
И как меня ни гугль —
в остатке лишь ремейки.

Как личность я зачах!
Мои таланты вянут!
Я даже в соцсетях
ни разу не помянут!

ВОЛГИН Игорь Леонидович — поэт, прозаик, историк, достоевист, академик РАЕН, доктор филологических, кандидат исторических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор Литературного института имени А. М. Горького. Родился в 1942 году. Живет в Москве. Вице-президент *International Dostoevsky Society (IDS)*, президент Фонда Достоевского. Ведущий программы «Игра в бисер с Игорем Волгиным» на телеканале «Россия — Культура». Основатель и бессменный руководитель (с 1968 года) старейшей в мире литературной студии «Луч». Лауреат российско-итальянской литературной премии «Москва — Пенне» (2011), премии Правительства Москвы и Правительства Российской Федерации в области культуры (2012, 2016), Ломоносовской премии (2014), Российской национальной телевизионной премии ТЭФИ (2016), Буниной премии (2017), Тютчевской премии (2016), премии Высшей школы телевидения (2018), премии «Ясная Поляна» (2019), Пушкинской премии (2021), премии журнала «Отчий край» (2022), Общенациональной литературной премии имени П. П. Бажова (2023), Национальной литературной премии «Слово» (2025). Обладатель Гран-при национальных премий «Поэт года» и «Писатель года» (2021).

Где взять для сердца жгут?
Кто свет в окошке врубит?
Нигде меня не ждут.
Никто меня не любит.

Я испытать бы рад
отрадные моменты.
Но треть моих зарплат
идёт на алименты.

Чтоб вдруг не помереть,
я трачусь на аптеки.
А остальную треть
сжирают ипотеки!

Итак, я нищеврод,
а вовсе не воитель.
Мне в дверь стучит урод —
судебный исполнитель.

И, страстью сожжена,
как подданный к монарху,
четвёртая жена
уходит к олигарху.

Я к Богу, наконец,
подался лучшей частью.
Но мя святой отец
не допустил к причастью.

Где правда? Где мой нал?
Игра идёт к финалу.
Мне светит криминал.
Отдамся ж криминалу!

Теперь моя родня —
карманники да урки.
Спасайтесь от меня
в безлюдном переулке,

где, хлопнув по плечу
мужчину или даму,
насилъно им всучу
последнюю пижаму.

* * *

Как обычно, с шести до семи
по бульвару, что льнёт к переулку,
человек, не заведший семьи,
не спеша совершает прогулку.

«ОБРЕТАЯСЬ В ЗЕМНОЙ КРУГОВЕРТИ...»

Он по моде пострижен, побрит
и спасаем кашне от микробов.
Но пальто дорогое сборит
и, сдаётся, не чищена обувь.

О свобода от тягостных уз,
от житейской рутины и прозы!
О счастливец, не дующий в ус,
обожающий метаморфозы!

Он проходит наш бедный сыр-бор
без малейшей обиды и злости,
не имея в сей жизни опор
никаких, кроме собственной трости.

Дни туманней, и даль золотей,
и, усевшись под вянущей ивой,
на играющих шумно детей
он взирает с тоскою брезгливой.

Мир прекрасен, не ясен итог.
И «жигуль» никому не завещан.
И глядит он, жалея чуток
всех его не приветивших женщин.

И, поднявшись легко со скамьи
(благо небо немного поблекло),
человек, не заведший семьи,
не спеша направляется в пекло.

* * *

Уготован ад нам, рай ли,
совершён ли жизни круг,
хорошо б узнать в Израиле —
так сказать, из первых рук.

И брести бы, не судача,
кроме Господа, ни с кем,
от Стены, положим, Плача
в ближний город Вифлеем.

Но, вальяжен и неистов,
ненасытен, как Ваал,
вал лопочущих туристов
валит, как девятый вал.

Сколько их и как их имя,
тут сам чёрт не разберёт,
что сидит в Ершалаиме
возле Мусорных ворот.

Враг Писания и Торы
до скончания времён,
сея вздоры и раздоры
меж народов и племён.

Знать, не зря поэт Языков
упреждал нас, дураков,
о нашествии языков
и смешеньи языков.

Но мерещится порою,
что ещё надежда есть
и над Храмовой горою
прозвучит благая весть.

Обрезанье ли, крестины,
но едины дух и плоть.
Машет веткой Палестины,
всех приветствуя, Господь.

И войдём мы в Царство Божье,
в вечность, сладкую, как джем,
где у самого подножья
расположен Яд ва-Шем.

* * *

Время, висящее на волоске, —
море стирает следы на песке.
В поле, в лесу ли, у кромки воды
наши с тобой исчезают следы.

Всё пропадает за ними вослед —
памяти нету и прошлого нет.
Время свернулось, пространство рябит,
праздные сходят планеты с орбит.

Будто бухают, угробив ландшафт,
черти и ангелы — на брудершафт.
Снова безвидна земля и пуста —
с чистого Бог начинает листа.

Рея над бездной, в рассветную рань
Он простирает творящую длань.
Вот уже свет отделился от тьмы.
Малость терпенья — и явимся мы.

...Солнце, встающее наискосок,
время сыпучее, словно песок.
И, как в насмешку, у самой воды
снова несмытые наши следы.

«ОБРЕТАЯСЬ В ЗЕМНОЙ КРУГОВЕРТИ...»

* * *

Коль режим полового покоя
прописал тебе лечащий врач,
убедившись, что это такое,
не ропщи, не надейся, не плачь.

Утомлённое тело покоя,
затаись, как на пенсии тать,
и режим полового покоя
по часам начинай соблюдать.

Прилетит к тебе Оле Лукойе,
и почувствуешь ты, недвижим,
что режим полового покоя —
самый добрый на свете режим.

Если встретишь ты женщину, коя
проявляет к тебе интерес,
не нарушь полового покоя,
ибо счастье возможно и без.

Пусть безумствуют Рубенс и Гойя,
но до греческих, скажем, календ
пребывай в состояньи покоя,
как потомственный индифферент.

Одуряющий запах левкоя
и закат, что горит за рекой...
Но режим полового покоя
абсолютен, как вечный покой.

Будет небо сиять голубое,
где паришь ты, почти невесом,
времена полового разбоя
вспоминая, как сладостный сон.

Захар ПРИЛЕПИН

Тума

(Продолжение. Начало в № 3 за 2025 год)

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

В августе с дозволения круга Тимофей привел к себе Матрену и ее сына Якова, на три года моложе Степана и на четыре — Ивана.

Родом Матрена была с посполитных украин. Батюшка ее поначалу перебрался в русский окраинный городок Царёв-Борисов, а уж оттуда — на Дон.

Неутомимая малоросска Матрена носила прозвище Говоруха — тараторила не переставая, и казалось, что не слышно ее только ночью. Но даже когда в сонном забытии она переворачивалась с боку на бок, успевала рассказать целую путаную сказку.

ПРИЛЕПИН Захар (ПРИЛЕПИН Евгений Николаевич) — писатель, общественно-политический деятель, актер, музыкант. Секретарь Союза писателей России, член президентского Совета по культуре и искусству, член исполкома Общероссийского народного фронта. Заместитель командира полка особого назначения Росгвардии, подполковник. Родился в 1975 году. Окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского и Школу публичной политики. Живет в Нижнем Новгороде. Автор 26 книг прозы и публицистики. Печатался в литературных журналах «Наш современник», «Новый мир», «Дружба народов», «Отчий край» и др. Лауреат литературных премий «Национальный бестселлер», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Большая книга», премий имени И. А. Бунина, А. И. Герцена, С. А. Есенина, М. Ю. Лермонтова, премии Правительства РФ в области культуры, премии журнала «Отчий край» и др. В школьную программу включен сборник рассказов «Собаки и другие люди». Экранизированы рассказ «Белый квадрат», повесть «Восьмёрка», роман «Обитель», сборник рассказов «Ополченский романс». Прилепин — участник первой и второй чеченских кампаний, гражданской войны на Донбассе, СВО. Награжден орденом Мужества (2023), медалью «За воинскую доблесть» (2025), имеет благодарность президента РФ (2025). С романом «Тума» Захар Прилепин стал победителем Национального конкурса «Книга года» и Национальной премии «Слово» (2025).

Речь ее была повсюду. Если зажмуриться — Матрена казалась пчелиным роем, который то удалялся, то приближался, — хотя псу, мелкой домашней скотине и курам говорливость ее была по душе. Они неизменно ощущали ее пригляд и заботу — и, когда Матрена уходила на торг, волновались и прислушивались, а слыша ее издали, каждый, как умел, готовился встречать.

Матрена была вдовой погибшего в недавнем морском походе под Тамань казака — который, редкое дело, носил прозвище по своей бабе — Говорухин. Был он к тому же приёмух — так называли казаков, живших в курене своей жены. Дом Матрене достался в наследство от покойного отца, который тоже казаковал.

Мальчик Матренин — Яков — не в пример матери был тих, как ягненок. В глаза едва взглядывал, играл один в тихие свои игры, пропадал на птичьем дворе, где подолгу, недвижим, сидел меж привыкших к нему цыплят.

К матери обращался еле слышным шепотом: «Матушка-а...» А когда она отзывалась: «...Что, мой Якушка?», — продолжал еще глуше. Словно отобравшая у сына всю силу голоса, речь Якова Матрена легко разгадывала по губам.

Степан ощущал к нему почти жалость.

Иван Якова будто не видел.

Любую вещицу — отцовскую либо свою, и тем более покойной матери, — если она оказывалась у Якова в руках, Иван не отнимал, а просто, походя, брал и уносил, ничего не поясняя.

Вскоре Степан поймал себя на том, что ему нравится, как Яков зовет: «Матушка-а...» Никогда до сих пор это слово не звучало так ласково под их крышей.

Голос Якова вовсе не напоминал про отсутствие матери, но, напротив, делал для Степана мать словно бы ближе.

Однажды, в невольное подражание Якову, Степан тоже назвал Матрену «матушкой». Та откликнулась настолько сердечно и просто, что днем позже Степан назвал ее «матушкой» снова и так по привычке.

Яков, в свою очередь, наученный Матреной, стал называть Тимофея «татой».

Иван, впервые слышав такое обращение Степана к мачехе, оглядел всех, будто сговорившихся поиздеваться над ним.

В другой раз, послушав теплый разговор Степана с Матреной, Иван вдруг спросил недобрым шепотом у брата:

— Ты, случаем, не хвор?

Степан поднял на Ивана взгляд — и понял, что тот спрашивает о какой-то особой болезни, вовсе не той, когда текут сопли и гудит голова.

Матрену Иван не признавал совсем, и не то что матерью, а даже и по имени старался не называть, только «тыкал»: «Ты, батька сказал принесть веревку ему...»

Матрена безуспешно старалась к Ивану подластиться и совсем не отчаивалась о том, что толку пока не было.

Постница и молитвенница, она всегда оставалась по-хорошему пышна телом и розова лицом. Когда по утрам Матрена молилась с Яковым, Степан вставал с ними вместе, а Иван, наскоро перекрестившись и пробубнив неразборчивую молитву, притворялся, что ему батя с ночи приказал что-то насущное, и сбегал.

Матрена всё попевала. В горнице неизменно были намыты стены и окна.

Добрых куреней с хозяйством в Черкасске было совсем немного, с дюжину, но Тимофеев двор заботами Матрены стоял немногим скромней самых богатых домов.

При Матрене, ее трудами, Иван со Степаном впервые отведали мясного борща с намешанной в нем кашей.

Всякая напасть, пока в доме была Матрена, таковой не казалась. Если не имелось возможности затопить печь или развести костер, Матрена, как редкий казак, умела вскипятить воду даже в деревянной плошке, кидая туда угли, — разговаривая при том и с углями, и с плошкой, и с водой, — и заодно с Иваном, в кои-то веки заинтересовавшимся тем, что затеяла мачеха.

Ковры она била с такой страстью, словно выгоняла дух покойной султанки.

В праздничные дни ярко раскрашивала щеки, наряжалась в цветное.

Умела делать всякое малое дело как самое важное, что является едва ли не главной женской добродетелью.

Вокруг мужа ходила плавными, медленными, как медовое течение, кругами. Вечером ловко стягивала с него ичиги — сапоги без каблуков, — уговаривая Тимофея выстроить летнюю кухню, а крышу куреня покрыть дранкой.

Так вскоре и сделали.

Завели двух коров и бугая. Скотина их была сыта и чиста.

У них был гнедой конь Ворон и рыжий пес Вор. На плетнях сушились половички, кувшины, лапти, рыболовные сети и всегда висела — от сглаза — подкова.

Земляные полы на летней кухне Матрена застилала чабрецом.

На следующий год она высадила горох, капусту, лук, чеснок, а рядом с домом — дикую грушу.

Под окнами разлохматились цветы.

Иван нет-нет, да и сносил палкой самому большому из цветов башку.

Появился работник — крымский татарин лет пятидесяти, перекупленный Тимофеем у Корнилы. Обращенного в рабство, его никто не стерег: он мог бы сбежать, но не бежал. Татарин обвыкся на Дону и, кажется, уже не слишком вспоминал про оставленную жизнь. Там он был беден и унижен, а здесь будто и вовсе отсутствовал — и так жить оказалось проще.

Татарин был круглолиц, улыбчив, ходил, по-медвежьи переваливаясь, и если надо было спешить — не бежал, а только скорей переваливался. Тимофею и его сынам неизменно улыбался — но не губами, а как-то всей головой сразу: лбом, ушами, скулами, глазами — наподобие собаки или коня.

Степан гуторил с ним только по-татарски.

Но однажды, глядя, как татарин чистит уздечки, спросил, есть ли у него дети, — и тот вдруг ответил по-русски, словно тем самым отдаляя от себя свое прошлое.

— Два, — сказал татарин; подумал, словно вспоминая, и добавил: — Сын и сын. Как ты с Иваном.

— Не скучаешь за ними? — спросил Степан.

Еще подумав, татарин беспечно ответил, валяя, как слипшиеся леденцы, чужие слова во рту:

— Пущай растут.

Вообще же он мало и плохо говорил по-русски.

На всякое отцовское указание отвечал: «А-люб-ба!», а от Матрены, всегда имевшей для него работу, старался спрятаться.

Степан подыгрывал татарину.

— Степушка, сыночек! — звала Матрена. — Не видел турка нашего?

— Нет, матушка...

Яков в это же время, подняв голову, переводил удивленный взгляд со Степана на татарина, сидящего за коновязью.

Звали его Мевлюд.

Степан выспрашивал у татарина имена вещей, сравнивая с теми, что называла мать.

Так, понемногу, догадался он, что полоненная у таврийских берегов мать явилась туда из земли Османской, где, должно быть, выросла.

В Черкасске имелась Татарская станица. Там селились показавшиеся крымские татары и ногаи. Мевлюд часто дотуда хаживал, и Степан тоже.

Татары никуда не спешили и могли сидеть часами у своих домов или на крышах. Татары были щедры. У татар росли самые вкусные персики.

Другой станицей была Прибыловская: там, еще с Азовского похода, селились сечевики. Ходил Степан и до них.

Заселившись на Дону, те больше не брили голов, не растили оселедцев, зато помнили и спевали свои чудные песни.

Средь сечевиков имелись в той станице крещеный жид, три ляха, молдаванин, грек и два сербских брата-лиходея из юнаков.

Крестному Корниле, сыну русской полонянки, был родным язык горных адыгов. Он делился с крестником, когда тот просил, наречием рода. Удивлялся без улыбки и похвальбы:

— Пытлив крестник.

На черкасском базаре торговали ясырём. Ногайский, кизилбашский, трухменский, жидовский, греческий, крымский ясырь брали чаще всего русские купцы.

Если явившиеся к Черкасску с Османии, или с Таврии, или с Персии отцы, братья или мужья готовы были взять на окуп утерянную родню, ясырь везли на Обменный яр.

Дюжину-другую турецких и татарских, кизилбашских и черкесских слов помнил всякий казак. Многие сечевики понимали речь ляхов. Иные оказавшиеся татары знали язык арабов, именуемых у казаков агарянами. Порой агарянами звали всех поганых.

Степан понемногу догадался, что различать чужую человеческую речь — то же, что понимать голоса птиц, повадки рыбы, след и зов зверя. Постигший голос недруга — прозорливей в своей охоте на него.

Явилась волнующая забава: проходя базар, Степан умел расслышать, о чем говорят меж собой торговцы, дошедшие из Туретчины, с Черкесии, с Посполитной Литвы, с Валахии, с Венгрии. Слушал гостей эллинских, венецианских. И халдейскую речь желал распознать, и армянскую.

Взял за привычку объясняться с живущим при богатых казацких домах ясырём на их наречиях.

Говорил бы и с ясырками, да был зелен для того.

II

В проходе, теснясь, топотало непривычно много ног.

«Чалматые... снова за мной, Господи Иисусе...» — догадался Степан, быстро перекрестился и поцеловал крест.

...в оконном проеме мелькнула птица — ласточка или стриж: в первый раз заметил; до сего дня только паденья летучих мышей примечал лунными ночами...

Звякнула цепь. Дверь взметнула солому на полу. Степан усмехнулся в бороду: Абид с молдаванином тащили носилки. С ними взошли двое не виданных им здесь прежде воинских людей — из янычар.

Оба — усаты и безбороды, в шитом золотом платье, в белых шалях. Бристые лица их давно выгорели. У одного через всю щеку шел тонкий шрам — не сабельный, а кинжальный. Он держал руку на поясе, за поясом — два пистоля. На левой руке не хватало мизинца.

Возраст обоих был, как и у Степана: давно за двадцать, но еще до тридцати годов.

Один был черняв, узколиц — должно, из черкес. Второй же — тот, что со шрамом и без мизинца, — темно-рус, с глазами, еще хранившими голубизну, походил на русака.

— Погуляем, братенька? — подтвердил он Степановы догадки.

Молдаванин положил носилки возле Степана.

— Садись в каючок, поедем посуху, как по волне! — добавил словоохотливый янычар; речь его поистерлась, приобретя татарскую торопливость и скороговорчивость.

Степан завалился на носилки.

Абидка на сей раз не хорохорился, а тут же взял носилки спереди, молдаванин — позади, и понесли.

...от фонтана пахнуло чистой сыростью.

...стража, любопытствуя, следила, как несут Степана.

— Дожидают уже нас, — негромко пояснял янычар, идя рядом с носилками. — Муж знатен. Зла не будет тебе, когда сам не захочешь. Добром же премного сумеет одарить... Меня ж звать — Минькой... Н-но, поспедай! — и ткнул нагайкой Абидку, сделав то для Степана: смотри, земелюшка, кто кого тут может понукать: так вот бывает, а не наоборот, ежели умом жить.

Ворота были открыты. Степан увидел, как, скрипя, мимо тюрьмы проехала арба, запряженная старым, притворявшимся глухим буйволом, на которого без злобы ругался татарский погонщик.

В сей раз была другая комната — с выходом на галерею.

На маленьком столике благоухало огромное блюдо со шкворчащими, только что с огня, ломтями камбалы.

Тут же кухонные служки внесли другое блюдо — с яичницей на дюжину яиц, а к ней горячие лепешки и длинную, в половину стола, доску с нарезанным овечьим сыром.

— Посижу с тобой, Степка... — добродушно сказал Минька, поднимая стоявшие на полу кувшины и приносиваясь. — Вот хмельное... Согрешу, пожалуй... — не спрашивая, будет ли Степан, налил и себе, и ему мутной жидкости, в которой, не пригубив, возможно было угадать кислый холодный вкус.

Вытянув сломанную, в крепежах, ногу, Степан сидел подле столика.

Минька кивнул Абиду, чтоб тот придвинул Степану для удобства подушки, и, едва тот исполнил веленное, приказал выйти.

От запаха рыбы и приправ у Степана кружилась голова. Рот наполнился тягучей слюной.

Перекрестившись на пустой, беленый, чистый, без паутины, угол, он тут же, не ожидая приглашенья и не глядя на янычара, начал есть.

...Степан и так его рассмотрел. Не растерявшее смазливости лицо. Улыбка блудливая. Слишком белые, как у молодой собаки, зубы, хоть и не все. Подсохшие на многих ветрах губы, едва янычар пригубил вина, стали яркими, как у девки.

В спокойных движениях его рук и в самой посадке головы угадывалась жестокая сила.

Некоторое время Минька, кривя мокрые губы в легкой ухмылке, молчал, позволяя Степану насытиться.

Степан ел неспешно, но без остановки, впрок, помалу запивая вином, чтоб не охмелеть. Заранее решил, что, коли не погонят, съест оба блюда, потому не слишком хотел, чтоб разговор начался раньше времени.

— Лях наплел, что ты и петь горазд на ляшском, — сказал Минька так, словно продолжал давно ведомый разговор.

Степан повел плечами: мало ли чего скажет тот лях. Не перестав жевать, коротко глянул на Миньку и потянулся за рушником. Минька двинул рушник ему навстречу.

— И сербскую речь ведаешь, бают о тебе. И турецкую, и ногайскую. Когда ж поспел? — спросил Минька, показывая до противности сияющие зубы.

— ...говорят — слушаю, — ответил Степан, глотая. — Ежли не ушами слушаешь, а макушкой, — всё само открывается.

— А иной раз и речь ведаешь — а слушаешь и ништо не разумеешь, — ответил Минька и беззвучно засмеялся.

Степан смеха не поддержал, а, зацепив трепещущий желток, потянул в рот, приглядывая сощуренным глазом и за рыбой.

— Столь постиг, а ногаи тебя обхитрили, Степка, да? — будто даже выказывая сочувствие, выпрашивал Минька. — Аманаты бесстыжие... А ежли иначе рассудить: кабы не поломали тебя так, могли б и на галеры уже запродать... А то и умучать лютой казнью. А не лекарей к тебе водить... — Минька искал взгляд Степана. — Отчего ж так, догадался?

— Допрежь не открыл никто.

— А вот и открою тебе!.. — Минька взял веточку укропа и сунул, как травину, в зубы.

Сжимал, едва пожеывая. Затягивал понемногу, как лис рыбку.

Сказки своей так и не начал, а вместо того спросил:

— Нагулял зипунов? Крепко живешь?

— Казаку не пристало жить богато.

— Сколь раз ходил до крымчаков? Много ль людишек крымских побил?

— Сколько перстов надо загнуть, чтоб «много» началось? — спросил Степан, перестав жевать. — ...Да и чего их бить? Бьют, ежли они сами бьются.

Минька коротко вдохнул через нос и нежданно сменил разговор:

— Ведаешь ли, Степка, сколь руси зажилось в Таврии? Боле, чем татар, отвечаю. И здесь, в Азаке, — немногим менее. Сечевиков-черкасов — длинная

улица. И ваши донские казаки есть тож. И не в рабстве живут. Оттого, что здесь всякого раба спустя шесть лет на волю отпускают и землицей его ода-ривают. Ведаешь ведь, не скрой от меня? А слышал ли, что русских со всех украин — и московских, и посполитных — в Таврии живет даже и поболе, чем казачков с их казачками на Дону?.. Иной раз, Степка, иду к дружочкам и побратимам своим — а руськие всё люди, и так мыслю: худо ли разве, что обжились тут сродники наши? Худо ли, что землицей наделили их, обженить-ся дали позволенье? И чад растят тут, и чадам тем землица та стала своя: кормит их. Жена-то моя скажу откель. С воронежского посада... Дон женку пригнал, я и споймал! — Минька сожмурил улыбку. — И сынков трое народи-ла, — похвастался.

— Как звать? — быстро спросил Степан.

Минька скривился, будто его укололи в ладонь...

Совладав с собой, растянул в улыбке мягкие губы.

— Именами, — ответил.

Янычар Минька обасурманился — принял магометянство. Стал он — по-турнак, иначе б не попал в янычары. Новое имя его было иным.

Минька начал подъедать остывшую яишню и помногу запивать вином, подливая в свою чашку, а Степану уже нет, ставя кувшин к себе ближе. Кому надо — дотянется.

Доели молча, и только тогда Минька, утираясь скомканным рушником, предупредил:

— Слушай, Степка. Беседу с тобой будет вести тот, кому мы не ровня. Имя хозяина — Зульфикар. Поразмысли про то, что скажу тебе, — Минька выпрямился и снова отер, но уже рукою, рот. — Всемиловивейший наградил тебя, не погубив. Пророк Иса присматривал за тобой все прежние годы. Разума твоего на трех думных дьяков хватило б. Да в тот позорный день, когда ты едва не потерял живот свой, всё поменялось для тебя. Угодники твои не властны над тобою боле. Отчего ж дни твои всё еще не кончаются, иншалла? — Минька провел рукой по лицу, неотрывно глядя на Степана. — Длятся твои дни оттого, что есть силы более великие, чем пророк Иса. Имя ему — Аллах, да ниспошлет он нам исполнение всех чаяний.

Откинувшись назад, Минька с пристрастием оглядывал Степана.

Будто ничего из сказанного янычаром он и не слышал, Степан сказал:

— Спаси Бог за хлеб-соль, Минька, — и во второй раз перекрестился, глядя словно бы слепыми глазами на чистый угол.

Минька вздохнул.

Распахнулся войлочный полог.

— Успенский пост нынче, последний день, — иным уже голосом говорил Минька, не глядя, тыльной стороной руки сдвигая блюда в растопыренные поспешные руки забежавшего служки, — ...постился?

— Отмолю у пророка Исы, — ответил Степан. — Сам дневной намаз не пропустил?

Минька весело сморгнул: «...вот же ты собака, Степан», — означало его выраженье.

— Малой! — остановил белобрысого служку Минька.

Тот, обернувшись, склонился.

— Как звать?

ТУМА

— Петька, холопишка я... — глаз не поднимая, ответил тот в сальное блюдо из-под рыбы.

— Где полонили?

— Под Валуйками, в сю весну, в мае.

— Тебе ведь баяли: пойдешь в магометянство — волю дадут?

— Так, батюшка.

— А всё отчего? Мы ж не христьяне лукавые. Тут мусульман в рабы не обращают. И всяк поверивший в Аллаха, потрудившись на хозяина в работах, обретает вольный хлебушек свой. Ведаешь о том?

— Ведаю, батюшка, — выдохнул служка, часто моргая и глядя затравленно.

— Иди, Петро, — велел Минька и, едва тот пропал за войлочным пологом, закончил: — Послушаешь моего хозяина — будет тебе женка здесь. Такие женки водятся тут — со всей Московии повымели! Я б каждый месяц на новой женился, когда б своей так не дорожил... И служку дадим тебе, вот мальчика Петра и возьми, — и тут же, хитро скосившись, негромко добавил: — А то попортят агаряне. Им тут иной раз — всё едино: что девка, что малец, что овца.

Взгляд Миньки при том был весел и поган.

III

Взятых в полон языков пытали по весне на кругу.

Весна всегда была крикливой.

Грохотала вода; свистели, щебетали, клоцали, каркали, перекрикивая друг друга, птицы; ржали кони, перелаивались собаки; бякали овцы; редела рогатая скотина.

«Целый адат!» — говорили про такое.

Гудели, двигая сизыми кадыками, собравшиеся в круг заспанные, осунувшиеся за зиму казаки, споря, как идти за добычей: конными на ногаев, или морем Сурожским по берегам Тавриды, а то и дальше, в Туретчину; или вверх по Дону, а потом вниз по Волге — на Хвалынь; и кому доверить атаманскую власть в походе.

В то время жгли огонь прямо здесь же; дым срывался в сторону, закручивался волчком, вдруг успокаивался и стелился в ноги.

Приходило время расспроса и человеческой муки.

Те, кому выпало попасться казакам, надрывались на своем языке, вспоминая то слово, которое избавило бы их от творимого над ними.

Привлеченные суетой, прибредали куры; собаки, напротив, держались поодаль, но чтоб не потерять запах; козы отбегали и блеяли так, будто дразнили пытаемого.

Палачей казаки не имели, но всегда находились умельцы работать с щипцами, с длинным трехжильным кнудом, а то и просто с топором, которым бережно кромсали человека, не давая ему омертветь раньше срока.

Иногда мучимый захлебывался воплем и сознание оставляло его. Тогда пленника отливали из стоявшей здесь же кадки или ж терли щеки и уши еще лежавшим кое-где снегом. В том виделась своя забота и почти ласка.

Звали из забытья, как дитя, — и радовались, когда пленник открывал глаза.

Возвратив к жизни, продолжали искать в человеке правды, пробуя то здесь, то там. Правда могла таиться в перстах, в ухе, в глазном яблоке. Она почти всегда раскрывалась и выпархивала.

Казачи не услаждались обыденным для них зрелищем пытки, а то и не глядели на нее вовсе, — и лишь внимательно вслушивались в ответы, нетерпеливо перетаптываясь. Никто не скалил зубы и не смеялся.

Атаман выспрашивал, что затевается в городе Азове, или Аздаке; что у ногайских мурз на уме; каким шляхом пойдут ногаи и крымские татаровя на украины русские и посполитные литовские; собираются ли иные поганые приступать на казачьи городки.

Выведав всё, человека забывали в грязи.

Добро, если он к тому времени уже захлебнулся собственной мукой, — тогда дух его несся прочь, стремительный, как ласточка.

Но иной раз калека еще дышал. Казачьи рабы, ногайцы и татаровя, кидали калечного в повозку и везли к Дону, где, засунув в мешок с камнями, протыкали пикою и, под присмотром младых казачков, топили.

К месту пытки сбегались собаки и казачата. Собаки нюхали и лизали. Казацкие подростки копошились, взвешивая в ладонях отяжелевший кровью песок.

...в тот раз казаки затоптали в грязь железный штырь — и Степан нашел его первым.

На штырь, еще теплый в руке, была намотана латка человеческой кожи и клоч черных, с кудринкой, волос.

Пленник поведаль: османский султан собирает воинство неслыханное — возвращать под руку свою уворованный казаками Азов-город.

...в ночи трепетали огромные зарницы.

Выхватывали непомерные пространства — в такую вышину, до какой ни один пожар не достиг бы. Будто кто-то над всей землею вздымал багровые паруса.

Расползался по всей ночной степи величайший скрип. Словно саму землю, загрузив, тянули прочь с ее места в преисподние котлы, а впряжена была саранча, скрипевшая острыми, несмазанными коленями.

Черкасские люди стояли на валах, глядели в бурлящую, как в казане, ночь.

Никто никогда на Дону подобного не видал, не слыхивал.

Птицы летели над городком в московскую сторону, оставляя свои гнездовья.

Поп Куприян, проходя по валам и кропя стены, молил Господа о спасении. Голос его то затихал, то вновь обретал силу.

В редких факельных огнях сам Черкасский городок лежал, как слабый морок.

Пламя выхватывало то конский круп, то крышу куреня, то слабый мосток и червчатую воду под ним, то одинокую казачку, ставшую посреди дороги, как врытая.

...на самом рассвете, когда показались застывшие по колено в дымке редкие ивы и вербы и откатилась вдаль степь, — выехали из тумана дозорные черкасские казаки. Одежды их были волглыми от росы.

— Тьма их, братья-казаки! — кричал, надрываясь, дозорный; глаза его до сих пор хранили отсвет ужасных людских множеств. — Вода поднялась

ТУМА

в Дону от кораблей их, от галер их и бус, и лодок, и ладей! Сколько трав в лугу — столько парусов под Азовом возможно узреть! А людишек их — со сто тысяч! Со всего свету, должно, свез султан османский поганых!..

Матрену качнуло, как в обмороке.

На всю жизнь казацкую обвалилась неприподъемная тень.

...с того дня Матрена постилась не только в среду и пятницу, но и в иноческий постный день — понедельник.

В последнюю седмицу июня принесли весть: поползли чалматые на стены, началась лютая брань.

— Тысячи труб воют, тысячи барабанов стучат! От грохота того рыба всплывает кверху брюхами! Птица гибнет посреди неба! — кричал вестовой, проносясь по городку. — Помилуй нас, Богородица!

Матрена упала к иконам, загнав губы в рот, чтоб не завывать. Перетерпев крик, начала молиться. И Степан, и Якушка, и даже Иван стали в рядок, целой грядкой. Голоса их совпадали в каждом слове, как сшитые.

...на день другой казачья разведка приспела с радостью.

Первый приступ отбит: выстояли казаки.

Рабы турецкие, среди которых великое число отуреченных христьян словенских языков, роят огромный, в полет стрелы длиной ров.

И ров тот наполняют нагими своими мертвяками, как рыбой.

...и потянулась тетива ожидания на многие дни.

Ночами выли собаки, чужавшие недоступное человекам.

Матрена исхудала.

Малолетки не уходили с валов. Чалматые могли заявиться и сюда — и тогда идти на рать и старикам, и бабам.

Дожидались в ночи, чтоб вышло к берегу мертвое казачье воинство, и стало бы, сияя пустыми лицами, на страх поганым. Да, видно, огромные зарницы и дальний рев труб даже призраков распугали.

К началу Успенского поста турки насыпали у крепостных азовских стен огромные земляные горы. Затащили на горы те множество пушек. Начали оттуда непрерывный обстрел.

...в один день принесли весть о том, что на одной азовской башне стоит уже поганое знамя магометянское.

...в другой же день весть, что казаки ту тряпку сорвали и пожгли.

...в третий Черкасск ликовал: к сидящим в осаде пробилась в ломовой рати еще в тысячу числом подмога — явившиеся со своих Запорогов хохлачи да казаки донских верховых городков.

Степан всё пытался размыслить: где там отец, как он там, на азовской скворчащей сковороде, за дымящимися стенами, куда летят, и летят, и летят, чевыкая о камни, мушиные тьмы пуль? Возможно ли уберечься и не сгнубить, обретаясь среди ядер, как среди обвального града? Спят ли, смеются ли, плачут ли там? Какие святые раскрыли оберегающие длани над ними?..

Казак, бывший на пяти поисках и в пяти осадах, считался навек везучим; у деда Лариона тех осад, поисков и браней — было что зубов у собаки.

В те недели дед Ларион стал не по годам прыток: завидев на дороге следы его посоха, Степан непременно деда отыскивал.

Завидев Лариона, как воробьи, слетались казацьи чада; он говорил:

— ...как, ребяташки, наши казаки пережидают обстрел с земляных валов. Нарыли в земле земляных изб, покрыли их бревнами — и там сидят, пьют-едят. А едва турки соберутся итти на стены — казаки наши из-под земли лезут непобитые, — дед Чернойрец смеялся.

Он сидел в пустой базарной лавке — все купцы давно поразбежались. Вокруг еще тлели запахи масел и сладостей. Малолетки в длинном свете заходящего солнца, повернувшись, как цветы, в одну сторону, внимали деду.

— ...поганые же — рыли подкопы к Азову-городу. На стены дабы не лезть им, а объявиться посередь города, — продолжал дед, вдруг обрывая и сглазывая смех. — Наши ж казаки-атаманы, про то прознав, разгадали загадку поганых! И запустили в подкоп, поганым навстречу, воду. И смыло у поганых чрез то дело — половину табора их! И утек табор с добром в реку. И горы, ими насыпанные, той водой подмыло. И с гор тех покатались вниз пушки басурманские, и подавили магометян — как медведь малины! А те ж горы, что устояли, казаки подорвали, — и дед снова беззвучно смеялся; стариковская голова подпрыгивала на мусклятой, но жилистой шее. — А утрьсь на семнадцатый уже подкоп с турецкой стороны казаки-атаманы задумали иной ответ. До самого нынешнего дня не открывались они, что ведают о подкопе. А сами же встречь подкопу заложили превеликий заряд пороховой. И едва поганые, собрав людишек многих, пошли тем подкопом имать азовский город, казаки и подорвали заряд! И разлетелись чалмы на три версты вокруг!

Чада казацьи, раскрыв щербатые рты, онемели.

— А вы молитесь, — заключал дед Ларион, зло втыкая посох в землю и с криком вставая. — Выпадет — и помрем, и стар, и млад, за святые Божией церкви и за истинную нашу православную христианскую веру. А коли Бог даст и Пречистая Матерь пособит, так и устоим от нехристей, — дед осенял себя крестом, кланяясь на раскаленный закат. — ...Казакам холодов дожждаться б. Подойдут снега — басурманы сами в турску землю поспешат...

Матрена пуще прежнего стала ласковей к Тимофеевым сыновьям, но даже Иван с происходящим мирился, оттого, что догадался: то не им, а отцу.

Яков же для Матрены будто и вовсе начал расти в обратную сторону: он едва выпутывался из материнских рук.

Матрена теперь мало смотрела за своими цветами, наскоро прибиралась в курене, ругалась на скотину, зато по семь раз за день бегала к войсковой избе.

То здесь, то там упорно прорастали слухи о великом московском воинстве, идущем по Дону. Де, видели уж дозорные государевы лодки у верховых городков, а за ними такой караван следует, что волна на три версты впереди бежит... И волной той выкатит в море всех магометян с-под Азова.

Каждого дошедшего до Черкаска гулящего человека с руських украин выспрашивали про московское войско. А когда те разводили руками и признавались, что по пути никого не видали, на них серчали так, что едва не колотили.

— Вертайся обратно — и погляди, — кричала Матрена. — Разглядишь, так приходи! Глазами обнищал!

ТУМА

Рисунок Вадима ЖУКОВА

...казачке Ельчаниновой долетела весточка, что казак ее, ходивший в есаулах, раненым полонен, ослеплен, посажен на кол — так, чтоб виднелась его мука с азовских стен.

Дошел он слишком скоро: отдал Богу душу. От обиды, что помучиться казаку не пришлось, ему, так и сидевшему на колу, срубили голову.

...торчал на колу безголовым, пока острие не выползло из шеи.

Никому не сказавшись, спустя девять дён вдова, должно второпях, ушла в Русь, в стружке у залетного купчишки.

Соседи догадались про всё, как расслышали гомон запертой птицы с Ельчанинова база. Птицу разобрали по соседям, Степан тех кур ловил тоже.

Кочет так и не дался: метался с тына на тын, в конце концов взлетел на грушу у самого Дона и затих там на ветке, как нечистый.

Крестясь, соседи разошлись.

Под вечер ноги сами привели Степана к опустевшему куреню Ельчаниновых.

Встал у оконца и долго вглядывался сквозь лопнувший рыбий пузырь. Понемногу различил покрывало на лавке, деревянные доски, кочергу возле печки. Слабо трепетал дух покинутого жилья.

...и вдруг ощутил: там, незримый, стоит посреди куреня бывший жилец.

Смахнет пыль со стола — и снова стоит недвижимо.

Засосало под сердцем, но не испугало всё равно: в жильце том не было больше ни крови, ни сил, и сквозняки играли сквозь него.

Открыв дверь, Степан, нарочито шумно ступая, прошел в горницу. Перекрестился на божницу.

Никто не оттолкнул, не тронул.

У двери валялись старые валенки в дырках. На крючке висел старый кафтан убиенного казака. Посреди стола лежала доска для резки. От доски пахло вяленой рыбой.

На подоконнике заметил деревянную чашу и через всю горницу направился к ней. Ждал, что вот-вот обхватят его мягкие руки жильца, но нет — прошел сквозь него, как сквозь оконную занавесь: едва ощутив лицом касанье.

Взял чашу; мягко звякнула по дну цепочка с медным крестиком.

Выложил крестик на стол: вдруг убиенный потерял Христа нательного со скошенной шеи — и пришел за ним? Но, лишенный головы, не смог отыскать. Оттого и стоял, растерян, посреди куреня.

IV

Азовский паша Зульфикар был высок, крепко собран. Брови вразлет, острый взгляд — всё выдавало волю. Крупный нос и коротко остриженная борода.

Белоснежный тюрбан украшали алмазы.

Одетый в шитый узорами алый халат, перетянутый пурпурным поясом, он сидел возле каменного столика со сладостями и плодами.

Находившиеся здесь же слуги, видя настроение паши, имели на лицах благостное выражение.

Пол был устлан богатым и мягким ковром, в котором ноги утопали по щиколотку. С потолка свисала масляная лампа из венецианского стекла.

В углу располагалась клетка с краснохвостым попугаем. Завидев входящих, тот торопливо перебрался по прутьям в самый ближний угол клетки, мерцая бусинками внимательных глаз.

Вокруг паши были разбросаны бархатные подушки, но он сидел, не опираясь на них.

Подле него лежала плетка, сплетенная из хвостов трех разномастных лошадей.

Склонившись, Минька ждал у входа. Паша едва моргнул — и он исчез, напоследок подняв полог, чтоб из открытого за спиной паши окна продувал сквозняк.

Степан стоял, опираясь на посох.

— *Кафир, бана дедюлер ки, сёйледиклерюми анлармышсын?* (Мне сказали, ты поймешь мою речь, неверный? — тур.) — спросил паша.

Степан склонил голову:

— *Элюмден гелени япарым, султанум.* (Буду старателен, правитель. — тур.)

Паша оглядывал его, любопытствуя.

— *Хала хастамысин, кафир?* (Ты всё еще болен, неверный? — тур.) — спросил он, выбирая длинными красивыми пальцами померанец.

Мерцали прелестные перстни, украшавшие его руки.

— *Якында кендюм йорюрюм, султанум* (Скоро я буду ходить сам, правитель. — тур.), — ответил Степан. — *Дувардан дувара, йа да белки бираз даха илери.* (От стены до стены или, быть может, чуть дальше. — тур.)

— *Мюмкюн* (Быть может. — тур.), — сказал паша, медленно стягивая померанцевую шкурку.

Положил в рот дольку померанца и раздавил ее языком, никак не выказав, горьковатым или кислым оказался плод.

— *Кафир, диндарларун тилини хардан билюсин? Эскиден де эсир ми дюштюн?* (Откуда ты знаешь язык правоверных, неверный? Уже был пленен прежде? — тур.)

— *Хайыр султанум, анам тюркидже, татарча билир иди.* (Нет, правитель. Я рожден матерью, говорившей на языке османов и на языке татар. — тур.)

— *Ананун аду не?* (Как звали твою мать? — тур.)

Паша неспешно, словно сберегая прозрачные прожилки, крепящие плод, отломил еще одну дольку.

— Мария.

— *Хакики аду не?* (Каково истинное ее имя? — тур.)

— *Михримах, султанум.* (Михримах, правитель. — тур.)

— *Вафтиз олуп му?* (Ее крестили? — тур.) — спросил паша, откладывая недоеденный померанец и продолжая заинтересованно глядеть на Степана миндалевидными глазами.

— *Татар мезарлыгда ятар, султанум.* (Она похоронена на татарском кладбище, правитель. — тур.)

— *Сени буюттюгюнде тилини унутмады?* (Она не забыла свой язык, пока растила тебя? — тур.)

— *Не тилини унутты, не тюркилерини, не масаллары не дахи аилесинюн адларыны, султанум.* (Она не забыла ни языка, ни песен, ни сказок, ни имен родителей, правитель. — тур.)

Паша с видимым удовольствием сцепил руки.

— *Кафирюн хардан качырп анану?* (Где украли ее неверные? — тур.)

— *Азов шехрю карибинде, тюрк гемюсинден.* (Ее забрали в море близ Азова-города с турецкого корабля. — тур.)

— *Качрылдыгы кюню билирмисин?* (Известен ли тебе день похищения? — тур.)

— *Бендениз догмадан ики ил еввел.* (То было за два года до моего рождения. — тур.)

— *Кафир, сен ханги яштасун?* (Сколько лет тебе, неверный? — тур.)

— *Догма игирми еди, султанум.* (Двадцать семь от роду, правитель. — тур.)

— *Ниче кимеснейди?* (Какого рода она была? — тур.)

— *Тербиесине кёре заннымджа асилдюр.* (Мыслю, что прежде полона она обучалась женскому вежеству и род ее был знатен. — тур.)

— *Ханги сюляледен олдугуны билийорсун?* (Ты знаешь имя ее рода? — тур.)

— *Хайир, пошам. Чоджуклукта бу ад бана анламсыз эди.* (Нет, правитель. В моем детстве оно не сказало бы мне ни о чем. — тур.)

Паша взялся пальцами левой руки за самый крупный перстень на правой и повернул камень вниз.

— *Кафир, сен ордунун тылмачымысын?* (Ты был толмачом своего войска, неверный? — тур.)

— *Комушуларла конушмак ичун казаклара тылмач герекмез. Онларла хейэтле гиттим.* (Казакам не нужны толмачи, чтобы говорить со своими соседями. Я ходил к ним среди послов. — тур.)

— *Савашчы дахи гиттим* (И ходил к ним среди воинов. — тур.), — закончил он за Степана. — *Башка хара гиттин?* (Куда еще ты ходил с посольствами? — тур.)

— *Нидже урус шехрине, астрахан татарына, черкезе, калмук мирзаларына, литваня украинасына.* (Во многие русские города, и к астраханским татарам, и в черкесы, и к мурзам калмыцким, и в украины литовские. — тур.)

— *Тевеллюдюн хара?* (Как именуется городок, откуда ты родом? — тур.)

— *Черкасск шехрю, султанум.* (Черкасский городок, правитель. — тур.)

— *Черкасск казаклары, азов зехрю, ногай улусы, Кырым хану — селле-маллаху — ве тебаасы хаккында не дирлер?* (Что замышляют черкасские казаки против Азова-города, против ногайских улусов, против крымского хана и его подданных, да хранит его Аллах? — тур.)

— *Мен эсир икен азовлу ве дахи ногайлуыла барышык идюк.* (Когда я был полонен, у нас был мир с азовскими людьми и с ногайскими улусами. — тур.)

— *Кафир, сана, сулх вармы тимедим* (Я не спросил, был ли мир, неверный. — тур.), — чуть повысил голос паша. — *Салдурма дюшюнюрлерми тидим?* (Замышлялись ли набег, спросил я тебя. — тур.)

— *Казакларта ахди бозма касты дуймадым, султанум.* (О злонамереньях нарушить договор промеж казаков не слышал, правитель. — тур.)

— *Бу айба дюшмеден унванын не идю?* (Войсковой чин твой, что был до позора? — тур.)

— *Юзбашы.* (Сотник. — тур.)

— *Педерюн кимдир?* (Кто отец твой? — тур.)

— Казак.

— *Догма казак? Ёхуса гайры диярдан качуп гелен ми?* (Родом казак? Или беглый холоп с иных земель? — тур.)

— *Кенди ирадуну кёре казак.* (Казак по воле своей. — тур.)

— Урус ханына ёгуса лехистан кыралына баглуйыду? (Московского царя подданный был он или короля посполитного? — тур.)

— Урус хюкюмдарына. (Государя московского. — тур.)

— Сен кендюн харадансун? (Каких земель беглый? — тур.)

— Воронежских.

— Джеддин де оралыдыр? (Дед твой был тех же земель? — тур.)

— Бели, султанум. (Тех же, правитель. — тур.)

— Джеддин ханхи миллеттен, тюрк митир? (Происхождения какого дед был твой? — тур.)

...под стоящим на краю Дикого поля городком Воронежем имелось селение Усмань Собакина. Там жили: посадский человек Исай, молодая жена его Анюта, сын их Тимофейка.

Исай водил крепкие приятельства и в Стрелецкой слободе, и в Пушкарской, и в Казачьей — с городскими служилыми по прибору казаками.

Знал казаков низовых, земли не пахавших, живших одной разбойной службой. Привечал их у себя, заслушиваясь старинами про морские поиски.

Раз пристал к стрелецкому отряду, шедшему вдогон за ногами.

Нагнали — дрались кроваво, было жутко, крикливо, дорубил саблей не им пораненного ногоя и, глядя в ощеренный, полный кровью, с потерявшимися в той крови зубами рот, — испытал вещей озноб.

С той брани достались ему саадак и два ножа в ножнах.

Сходил по случаю до низовых городков. Свез на торг ржаной муки и сухарей, купил двух ногайских лошадей.

Возвратившись, перепродал с выгодой.

Влекло иное.

Не от доуки жизни, а по лихому беспокойству природы, с ведома воронежского воеводы, Исай ушел на Дон — казаковать.

Обитался сначала на Верхнем Дону, в станице Голубой. Затем съехал на Нижний Дон и вырыл землянку в малом городке прозваньем Дурной.

Анюте пообещал возвращаться с дарами — и не солгал.

Трижды Исайка Разя являлся в Усмань Собакину с зипунами: золотишко, шелка, мониста, перстеньки. Делился с воеводой, баловал жену, остальное без жалости прогуливал.

Трижды возвращался в казачество.

На третий раз в Дурном зажился и не возвращался год.

Прозванье средь казаков имел гордое: Разин.

Весной к нему явилась жена. Одарил ее серьгами — в них камни с голубиное яйцо, спровадил.

В очередном поиске Исай Разин запропал где-то у Кафы-города, обратившись в соль и песок.

Вдова его Анюта, в остатный раз съездив на Дон с воронежским купцом, забрала рухлядь Исайки: посуду, сукна, кафтаны, сапоги, конскую упряжь, медный чан, три ожерелья, лежавшие в кисете за божницей, — добро то никто не тронул.

Оставшиеся Исайкины пистолы, сабли и ножи были изукрашены столь богато, что Анюта, продав их здесь же, не только осталась в прибыли, но и закупила в обратный путь нужного ей товара — бобровых и лисьих мехов, ломаного серебра.

Вернувшись в Собакину Усмань, Анюта спустя год нашла себе в мужа другого посадского. Родила от него второго сына — Никифора.

Отрок Тимофей с отчимом не ладил. На пятнадцатом году ушел с гулёбщиками в промысловый городок — бил с ними всё лето зверя и птицу. Продав добытое, в осень ушел на Дон, в низовую станицу, где имелись воронежские знакомцы, помнившие Исайку Разина.

С тех пор Тимофей, сын Исая Разина, от семьи отстал.

...паша, ничего не говоря, чуть поднял правую руку, пошевелив указательным и средним пальцем, — тут же в коридоре зашумели одежды, и вскоре, кланяясь, вошел безбородый смуглый человек в татарском халате, но не татарин обличьем: должно, грек.

Тонкий нос его имел горбинку, а бесстрастные глаза были расположены глубоко под надбровьями.

Паша качнул головой, и грек уселся неподалеку от него.

Говоривший со Степаном был советником — толмач не посмел бы сесть.

Мягко махнув ладонью, как бы сгоняя мошку, паша разрешил вошедшему говорить.

— *Емек истерсин, казак?* (Ты хочешь есть, казак? — *тат.*) — спросил тот сухо.

— *Мени тояна хадар ашаттылар, эфенди* (Меня сытно накормили, эфенди. — *тат.*), — ответил Степан.

— *Эсирликке тюшкенде янында сеннен берабер не хадар аскер вар эди?* (Сколько воинов было с тобой, когда тебя полонили? — *тат.*)

— *Эки. Амма бириси хаин олып чыхты. Ёлумуз саваш дегил эдик.* (Двое, но один из них обратился в Иуду. Мы не шли на рать. — *тат.*)

— *Сиз харадан я да озенден кете эдиниз?* (Посуху или речным путем шли вы? — *тат.*)

— *Харадан, атланып.* (Посуху, конными. — *тат.*)

Говоривший со Степаном, посмотрев на пашу, одобрительно кивнул.

Паша — рука на столе, — не поднимая ладони, поднял вверх указательный перст: продолжай.

— *Сен бутасын?* (Ты бута? — *тат.*) — спросил грек, глядя Степану в грудь, а не в лицо, будто сам он только мешал ему слушать ответы.

— *Бута тек татар ве тюрк тилини билир.* (Бута знает только татарский и турецкий языки. — *тат.*)

Советник раздумчиво покачал головой и спросил:

— *Ти хрома эхи и таласса, Козаке?* (Какого цвета море, казак? — *греч.*)

Степан молчал.

Советник взглянул на пашу, опечаленно поджав губы.

Паша еще ждал ответа.

— *И таласса бори на инэ галазия, на инэ маври, на инэ алики, на инэ гриза* (Море бывает сине, бывает черно, бывает розово, бывает серо. — *греч.*), — сказал Степан безо всякого чувства.

— *Имаш ли ти Гркине или Српкине милоснице или робине?* (У тебя есть греческие или сербские наложницы или рабы? — *срб.*)

— *Имао сам Србе и Грке приятелье.* (У меня были сербские и греческие товарищи. — *срб.*)

— *Маза тараа?* (Что ты видишь? — *арабский.*) — грек поднял свою руку.

Степан снова замолчал, раздумывая.

Советник скосился на пашу.

Паша не сводил глаз со Степана.

— *Араа йад мусташар аль хахим. Фи хамсат асабия, фи хауатим иль аль асабия. Аль хатим фади ма зумруд, аль хатим захаб ма хаджар яхунт* (Руку советника правителя, и на ней персты, их пять, а на перстах — кольца. Одно с изумрудом, из серебра, а другое с яхонтом, золотое. — *араб.*), — перечислил Степан.

— *То иле нажечы ты знашь?* (И сколько наречий ты знаешь? — *пол.*)

Степан покусал ус.

— *Знам тэ, на ктурых муве. Ежели нема обок никого, з ким помувичь, не вспоминам тых нажечы.* (Знаю, на которых говорю. Если рядом никого нет, с кем говорить, я не вспоминаю тех наречий. — *пол.*)

— *Сен бу лисанларны аселет эзберлегенсин, шейлер ве маллар чешитлерини ахылында тутуп?* (Ты выучивал наречия, запоминая товары или прозвание скота? — *тат.*)

— *Буны эр бир казак билир.* (То умеет всякий казак. — *тат.*)

— Как же ты познал языки? — по-русски спросил советник, наконец глядя в глаза Степану.

Степан задумался.

— Памятлив, когда песни играют. Слов поначалу не ведаю. Но если помнить, как играли песню, она тянет слова. Так сеть тянет рыбу.

Советник посмотрел на пашу и, побужденный взмахом ресниц, весьма точно перевел паше сказанное Степаном на османский.

V

За четыре дня до конца того сентября казаки разъезда, возвращавшегося с Приазовья, едва завидев черкасские валы, начали палить в небо.

— Никак турок до нас собрался... — перекрестился мелким крестом молодой казак Прошка Жучёнков.

— Благоду, чудаче ты... — ответил дед Черноярец. — Благоду несут...

Стоявшие на валу вглядывались в идущий наметом разъезд — и вскоре самые зоркие углядели:

— Смеются!..

— Полдня есть, чтоб поплясать, — сказал дед Ларион. — Апосля — битых считать... — здесь он сильно ткнул посохом своим в землю. — Увел Господь от поруганья любезных своих казацких деточек!

...явившиеся вестовые, все будто охмелевшие, кричали, заезжая в раскрытые ворота:

— Осадное войско пошло вспять! Побросали барахло свое! Пушки оставили! Калечных кинули, нехристи... Бегут поганые!

Черкасские женки, старики, малолетки — возопили.

Вдарил колокол — и тут же как покатился с горы, трезвоня о все свои медные бока.

Гулко лаяли собаки. Со всех куреней бежали люди к майдану.

Вослед с разъездом прибыл до городка первый посланец из самого Азова-города: вынесший вместе со всем воинством девяносто три дня осады есаул Корнилу Ходнев.

Вид его был — будто Корнилу высушили, как горотьбу, потом опалили, а потом высекли лозой по лицу.

От прежнего Корнилы остались лишь два черных живых глаза.

— ...плачьте, отцы, плачьте, братья, плачьте, женки, — сказал Корнила: у него и голос был сипой, будто обгорелый. — Небитых средь нас нет. Есть не до смерти битые, и нас три тысячи. Сильно поранены многие, жизнь истекает из них. Есть битые до смерти, их те же три тысячи... А всё ж удержали Азов от поганства!

Тимофей Разин вернулся наутро, весь как из адава огня.

На дворе имелся у них огромный чан, туда и уселся нагой отец.

Оцепенев, застыл, недвижимый, в мыльной воде.

Отцовские глаза были закрыты.

Время спустя велел Матрене:

— ...зови сынов.

Мевлюд нагрел сменной воды.

Иван и Степан взяли по черпаку.

Старший зачерпнул и коснулся парящей воды краем ладони:

— Горяча, бать.

— Лей потихоньку, — сказал отец.

...сидел, не отирая лица и отекающей пепельным цветом бороды.

Пробитые дробью отцовские щеки были теперь в жутких ямках, куда мог поместиться пальчик младенца. На боку виднелся грубо зашитый, кривой, неподсохший сабельный шрам, вывернутый наружу подкопченным мясом. С незажившего плеча свезена стружкой кожа. Ладони его были разбиты, как камни.

Сколько ни лили, тело отца не теряло черноту. Он будто изнутри был преисполнен гарью.

Куры копошились возле купели и бросались на выплескивающуюся воду.

— Подайте рушники, — попросил наконец отец. — К столу иду.

Тимофей произносил позабытые им слова, и самый язык его удивлялся им.

Ходил так, будто у него были понадорваны все до единой жилы.

За столом обильно солил съестное и жевал так долго, что у Степана, искоса следившего за отцом, начало ломить виски.

Улегшись, отец, не шевелясь и будто не дыша, проспал остаток дня, всю ночь и до полудня.

Лишь раз со вскриком уселся, шаря рукой отсутствующую саблю. Оглядел курень с бешеной мутью в глазах — и снова замертво рухнул, подняв на лавку только одну ногу, а вторую так и не дотянув: упертая каменной пяткой в пол, она чернела сбитыми ногтями.

...в Черкасске пахло ухой. По всем куреням и землянкам готовили кутью. Начинался помин по павшим.

Выходя с одних поминок, казаки брели на другие.

В одних куренях рыдали, в иных землянках уже пели — с-под земли раздавались тягучие голоса.

Дед Ларион, перепутав помины, прибрел в затравевший, кривой курень Васьки Аляного, которому — хоть и пробило голову камнем и в грудь, над сердцем, не зайдя глубоко, ткнула стрела, а по виску чиркнула пулька, — еще не пришла пора сгинуть.

Очередную женку свою, как вернулся, Аляной согнал прочь и снова зажил один.

Разглядев заране, кто к нему хромает, Аляной сдвинул под икону лавку и улегся со свечой в руках.

Ларион, войдя, сощурился, вглядываясь, где ж его место, — и, в темноте не разобравшись, кряхтя, пристроился возле покойника на пустую кадь, покрытую старым турецким ковром.

— Господи Боже, — пожаловался он и перекрестил рот, — не то все сбежали куда?

— Пляшут на базу, чтоб никто не подглядел... — подсказал Аляной.

— Да ну? — не согласился дед и в тот же миг шумно, как вспуганная птица, встрепенулся.

Аляной приподнял свечу, разглядывая деда сквозь мертвецкий прищур. Ларион духа не растерял. Выдохнув, вгляделся в мертвячье лицо, мерцающее в свете свечи, и засопел, раздумывая.

— ...в темечко тяжело поранило, Васятка? — спросил.

— ...нет, дедка, — ответил тот, — ...живых зреть нет мочи.

Дед, сопя, поразмыслил над сказанным и вдруг прихватил двумя пальцами Ваську за ногу, проверяя:

— А сам ли вправду живой?

— Вот и я гадаю... — еле терпя беспощадные, как кузнечные клещи, стариковские пальцы, тянущие его мизинец набок, проскрипел Аляной.

Сразу три тысячи казаков закопали в огромном рву, на Монастырском урочище, неподалеку от Черкаска.

Еще пахло мертвецами — иные из казаков раскисли, утратили облик и, когда их спихивали в яму, лопались, текли.

Разом ушли под землю многие возы казачьих костей, стылые сердца, ледяные очеса, всё вповалку...

Степан шел вдоль засыпанного рва.

Миновал полный круг — и, как заснувший, двинулся на второй, но Иван поймал за руку:

— Не кружи, — сказал.

...нудно, тягостно пел рыжебородый поп Куприян, будто собственным кадилом ведомый и едва за ним поспешающий...

Спустя три дня старший Разин, забрав сыновей, отправился в Азов.

Шли на своей бударе, безбоязненно.

...явился, тяжело раскоряченный на холме, злой город: схожий с огромным, побитым на куски каменным арбузом.

Над черными, изуродованными стенами трепетали горелые казачьи прапора.

...от причала, полного разномастных казачьих судов, шли с отцом к набывчившемуся почернелому Азову.

...вокруг всё хранило знаки недавнего нахождения здесь бесчисленного воинства: перерытая земля, сотни поломанных возов, поваленных, драных шатров, человечьи и лошадиные останки, огромные ворохи тряпья — несусветная помоища.

Высились разметанные вполовину — и всё равно внушительные холмы, возведенные погаными у стен.

Миновали, ступая будто бы по воску, выжженные в черный хлам посадки.

Ветер катал отсыревшую золу.

...ров, где так и лежали тела тысяч побитых магометян, был до середины засыпан землей и забросан камнями — и всё равно выглядел глубоким, как русло высохшей реки. По тому рву, как в диковинном птичнике, ходили ожившие вороны, бородачи, чайки, переругиваясь на многие голоса. Над ними висели тучи изумрудных мух. Кое-где из-под земли торчали вздетые руки, оскаленные, расклеваные хари.

Прежний мост к воротам был обрушен — его наскоро чинили.

...шли навстречу, повсюду сновали, рылись в земле русаки с засечной черты, астраханские татары, веселые хохлы. Попадались московские, выглядывающие свое, торговые гости.

Мастера, нанятые с верховых русских городов, уже сбивали новые, вспыхивающие древесной белизной, ворота.

...поднявшись на городскую, у самых врат, стену, Разины увидели руины Азова-города.

У жилищ, что крепились возле самых крепостных стен, не осталось ни одной крыши: все были разорены, как мертвые улы.

Азовские сады, видневшиеся то здесь, то там, выгорели. Торчали обгоревшие метелки яблонь, груш, черешень, едва отличимых друг от друга. На задувающем ветру черные их ветви не двигались.

Все видимые отсюда здания были покрыты сажей, жестоко поранены, а пробоины в них были столь огромны, что в иную прошла бы и лошадь.

Высились минареты, один из которых казаки определили в пожарную каланчу.

Виднелись простреленные купола азовских церквей Иоанна Предтечи и Николая Угодника.

Из нарытых лазов вдруг являлись казачьи головы в ярких шапках: принимали кирки и лопаты, передавали наверх оружие.

Вокруг месили растворы, пилили, стругали дерево, ворочали камни. Повсюду горели костры.

По битым ступеням поднялись на смотровую башню.

Увидели в одной стороне столько расстеленной Господом от восходного края неба до заката степи, сколько прежде не видели никогда.

В другой стороне рассмотрели базарную площадь, где посреди сущего разора уже выкладывали свои товары купцы той породы, коим и черт не брат.

Меж базарных рядов ходили осадные атаманы Осип Колуженин сын Петров и Наум Шелудяк сын Васильев, а с ними войсковой дьяк и есаул Федька Порошин.

Осип-атаман родился под Калугой и по роду был — русский мужик. Наум-атаман родился в Нижнем Новгороде и тоже был из мужиков. И Порошин был беглый холоп, пришедший с подмосковного имения государева стольника.

ТУМА

Низкорослый, неспешный, крепкий, Осип волос имел жесткий, русый, а бороду — кудрявую, непослушную. Уши его казались прижатыми к голове так близко, словно их прилепили. Глаза были глубоко загнаны в голову. По челу его шли не только поперечные морщины, но и вдольные, делившие лоб на багровеющие шишки. Говорил Осип высоким, скрипучим голосом, как колодезный журавль.

Наум был его на две головы рослей, а бороду стриг коротко. Худощавый, рано поседевший, круглоглазый, говорил он густо, неспешно, будто каждое слово в нем должно было вылупиться из деревянного яйца. Давил из себя голос, как смолу.

Осип, сменив Наума, верховодил Донским войском, а бывший войсковой атаман, Наум, собрался с дьяком Порошиным и станицей казачьей в первопрестольную Москву — молить государя взять Азов-город под царскую руку свою.

...глотаю ветер, щурясь слезящимися глазами, еще не разумом, но сжавшим горло предчувствием Степан навек догадался: нет большей радости, чем имать города и ходить там хозяином.

И финики кидать в рот, медленно жуя. И купеческие ряды ждут, когда ты договоришь с есаулом, желая тебя угостить, подольститься к тебе.

Хочешь — сам володей городом. Хочешь — царю принеси в дар, как финик.

...ударил колокол. Отозвался другой. То перекликивались Иоанн с Николаем.

Казачи вернули голоса колоколам азовским.

Продолжение следует

Виктор КУЛЛЭ

Проломивший стену

О Денисе Новикове

Ахматова считала, что, «когда человек умирает, изменяются его портреты...» Может, я чересчур толстокож, но — проводив в последний путь немало друзей — с подобным не сталкивался. Портреты остаются прежними. Изменяемся мы, оставшиеся. Уход того, с кем за десятилетия дружбы, размолвок и примирений, взаимных обид и совместных празднеств успел сродниться, — крушение твоего личного мира. Ушедший скукоживается до плоскости картинки. Но фотоэмульсия снимков или пляска пикселей на экране монитора не в состоянии компенсировать отсутствие самого драгоценного в отношениях — возможности коммуникации. Живой подобен человеку, которого разлюбили: пытается докричаться туда, где его услышать уже не в состоянии. И потому выискивает новые черточки в оставшихся неизменными портретах.

Иное дело — стихи. Они после смерти автора впрямь меняются. Ведут самостоятельную жизнь, порой высвечивая ранее не замеченные смыслы.

КУЛЛЭ Виктор Альфредович — поэт, переводчик, литературовед, редактор, сценарист. Родился в 1962 году. Живет в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького и его аспирантуру. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства и руководитель семинара поэзии в Литинституте. Член Союза писателей Москвы. Член-корреспондент РАЕН. Автор книг стихов «Палимпсест» (2001), «Всё всерьёз» (2011), «Стойкость и Свет. Избранные стихотворения и переводы 1977—2017» (2017), «Благодарность» (2020). Работал главным редактором в журналах «Литературное обозрение» и «Старое литературное обозрение», в издательстве «Летний сад». Перевел на русский язык стихотворения Микеланджело, сонеты и поэмы У. Шекспира, полный корпус стихов И. А. Бродского, в оригинале написанных по-английски. Создал сценарии к документальным фильмам о М. В. Ломоносове, А. С. Грибоедове, М. И. Цветаевой, В. С. Варшавском, Г. И. Газданове. Лауреат премий журналов «Новый мир» (2006), «Иностранная литература» (2013), «Дети Ра» (2016), «Отчий край» (2023, 2025), «Бельские просторы» (2025), Новой Пушкинской премии (2016), литературной премии «Венец» (2017).

Но — главное — дают возможность коммуникации с тем, с кем по-иному поговорить уже невозможно. «Умру — полюбите, а то я вас не знаю...» — горько пошутил Гандлевский. Помню, как эта, только что написанная и впервые услышанная, строка тотчас стала шутейным паролем нашей дружбы с Денисом Новиковым. 14 апреля сего года ему должно было исполниться 59. Не исполнится — Дениса нет уже свыше двух десятков лет. Он так и останется 37-летним. Пусть побитым жизнью, разочарованным, отчаявшимся — но не постаревшим. Представить его постаревшим — я не в состоянии.

За годы, прошедшие после его ухода, стало очевидно, что стихи Дениса — едва ли не самое значительное, что было сделано в нашей, изобилующей блистательными стихотворцами, поэзии «лихих 90-х». Идеальный памятник своему времени и своему поколению — молодых людей, с молоком матери (с подростковым портвешком) выработавших иммунитет к «совку», но не вписавшихся в волчьи законы рынка. Наблатыкавшихся виртуозно ботать по «эзоповой фене» — но брезгливо избегших «игры на понижение» литературной и антропологической реальности, предлагавшейся постмодерном, концептуализмом, «актуальной», «новой» и черт-те какой еще словесностью.

Мы познакомились на заре туманной перестройки, в 1987-м, в Литинституте. Денис был едва не главной звездой Лита тех времен. В отличие от «непризнанных гениев», которыми кишела общага, он был вполне признан (активно публиковался в периодике, а в 1989-м в «Молодой гвардии» вышла дебютная книга стихов). Ему покровительствовал Евтушенко. При этом Деня никоим образом не вписывался в круг стремившихся сделать совписовскую карьеру комсомольских волচার (которые вскорости обернутся постмодернистскими «экспертами» в области изящной словесности). Он дружил со старшими поэтами тогдашнего андеграунда — на равных был принят в круг Айзенберга, Гандлевского, Кибирова. Наконец, он был невероятно обаятелен, чертяка: немногие представительницы прекрасного пола могли устоять перед напором этой бешеной харизмы, цинической бравады, легкости и глубины подлинного таланта.

В те годы еще работали механизмы советской писательской халявы. На деньги, полученные за смехотворную по нынешним понятиям публикацию, можно было недурно прожить не один месяц. Бюро пропаганды литературы из кожи вон лезло, чтобы залатать студентами Литинститута некомплекты в так называемых писательских бригадах. «Настоящие» писатели (то есть члены СП) почитали это выше своего достоинства — вот и отправляли нас, студентов, «нечленов». Мы с Денисом исколесили страну от Владивостока до Ашхабада, несколько раз вместе выбирались на дивные собрания болгарской поэтической академии в Несебре. На дворе дул ветер перемен, царила гласность, и жизнь казалась непрерывным праздником, сулящим впереди празднества вовсе фантастические.

Денис вошел в круг театра поэтов «Альманах» — и начались зарубежные гастроли. Во время поездки в Лондон он познакомился с прекрасной англичанкой. Эмили Мортимер (ныне — успешная киноактриса). Дитя британской элиты, студентка Оксфорда, дочь крупного адвоката и писателя. А главное — девушка, искренне полюбившая этого странного русского поэта, который тогда и говорить-то толком по-английски не умел. Эмили удалось устроить себе стажировку в Москве, потом она увезла Дениса в Лондон. Что пошло не так, почему у них не сложилось — не наше дело. Важно понять, что уезжал Денис

из страны, в которой колбаса стоила два двадцать, батон белого — шестнадцать копеек, а проезд на метро — пятак. В которой поэт был «больше, чем поэт». А вернулся в зазеркалье 90-х. Дело даже не в деньгах: на довольно смешную сумму случайных гонораров в валюте можно было просуществовать вполне сносно. Но воздух времени изменился необратимо — и Денис это почувствовал одним из первых. Из Англии он вернулся со второй книгой стихов, предисловие к которой написал Бродский. И всё равно Денис был недоволен. Дело не в непомерном тщеславии — в нормальном для пишущего желании быть услышанным.

Собственно, даже после расставания с Эмили у него была возможность безбедно обретаться в Англии. Помню, мы встретились летом 1992-го — Денис приехал из Лондона, чтобы принять участие в нашем с Игорем Померанцевым выступлении в Бирмингеме. Расспрашивал, что творится в «возлюбленном Отечестве». Говорил, что подумывает вернуться. Я отговаривал: рассказывал про дикую инфляцию, про бандитский беспредел. Денис отмахивался: это же и есть исторические времена, поэт должен узреть их собственными глазами. Несколькими месяцами позже он вернулся — и потом с горечью признавался, что сделал дурасть: «Стихи больше никому не нужны». Последовала еще одна попытка уехать в Британию — и еще одно возвращение. Примеров подобной двукратной эмиграции с последующим возвращением в истории литературы я не упомяну. Зато здесь его ждал взлет двух последних книг, «Караоке» и «Самопала». Запечатлевших — не устаю повторять — самый точный, пронзительный, честный портрет России 90-х:

Ты белые руки сложила крестом,
лицо до бровей под зелёным хрустом,
ни плата тебе, ни косынки —
бейсбольная кепка в посылке.
Износится кепка — пришлют паранджу,
за так, по-соседски. И что я скажу,
как сын, устыдившийся срама:
«Ну вот и приехали, мама».
<...>
Подумаем лучше о наших делах:
налево — мамона, направо — Аллах.
Нас кличут почившими в бозе,
и девки хохочут в обозе.
Поедешь налево — умрёшь от огня.
Поедешь направо — утопишь коня.
Туман расстилается прямо.
Поехали по небу, мама.

А еще в России Дениса ждала подлинная любовь — Юлия, ставшая женой и ангелом-хранителем в последние годы жизни. Они познакомились у меня на дне рождения. Потом она, безо всякой надежды, ожидала его возвращения на протяжении всех дурацких попыток наладить красивую жизнь в эмиграции. И дождалась.

Полагаю, дотуда, где сейчас находится душа моего ушедшего друга, какие-то весточки от нас всё же долетают. Пытаюсь представить его ухмылку при вести, что его стихи становятся всё более востребованными, всё более значимыми для пришедшего на смену поколения. Мы сотни раз до хрипоты

ПРОЛОМИВШИЙ СТЕНУ

спорили, ЗАЧЕМ вообще существует это маловразумительное занятие, если, по У. Х. Одну, «*poetry makes nothing happen*» («поэзия ничего не изменяет»)? Перспектива абсолютной глухоты к точно найденному слову, которым обернулся для страны (для цивилизации?) шабаш постмодерна, страшила его пуще смерти. Ведь попытка проломить головой каменную стену подразумевает — пусть ничтожный — всё-таки шанс на успех. Ватную стену проломить невозможно. Я тогда предлагал вооружаться навыками стоицизма. Повторял, что каждый из нас делал этот выбор сознательно — и, при всем желании, с этого наркотика (писания стихов) слезть мы уже не в состоянии. Денис твердил, что, если стихи останутся неслышанными, потраченная на них жизнь лишится смысла. Потом он попытался отказаться: сначала от поэзии, потом — в очередной раз — от страны. В итоге — отказался от жизни.

Спустя десятилетия мне, всё еще не ушедшему, помогают держаться на плаву стихи ушедшего друга. Который, пусть ценой собственной жизни, ватную стену проломить сумел:

Учись естественности фразы
у леса русского, братан,
пока тиран куёт указы.
Храни тебя твой Мандельштам.
Валы ревучи, грозны тучи,
и люди тоже таковы.
Но нет во всей вселенной круче,
чем царскосельские, братвы.

Анатолий КИМ

Философские стихи писателя

Безсмертие дня

Я внимательно
Не умру
Буду бережно жить
Дальше
И поднявшись
Поутру
Выйду на воздух
Гулять пораньше

И не трижды
Не четырежды
А сто двадцать
На двести тридцать
Раз —
Буду воздух
Вдыхать
Подрыженный
И подмигивать
В солнечный глаз

КИМ Анатолий Андреевич — прозаик, поэт, драматург, переводчик и сценарист, член Союза писателей России. Родился в 1939 году. Живет в Москве. Академик Академии российской словесности (1996). Награжден премией журнала «Дружба народов» (1980), премией Евангелической церкви Рейнланда (1981), орденом «Знак Почета» (1984), премией журнала «Юность» (1997), премией имени Ю. Казакова ПЕНклуба Казахстана (2000), премией «Ясная Поляна» (2005), орденом «Достык» II степени Республики Казахстан (2009), золотым орденом «Мугунхва» Президента Кореи за вклад в мировую культуру (2014), орденом «За заслуги в культуре и искусстве» (2022). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2020).

И упрямо не умирая
Буду вечность
Втихую вдыхать
И не дегустируя рая
Буду хлеб наш
Насущный вкушать

А после утренней
Смуглой прогулки
Не возвращаясь в
Родительский дом
Я войду во дворец
Полудня гулкий
Ещё не ведая
Кто обитает в нём

Утром выйдя
Из родительской
Хижины
В полдень пройдя
Через гулкий
Дворец
К вечеру окажусь
Перед солнцем
Приниженным
И распознаю
Что он мой отец

И оглянувшись
На путь пройденный —
Увижу к добру
Что он всё ещё
Впереди
Дом родительский
Поутру
А дворец
Пополуденный
Царства божия
Это место
Где я слёзы свои утру

* * *

Мой Ангел-хранитель
И Ангел Лилия
Меня осеняли крылами.
Я жил на земле
Мой Господь
Хранимый твоими
Послами.
От крайней Камчатки
до туманной Англии

Прошёл я по жизни
Хранимый двумя
Твоими Ангелами.
С небес охранял меня
от молний гроз
Твой Ангел хранительный.
С земли оберегала
от житейских угроз
Ангел Лилия
Твой чрезвычайный Посол
с грамотой верительной.

И вот я в Арханглии
По милости Твоей
Господь мой хороший и милый.
Оглядываюсь на земную жизнь
С радостной детской улыбкой
И она отвечает мне, кажись,
Монны Лилиной улыбкой
Неуловимой и зыбкой.

Вероятностный человек

Зачем приходил я на
Этот свет
Почему ушёл из него
И куда ушёл
И где мой след
На Млечном Пути
И где я упал когда
изнемог
И куда мне хотелось
Уйти
И докуда дойти не
Смог

Среди моря
Эфирных морей и
Пустот
Над провалами
Чёрных дыр —
Лишь горсточка
Добрых землян
Узрит мой уход
Как над дальним
Костром
Истаявший дым

Я не буду стенать
И скорбеть
В задымлённом
Небытии

Слёзы глотать
Волосы
Рвать на себе —
Я уйду незаметно
Растаю как дым
Может старым
А может и молодым

Был ли не был я
Среди вас
Никому и дела нет —
Хвостик Малой
Медведицы
Оторвался угас —
И не помутился
Белый звёздный
Свет

Только жаль
Бесконечно мне
Что Спаситель
Христос
Будет дальше идти
Без меня по земле
А я над Ним
Затеряюсь
Меж звезд
И сквозь небесную
Синеву
Видеть царство Его
И вечно тосковать
По Нему

* * *

*Посвящается
Ю. А. Кувалдину*

Я не как книжные
Черви
Я книжник
Книга пожирает
Меня первой
И я не создатель её
А сподвижник

Не я книгу
Создаю
А она создаёт меня
И создательницу
Я благодарю
Как конь хозяина
За вкус ячменя

Нет
Книги не я создаю
А они создают меня
И через них я себя
Осознаю —
Не чернокнижника
А Господня
Сподвижника

Древесная баллада

Сосна растёт в глубоком сне
И продолжает рост вне сна
Растёт зимой и летом и по весне
И осенью растёт сосна

Такой же непрерывный рост
Уверовал и исповедает мудрый кедр
На вид угрюм космат могуч
и диковат и прост —
Но ведаёт безсмертия он Веды

А царь древесных долгожителей
Канадский индиан-секвойя
Главой до облачных обитателей коснулся
Четырёхтысячелетнюю
Библию обеспокоя
Уснул ветхозаветно
и не проснулся

И африканский баобаб
Познал покой
тысячелетних снов
В его морщинах-дуплах
сны обняв
Спит зверь и птица и
паук громадный
птицелов

У дерева нет жизни срока
Поэтому оно не знает
страха смерти
Неведомы ему угрозы
рока
И не страшны ни лешие ему
ни домовые и ни черти

Отважно дерево стоит
на месте
Не защищаясь и не нападая
И смерть несёт ему
лишь огонь небесный
Да человек пощады к
дереву не знает

Хиросима Фукусима цунами
и Рене Декарт

См. квадрат Декарта

Вот географическая
карта.
Страна Япония.
По словам Декарта
Есть закон в любом
беззаконии.
В чём смысл
созвучия города
Хиросима
с городом
Фукусима?

И чего ради
сила волны цунами
столкнулась с
силой
радиоактивного
радия
и снова навис
над Японией
Как на Гоморру и
Содом
термоядерный
Армагеддон?

И всё же почему
Япония?
И почему о том что было
Шестого августа
В Хиросиме
цунами напомнило
Одиннадцатого марта
В Фукусиме?

И чем же ответили
Дьяволы — гении
За Хиросиму и
Нагасаки —
Эйнштейн и
Оппенгеймер
и другие
ядерные собаки,
в чьей огненной
пасти
сгорели все
общечеловеческие
страсти-мордасти?

Перед нами
всемирная
географическая
карта,
на ней должна быть
Япония — где она?
Перед нами квадрат
Декарта,
Во главе угла его
значится —
Что будет если «это»
произойдёт?

Для Японии «это»
уже произошло,
для остального
мира
«это» —
последнее западло.
Хиросима
Нагасаки
цунами
и Фукусима —
«это» вся кварта
философского
квадрата Декарта.

6—7 августа 2023 года

Прощание

Ты не видишь
Я умираю
Ты не слышишь
Я дух испускаю

А ты
Красивая молодая
Цветущая
С губами упругими
Поцеловав меня
Убегаешь
В цветы
В зеленые кущи
Где с другими и
Подругами
В жизни играешь

Зелёные кущи
Жизни
Вы многолетни —

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ ПИСАТЕЛЯ

Прощайте
Без скорби тоски
Злой сплетни
Прощайте прощайте
Добром поминайте

А я уйду угасаю
Куда уйду
Неизвестно
Когда же угасну
Не знаю
И будет темно
Беспросветно
Но всё справедливо
И честно

Честь берегал я
Смолоду
И жизнь проживал я
Честно
Я умираю
Не с голоду
А весь насыщенный
Жизнью не пресной

И самая сладкая
Прелесть
Была — ты Лилия
И самым высшим
Наслаждением
Моим яблочком
Золотым —
И последним
Предсмертным
Видением

Светлана ВЬЮГИНА

Живые истории

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВЕЧКО

Много лет мой дедушка работал в звероводческом хозяйстве. Он вместе с другими умельцами выращивал черно-бурых лисиц. Известный был специалист, даже медали ему вручали на главной выставке страны — ВДНХ. Вот к нему и обращались соседи, когда с домашней живностью приключалась беда. Как-никак зоотехник, почти что ветеринарный врач!

У кого-то корова обьяелась молодой зеленью, у другого кошка подавилась рыбьей косточкой, чья-то собака поранила лапу о ржавый гвоздь... Вот и стучали частенько в нашу дверь:

— Арсеньевич! Помогите!

Дедушка никому не отказывал в помощи. Да и мы сами держали в домашнем хозяйстве и корову, и козу, и кур... Знакомое дело! Жили у нас в доме попеременно и лесные обитатели, переживавшие холодную пору да и заодно поправлявшие здоровье: одноглазая сова, черепаха, невесть как оказавшаяся на тихой тропинке в лесу, галка с перебитым крылом... Черепаха, помню, подружилась с котом Чушей (его прозвали так за огромные размеры) и ни за что не хотела покидать нового приятеля, когда весной нашлись ее прежние хозяева. Привыкла, видно, коротать зимние денечки под теплым боком нашего мурлыки.

Но об этом следует когда-нибудь рассказать отдельно.

ВЬЮГИНА Светлана Васильевна — прозаик, член Союза писателей России. Родилась в 1949 году. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Живет в Москве. Печаталась в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Юный натуралист», «Аврора», «Балтика», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Сура» и др. Автор книг для детей: «Конопастик», «Солнечные краски», «Рыжий снег», «Черёмуховое крылечко», «Сибирский Валенок» и др. Лауреат Международной литературной премии имени Петра Ершова, Национальной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина.

А в тот памятный снежный октябрьский день дедушка принес не привычные гостинцы — наши любимые леденцы, а какой-то странный рыхлый сверток. Кто-то тихонько попискивал в дедушкином шарфе! Мы с братом Сашей замерли от любопытства. Еще бы! Таким торжественным своего дедушку мы не видели, кажется, никогда.

— Дедушка, да разворачивай скорей свой клубок! — взмолилась я.

Всякие загадочные сверточки мы рассматривали с ним и раньше, например, когда он показывал мне осиные гнезда. Только тогда внутри жужжало, а тут вот что-то пищит, пищит...

И как только дедушка потянул шарф за концы, в разные стороны бросились по полу наутек шоколадно-пушистые бельчата!

— Коршун уволок белку-мать, вот лесник и принес бельчат, чтобы спасти от супостата, — пояснил дедушка, — вот только тесновато у нас...

— Что ты, что ты!.. — взволнованно загалдели мы. — Да белкам места и вовсе не надо.

— Бельчата будут жить в моем игрушечном домике, — сразу предложила я.

Белки всё решили по-своему. Они облюбовали себе для жизни багеты (карнизы), к которым были прикреплены занавески в гостиной. Багеты у нас были широкие, деревянные. Вот на них и спали поначалу бельчата. А днем сновали вверх-вниз по тюлевым шторам. Когда мы садились делать уроки, белки бегали по письменному столу, всё пробуя на зубок — и тетрадки, и учебники. И с едой для новоселов мы быстро разобрались, приладились. Дедушка приносил шишки, жмых, семечки... А, знаете, ели белки в общем-то мало. Любимым же их развлечением стало обгрызание книжных переплетов. Начали они с Жюль Верна. Хорошо, что собрание сочинений этого писателя было на самом верху и мама не могла снизу рассмотреть, какой урон нанесли ловкие пушистики ее библиотеке. Мы с братом Сережкой старались всё убрать к приходу родителей, а корешочки книжные немедленно подклеивали.

Помню, как-то раз очень уж мне захотелось похвастаться хотя бы одним новым маленьким жильцом. Мне мало было восторженных «ахов» соседских детей. Я нарядила в кукольный сарафан одну из белочек, надела на нее кожаный поводок-шлейку, поместила в детскую коляску и повезла по деревне. Я воображала, что это мой ребенок — пушистый и прекрасный. Мне казалось, что все смотрят на меня и завидуют. Так, похоже, и было. Смотрели и удивлялись. На обратном пути ко мне подошел большой мальчишка. Он стоял, молча кривил рот и смотрел на коляску.

— Что-о это у тебя? Что-о?..

И вдруг наклонился, подхватил белку и побежал. Я бросилась за ним следом. Я бы всё равно не догнала его, а если бы и догнала, то не справилась. Но я упрямо бежала и кричала:

— Он — мой, мой!.. Отдай!

Бельчонок спас себя сам. Он укусил нахала за палец — тот громко вскрикнул и разжал руки... А мое чудо в сарафанчике бросилось на ближайшее дерево. Это была огромная береза. Я звала-звала бельчонка, но потом поняла, что перепуганная белка ко мне не спустится. Позже вышли на улицу соседи, прибежал брат Сережа. Мы принесли одеяло, натянули под березой (все видели по телевидению, как работают спасающие людей пожарные) и стали трясти ее. Было видно, как страшно белке, но она цепко держалась

за ветку. Потом мальчишка-обидчик полез на дерево, но только расцарапал себе бок. На наши крики прибежал другой мой брат, Саша, и тоже полез на березу, но белка взбиралась всё выше и выше, туда, где качались тонкие ветки и куда человеку ходу не было.

Осенью быстро темнеет, поэтому все разошлись, а мы боялись оставить белку в сарафане одну. Ведь она могла стать добычей деревенских собак! Я с братьями сидела под деревом и ждала дедушку. Он придет и что-нибудь обязательно придумает.

Было холодно. Наконец-то мы услышали громкие голоса — нас искали родители. Папа с мамой тоже попытались залезть на березу.

— Что же делать? — спросил себя папа, отряхиваясь. — Никак не получается...

— Там белка, белка! — снова захныкала я.

— И что же делает белка на улице? — услышали мы веселый голос дедушки.

— Дедушка, спасай!

Наш худенький дедушка, не мешкая, снял сапоги и в одних носках полез на дерево. Пошел дождь. Ноги дедушки порой скользили по сырому стволу, но он поднимался всё выше и выше... он уже был так высоко, что в темноте мы его почти не различали.

Вернулся дедушка к нам с бельчонком... Что уж он ему шептал, как уговаривал... Спустился дедушка молча, спокойно снял с бельчонка сарафанчик и поводок, махнул нам строго рукой: «Домой!»

А дома, выпустив усталого бельчонка, сказал, как отрезал:

— Звери — не игрушки! Запомнила? Они — живые!..

Да, так и сказал: «Они — живые!»

— Дедушка, — спросила я, когда всё успокоилось, — какое такое волшебное слово ты прошептал белке, чтобы она вернулась?

Дедушка обнял меня за плечи и тихо-тихо шепнул на ухо:

— «Милая моя...»

НЕТ, ПАПА НЕ ПИЛ

*Светлой памяти моих родителей,
Василия Вьюгина и Анны Глуховцевой,
посвящаю*

Когда мама отправляла отца в выходной день в магазин за покупками, то обычно с ним шла я. На моих старших братьев в этом деле — присмотреть, чтобы отец не общался с выпивающими дядями, — надежды не было. Во-первых, им эта бдительность ни к чему. Им важнее друзья-подружки, а во-вторых, мужская солидарность не позволит «сдать» его маме, а потому, если и выпьет папа с приятелями рюмку одну-другую-третью, сокрут, не моргнув глазом. Мол, ничего не видели, не слышали и вообще...

Я же... совсем другое дело! Я — мамина гордость: октябренок; светло-русые аккуратные косички; «ореховые глаза» — чистые-чистые... Я всегда говорю и родителям, и учителям правду. Да и папина я любимица: младшая, ласковая, и характером, и внешне на него похожая.

В тот солнечный майский день пошли обычным путем: мясная лавка, потом — овощная, потом — хлебная. Тут мы раньше обычно на некоторое время расставались. Папа покупал мне в палатке бутылку лимонада, кулек пряников и усаживал на скамейку. Сиди, мол, радуйся жизни, а я скоро приду. Я пила щекочущий язык лимонад, бросала кусочки пряника дворовым собакам — и мне было хорошо. Я ничего не боялась. Знала — папа рядом. Если крикну — всё бросит и примчится... Но звать на помощь ни разу не пришлось. Меня здесь все знали и не обижали. Да и папа быстро возвращался, брал меня за руку, и мы шли домой. Папа шутил, смеялся, был он какой-то веселый, смотрел смело и молодо, как на первой фронтовой фотографии.

В этот раз он почему-то не оставил меня на скамейке, а взял с собой — «поговорить с дядями». Мы вошли в дощатое синее строение, на котором написано большими коричневыми буквами — «ПИВНАЯ». Шум, гам, мужские лица, какой-то непривычный горьковатый запах...

Папа подвел меня к высокому круглому столу и сказал двум мужчинам коротко:

— Дочка. Моя.

И пошел к прилавку. Папины товарищи посмотрели на меня с уважением и предложили табулет. Улыбаясь, спросили:

— Будешь пить пиво?

— Нет, — мотнула я головой, — оно горькое. Старший брат Валера давал мне попробовать, оно — горькое. Я лимонад люблю.

Папа вернулся с кружками пива для друзей и с лимонадом для меня. А еще папин товарищ купил мне свернутые в трубочку вафли. Потом они разливали в стаканы водку и, коротко сказав друг другу «со свиданьицем!» или «будем!», выпивали ее. Потом неторопливо пили пиво, закусывали длинными кусочками рыбы со смешным названием «тарань», смеялись, курили папиросы и говорили, говорили...

А я сидела на табуретке, пила лимонад и смотрела в полутемный угол. Там два дяди без ног сидели на своих коротких дощечках с колесиками и тоже, как мой папа с друзьями, пили пиво. Их стеклянные кружки стояли на картонном ящике, на нем же лежали рыбки «тарань». Когда безногие дяди тянулись друг к другу, чтобы чокнуться кружками, медали на их груди тихонько позвякивали...

Папа и его друзья — высоко, надо мной, а те, что в углу, — внизу. Папа и его друзья видели одно, то, что сверху: лица, улыбки, румяное лицо буфетчицы, а я и те дяди — другое: ноги, сумки, бидоны. А еще — мы видели друг друга и по-заговорщически улыбались друг другу...

Возвращались домой, как всегда, весело. Папа одной рукой держал мою руку, другой — сумки; глаза его смотрели бодро и смело, как на первой военной фотографии.

Мама встретила нас с улыбкой:

— Целую гору продуктов приволокли, добытки! Мойте скорее руки — и к столу. Обед готов.

Обедать мы с папой не хотели, но маму обижать не стали и поплелись к умывальнику. Вот тут-то мама и принахмурилась, кивнула мне головой: пойдём на кухню. Плотно закрыв дверь, наклонилась ко мне и глянула в глаза:

— Папа пил? Пил водку?

Я почему-то вспомнила тех людей, что сидели на дощечках с колесиками, и ответила тихо:

— Нет, не пил.

Мама выпрямилась и еще раз спросила — строго:

— Папа пил водку?

И я не выдержала, крикнула:

— Нет, не пил! Нет, папа не пил!

Потом вечером уже папа признался — наедине — маме, что, мол, махнул с приятелями стопочку-другую, как-никак День Победы на носу...

Перед сном — я уже была в постели — мама еще раз спросила меня, пил ли папа водку. На глазах у меня почему-то всплеснули слезы, и я прошептала:

— Нет, папа не пил...

ПАРОМ

— Вода — большая! Какая большая вода! — с чувством повторяла мама.

Мы с Сережкой переглянулись. Что маму так встревожило? За окном мягко скользящего автобуса тянулась безмятежная гладь водохранилища. Мы с братом рады были этой поездке и этой красоте. Мама редко выбиралась с нами за город. «Я — городская, — частенько твердила она. — Вы уж с папой...»

Да мы и так... За грибами — с папой, на речку купаться — с папой, на лодке в пруду кататься или на качелях в парке качаться — тоже не с мамой. Она целыми днями пропадала в школе. Наверное, тысячу детей выучила, а может, и больше. А нам, ее детям, хотелось простого с нею общения, и конечно же, безраздельного. Или — мы, или... Когда мы поехали в Углич (на целых два дня!), в дом отдыха — это была наша маленькая победа. Решено: и купаемся, и загораем, и в музеи ходим, и книжки читаем только с мамой. Мы ни разу не были в известном старинном городе. Хотя, помнится, мама порою что-то рассказывала о нем. И старшие братья кое-что поведали младшим об увиденном ими не раз.

— Кремль посмотрите, кремль! Это — главное! Про остальное мама в автобусе расскажет, — отмахивались они от наших всяких многих-многих «как», «где» и «почему».

Слушать маму — одно удовольствие, рассказчица она — отменная. Но сегодня она всё время сбивается, запинается. И опять с какой-то тоской говорит о большой воде. Но мы с Сережкой слушаем маму вполуха — и вот уже несемся к берегу наперегонки, на ходу скидывая одежду...

Мы барахтались в воде, а мама сидела на покатоном зеленом берегу и читала книгу, поглядывая на нас. Когда раздались истошные крики играющих на мелководье карапузов, она первая подскочила к детям и подхватила малышкой на руки. Я же и Сережка наслаждались купанием, ведь нас младенческие крики не касались. Когда мы проголодались да умаялись, вспомнили про маму. Ее на прежнем месте не было. Она почему-то стояла высоко на берегу и плакала. Как же так!.. Маме плакать не положено! Родители не плакали никогда! На все расспросы мама слабо махнула рукой и повела обедать.

Вечером, налюбовавшись кремлем, побывав в большом музее, мы всё-таки стали тормошить маму:

— Почему ты не плавала? Почему ты плакала? Почему ты не веселишься с нами?

— Как так вышло, — задумчиво проговорила мама, — что путевки в дом отдыха дали именно сюда. Понимаю: я бы всё равно рассказала про паром, но попозже... Ваши старшие братья уже знают эту страшную историю... Что ж, выходит, и вам придется узнать ее.

...Это было начало войны. Ваш папа ушел на фронт, а я с тремя маленькими детьми и бабушкой осталась в Угодском Заводе. Когда фронт приблизился и фашисты прорвали оборону, началась спешная эвакуация семей фронтовиков с детьми. Им выдали пропуска на паром, потому что железнодорожную станцию прицельно обстреливали вражеские орудия. Собрав два узла с вещами, мы спешно отправились к причалу. Там уже шла посадка на паром — спокойно и деловито. И в одну минуту вдруг всё изменилось: люди, услышав грохот канонады, оттеснили охрану и бросились к единственному спасению — парому.

— Сажаем на борт только женщин с детьми! — кричал уставший красноармеец.

Но страх пленил слабых людей — и началась паника. В этой панике нас тоже оттеснили далеко в сторону. Паром тяжело осел — и трап пришлось убрать.

— Вот наш пропуск!.. — кричала я, протискиваясь на причал. Но паром качнулся и медленно отплыл от берега.

Плакала бабушка, плакала я, ваша мама, плакал шестилетний Валера, плакали трехлетняя Рита и годовалый Саша. Вдруг из-за облака вынырнул самолет с черными крестами на крыльях и спикировал на паром. Взлетел фонтан воды... Еще фонтан... Кто-то сорвал блузку и стал ею размахивать, мол, здесь дети и женщины!.. Но фашист не унимался: обстрелял из пулемета косогор, на котором столпились люди, ждущие еще один рейс парома.

— Бегите под деревья, ложитесь! — кричал охрипший красноармеец — дежурный по причалу.

Все бросились на землю. Я, помню, шептала маленькому Саше: «Тихо, тихо!» Как будто вражеский летчик мог слышать его плач. А потом мы увидели, что паром, который был уже посередине водохранилища, страшно накренился и погружается в воду. А вместе с ним, понятное дело, и люди...

Очнулась я дома. Оказывается, оглушило взрывом бомбы и я потеряла сознание. Бабушка потом рассказывала, что всех пострадавших на берегу на деревенской телеге развозили по бомбоубежищам красноармеец и два каких-то старика. И назвался боец тот кому-то то ли Колей, то ли Толей... А уж сказал ли он командирам своим, что подбил из установленного на танчанке пулемета того летающего фашистского изверга, про то, золотые мои, не знаю...

Захватчики так и не взяли Углич. Их остановили наши герои, а потом и вовсе прогнали с этой вот родной земли!

...Да, война для нас была раньше только в кино. А теперь вот она ожила и в этом мамином рассказе. Мы прижались к ней, самой любимой, самой родной, так хотелось ее успокоить и утешить. А мама посмотрела на нас и сказала отчетливо и негромко:

— Больше войны не будет ни-ког-да!

* * *

Это единственное, что мама рассказала нам о давней незабываемой военной поре.

Давно уж нет на белом свете наших родителей. Давно мы, их дети, довоенные и послевоенные, пересказываем своим детям и внукам фронтовые были отца и эту — почти что обычную в лихую годину Великой войны — житейскую историю. Давно, вместе и поодиночке, со слезами на глазах, вновь и вновь переживаем драму, очевидицей которой некогда случилось быть и нашей маме, двадцатисемилетней женщине с тремя малолетними детьми на руках. Увидишь такую мамочку на аллее парка сегодня и невольно подумаешь: «Так молода! И... до чего же смела! Троих растит! И всё ей нипочем...» И еще, может быть, подумаешь о пути, ей предначертанном, принакрытом пока туманом завтрашнего дня...

ВЬЮНОК

Звали жеребенка просто: Вьюнок. Кто и почему его так назвал, теперь вряд ли кто скажет, может быть, взрослые — хозяева или соседи, а может, и ребятишки, они мастера давать прозвища кому угодно...

Мало-помалу рос да рос Вьюнок и в конце концов превратился в молодого коня. Его хозяин, зоотехник Николай Николаевич, слыл человеком образованным и веселым. Надумал он однажды солнечным майским утром переименовать своего любимца; прикинул так, прикинул этак, что бы такое историческое подыскать... И решил: лучше мифического силача Самсона ничего подходящего для молодого коня нет. Что за побежка, что за статья!.. Уже две медали вручили на сельскохозяйственной выставке Николаю Николаевичу за всяческие достоинства питомца. Правда, новое прозвище Вьюнок никак не хотел признавать; ты — ему: «Самсон, Самсон...», а он даже ухом не шевельнет. И еще одно обстоятельство ставило зоотехника в неловкое положение: никак не хотел конь, чтобы на нем восседал кто-нибудь из приезжих начальников, любителей погарцевать, скажем, на таком вот кауром жеребце. Ногу в стремя кто-то из них поставит, лихо вскочит в седло, тронет поводья, а Вьюнок — на дыбы, с места да в галоп! И вот уже горе-всадник с земли встает обиженно, травинки сухие со штанов отряхивает и что-то под нос себе бурчит... А кого, скажите, винить? Спросил бы прежде хозяина, Николая Николаевича, посоветовался... Но советоваться с подчиненными начальники не очень-то любили, а советовать — да. Вот по их указанию и определили Вьюнка на самые простые хозяйственные работы — возить сено с луга на большой телеге, дрова из леса, родниковую воду в деревянных бочках для работающих в поле крестьян, огороды пахать... С переменной судьбы конь легко смирился: а что?.. работа как работа. Люди вместе с ним трудились обыкновенные, добрые; к примеру, достают из торбочки краюху хлеба, пополам ломают: себе — половину, коню — половину; потом Вьюнок свеколкой похрумкивает или сочную траву рядом щиплет (пасется), а человек хрустит зеленоперым лучком да вареным яйцом закусывает. А вечером наступает наилучшая для коня пора. Старшие ребятишки купают его в речке, расчесывают деревянным гребнем гриву, тихонечко приговаривают: «Вьюнок наш миленький! Красавец наш!» И щекой к его губам припадают ласково... Чем не житье!

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Так и проходил в посильном труде и счастливом покое год за годом.

И кто же знал, что однажды вслед за ранним алым восходом придет на родные летние просторы нежданное огромное горе.

Со знакомых лиц разом пропали улыбки, затих в округе смех.

Днем и ночью слышались в закатной стороне раскаты странного грома, от которого нервно вздрагивала земля.

Из-за дальних холмов по пыльной дороге потянулись обозы с перебинтованными и стонущими людьми; от них пахло темной кровью.

Как-то раз в село приехал пожилой командир с малиновыми петлицами на вороте новой гимнастерки и объявил, что он по приказу свыше проводит р е к в и з и ц и ю всех годных к службе лошадей для нужд действующей армии.

Вот так нежданно-негаданно и случился новый поворот в судьбе Вьюнка.

...Путь выдался недолгий, всего-то сутки. Правда, поначалу, первых часа два-три, все лошади, тесно заполонившие товарный вагон, то и дело гулко постукивали подкованными копытами по деревянному полу, пряли ушами, вразной всхрапывали, а то и тревожно ржали, потом постепенно поутихли, опустили головы, задремали...

Рассвет у Вьюнка всегда начинался с охапки пахучего сена, а это хмурое, сверкающее дальними вспышками утро началось по-новому: шумно откатилась в сторону широкая дверь вагона, люди в линялых гимнастерках положили на порог длинные деревянные сходни, и один из них, усмехнувшись в усы, скомандовал:

— Выходи строиться!

Лошадей явно ждали: поодаль толпились какие-то бойцы и командиры, с нетерпением поглядывали на хвостатое пополнение.

Сопровождавшая лошадей команда — знакомые бойцы — взяла своих подопечных за уздечки (по две в каждую руку) и построилась вдоль состава, принимающая сторона стала напротив, на пыльной привокзальной площади.

— Вьюнок, ты ли? — растерянно окликнул коня человеческий голос. — Ты?

От группы командиров, стоявших в сторонке, отделился человек и скорым шагом направился к Вьюнку. Он сразу узнал человека. Это был Николай Николаевич. Только какой-то странный резкий запах сопровождал его.

— Золотой мой! Ты! Надо же... И тавро на ухе твое...

Боец отпустил уздечку, и конь зацокал копытами вслед за Николаем Николаевичем, капитаном в гимнастерке с малиновыми петлицами.

Понятное дело, что и здесь, на фронте, на такого статного коня с интересом поглядывали начальники. Одни просто трепали по холке, протягивали на ладони сухари, кусочки сахара, другие уговаривали капитана из ветеринарной службы передать Вьюнка в их часть или подразделение, суля выгоды и хозяину, и коню, третьи чуть не угрожали, мол, отдай животину, тебе же легче станет... Но были у Николая Николаевича и его четвероногого друга и тайные заступники, так что разлучить давних друзей никому не удавалось.

Не раз и не два попадали капитан и его конь в разные передряги, но, слава Богу, выходили из них живыми. А большего и не нужно на войне...

Вот, скажем, получил полк приказ готовиться к атаке, а время и место для наступления не самое лучшее. На рассвете идти из широкой низины на хорошо укрепленные врагом холмы — дело, можно сказать, гибельное. Но приказы не обсуждают, командование дивизии, а может даже и корпуса,

виднее, где наступать такому-то полку и когда, там ведь вырабатывается большой замысел военной операции.

Командиры проверили наличие у бойцов оружия, боеприпасов, необходимой амуниции, приказали отвезти полевые кухни в лесистую лощину в тылу, верховых и тягловых лошадей направить в узкий глинистый овраг, чтобы спрятать их от бомбежки. К тому же враг наверняка начнет огрызаться: могут сначала огнем ударить из минометов и пулеметов по нашим траншеям.

...В семь ноль-ноль грянуло и поплыло над низиной, потом над пригорками «ура» — полк пошел в атаку всеми наличными силами. Уже изрядно удалось продвинуться поредевшим цепям бойцов. И вновь шквальный минометный и пулеметный огонь прижал их к земле. Но вновь вставали по команде и вновь залегали... И только к одиннадцати часам удалось захватить нашим воинам господствующие высоты. Когда стало ясно, что с холмов полк уже не хлынет вспять, а будет помалу, упорно продвигаться вперед, капитан с группой бойцов подогнал из тыла лошадей и вместе с медсестрами стал вытаскивать раненых с поля боя, укладывая их бережно на телеги, заранее умощенные дырявыми шинелями, изношенными ватниками, соломой и прошлогодней травой, — и поскорее, поскорее в лазарет! Тут уж ветработник не отделял себя от медиков — дело-то общее, чрезвычайное! Сил не жалея — спасай людей! Как отмечал про себя Николай Николаевич, Вьюнок тоже ни на минуту не отлынивал от напряженного совместного труда. Раз за разом уходили скорые обозы в тыл, раз за разом возвращались, облегченные, и вновь — погрузка стонущих от боли бойцов, и вновь — уплывающие одна за другой по кочковатому полю телеги, и вновь... А там уж, когда командиры подсчитали потери и захваченные в бою трофеи, когда поредевший полк на скорую руку обосновался в полуразрушенных вражеских укреплениях и к возвышенностям подтянулись полевые кухни, Николай Николаевич отправился на свидание с Вьюнком. Как он? Не сбилась ли, к примеру, подкова? Нашел ли себе какой-нибудь прокорм? Да и вообще постоять рядом с ним, дать гостинчик, похлопать по крупу, привести в порядок гриву — милое дело.

...Молодой усталый подполковник оглядел строй отличившихся на поле боя и, увидев опаздывавшего капитана, не по уставу махнул ему рукой, мол, давай-давай становись...

— Так вот, братцы мои... — опять же не по-уставному обратился он к бойцам и командирам. — Все представлены к правительственным наградам. По заслугам, считаю я. Приказ выполнен...

Получать свои награды бойцы отправлялись небольшими группами: боевые позиции всегда должны быть надежно прикрыты. Николай Николаевич выбрал себе в попутчики Василия Ананьевича, пожилого сержанта. С ним они, случалось, неспешно толковали о том и о сем, вспоминали мирные денечки, тем более что оба родом были из-под Костромы, знатного русского города. Добираться до командного пункта дивизии было в общем-то просто: следовало пересечь наискосок большое поле, а за ним — березовый лесок... Земляки решили накануне, что на командный пункт надо явиться солидно; в восьмом часу утра бережно оседлали двух коней — Ворика и Вьюнка — и тронулись в недалний путь. У самой у опушки над головами что-то противно и ноюще загудело. «Самолет! И не наш! У наших звук другой...» — мигом поняли всадники. «Мессершмитт» пронесся на бреющем полете раз, потом еще раз... «В третий или четвертый раз несдобровать!.. — сообразил Николай

Николаевич. — Спешиваться! Немедленно!» Они соскочили с лошадей и подняли головы. Растянутый в улыбке рот фашиста-летчика, его беспощадные холодные глаза навсегда впечатались в память Николая Николаевича. «Конец! — подумалось. — Всё!»

Пулеметная очередь... Еще одна... Мимо!

И самолет пошел на новый круг...

Николай Николаевич оглянулся, ища глазами хоть какую-то кочку, хоть какой-то бугорок... Мостик! Над высохшим руслом заросшего травой ручья горбился бревенчатый мостик!

— Вася, бежим туда!

Он стегнул плеточкой коней, прикрикнул: «Домой!» — и рванул к спасительному укрытию, за ним, шумно дыша, бежал сержант...

Мостик был невысок и невелик, но спрятаться двоим можно вполне.

— Заползай поглубже!

— Да я же постирал одежду! И — в грязь? Нет!

Очередь стеганула по надраенным сапогам, по чистым галифе, по чистой гимнастерке Василия... Что-то резко ударило капитана в бок — и он потерял сознание.

Кто бы и где бы искал земляков, если бы не прибежавший к бойцам Вьюнок! Он бил копытом в землю, ржал, но в руки не давался, убегал по направлению к леску, возвращался и снова ржал...

— Надо идти за конем — искать наших! — догадались боевые товарищи. — Что-то случилось...

А когда конь уверился, что его поняли, то помчался через поле, добежал до мостика — и взвился на дыбы!

Как ни удивительно, земляки остались живы. Правда, Николай Николаевич вернулся к своим из лазарета через две недели, а Василий Ананьевич провалялся в тыловом госпитале около года и был демобилизован из армии по ранению.

А сколько еще историй приключалось с Вьюнком и его другом-капитаном, о том и не рассказать. Война — дело долгое, опасное и трудное.

А потом наступил мир. Какое славное наступило время! И в этом времени надолго продлилась неразлучная судьба доброго человека и доброго коня.

Иван НЕЧИПОРУК

«Донбасс — это край не избитого края...»

* * *

...По тебе тоскую я,
моя индустриальная окраина...

Олег Герасимов

Моя земля порой невзрачна и незрелищна
На хрупкой грани пакибытия,
Где терриконы стражами стоят:
Урбанистически-промышленная сельщина,
Шахтёрская окраина моя.

Тобою я живу и грежу горизонтами
Неоскудевших угольных глубин.
Я пью октябрьский цвет твоих долин,
Когда вдруг небеса становятся бездонными
Над кроткими кораллами рябин.

НЕЧИПОРУК Иван Иванович — поэт и прозаик, учредитель донбасского литературно-художественного журнала «Пять стихий», заместитель председателя правления Межрегионального союза писателей (Луганск), член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Родился в 1975 году. Окончил Горловский государственный педагогический институт иностранных языков и филологический факультет Славянского государственного педагогического университета. В прошлом — шахтер с двадцатилетним стажем. Параллельно с работой в шахте сотрудничал с городскими и областными газетами в качестве репортера и ведущего литературной рубрики. Живет в Горловке (ДНР).

Горловка. Ре-бемоль мажор

Подумаешь, осень! Подумаешь, холод настал!
Всему своё время, а значит, не надо печали!
Оставьте, оставьте печали свои за плечами,
Пусть радость сияет сквозь тучи, светла и чиста.

Пусть клёны шумят и кряхтят на ветру тополя,
Зато просветлились домов стооконные лица.
Должно ведь, должно ведь хорошее что-то случиться,
Бросай свою негу, айда по проспектам гулять!

Пока площадные массивы шумят и гудят,
Сворачивай в сквер и дыши обомлевшей листвою.
Ведь каждая осень в судьбе хоть чего-то да стоит,
И нам ли бояться листвы под ногами дождя?

Дорожное

В октябре, что стал сплошным костром,
Быть бродягой хорошо и лестно мне.
И плывут за лобовым стеклом,
Тая за очередным холмом,
Благодатное, Маяк, Прелестное.

Так бы, не сворачивая вспять,
И мотался б трактами разбитыми,
Позабыв про отдых, тишь да гладь,
Имена посёлков напевать:
Рассыпное, Бирюки, Сердитое.

Агасфер растрёпанных дорог,
Осенью горящей разукрашенных,
Отдал бы я им последний вдох...
Но не это мне доверил Бог,
Оттого мой рок уже не страшен мне.

Сердце России

Донбасс — сердце России!

Плакат 1920-х годов

Ведь русскому миру сейчас не до этого.
Читают все Рыжего и слушают Летова.

Анатолий Сорокин

А мы на окраине Русского Мира
Живём, оторвавшись, по правилам новым...
Живи — не хочу, меж воронок лавируй,
Ходи на «Юнону», читай Шевкунова.

«ДОНБАСС — ЭТО КРАЙ НЕ ИЗБИТОГО КРОЯ...»

Донбасс — это край не избитого края,
Здесь всё по-другому, здесь слушают чаще
Вадима Самойлова и «Зверобоев»,
Здесь даже надежды, как песни, звучащи.

Мгновения ценят, не боятся с жиру,
Традиции чтут и берут за основу.
На дикой окраине Русского Мира
Читают Черницкого и Иванова.

Кому-то покажется быт здесь убогим,
Увечным, поруганным, не экстра-класса,
Но к сердцу России ведут все дороги:
Идут из Донбасса — приводят к Донбассу.

Дикое поле

Дикое поле, безликою болью
Беды твои оседают во мне.
Времени смутному я подневолен
И от тоски обжигающей нем.

Степи, умытые кровью закатов,
В сердце моём навсегда. До конца.
Я, не приемля закон невозврата,
К небу тянусь над изгибом Донца.

Край мой намоленный, край мой иконный,
Спаянный ветром с огнём и судьбой,
Мы двуедины — и беспрекословно:
Я навсегда в крепкой сцепке с тобой.

Чёрная млечность рассвета

Что там в моём заклеенном конверте:
Апатия, а может, фатализм?
Здесь жажда сна сильнее страха смерти.
Я в этой безобразной круговерти
Устал смотреть на раздиранье риз.

И снова жизнь как карусель — по кругу,
И требует: «Смирись, не прекословь!»
Когда «гераней» в небо льётся fuga,
На Млечный Путь смотрю я без испуга,
И горлом сгустками опять идёт любовь.

Предчувствие

Однажды я проснулся на рассвете
От острого предчувствия беды.
Бесился за окном безумный ветер,
Терзая опустевшие сады.

Растерянно метался дождь по крыше,
А за моим заплаканным окном
Стонала перепуганная вишня,
Как будто бы войти просилась в дом.

И так мне было страшно и тревожно,
Хотелось взвыть в объятьях темноты,
Хотелось убежать... Но невозможно
Бежать от приближения беды.

* * *

Начав свой новый день за здравие,
Я к вечеру свой миф разрушу,
Пустые приступы тщеславия
Смываются контрастным душем.

И дней шальные многоточия
Мне дарят новые ответы.
Растратив все запасы прочности,
Душа моя взывает к Свету.

Опять, блуждая от отчаянья,
Шепчу свои обиды ветру...
А мне до Храма расстояние —
Всего-то пара сотен метров.

Колос

Я колос пшеничный, нас море, но я здесь один.
Один не сгибаюсь под ветром и тяжестью зёрен.
В стремлении к солнцу я принципиально упорен
И в верности свету, давно сам себе господин.

И пусть по-холопски собратья склоняются вниз,
Судьба — не подарок: и ветром, и градом нас било.
Но если я слышу бряцающий лязг мотовила,
Я твёрдо уверен: прогнуться — не значит спастись.

«ДОНБАСС — ЭТО КРАЙ НЕ ИЗБИТОГО КРОЯ...»

* * *

Когда остывшие надежды
Листою скинут тополя,
Как надоевшую одежду,
И успокоится земля,

Дворы наполнятся прохладой
И нереальной пустотой,
И новым жизненным укладом
Задышит бранный город мой,

Тогда и я, собрав пожитки,
Пойду по зову в темноту,
Туда, где тихий ветер жидкий
Качает робкую звезду.

Моя жизнь

Город, где шахтную пылью дышалось легко.
Я, как волчонок, впитавший его с молоком,
В мир прорастал, наполняясь его соучастьем,
В этом великом краю пролетарского счастья.
Позже я пил этот город донбасским дымком.

Город, где ртутных карьеров раскаты неслись,
Где вагонетки канатки, взлетевшие ввысь,
Были нам символом крепкой советской эпохи.
Я этот город теперь собираю по крохе,
Горловка — это не песня, а вся моя жизнь.

Мой город

Мой город! Он не видел отражений
Своих в большой мерцающей воде,
Он на краю степи живёт пугливой,
Не зная о протоках и заливах.
Живёт тревогой памятных свершений,
Судьбой неровной и осколками задет.

Копрами смотрит в небо удивлённо
И бережёт покой фазаньих троп.
Полны земных даров его глубины,
И пыльный дух царит над ним польноно...
Мой город вдохновенно-окрылённый:
Трудяга, пахарь, воин, углероб!

Владимир ГОЛУБЕВ

Деревянный танк

(Продолжение. Начало в № 2 за 2025 год)

Глава 5. ПОБЕГ

Они шли лесом по глухой, занесенной снегом дороге, на которой уже не осталось и следа от лошадиных копыт, полозьев или ног человека. Тут, наверно, и летом немного ездили, а теперь, после долгих февральских метелей, всё заровняло снегом, и, если бы не лес — ели вперемежку с ольшаником, который неровно расступался в обе стороны, образуя тускло белеющий в ночи коридор, — было бы трудно и понять, что это дорога.

Василь Быков. Сотников

Алексей настойчиво постучал в окно, в ответ вскоре донеслось:
— Кого там еще на ночь принесло?
— Да я это — ваш сосед, Лешка Вдовин.

ГОЛУБЕВ Владимир Михайлович — прозаик, фольклорист, член Союза писателей России, кандидат юридических наук. Родился в 1965 году. Живет в деревне Каменке Серпуховского района Московской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Служил старшим следователем следственного отдела Серпуховского УВД, следователем по особо важным делам Серпуховской горпрокуратуры. Учился на факультете правоведения Юридического института МВД РФ. Писательскую деятельность начал в 1992 году, первая публикация была в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса» (2008), «Асины сказки» (2010), «Тешиловская русалка», «Зибровский водяной» (2014), «Лесовик и метелица» (2014), «Сказы Матушки Оки» (2018), «Забывтый рубеж» (2019) и др. Лауреат Общественной национальной литературной премии имени П. П. Бажова (2022), Российской литературной премии (2023), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024).

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Голос, мгновенно ставший дружелюбным, забасил:

— Что стоишь, заходи. Лидка, иди, к тебе ухажер пожаловал!

Парень смутился, аж щеки загорелись, но поднялся на крыльцо и принялся ожидать. Через пару минут дверь открылась и на мороз выпорхнула соседка, накинув старый дедовский кожух, из-под которого выглядывал мамкин новый цветастый платок.

— Что стряслось, Леша? — спросила Лида.

— Я вот ухожу, хочу попрощаться.

— Куда тебя опять несет?

— Бабушка сказала, что скоро начнут молодежь отправлять в Германию, она меня в списки жителей не внесла, поэтому я отправляюсь куда подальше.

— А куда ты собрался, если не секрет?

— За Грибовкой есть лесная заимка, там живут наши родственники. Бабушка говорит, что мне надо укрыться там, чтобы не угнали на работы.

— А я как же?

— Ты еще маленькая. А нашим ребятам передай: пусть будут поосторожней. И еще вот какое дело: отнеси вот эти продукты и деньги Эмуне Иосифовне с Идой, я тут раскурочил свою копилку, там двадцать рублей оказалось.

— Ну ты, оказывается, богач, по новым деньгам две фашистские марки! Алексей виновато улыбнулся:

— Отец давал на праздники.

Парень протянул мешок и, разжав кулак, показал смятые купюры. Девочка подхватила поклажу и отнесла ее в дровник, а деньги спрятала за пазуху.

— Хорошо, я их не оставляю. Завтра к вечеру всё отнесу. Напиши мне письмо, что ли.

— Так почта не работает, куда его посылать-то?

— А куда, я его потом прочту, когда свидимся.

— Ладно, тогда я пошел, — Алексей уже было повернулся идти, как вдруг крепко прижал правой рукой к себе Лиду и окунулся в ее мягкие волосы, пропахшие дымом. Она нежданно-негаданно не отпихнула его и не закричала, а на удивление покорно положила голову ему плечо, и он ощутил на своей щеке ее горячее дыхание. Так они простояли несколько минут. Наконец он зашептал, но совсем не то, что хотел, вернее, то, что желал, вообще не сказал:

— Как пойдешь на погост, то к нашему Кольке зайди на могилу, скажи, что я его помню.

Девчонка словно очнулась, для пущего вида оттолкнула Алексея и зашипела в ответ, так и не дождавшись того, что хотела услышать:

— Зайду. Иди уж, не мучай, путь небось не близкий.

— Прощай. Присматривай еще за моей бабулей.

— Непременно, указчик тут нашелся, — она опустила глаза, а сердце заколотилось внутри, и вдруг у нее вырвалось: — Прощай, Леша, я буду тебя ждать, помни об этом.

— Я... я тоже... ступай в избу...

Лешка повернулся и чуть ли не бегом направился в сторону шоссе, ему стало жарко, и в его груди словно билась вольнолюбивая птица, желая вырваться из тесной клетки. Неяркие вечерние звезды приняли его под свои своды и повели на север. А Лида, захлопнув дверь, еще долго простояла в ледяном чулане, желая утаить от матери, сестер, деда с бабушкой невесть откуда взявшиеся слезы.

* * *

Алексей шел по дороге в сторону Боровского шоссе, и только скрип снега под ногами выдавал запоздалого прохожего. Изредка на северо-востоке что-то грохотало, но быстро вновь наступала тишина. Взойдя на сугроб, парень долго всматривался в далекую линию фронта, и ему даже казалось, что он видит разрывы снарядов и зарево пожарищ, но глаза слезились от напряжения, и, вытерев слезы, он брел дальше, неспешно вспоминая то приятное, что частенько случалось в его короткой жизни.

За спиной в свете стылой луны осталось родное село с бабушкой и теплым домом, друзьями и соседями, с неспешной Протвой. Закрой глаза, и сразу перед тобой пляшут на водной ряби томными глазами русалок желтые кубышки. А как хороши цветущие, точно пестрый бабушкин половик, луга с Троицы до Ивана Купалы, что начинались сразу за огородами, с жужжанием пчел и шмелей, запахами донника и меда, то скошенной травы, то свежего сена. Неожиданно в памяти всплыло, как по ржаному полю, что сразу за рекой тянется аж до дальнего леса, серебристыми волнами гуляет ветер, облака застенчиво глядят в воду, как в зеркало, а где-то над Угодкой уже гремят раскаты скорого летнего грома, что поднимет пыль, а после нещадно приколотит песок к земле крупными каплями. А они летят сломя голову с Колькой к Протве с полными корзинами грибов, чтобы побыстрее укрыться под раскидистыми ветлами от скорой непогоды.

Вдали осталась и Лидка, с ямочками на щеках и смешливыми глазами. Его маленький мир, такой обжитый с самого детства, растворился в стылой ночи. Еще Лешка думал о войне, о немцах, что запросто убили его односельчан, и о том — падет ли скоро Москва, и правда ли, что наших выбьют за Урал. Внутри него с каждым шагом и каждой минутой просыпались неуправляемый гнев и праведное желание посчитать за ту боль, что принесли в наши края нацисты. Но время от времени подступал страх: как же это ужасно бездвижно валяться на земле, как его лучший друг Колька...

* * *

Знакомая дорога вывела на шоссе, и Алексей поспешил в сторону Высокиничей. Название «Боровский тракт» звучало гордо и солидно, на самом деле это был почти проселок — немощенный, весь в колдобинах. Лишь зимой он приобретал более-менее ровное покрытие, а весной и осенью его часто затапливало, и тогда, например, попасть в районный центр становилось невозможным, и деревни жили оторвано от внешнего мира, как на островах. Слева к дороге подступал вековой бор с огромными соснами, такими древними, что, казалось, они еще хорошо помнят не только Наполеона, но и литовцев с поляками, а может, и самого московского царя Ивана III, так и не пустившего на левый берег Оки хана Ахмата с войском. Сплошной частый лес корабельных сосен перемежался с глухими ельниками и тянулся почти сплошной преградой от рязанской Мещеры, через Каширу и Серпухов дальше на Калугу и после на запад, отделяя дремучую лесную Россию от привольной степной. С самого малолетства деревья-великаны завораживали Алексея: то вызывали страх, то неуправляемо влекли под свои зеленые своды.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Зима изрядно припорошила землю, немало перепало и деревьям, даже ветви елей провисли под тяжестью снега, прильнув к шершавым стволам. Перед Алексеем лежал самый опасный участок его недалекого маршрута. Хоть немцы старались не передвигаться между населенными пунктами по ночам, но всё равно шансов столкнуться с гитлеровцами было достаточно много. Риск не шуточный, а смертельный — перемещаться в темное время суток строго-настрого запрещалось, и за нарушение запрета грозил скорый и неминуемый расстрел. На случай непредвиденной встречи парень решил загодя: лишь только приметит чужаков, так сразу перемахнет через сугробы и укроется в лесу.

Каждый год, когда после дождей наступала грибная пора, отец брал небольшой отпуск. Они втроем на пару-тройку дней перебирались к двоюродной сестре бабушки в лесную заимку и часто для обратной дороги подряжали в местном колхозе подводу: вот сколько грибов собирали! Каждый день спозаранку, когда из низинок и лощин холодными языками прет назойливый туман, они с корзинками отправлялись в лес. Особливо Лехе там было по сердцу в конце августа-сентябре, когда невесомые паутинки скользили по ветерку да тянуло из лесного сумрака грибами и увядающей зеленью.

Грибы они солили в кадушках. Забавно посредине зимы за столом хрустеть рыжиком или чернушкой, найти в миске темно-зеленый лист черной смородины, прилипший к груздю. Много, особенно белых и подосиновиков, сушили и зимой перед Великим постом продавали эти ожерелья в Серпухове. Но теперь Леша думал о другом, о том, что привычная и такая правильная, понятная жизнь сгинула. Где отец — он не знает, что станет с оставшейся в Глеbove бабушкой — тоже не ясно, лучшего друга он навсегда потерял. А что будет с ним, с Лидой, с односельчанами, да и со всей Россией?

Впереди него между большаком и лесом темнело что-то огромное, ни на что не похожее. Алексей огляделся — вокруг никого не видно — и прошел вперед. И вскоре с замиранием сердца встал как вкопанный возле темной груды развороченного краснозвездного танка, с сорванной башней и поникшим стволом. Перед легендарным Т-26*, навеки уснувшим в придорожной канаве. Теперь он совсем не казался таким стремительным и грозным, даже непобедимым, как в любимом Лешкином фильме «В тылу врага»**.

Леха погладил холодное на морозе железо, заглянул вовнутрь и даже попытался тихонечко пропеть:

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.
Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силён,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон***.

* Советский танк, при создании которого использовался в качестве образца английский танк *Vickers Mk E*, закупленный в 1930 году. Наиболее интенсивно использовался в Испании, в ходе советско-финской войны, и в 1941 году во время битвы за Москву.

** Художественный фильм о советско-финской войне (1939—1940), снятый в 1941 году. В главной роли — артист Николай Крючков, сыгравший отчаянного разведчика, нещадно бьющего жалких белофиннов.

*** Песня «Три танкиста», автор Б. Ласкин.

Истерзанная куча стали, запорошенная снегом, хранила молчание. Алексей огляделся, обошел танк, высматривая, нет ли где погибших танкистов. К счастью, тел он не обнаружил, подумал: «Значит, танкисты спаслись или угодили в плен, либо их уже похоронили колхозники из ближайшей деревни...» Тут неожиданные мальчишеские слезы вдруг хлынули ручьем: припомнился их с Колькой проклятый деревянный танк, громкий винтовочный выстрел и бледное лицо друга. Подумалось: что они могли сделать на игрушечной машине, коли здесь оказалась бессильна настоящая железная крепость? От досады он пнул по корпусу и побрел дальше с комком в горле, кусая губы. Впервые кляня про себя все эти заученные марши и агитки, теперь казавшиеся пустозвонными словами, и те кинофильмы с парадами на Красной площади, где молодежь под бодрый марш катит перед трибунами Мавзолея самодельные картонные самолеты и танки на колесиках. Сколько добра людям принес бы его Колька, если бы подрос и стал настоящим мужчиной! Он вполне мог бы управлять трактором, или стоять за штурвалом комбайна, молотящим хлеба, или стать капитаном и водить суда Северным морским путем через Карские ворота и Берингов пролив. А теперь, получается, его короткая ребячья жизнь пролетела впустую. Сами виноваты, сами насмотрелись и наслушались, думал парень. Но почему взрослые не остановили их глупую затею с танком? Не осудили их мальчишеское стремление немедля повоевать? Только одна бабушка всё твердила, что негоже детям и бабам ходить на войну, не их это дело. Что теперь? Выходит, его малограмотная бабуля оказалась права, а все эти газеты да кумачовые лозунги нещадно ввали, так же, как и о скорой победоносной войне на чужой территории? От нескончаемых вопросов, да еще и без ответов ему вдруг захотелось, как в детстве, спрятаться с головой в каком-нибудь укромном месте, хоть под столом или даже в норе, как той беженке на их деревенском погосте, и дожидаться, когда всё это закончится.

Внезапно из-за поворота, узким лучом полоснув по глазам, словно лезвием исполинского ножа, вспыхнули фары идущей навстречу машины. Лешка замешкался и поздно перескочил через снежный навал в спасительный кювет. Видимо, в автомобиле его приметили, хоть он и кинулся бежать в бор, ни с того ни с сего припомнив и нашептывая бабушкину поговорку «Батюшка лес, спаси и сохрани». Но, в полной тьме зацепившись за валежник, повалился со всего маха в сугроб между двумя елями. Легковушка, скрипя тормозами, остановилась напротив него, из нее выскочил человек в длинном плаще или шинели и дал по запоздалому пешеходу длинную очередь из автомата. Сучки и кора посыпались сверху на парня, а он от ужаса еще сильнее уперся головой в дерево, словно хотел весь втиснуться в спасительный ствол и там укрыться.

Гитлеровец что-то крикнул вдогонку по-немецки, осмотрелся и выпустил еще дюжину пуль, а после вернулся в салон, хлопнув дверью. Автомашина, с визгом побуксовав в снегу, всё же тронулась и поехала дальше в сторону Угодского Завода.

Еще долго на земле лежал Леша и жалел, что нет у него какого-нибудь справногo оружия: вот он бы пальнул по фашисту, непременно отомстил бы за друга. Только когда мороз стал пробираться аж до костей, он решил, что пора подниматься. Вначале встал на четвереньки и вновь осмотрелся — до сих пор казалось, что гитлеровцы всё еще поджидают его в темноте. Оказавшись на ногах, он отряхнул пальтишко и замер. Прислушался к ночной

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

тишине, которую нарушали лишь треск окоченевших стволов деревьев, шум от падающих с веток белых шапок и слабый вой ветра в вершинках лесных великанов. Алексей, всё больше и больше ощущая озноб, выбрался из бора, но на большак не осмелился выйти, так и побрел по снегу около шоссе, всматриваясь то вперед, то назад, стараясь не пропустить едва приметный поворот на заимку. От ходьбы он вскоре согрелся и немного погодя повернул на знакомый проселок, с радостью оставив теперь ставший ненавистным тракт.

Лесная дорога обступила парня, кругом темень — луны почти не видно за деревьями, под ногами снег, давнюю колею давно заporошило. Вокруг нависали могучие ели, ветвями цепляли его, нещадно осыпали сверху колючим снегом. Вначале стало страшно, но, пройдя уже несколько часов в полной темноте, он приспособился различать путь и даже для забавы принялся представлять себя то волком, крадущимся к деревне за добычей в хлеву, а то косолапым медведем, выискивающим берлогу, чтобы безмятежно залечь и проспать до апрельской теплыни.

Свернув на проселок, парень прошел с полчаса и, подметив слева маленькую елань, свернул с дороги, присел на пень перевести дух. Алексей радовался, что миновал самый опасный участок, а в глухом бору ему ничто не угрожает, — маловероятно, что гитлеровцы по ночам здесь бывают. Он пожевал припасенных сухарей, из-за пазухи достал бутылку с теплым морковным чаем, напился. Глаза, правда, уже слипались, а ноги предательски гудели. Весь предыдущий день пролетел в хлопотах — Алексей то копал могилу в мерзлой земле, после отправился на похороны, и всё на морозе. Чуть-чуть согревшись, паренек даже задремал. Время перевалило далеко за полночь, а надо было непременно идти дальше, но даже и этих нескольких минут такого неестественного сна ему хватило бы, чтобы передохнуть и продолжить путь.

* * *

Ветерок безжалостно выдувал остатки тепла из пальто с ватной подкладкой, когда ему то ли приснился, то ли взаправду привиделся в полумночной хмури благообразный дед с седой окладистой бородой, в мгновение ока появившийся перед ним из-за деревьев. Он поначалу не спускал глаз с парня и в конце концов принялся трясти его за плечо:

— Вставай и иди.

Алексей приоткрыл глаза и глянул с опаской на незнакомого старца в белом плаще, невесть откуда взявшегося в ночной глуши. И тут как черт его дернул сказать:

— А зачем, мы и так все скоро умрем?

Старец наморщил высокий лоб и вновь прикоснулся к его плечу:

— Жизнь не погибнет. Иди!

— Сейчас, дедушка, еще минутку...

Вдовин еще разок прикрыл глаза, как казалось — только на пару мгновений, тем паче и спина согрелась, будто кто-то большой и теплый обнял парня. Могло бы так выйти, что и остался бы он навек в здешнем бору, но, благо, мимо, сбивая снежные шапки, пробирался в молодой ельник голенастый лось с могучими рогами да походя разбудил его...

Рисунок Вадима ЖУКОВА

* * *

Алексей полностью проснулся и ощутил, что сильно замерз. Рядом никого не оказалось. Что за дед привиделся ему, он так и не понял, списав всё на сновидения. А вот ночной мороз крепчал, и, чтобы хоть как-то согреться, парень припустился бежать. Недолгое полузабытье придало ему сил, а от необычного видения он просто отмахнулся, как от назойливой мухи.

Сосны отступили, и показалась долгожданная заимка из трех домов. Посреди ночи будить и пугать пожилую родственницу парень не осмелился и направился в сад. Пройдя мимо старых и кривых яблонь грушовки и коричневки, зарослей чернослива и кустов смородины, он пробрался к сенному сараю. За стенкой стояла припрятанная под старым скарбом лестница. Алексей ее достал и поднялся под крышу, где зарылся в сено, пахнувшее травами и пылью. Лешке вдруг стало непривычно легко. Где-то настойчиво шуршала мышь, изредка попискивала, не обращая никакого внимания на нежданного гостя. Едва согревшись, он провалился в сон.

Проспал долго, а когда открыл глаза, спросонок, сквозь отдушину в сене увидел неяркое солнце, повисшее над лесом. Нынешняя война, без спроса вломившаяся в родные края, приучила Алексея к осмотрительности, и он опасно подполз к краю сеновала, чтобы понаблюдать за домом.

Двор оказался как на ладони. Виднелась натопанная дорожка к колодцу и дровнику, а из трубы приветливо шел белый дымок. Коз и овец, которые еще летом жили рядом в сарае, не было слышно, видимо, от них избавились. Вести от Пелагеи Степановны не приходили с августа, с тех пор, когда они с бабушкой в последний раз ее навещали, и что теперь с ней — неведомо.

Из избы никто не выходил. Следовало что-то наконец-то предпринять, и Алексей решил, что пора идти в гости. Он вылез из сена и тщательно отряхнулся, не желая выдавать место своего ночлега, а выскочив на мороз, обошел усадьбу и постучал в окно.

— Что надо? — внезапно раздался грубый мужской голос.

— Мне нужна Пелагея Степановна.

— О как! А ты кто такой? — удивленно ответил тот же голос.

— Я ее родственник, принес письмо для нее от сестры.

— Кто еще с тобой, почтарь?

— Так один я и уже озяб.

— Ну, письмо, как известно, дело хорошее, тогда заходи, гостем будешь.

Дверь открыл плешивый дед в старой меховой безрукавке и стоптанных валенках, поинтересовался:

— Германца-то по дороге не встречал?

— Да нет, я шел в темноте.

— Заходи, не студи дом.

Оказавшись в натопленной избе, Алексей ощутил запахи чужого семейства и увидел в красном углу на лавке двух девочек-погодков лет восьми-девяти и кучерявого пацаненка лет шести в душегрейке. На привычных местах стояли аккуратно заправленные никелированные кровати, стол и лавки. Его визит застал новых хозяев явно врасплох, они с опаской смотрели на гостя, а из-за кухонной занавески выглядывала востроносая бледная женщина в белом платке и в застиранном ситцевом сарафанчике.

Парень поздоровался и спросил:

— Не подскажите, где Пелагея Степановна?

Женщина вытерла руки о полотенце и удивленно сообщила:

— Так ваши соседи болтают, еще в октябре она убегла с козами в Серпухов, к своей родне, почитай, прямо перед приходом немцев.

— Во так дела! — вырвалось у Лехи. — А мы с бабушкой и не знали, хотя гостили у нее в августе, грибы тут собирали, дрова кололи на зиму.

— Кто ж тогда думал, что немец допрет до самой Московской губернии, — вмешался дед, присев рядом с внуками на край лавки.

— А мы из деревни Воробьи, Машковского сельского совета, что по Варшавскому шоссе, которое идет напрямиком на Москву. Не так далеко отсюда, у нас там такие бои шли, что врагу не пожелаешь, — нараспев пояснила женщина, не выходя из кухни. — А изба наша погорела, осталось одно пепелище от родительского дома. Слава Богу, хоть сами уцелели, вот и удрали в чем были сюда, в дремучие леса, из хозяйства только кошку и прихватили с собой. Соседи-то нас и пустили в дом Пелагеи Степановны. Можете у них поинтересоваться, нам врать-то нечего, мы люди простые, не самолично захватили. А потом мы за избой-то, понятное дело, приглядим, а то насмотрелись, пока сюда добирались, как на некоторых брошенных домах свои же соседи-то, креста, что ль, на них нет, даже крыши посрывали, да что там крыши — несчастную картошку из подполов уволокли. Во какие дела-то творятся, разве так можно бессовестно людей обкрадывать?

— Понятно, а немцы-то у вас тут часто бывают? — с грустью спросил Леха, ясно понимая, что здесь он теперь не укроется.

— Изредка наезжают, но брать-то у нас особо нечего, сами сидим на одной картошке, да кой-какие соленья в погребе остались. Болтают, они еще партизан и каких-то поджигателей выискивают, их, мол, из Москвы прислали всё вокруг пожечь, — ответила женщина. — А тебя откуда принесло в нашу глушь, может, ты тоже городской поджигатель? Пальто, как погляжу, на тебе справное, и смотришься не как нашенские пацаны, прям городской.

— А я школьник из Глебова, что около Протвы, вот остался один с бабушкой и хотел тут по-родственному у Пелагеи Степановны укрыться, пока немец не уйдет. У нас в селе молодежь хотят угнать на работы в Германию. А пальто отец мне только купил, стеганное на вате, прошлая зима была очень студеной. Он у меня в госбанке работает, теперь в эвакуации.

— А мать-то где?

— Не знаю, сбегла с офицером, когда я совсем маленьким был.

— Ох и дуры бабы, как можно бросить родное дите? А ты что стоишь-то, раздевайся, согрейся, чай, нам тепла не жалко. Печка еще топится.

— Спасибо, я погреюсь с дороги.

Хозяйка ушла на кухню и загремела чугунами.

— Главное, чтобы нас не подпалили: куда бежать в мороз-то с детьми малыми? Вот что удумали, нехристи, теперь по ночам глаза не закрываю, всё слушаю, не идет ли кто, — заворчал дед, сажая внучка на колени.

Алексей огляделся и продолжил:

— А теперь мне, видно, придется дальше пробираться, прямо до самого Серпухова.

— Так там же передовая! Куда тебя несет, паря, убьют и фамилии не спросят! — крикнул дед.

— Попробую пройти через леса, у меня есть карта и отцовский компас. Я здешние места неплохо знаю — мы тут грибы собирали много лет.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Женщина посмотрела на отца, словно спрашивая его совета, а после всё же сказала:

— Так хоть отдохни с дороги, парень, залезай на печку, тут до фронта не близко.

— Спасибо, мне надо где-то день пересидеть. Вечером пойду лесной дорогой.

— Иди-ка поспи лучше на лежанке, а к обеду мы тебя поднимем. Получается, ты нам ноне как родич.

— А если заявятся фашисты? — спросил Алексей.

Дед наклонился к нему и вполголоса поведал:

— Как услышишь, трещит машина, то сигай со всей дури в подпол, а там меж полок нащупаешь лаз и прямо в него, попадешь под чулан. Туда никто не полезет, у нас там два раненых красноармейца прятались, почитай, цельную неделю, пока не отбыли восвояси.

— Спасибо. А новости какие есть?

Дед развел руками:

— Отколь у нас в лесу новости? Слыхали краем уха только про партизан, мол, шумят по дорогам, немец оттого стал пугливым. Но к нам никто чужой не захаживал, видать, знают, что мы не местные, не доверяют.

Женщина выглянула из-за занавески:

— Москва-то, как народ балакает, стоит. Третьего дня с самолета листовки разбрасывали, пишут, вроде не взяли, потому тут под Серпуховым недалече всё бьются. А еще Тула, кажись, уцелела. Ну а в Калуге немец-то давно, с начала октября, а бомбить нас, изверги, принялись еще в сентябре.

— Будем надеяться, что фашисты сломают свои зубы среди наших лесов.

* * *

Не раздеваясь, Алексей залез на печь и, разомлев от тепла, уснул крепким сном. Разбудили его часа через три-четыре, когда солнце уже повернуло на вечер. Он, вспотевший на горячих кирпичках, соскочил с лежанки и почувствовал, что вся усталость и легкий озноб куда-то пропали. На столе красовались чугунок с картошкой в мундире и миска квашеной капусты да соленые грибы.

— Закусите с нами, чем Бог послал, не побрезгуйте, — позвала хозяйка.

— Спасибо, а у меня есть немного сухарей.

— Давно мы хлеба-то не пробовали, — улыбнулся в бороду дед.

Леша выложил пяток сухариков. Дети, посмотрев на деда и получив разрешение, с радостью схватили сухари и стали их грызть, словно сахар.

— До весны дотянете? — поинтересовался гость.

— Должны, я тут приладился на опушке петли на зайцев ставить, как-никак двух ушастых беляков добыл, правда, уже съели, угостить нечем. Протянем, главное, чтобы картошку не отняли. Дрова имеются — не замерзнем, а там, что Бог даст, посадим огород, так лето на траве да ягодах-грибах продержимся.

Они молча поели, и Алексей принялся собираться. Уже темнело, и первые длинные тени пересекали двор. Дед погладил бороду и потихоньку сообщил:

— Весь день ихние самолеты летали туда-сюда, да грохот там стоит, как в аду. Видать, дуже бьются. Будь настороже, в пекло-то не лезь.

— Постараюсь, пойду лесом, подальше от дорог.

— А как мыслишь, парень, возьмут эти гады Москву али нет? Хватит у них снарядов и духу-то?

— Я не знаю, я тоже новостей никаких не слышал, так только — слухи. Но верю, что наши советские воины не допустят такого позорища и столицу не сдадут.

— Молодец, парень! Крепкий ты духом. Тут к нам беженец из-под Алексина заглянул третьего дня и сказывал историю одну, уж не знаю, правда или побасенка какая. Говорил, мол, в одной лесной деревеньке местные пацаны сладили большой, совсем как настоящий, деревянный танк, и когда германцы сунулись к ним на своих трещотках-мотоциклетах, они его выкатили прямо на улицу. Так те, паршивцы, приметив советский танк, представляешь, развернулись и дали деру. И больше не кажут нос в ту деревню. Во ведь как бывает!

— Да, вот так история... — у Алексея чуть не вырвалось другое — «это ведь мы с Колькой, мы герои!», но печаль стремительно сменила радость, и он не стал сообщать, как всё произошло на самом деле, потому что боялся разреветься перед незнакомыми, пусть уже и теперь не такими чужими людьми.

— Я ведь в Первую мировую воевал, почитай, три года по фронтам мотался, и в Пруссии был, и под Луцком в шестнадцатом году, много чего повидал. Меня даже к Георгию представляли, да тут случилось отречение государя, и пошла-поехала губерния, стало не до георгиевских крестов... Я скажу тебе как на духу: нас, дедов, всё ругают, мол, отсталые мы дурни, лоб крестили, в царя-батюшку верили, науки ихней в глаза не видели, да токмо не бывало в наше пору эдакого срама, как ноне: где такое видано, чтоб германец да под самой Москвой стоял?!

— Отстаньте от него, Степан Кузьмич, он еще совсем ребенок, — укоризненно сказала женщина из кухни.

— Нашла мальчика, Варвара, вон какой парень вымахал, будущий воин.

— Спасибо вам за гостеприимство. Я, пожалуй, пойду, мне пора, — произнес Алексей.

К нему подошел малыш и, покраснев, попросил:

— Дядя, а дядь, покажи компас.

Алексей извлек из кармана отцову вещицу:

— На-ка, смотри, малец.

Малыш внимательно уставился на круглый циферблат и красную стрелку, а после сообщил:

— Вот мой батя с фронта придет и мне такой принесет.

— Точно.

Взрослые засмеялись, а малыш насупился. К нему подошли сестры и отвели за печку.

— Прощайте.

— Прощевай, парень, увидишь хозяйку, скажи про нас, что мы за нее молимся и за домом присмотрим.

— Обязательно передам.

Степан Кузьмич, охая, поднялся с лавки.

— Пойду провожу...

Накинув старый тулуп, дед вышел следом за Вдовиным и за домом окликнул его:

— Постой-ка!

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Леша остановился около сарая, достал компас и принялся определять северо-восток. Тем временем старик прошел за поленницу и вернулся со свертком в руках. В куске холщовой материи оказался вороненый револьвер. Он сунул его в руку Вдовину и, нагнувшись к уху, прошептал:

— На-ка, держи верного помощника. Револьвер, трехлинейный, системы Нагана, образца, кажись, 1895 года, он тебе нужнее будет. Мне его солдатики оставили перед уходом, мол, держи, дедуля, подарочек за обогрев и кров. Патронов, правда, маловато, только четыре, потому береги и без пущей надобности не пали по воронам. Коли волк или медведь на пути встанут, то подпусти шагов на тридцать — тридцать пять и стреляй, уразумел? Ну а если попадется супостат, тоже не плошай. Не забывай, какого ты роду-племени...

— Спасибо, дедушка. Правда, не знаю, смогу или нет...

— Не робей и заруби себе на носу: мы ихнего брата к нам не звали и хлеб-соль им на нашей земле не сулили.

* * *

Поздние сумерки встретили смельчака, опять пустившегося в длительный переход, морозом и ветерком. Алексей огородами направился в лес, окружающий заимку. Идти по проезжей дороге в сторону деревни Трояново и села Тростья он побоялся: судя по тому, сколько там находилось следов, гитлеровцы ею активно пользовались. Решил пробираться непролазным бором в сторону села Буриново, где, скорее всего, проходила сейчас линия фронта. Там надеялся пройти лесами, миновать передовую и оказаться в Серпуховском районе, в нашем тылу. За пазухой приятным грузом тянул подаренный револьвер, очень хотелось стрельнуть, вот прямо сию минуту, ну хоть в пень или трухлявую березу. Вдовин сдержался, опасаясь выдать себя. Правда, остановился в осиннике и изучил устройство нагана, даже несколько раз попробовал его шустро извлечь из-под пальто и прицелиться. Всё же где-то в глубине души он верил, что оружие ему не пригодится, однако следом же принимался ругать сам себя за пораженческие думы и представлял, как мстит за убитого дружка.

Скоро совсем стемнело и идти стало очень трудно. Ветки елей хлестали по лицу, снежинки обильно сыпались за воротник, приходилось их вытряхивать. К тому же впотьмах почти ничего не было видно. Вот только гул от взрывов всё усиливался и усиливался, иногда умолкая, но ненадолго. Ветер среди деревьев почти стих, хорошо, что снега в лесу навалило еще не так много и путнику не грозило увязнуть в сугробах. Однажды прямо из-под его ног, тяжело хлопая крыльями, взлетел громадный глухарь, сильно напугав пацана.

* * *

Алексей вскоре потерял счет времени. Он упрямо шел час за часом, и, как ему казалось, было уже давно за полночь, когда он первый раз устроил привал под старой елкой. Допил чай и насовал в бутылку снега, спрятал ее под пальто, чтобы он растаял. Потом долго сосал кусочек сала, изредка откусывая по чуть-чуть от сухаря. Следовало беречь скромные припасы: непонятно, сколько ему придется бродить по здешним буреломам.

Пройдя еще немного, он наткнулся на лисицу, торопившуюся ему навстречу. Заметив человека, она нехотя свернула в чащу в самый последний момент. Ему так захотелось шмальнуть в зверя из револьвера, но Леша удержал себя. Уже начали слипаться глаза, и он принялся высматривать местечко, где можно укрыться на остаток ночи. Вскороности он выбрался на небольшую прогалину, по краям которой стояли три пустые кормушки для зверья, сбитые из старого горбыля, но самое главное — он заметил остатки стожка. Со всех ног бросился к нему и с радостью устроил себе нору в сене. Он мгновенно провалился в сон и проснулся только поздним утром.

Перекусив и попив снеговой воды, Алексей выбрался наружу, тщательно отряхнулся и по своим следам возвратился на просеку. Пройдя еще метров двести, вышел из леса и оказался на краю небольшого поля, которое пересекала заснеженная проселочная дорога. Несмотря на то что человеческих следов было не видно, парень не рискнул идти напрямик и стал пробираться вдоль опушки. В конце лесного покоса оказалась низина, по которой среди кочкарника и ивняка тек ручей. А на самом верху этой небольшой луговинки стоял запорошенный армейский грузовик с дырявым кое-где тентом, упершись передним бампером в черную ольху.

Алексей замер, укрывшись на всякий случай в зарослях сухого камыша. Ему стало боязно, следовало хорошенько обдумать, что делать. Он долго не решался подойти к полуторке и начал внимательно осматривать местность. Ничто не выдавало присутствия людей здесь, не было заметно и колеи от колес на снегу. Все говорило о том, что машина стоит давным-давно заброшенной. На всякий случай достав наган, Вдовин стал осторожно подкрадываться к грузовику.

* * *

Он пошел вдоль звенящего по камням ручейка и чуть не наступил на тело красноармейца, давно вмерзшего в землю и почти полностью запорошенного снегом. Боец лежал ничком, протянув вперед руки и широко раскинув ноги, видимо, он полз к воде, но смерть остановила его. Кое-где гимнастерка оказалась разорвана, и куски мяса выедены зверями и птицами. От рук остались одни кости.

Леша, стараясь не смотреть, обошел стороной погибшего и направился к кабине. По лобовому стеклу грузовика от сквозных отверстий во все стороны шли длинные трещины. Дверца оказалась незакрытой, и он заглянул в кабину — на узком длинном диване, свернувшись калачиком, лежал солдат. Это был молодой светловолосый боец, коротко стриженный под машинку. Невыносимо тяжкий дух в кабине заставил покинуть ее. Алексей, отдышавшись, обошел вокруг полуторки и заодно заглянул в кузов. Откинув задний борт, посмотрел под тент. Внутри в полумраке стояли деревянные ящики. В них он обнаружил сваленные как попало: старые гимнастерки, нижнее белье, полотенца, немного мыла, ваксу для сапог, чехлы для фляг, обмотки и всякое весьма заношенное обмундирование красноармейцев. Всё время прислушиваясь, не идет ли кто, он наскоро выбрал из кучи старья застиранный вещмешок и сложил туда нарезанные куски мыла, припомнив, как бабушка говорила, что в любую войну нехватка соли и мыла самая заметная.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Алексей еще раз обследовал кабину. На полу под ногами погибшего лежала трехлинейка. Обрадованный найденным оружием парень ухватил винтовку и потянул ее к себе. Местами уже поржавевшая мосинка сама просилась в руки. В мечтах он уже видел, как несется с ней в атаку на врага с грозным «Урр-а!». Он хотел было прихватить ее с собой, но потом понял, что такой груз ему не по плечу в походе по зимнему лесу. Да и больно со стороны заметна трехлинейка, не утаишь и не спрячешь. Тяжело вздохнув, Леха вернул ее обратно. Единственное, что он еще забрал с собой, — так это валявшаяся на полу зажигалка, умело переделанная рукастым мастером из винтовочной гильзы, да пузырек с вонючим бензином.

Леша закрыл дверцу кабины и, сверив направление с компасом и картой, отправился в сторону линии фронта. Полуторка, подумал он, скорее всего, подверглась налету немецкого самолета, когда пробивалась лесными дорогами в тыл. «Стервятники» засекли ее и мимоходом расстреляли из пулеметов...

* * *

Алексей ходил по округе до ночи. Он несколько раз подкрадывался к деревням, находя их по карте, но везде видел много немцев, потому вновь отступал в спасительный лес. По проселочным дорогам, как щупальцы всепожирающего спрута, медленно тянулись длинные обозы неприятеля. Везли пушки. Рыча, шли танки, обгоняя телеги. Повсюду, куда ни кинь взор, серые шинели, каски, винтовки. Пару раз на пригорке появлялись конные разъезды фашистов на крепких и высоких лошадях, никак не походивших на их деревенских кляч, что с детства мелькали перед его глазами. Седоки под низким ноябрьским небом выглядели исполинами из былинных сказочных стран: каким-то чудом они пробились на Русь из-за той самой потаенной реки Смородины по Калинову мосту или перенеслись на ковче-самолете через бескрайние буреломы и трясины. Леше припомнился наш разбитый вусмерть танк на Боровском шоссе, и он немного приуныл. Но твердо уяснил для себя простое правило: опускать руки нельзя ни в коем случае, потому упорно шел дальше, изредка трогая рукоять револьвера.

Так и пробродил Вдовин до самой темноты, не найдя прохода к своим. Надо было что-то придумать. Подремать он страшился, хотя мороз в этот день оказался не такой лютый, как вчера. Впереди чернел глубокий овраг. Парень спустился вниз и с трудом пробрался через густой подлесок. Внезапно он ясно почувствовал, что кто-то пристально следит за ним, не спуская глаз. Алексей замер, осторожно огляделся, мурашки побежали по спине, но кругом было тихо. Он стал чутко вслушиваться в окружающие звуки. Всё было по-прежнему: скрипели от ветра деревья, время от времени с веток сваливались шапки снега, и на востоке привычно громыхало.

«Может, показалось?» — мелькнуло в голове, и в этот миг его пронзила боль от удара в спину, и он, не устояв на ногах, плашмя полетел на землю, а сзади грубый мужицкий голос грянул подле самого уха:

— Лежи, падла, и не дрыгайся! Я ты давненько приметил!

Продолжение следует

Андрей РУМЯНЦЕВ

Воскресение для добра

История создания писателем романа «Воскресение» сама по себе сюжет интересный. Толчком для его замысла послужило происшествие, о котором Л. Толстому рассказал юрист и литератор А. Кони. Коротко говоря, происшествие такое. К Анатолию Кони, служившему прокурором, пришел молодой человек, по манерам и одежде принадлежавший к высшему обществу. Он просил посодействовать в передаче его письма арестантке Розалии Онни. Эту молодую женщину из публичного дома осудили за то, что она украла сто рублей у пьяного «гостя». Оказалось, что ходатай, богатый дворянин, в юности соблазнил Розалию, воспитанницу своей родственницы, и теперь, будучи присяжным заседателем, увидел ее во время суда. Сознывая свою вину, он решил жениться на женщине легкого поведения и как раз в письме просил ее руки. Розалия согласилась. Однако до венчания дело не дошло: осужденная заболела сыпным тифом и умерла.

А. Кони так вспоминал о впечатлении, которое произвела на писателя эта история:

Рассказ о деле Розалии Онни был заслушан Толстым с большим вниманием, а на другой день утром он сказал мне, что ночью много думал по поводу его и находит только, что его перипетии надо

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич — прозаик, поэт, переводчик, заслуженный работник культуры Российской Федерации, народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств, член Высшего творческого совета Союза писателей России. Родился в 1938 году. Живет в Москве. Окончил филологическое отделение Иркутского государственного университета. Автор более тридцати поэтических, прозаических и литературоведческих книг, в том числе биографических повествований о Валентине Распутине и Александре Вампилове (опубликованы в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия»). Печатался во Франции, Болгарии, Эстонии, Канаде, Китае, Монголии. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2023, 2024).

бы изложить в хронологическом порядке. Он мне советовал написать этот рассказ для «Посредника» и писал вскоре после моего отъезда П. И. Бирюкову:

«Сообщите Анатолию Федоровичу Кони статью Хилкова о духоворах. Он собирается написать рассказ в „Посредник“, от которого я жду многого, потому что сюжет прекрасный...»

А месяца через два после моего возвращения из Ясной Поляны я получил от него письмо, в котором он спрашивал меня, пишу ли я на этот сюжет рассказ. Я отвечал обращенной к нему горячею просьбой написать на этот сюжет произведение, которое, конечно, будет иметь глубокое моральное влияние. Толстой, как я слышал, принимался писать несколько раз, оставлял и снова приступал. В августе 1895 года на мой вопрос он отвечал мне: «Пишу я, правда, тот сюжет, который вы рассказывали мне, но я так никогда не знаю, что выйдет из того, что я пишу, и куда оно меня заведет, что я сам не знаю, что я пишу теперь».

В течение десяти лет — с 1889 года, когда роман был начат, и до 1899-го, когда появилась его корректура, — Толстой, похоже, и в самом деле не знал, «что выйдет из того, что он пишет». К концу первого года на столе его лежала первая редакция «коневской повести», в которой история девушки и ее соблазителя «излагалась хронологически». Летом следующего года Толстой взялся за вторую редакцию; в ней действие начиналось уже «не по порядку», а с описания суда. Однако вскоре тот и другой вариант, оба неоконченные, были отложены на целое четырехлетие. Вероятно, то произведение, которое вынашивал требовательный к себе Толстой, пока не давалось. В 1895 году писатель возвратился к коневскому сюжету, причем перенес действие в восьмидесятые годы; в прежних вариантах оно происходило то в пятидесятые-шестидесятые, то в семидесятые годы. На этот раз рукопись была закончена. В августе названного года автор читал ее гостям Ясной Поляны. В этой редакции романа перерождение (или «воскресение»; это слово уже стало названием произведения) испытывали оба главных героя: Нехлюдов — после суда, а Катюша — после брака с ним. Но благополучный конец не устраивал Толстого. Кстати, он показался натянутым и слушателям.

Осенью Лев Николаевич отметил в дневнике: «Брался за „Воскресение“ и убедился, что... центр тяжести не там, где должен быть». Речь здесь, кажется, идет не о том, чтобы перенести в романе «центр тяжести» с одного героя на другого, с одного судьбоносного события на другое или, наконец, с одной проблемы на другую. В чем «убедился» Толстой, видно из его следующей по времени записи в дневнике: «Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет „Воскресение“. Ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ о детях — „Кто прав?"; я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они предмет, они положительные, а то тень, то отрицательное. И то же понял и о „Воскресении“. Надо начинать с нее».

«Надо начинать с нее», то есть с Масловой; это изменение отныне сохранялось во всех последующих вариантах романа. Однако в «новом „Воскресении“», как назвал свое детище в дневнике Толстой, всё еще оставался благополучный конец. Хотя очередная редакция была готова, роман опять не удовлетворил автора. Отложив его на два года, писатель создает сочинения, которые стали шедеврами русской литературы, — повести «Отец Сергий» и «Хаджи-Мурат». После них Толстой вернулся к «Воскресению».

У великих писателей нередко бывает, что герои их произведений начинают диктовать авторам свое поведение, навязывать собственную волю. Так случилось с Нехлюдовым и Масловой.

Софья Андреевна Толстая записала в дневнике 28 августа 1898 года: «Утром Л. Н. писал „Воскресение“ и был очень доволен своей работой того дня. „Знаешь, — сказал он мне, когда я к нему вошла, — ведь он на ней не женится, и я сегодня всё кончил, то есть решил, и так хорошо!“» В этой третьей редакции Катюша становится женой не Дмитрия Нехлюдова, а политического заключенного Владимира Симонсона.

Кажется, что роман закончен. Его ждет не дождется известный издатель А. Маркс, который готов опубликовать «Воскресение» в своем журнале «Нива»; об этом уже объявлено. Толстой отправляет роман в редакцию частями, по нескольку глав, переделывая, дописывая и сокращая их. Так рождается четвертый вариант. Но и он оказывается не окончательным.

В течение 1899 года, исправляя полученные корректурные листы, Толстой создает пятую, а затем и шестую редакции произведения. Причем, если в середине десятилетия он жаловался дочери Татьяне: «„Воскресение“ опротивело», то теперь, в конце своего труда, пишет с подъемом и увлечением. «Я никак не ожидал, — сообщает Толстой Д. Григоровичу летом 1899 года, — что так увлекусь своей старинной работой. Не знаю, результаты какие, а усердия много». В чем же тут дело?

* * *

Как уже случалось с автором романа «Анна Каренина», повести «Крейцерова соната», рассказа «После бала», частная, бытовая история под его пером обретала всё более и более глубокий нравственный, философский и общественный смысл, приводила к широчайшему охвату русской жизни. Стебелек сюжета вырастал, ветвился, поднимал ввысь могучую крону. Воображение писателя повело Нехлюдова в кабинеты высших сановников России, в переполненные вонючие камеры пересыльных тюрем, в праздные дома крупных землевладельцев и конторы разбогатевших управляющих имениями, в полусгнившие и тесные крестьянские лачуги — к сенаторам, адвокатам, судьям, смотрителям острогов, нищим крестьянам, запуганным рабочим торфяников, уголовникам, лакеям трактиров, кучерам. И получилось, что две главные судьбы, поставленные в центр повествования, вывели автора ко множеству проблем, терзающих Россию: законна ли частная собственность на землю? справедлив ли суд над людьми, обреченными совершать преступления? объяснима ли нищета трудолюбивого и покорного народа? нравственна ли роскошь и праздная жизнь избранных? Это вопросы к обществу, а в первую очередь — к власти имущим. Но были еще вопросы к каждому человеку в отдельности, в том числе и к себе: праведно ли ты живешь? в чем смысл твоего бытия? отчего ты миришься со злом и не утверждаешь всюду добро?

Истина, правда, праведность... К этому всю жизнь страстно и неистово стремился писатель. Если вы помните, один из первых рассказов Толстого «Севастополь в мае» (1855) заканчивался словами: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души... всегда был, есть и будет прекрасен — правда». И если вы проследили до конца биографию яснополянского

мудреца, его последним, предсмертным признанием, обращенным к сыну на бесприютной, чужой станции Астапово, было: «Сережа! Я люблю истину... Очень... люблю истину».

Еще в девятнадцать лет он «твердо решил посвятить свою жизнь пользе ближнего»; его «единственной верой» стала вера в самоусовершенствование. Но это легко сказать; а как ежедневно идти к этой цели в той среде, что окружала наследника немалого богатства? Позже Толстой писал: «Я всею душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли».

На рубеже семидесятых-восьмидесятых годов мучительный разлад между внешней, обеспеченной и удобной, жизнью и внутренним протестом против богатства и роскоши достиг апогея. Толстой пишет «Исповедь» — документ необыкновенной нравственной силы. Покаяние, проклятье лжи и грязи неправедной жизни, порыв к очищению, зовущий свет надежды — всё, что испытывает беспокойный человек и к чему стремится оживающей душой, выражено тут с потрясающей искренностью.

Я долго жил в этом сумасшествии, особенно свойственном, не на словах, а на деле, нам — самым либеральным и ученым людям. Но благодаря ли моей какой-то странной физической любви к настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидеть, что он не так глуп, как мы думаем, или благодаря искренности моего убеждения в том, что я ничего не могу знать, как то, что самое лучшее, что я могу сделать, — это повеситься, я чувал, что если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромные массы отживших и живущих простых, не ученых и не богатых людей и увидел совершенно другое. Я увидел, что все эти миллиарды живших и живущих людей, все, за редкими исключениями, не подходят к моему делению, что признать их не понимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставят его и с необыкновенной ясностью отвечают на него...

Что же я делал во всю мою тридцатилетнюю сознательную жизнь? (Это писалось пятидесятилетним Толстым. — А. Р.) Я не только не добывал жизни для всех, я и для себя не добывал ее. Я жил паразитом и, спросив себя, зачем я живу, получил ответ: низачем. Если смысл человеческой жизни в том, чтобы добывать ее, то как же я, тридцать лет занимавшийся тем, чтобы не добывать жизнь, а губить ее в себе и других, мог получить другой ответ, как не тот, что жизнь моя есть бессмыслица и зло? Она и была бессмыслица и зло...

Я понял, что, если я хочу понять жизнь и смысл ее, мне надо жить не жизнью паразита, а настоящей жизнью и, приняв тот смысл, который придает ей настоящее человечество, слившись с этой жизнью, проверить его.

Толстой попытался изменить и внешнее течение своей жизни. Он и раньше делал немало по душевному влечению: открыл школу для крестьянских детей, составлял и выпускал для них книги, помогал страждущим. Позже он

вспоминал: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям. Это были: школы, посредничество, голодающие». В начале восьмидесятых годов, когда семья писателя переехала в Москву (старшим детям нужно было учиться), Толстой с еще большей охотой и рвением принялся за общественные дела. Софья Андреевна записала в дневнике: «Он посещал тогда тюрьмы и остроги, ездил на волостные и мировые суды, присутствовал на рекрутских наборах и точно умышленно искал везде страдания людей, насилие над ними и с горячностью отрицал весь существующий строй человеческой жизни, всё осуждал, за всё страдал сам и выражал симпатию только народу и соболезнование всем угнетенным».

Во время переписи населения 1882 года Толстой стал счетчиком. «Он попросил, чтобы ему дали участок, где жили низы московского населения — находились ночлежные дома и притоны самого страшного разврата, — рассказывала дочь писателя Татьяна. — Впервые в жизни увидел он настоящую нужду, узнал всю глубину нравственного падения людей, скатившихся на дно. Он был потрясен и, по своему обыкновению, подверг свои впечатления беспощадному анализу. Что является причиной этой страшной нужды? Откуда эти пороки? Ответ не заставил себя ждать. Если есть люди, которые терпят нужду, значит, у других есть излишек. Если одни изнемогают от тяжкого труда, значит, другие живут в праздности».

И еще одно свидетельство дочери об отце того времени: «Он писал теперь не для славы и еще менее для денег. Он писал, потому что считал своим долгом помочь людям понять Истину, которая ему была открыта и которая должна была принести людям счастье. И работа эта служила для него источником радости».

* * *

Роман «Воскресение» написан Толстым так пронзительно, исповедально, бесстрашно, будто это его собственный дневник, история его собственных исканий смысла жизни. Всё время кажется, что роман — это кульминация его мучительных размышлений, что наше знакомство с главным героем произведения Нехлюдовым уже было подготовлено писателем — его необыкновенной «Исповедью», публицистической книгой «Так что же нам делать», религиозным, философским и социальным трактатом «Царство Божие внутри вас»:

С Нехлюдовым не раз уже случалось в жизни то, что он называл «чистой души». Чистой души называл он такое душевное состояние, при котором он вдруг, после иногда большого промежутка времени, сознав замедление, а иногда и остановку внутренней жизни, принимался вычищать весь тот сор, который, накопившись в его душе, был причиной этой остановки.

Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым намеревался следовать уже навсегда: писал дневник и начинал новую жизнь, которую он надеялся никогда уже не изменять, — *turning a new leaf*^{*}, как он говорил себе. Но всякий раз соблазны мира улавливали его, и он, сам того не замечая, опять падал, и часто ниже того, каким он был прежде.

* Перевернуть страницу (англ.).

Толстому ли было не знать эту болезнь души; в «Воскресении» он написал о ней с глубинной правдой, с подробной историей ее течения: «„Ведь уже пробовал совершенствоваться и быть лучше, и ничего не вышло, — говорил в душе его голос искусителя, — так что же пробовать еще раз? Не ты один, а все такие — такова жизнь“, — говорил этот голос. Но то свободное, духовное существо, которое одно истинно, одно могущественно, одно вечно, уже пробудилось в Нехлюдове. И он не мог не поверить ему. Как ни огромно было расстояние между тем, что он был, и тем, чем хотел быть, — для пробудившегося духовного существа представлялось всё возможно».

Толстой любил нравственного человека. Это понятие означало для него не только человека, не запятнавшего себя безнравственными поступками; это понятие могло быть приложимо и к тому, кого искалечила жизнь, кого условия русской жизни, ее несправедливости, и прежде всего рабство, неравенство людей, заставили преступить христианские, нравственные заповеди. Толстой с полным пониманием и с болью смотрел на таких людей и часто оправдывал их. В рассказе о них для писателя важно было и понять, и оправдать их; для него важно было, чтобы читатель знал всё о душе человека, чтобы читатель разделил мнение писателя, а главное — чтобы он тоже принял близко к сердцу чужую беду и чужие страдания. Меня всегда привлекала и удивляла чистота, с которой Толстой смотрел на чужую незапятнанную душу; писатель никогда не оскорблял родственно близкого героя подозрением, недоверием. Он верил в чистоту души.

Когда впервые Нехлюдов встретился с Масловой в пересыльной тюрьме, вид ее, падшей женщины, ошеломил князя. В нем заговорил голос искусителя:

«Ничего ты не сделаешь с этой женщиной, — говорил этот голос, — только себе на шею повесишь камень, который утопит тебя и помешает тебе быть полезным другим. Дать ей денег, всё, что есть, проститься с ней и кончить всё навсегда?» — подумалось ему.

Но тут же он почувствовал, что теперь, сейчас, совершается нечто самое важное в его душе, что его внутренняя жизнь стоит в эту минуту как бы на колеблющихся весах, которые малейшим усилием могут быть перетянуты в ту или другую сторону. И он сделал это усилие, призывая того бога, которого он вчера почуял в своей душе, и бог тут же отозвался в нем. Он решил сейчас сказать ей всё.

А что же Катюша? Она не забыла надругательства над своей душой. Тело многое выдержит, тело переболеет и будет жить, а душа, обманутая, растоптанная, редко перемогает насилие над ней, редко выздоравливает, возвращается к жизни. Толстой рисует эту трагедию как великий знаток души, как человек, оплакивающий ее и до конца борющийся за нее.

Нехлюдов объявил Катюше, что готов искупить перед ней вину, готов жениться на ней.

— Чувствую вину... — злобно передразнила она. — Тогда не чувствовал, а сунул сто рублей. Вот — твоя цена... <...>

— Катюша! — начал он, дотрагиваясь до ее руки.

— Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть, — вскрикнула она, вся преображенная гневом, вырывая у него руку. — Ты мной хочешь спастись, — продолжала она, торопясь высказать всё, что поднялось в ее душе. — Ты мной в этой жизни

услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты! — закричала она, энергическим движением вскочив на ноги. <...>

Если бы он не попытался загладить, искупить свой поступок, он никогда бы не почувствовал всей преступности его; мало того, и она бы не чувствовала всего зла, сделанного ей. Только теперь это всё вышло наружу во всем своем ужасе. Он увидал теперь только то, что он сделал с душой этой женщины, и она увидала и поняла, что было сделано с нею. Прежде Нехлюдов играл своим чувством любования самого на себя, на свое раскаяние; теперь ему просто было страшно. Бросить ее — он чувствовал это — теперь он не мог, а между тем не мог себе представить, что выйдет из его отношений к ней.

* * *

С первых страниц романа в душе Нехлюдова идет подспудная работа. Он ищет путь «к воскресению». Эта работа мучительна: князь сомневается, приходит в отчаяние, ясно видит свет впереди, опять плутает во тьме. И каждый раз надежда возвращается к нему тогда, когда он оказывается в гуще простого люда — в пересыльной тюрьме, в толчее арестантов; в деревне, на крестьянском сходе; или когда он возвращается в мыслях или наяву в места своего детства и юности: в имение умерших тетушек; в сад и в дом, где встречал юную Катюшу. Как будто вблизи родной русской земли он отыскивает вдруг чистый родник, который освежает душу и дает силу для новой, ясной жизни. И другим нравственным источником, освежающим его, становится мысль о том, что он должен отказаться в жизни от личной выгоды, которую блюдет каждый человек его круга, и послужить обездоленным людям, послужить и материальной, и духовной поддержкой.

И удивительное дело, что нужно для себя, он никак не мог решить, а что нужно делать для других, он знал несомненно. Он знал теперь несомненно, что надо было отдать землю крестьянам, потому что удерживать ее было дурно. Знал несомненно, что нужно было не оставлять Катюшу, помогать ей, быть готовым на всё, чтобы искупить свою вину перед ней. Знал несомненно, что нужно было изучить, разобрать, уяснить себе, понять все эти дела судов и наказаний, в которых он чувствовал, что видит что-то такое, чего не видят другие. Что выйдет из всего этого, он не знал, но знал несомненно, что и то, и другое, и третье ему необходимо нужно делать. И эта твердая уверенность была радостна ему.

Мудрец, автор душепитательных страниц, обращенных к юным и взрослым читателям, всё время является в романе и говорит с нами языком простой, ясной проповеди на темы самые важные, постоянно тревожащие нас в жизни. Эта проповедь тем более действенна и обновляюща, что она произносится главным героем романа для самого себя, а не для посторонних.

«Да, да, — думал он. — Дело, которое делается нашей жизнью, всё дело, весь смысл этого дела не понятен и не может быть понятен мне: зачем были тетушки; зачем Николенька Иртенев умер, а я живу? Зачем была Катюша? И мое сумасшествие? Зачем была эта

война? И вся моя последующая беспутная жизнь? Всё это понять, понять всё дело хозяина — не в моей власти. Но делать его волю, написанную в моей совести, — это в моей власти, и это я знаю несомненно. И когда делаю, несомненно спокоен».

А рядом не так, по-другому, но тоже мучительно идет душевная перемена в Масловой. Желание Нехлюдова искупить свою вину перед ней, может быть, и льстит Катюше, но непонятно ей и всеми силами отвергается ею. Однако «воскресение» медленно идет и в ее душе. После очередного посещения тюрьмы Нехлюдов размышляет о поведении Масловой:

«Что с ней происходит? Как она думает? Как она чувствует? Хочет ли она испытать меня или действительно не может простить? Не может она сказать всего, что думает и чувствует, или не хочет? Смягчилась ли она или озлобилась?» — спрашивал себя Нехлюдов и никак не мог ответить себе. Одно он знал — это то, что она изменилась и в ней шла важная для ее души перемена, и эта перемена соединяла его не только с нею, но и с тем, во имя кого совершалась эта перемена. И это-то соединение приводило его в радостно-возбужденное и умиленное состояние.

Это увидено глазами Нехлюдова. А что чувствовала сама Катюша? В ней продолжалась та переменчивая борьба отторжения старой жизни и боязнь грядущей, пережитого зла и неясного, может быть, обманчивого добра; осознание несправедности мира и той правды, что дана Богом и должна жить в самом человеке. Эта борьба тяжела, изматывающа и всегда именно переменчива: то одно победит, то другое. Когда князь принес Масловой старую фотографию, сделанную еще в усадьбе тетушек и изображавшую Катюшу и Нехлюдова в пору их влюбленности друг в друга, она рассматривает снимок, вспоминает публичный дом, и буря чувств потрясает ее душу. Товарка Масловой (Катюшу перевели по просьбе Нехлюдова в тюремную больницу) спрашивает, отчего обитатели публичного дома не бросают своего позорного занятия. Ответ, и сцена, последовавшая за ним, и новые терзания Масловой — всё передает изматывающий, горячечный, надсадный путь героини вверх, к свету:

— И хотят бросить, да нельзя. Да что говорить! — проговорила Маслова, вскочила, швырнула фотографию в ящик столика и, на силу удерживая злые слезы, выбежала в коридор, хлопнув дверью. Глядя на фотографию, она чувствовала себя такой, какой она была изображена на ней, и мечтала о том, как она была счастлива тогда и могла бы еще быть счастлива с ним теперь. Слова товарки напомнили ей то, что она была теперь, и то, что она была там, — напомнили ей весь ужас той жизни, который она тогда смутно чувствовала, но не позволяла себе сознавать. Теперь только она живо вспомнила все эти ужасные ночи и особенно одну на масленице, когда ожидала студента, обещавшего выкупить ее. Вспомнила она, как она в открытом, залитом вином красном шелковом платье, с красным бантом в спутанных волосах, измученная, и ослабевшая, и опьяненная, проводив гостей к двум часам ночи, под села в промежуток танцев к худой, костлявой, прыщеватой аккомпаньаторше скрипача и стала жаловаться ей на свою тяжелую жизнь, и как эта аккомпаньаторша тоже говорила, что тяготится своим положением и хочет переменить его, и как к ним подошла Клара, и как они вдруг решили все три

бросить эту жизнь. Они думали, что нынешняя ночь кончена, и хотели расходиться, как вдруг зашумели в передней пьяные гости. Скрипач сыграл ритурнель, аккомпаньаторша заколотила на пьянино аккомпанемент развеселой русской песни первой фигуры кадрили; как маленький, потный, воняющий вином и икающий человек в белом галстуке и фраке, который он снял во второй фигуре, подхватил ее, а другой толстяк с бородой, тоже во фраке (они приехали с какого-то бала), подхватил Клару, и как они долго вертелись, плясали, кричали, пили... И так шло год, и два, и три. Как же не измениться! И причиной этого всего был он. И в ней вдруг поднялось опять прежнее озлобление к нему, захотелось бранить, упрекать его. Она жалела, что упустила случай нынче высказать ему еще раз то же, что она знает его и не поддастся ему, не позволит ему духовно воспользоваться ею, как он воспользовался ею телесно, не позволит ему сделать ее предметом своего великодушия. И чтобы как-нибудь затушить это мучительное чувство жалости к себе и бесполезного упрека ему, ей захотелось вина. И она не сдержала бы слова и выпила бы вина, если бы была в остроге. Здесь же достать вина нельзя было иначе, как у фельдшера, а фельдшера она боялась, потому что он приставал к ней. Отношения же с мужчинами были ей противны. Посидев на лавочке в коридоре, она вернулась в каморку и, не отвечая товарке, долго плакала над своей погубленной жизнью.

* * *

Достижению той цели, которую поставил Нехлюдов, — освободиться от фальши прежней жизни и прийти к жизни праведной — мешали не только причины внутренние, требующие усилий над собой, но и причины внешние, связанные со средой, к которой принадлежал князь. Его удерживали во лжи и неправедности многие путы: богатство, привычки, связи. Эти путы нельзя было разорвать в одночасье.

Со времени своего последнего посещения Масленникова (вице-губернатора. — *А. Р.*), в особенности после своей поездки в деревню, Нехлюдов не то что решил, но всем существом почувствовал отвращение к той своей среде, в которой он жил до сих пор, к той среде, где так старательно скрыты были страдания, несомые миллионами людей для обеспечения удобств и удовольствий малого числа, что люди этой среды не видят, не могут видеть этих страданий и потому жестокости и преступности своей жизни. Нехлюдов теперь уже не мог без неловкости и упрека самому себе общаться с людьми этой среды.

А между тем в эту среду влекли его привычки его прошедшей жизни, влекли и родственные и дружеские отношения и, главное, то, что для того, чтобы делать то, что теперь одно занимало его: помочь и Масловой, и всем тем страдающим, которым он хотел помочь, он должен был просить помощи и услуг от людей этой среды, не только не уважаемых, но часто вызывающих в нем негодование и презрение.

После этих строк особенно ясно виден тот простор жизни, который охватывался взглядом писателя. Ни одна сторонняя причина, влиявшая

на движение героя к цели, не оставалась без внимания; всё многообразие внутренних и внешних влияний на поведение Нехлюдова учитывалось автором.

Нравственные искания Нехлюдова происходят на широком социальном фоне. Герой Толстого не мог бы искать истину в жизни, ограниченной семьей, родом, своей средой, как не мог он искать ее лишь в сфере мировоззренческих идей, философских или религиозных теорий: не тот писатель, не тот подход к самой истине. Перед нами многоликая Россия — крестьянская, чиновничья, великосветская, перед нами широчайший круг проблем конца XIX века: земельных, правовых, нравственных. И герой, уже немало видевший и переживший, со своим духовным и нравственным опытом, вдруг, после страшного осознания своей жестокой вины перед другим человеком, начинает заново открывать устройство жизни в отечестве, гибельное положение его кормильцев-крестьян, ничтожество и бесполезность для него владельцев земли, несправедливость и беззаконие его судебных учреждений, бездарность и тупоумие его высших сановников. И получается, что честный человек может прийти к своему идеалу, лишь мужественно продираясь сквозь ложь, неправедность и жестокость того жизнеустройства, которое приготовили власти предрержащие. Сколько бессердечных, лощеных, бездарных чиновников проходит перед нами, олицетворяя прогнившую, варварскую империю!

Всех героев романа можно разделить на две группы: на тех, кто не потерян для жизни и добра, для кого при большой, неустанной и мужественной работе души еще может прийти в о с к р е с е н и е; и на тех, для кого эта работа чужда, у кого душа омертвела и уже не способна к воскресению. Если пользоваться определением, найденным Гоголем, эти вторые — мертвые души.

Толстой не жалеет сатирических красок для их изображения. Кажется, ни в одном прежнем произведении писатель не употреблял столько брезгливой иронии, уничижительного сарказма, бичующей сатиры, как в романе «Воскресение». Судебное дело Масловой заставило Нехлюдова обойти многие высокие кабинеты. И вероятно, впервые князь, вращавшийся в кругу равных себе, заметил, к какой мерзкой, ничтожной и пустой касте он принадлежит. Можно было подумать, что чиновничья Россия за века своего существования только и производила монстров — бездушных, холодных пошляков, с которыми бесполезно и смешно говорить о спасении души, о жизни как восхождении этой души к покаянию, очищению и праведности.

Первый среди персонажей с мертвой душой — председатель суда, где слушалось дело Масловой и где сам Нехлюдов состоял присяжным.

То «был высокий, полный человек с большими седеющими бакенбардами. Он был женат, но вел очень распущенную жизнь, так же, как и его жена. Они не мешали друг другу. Нынче утром он получил записку от швейцарки — гувернантки, жившей у них в доме летом и теперь приехавшей с юга в Петербург, что она будет в городе между тремя и шестью часами ждать его в гостинице „Италия“. И потому ему хотелось начать и кончить раньше заседание нынешнего дня с тем, чтобы до шести успеть посетить эту рыженькую Клару Васильевну, с которой у него прошлым летом на даче завелся роман».

Председатель и вел заседание суда с одной мыслью: как бы успеть к условленному времени на свидание со швейцаркой. Как произошло преступление, кто виновен в нем, а кто нет, по заслугам ли получит каждый из обвиняемых — всё это совершенно не интересовало жреца правосудия;

человеческая судьба была для него пустым звуком, чужие страдания ничего не значили по сравнению с его собственными удовольствиями, гнусными заботами.

Другой «мертвец» — отставной министр граф Иван Михайлович, к которому Нехлюдов вынужден обратиться, хлопоча о пересмотре дела Масловой.

Убеждения графа Ивана Михайловича с молодых лет состояли в том, что как птице свойственно питаться червяками, быть одетой перьями и пухом и летать по воздуху, так и ему свойственно питаться дорогими кушаньями, приготовленными дорогими поварами, быть одетым в самую покойную и дорогую одежду, ездить на самых покойных и быстрых лошадях, и что поэтому это всё должно быть для него готово. Кроме того, граф Иван Михайлович считал, что чем больше у него будет получения всякого рода денег из казны, и чем больше будет орденов, до алмазных знаков чего-то включительно, и чем чаще он будет видеться и говорить с коронованными особами обоих полов, тем будет лучше. <...>

...У него не было никаких общих принципов или правил, ни лично нравственных, ни государственных, и... он поэтому со всеми мог быть согласен, когда это нужно было, и, когда это нужно было, мог быть со всеми не согласен.

Сенатор Владимир Васильевич Вольф считал себя «человеком рыцарской честности».

Под честностью же он разумел то, чтобы не брать с частных лиц потихоньку взятки. Выпрашивать же себе всякого рода прогоны, подъемные, аренды от казны, рабски исполняя за то всё, что ни требовало от него правительство, он не считал бесчестным. Погубить же, разорить, быть причиной ссылки и заточения сотен невинных людей вследствие их привязанности к своему народу и религии отцов, как он сделал это в то время, как был губернатором в одной из губерний Царства Польского, он не только не считал бесчестным, но считал подвигом благородства, мужества, патриотизма...

И еще один сановник.

Человек, от которого зависело смягчение участи заключенных в Петербурге, был увешанный орденами, которые он не носил, за исключением белого креста в петличке, заслуженный, но выживший из ума, как говорили про него, старый генерал из немецких баронов. Он служил на Кавказе, где он получил этот особенно лестный для него крест за то, что под его предводительством тогда русскими мужиками, обстриженными и одетыми в мундиры и вооруженными ружьями со штыками, было убито более тысячи людей, защищавших свою свободу и свои дома и семьи. <...> Обязанность его состояла в том, чтобы содержать в казематах, в одиночных заключениях политических преступников и преступниц и содержать этих людей так, что половина их в продолжение десяти лет гибла, частью сойдя с ума, частью умирая от чахотки и частью убивая себя: кто голодом, кто стеклом разрезая жилы, кто вешая себя, кто сжигаясь.

Сколько же таких «мертвцов» окружало Нехлюдова! Они захватили посты, завладели землей, они вершили суд и играли судьбами миллионов людей. Паразиты, тля, они мнили себя хозяевами России.

...Мыслью пробежав по всем тем лицам, на которых проявлялась деятельность учреждений, восстанавливающих справедливость, поддерживающих веру и воспитывающих народ, — от бабы, наказанной за беспатентную торговлю вином, и малого за воровство, и бродягу за бродяжничество, и поджигателя за поджог, и банкира за расхищение, и тут же эту несчастную Лидию за то только, что от нее можно было получить нужные сведения, и сектантов за нарушение православия, и Гуркевича за желание конституции, — Нехлюдову с необыкновенной ясностью пришла мысль о том, что всех этих людей хватали, запирали или ссылали вовсе не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа.

Мне думается, что русская литература остается единственным неподкупным судьей несостоятельной власти. Всё течет; одна клика сменяет другую, находя всё новые и новые приемы продвижения на вершины, устранения соперников, одурачивания простодушной толпы. И над всем этим в тиши общественных и личных библиотек стоят на полках книги, в которых художественно исследованы вся низость и преступность мелких и крупных владык, живущих трудами народа. Не в сводах законов, а в этих правдивых книгах только и можно отыскать объяснение, как и почему пришли Вольфы и Иваны Михайловичи к власти над людьми, откуда и как черпают они свои грязные доходы. Такие существа никогда не понимали Нехлюдовых, они, возможно, не читали книг Толстого; их единственным неудобством в приятной жизни было то, что в том же государстве, в недосыгаемых для них сферах, жили писатели, которые на глазах народа срывали их золоченые одежды, обнажая грязь и низость их существ, и не было в руках мерзавцев власти и силы прекратить принародный суд над ними. Вот чем была и остается для них русская литература.

* * *

Россия, трудовая, работающая в поте лица, оживает в романе и, не посвященная в искания Нехлюдова, всё же участвует в них, подтверждая одни его выводы и отвергая другие. Это меньше всего фон для душевных переживаний героя, это жизнь, в которую он с недавних пор погрузился и которую увидел изнутри, из глубин народного бытия, без прикрас, без чужих пояснений. Он увидел ее в русской деревне, не как барин и землевладелец, а как брат крестьянина — из того положения, что выбрал сам, по душевному влечению, по правде и совести.

— Да какая же жизнь? Самая плохая жизнь, — сказал старик, следуя за Нехлюдовым на вычищенную до земли часть под навесом. Нехлюдов вошел за ним под навес.

— У меня вон они двенадцать душ, — продолжал старик, указывая на двух женщин, которые со сбившимися платками, потные, подоткнувшись, с голыми, до половины испачканными навозной жижей икрами стояли с вилами на уступе не вычищенного еще навоза. — Что ни месяц, то купи шесть пудов, а где их взять?

— А своего разве недостает?

— Своего?! — с презрительной усмешкой сказал старик. — У меня земли на три души, а нынче всего восемь копен собрали, — до рожества не хватило.

— Да как же вы делаете?

— Так и делаем; вот одного в работники отдал, да у вашей милости деньжонок взял. Еще до заговенья всё забрали, а подати не плачены.

У жены этого старика Нехлюдов спросил:

— А что вы обедать будете?

— Что обедать? Пищя наша хорошая. Первая перемена — хлеб с квасом, а другая — квас с хлебом, — сказала старуха, осклаивая свои съеденные до половины зубы.

На улице барина ожидало несколько женщин с грудными детьми и между ними худая женщина, Анисья, «которая легко держала на руке бескровного ребеночка в скуфеечке из лоскутиков. Ребенок этот не переставая странно улыбался всем своим старческим личиком и всё шевелил напряженно искривленными большими пальцами. Нехлюдов знал, что это была улыбка страдания».

Нехлюдов обратился к Анисье:

— Как ты живешь? — спросил он. — Чем кормишься?

— Как живу? Побираюсь, — сказала Анисья и заплакала.

Герой Толстого увидал подлинную Россию и по дороге в Сибирь. Была бы зряча душа, а народная жизнь открывается и западает в сердце повсюду: по крупицам, от встречи к встрече, складывается картина страдающей и удивляющей своим терпением России.

В вагон третьего класса, где едет Нехлюдов, вваливается, «цепляя мешками за лавки, стены и двери», рабочая артель — человек двадцать. Они рассаживаются подле князя.

Сначала пожилой рабочий, сидевший против Нехлюдова, весь сжимался, старательно подбирая свои обутые в лапти ноги, чтоб не толкнуть барина, но потом так дружелюбно разговорился с Нехлюдовым и Тарасом, что даже ударял Нехлюдова по колену перевернутой кверху ладонью рукой в тех местах рассказа, на которые он хотел обратить его особенное внимание. Он рассказал про все свои обстоятельства и про работу на торфяных болотах, с которой они ехали теперь домой, проработав на ней два с половиной месяца и везя домой заработанные рублей по десять денег на брата, так как часть заработков дана была вперед при наемке. Работа их, как он рассказывал, происходила по колену в воде и продолжалась от зари до зари с двухчасовым отдыхом в обеде.

— Которые без привычки, тем, известно, трудно, — говорил он, — а обтерпелся — ничего. Только бы харчи были настоящие. Сначала харчи плохи были. Ну, а потом народ обиделся, и харчи стали хорошие, и работать стало легко.

Потом он рассказал, как он в продолжение двадцати восьми лет ходил в заработки и весь свой заработок отдавал в дом, сначала отцу, потом старшему брату, теперь племяннику, заведовавшему хозяйством, сам же проживал из заработанных пятидесяти — шести-десяти рублей в год два-три рубля на баловство: на табак и спички.

— Грешен, когда с устатку и водочки выпьешь, — прибавил он, виновато улыбаясь.

Рассказал он еще, как женщины за них правят дома и как подрядчик угостил их нынче перед отъездом полведеркой, как один из них помер, а другого везут больного. Больной, про которого он говорил, сидел в этом же вагоне в углу. Это был молодой мальчик, серо-бледный, с синими губами. Его, очевидно, извела и изводила лихорадка. Нехлюдов подошел к нему, но мальчик таким строгим, страдальческим взглядом взглянул на него, что Нехлюдов не стал тревожить его расспросами, а посоветовал старшему купить хины и написал ему на бумажке название лекарства. Он хотел дать денег, но старый работник сказал, что не нужно; он свои отдаст. <...>

«Да, совсем новый, другой, новый мир», — думал Нехлюдов, глядя на эти сухие, мускулистые члены, грубые домодельные одежды и загорелые, ласковые и измученные лица и чувствуя себя со всех сторон окруженным совсем новыми людьми с их серьезными интересами, радостями и страданиями настоящей трудовой и человеческой жизни.

«Вот он, *le vrai grand monde**», — думал Нехлюдов, вспоминая фразу, сказанную князем Корчагиным, и весь этот праздный, роскошный мир Корчагиных с их ничтожными, жалкими интересами.

И он испытывал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир.

* * *

Немало страниц в романе посвящено арестантам из политических. С ними шла по этапу Маслова. Толстой впервые так подробно описывал революционеров. Это было предначертано временем: движение молодых бунтарей стало повсеместным и обойти его в таком романе, как «Воскресение», было невозможно. Новым же для Толстого, писателя и мыслителя, никогда не одобрявшего насилия, стало его отношение к героям своего романа, революционерам: сочувственное, отмеченное пониманием.

Почитаем строки об одном из видных «политических преступников» Набатове: «Когда он думал и говорил о том, что дает революция народу, он всегда представлял себе тот самый народ, из которого он вышел, в тех же почти условиях, но только с землей и без господ и чиновников. Революция, в его представлении, не должна была изменить основные формы жизни народа — в этом он не сходил с Новодворовым и последователем Новодворова Маркелом Кондратьевым; революция, по его мнению, не должна была ломать всего здания, а должна была только иначе распределить внутренние помещения этого прекрасного, прочного, огромного, горячо любимого им старого здания».

В тюремных камерах политические вели постоянные разговоры о народе, о своем пути, о своих целях. Нехлюдов особо полюбил юношу Крыльцова, сына богатого помещика. Он имел университетское образование, после смерти отца получил немалое наследство. Арестовали же его за то,

* Подлинно большой свет (*фр.*).

что, познакомившись с революционерами, он пожертвовал на их дело деньги. Нехлюдов становится свидетелем следующего разговора с участием Крыльцова:

— Мы спорим, что лучше, — злобно хмурясь, сказал он, — прежде образовать народ, а потом изменить формы жизни, или прежде изменить формы жизни, и потом — как бороться: мирной пропагандой, террором? Спорим, да. А они не спорят, они знают свое дело, им совершенно всё равно, погибнут, не погибнут десятки, сотни людей, да каких людей! Напротив, им именно нужно, чтобы погибли лучшие. Да, Герцен говорил, что, когда декабристов вынули из обращения, понизили общий уровень. Еще бы не понизили! Потом вынули из обращения самого Герцена и его сверстников. Теперь Неверовых...

— Всех не уничтожат, — своим бодрым голосом сказал Набатов. — Всё на развод останутся.

— Нет, не останутся, коли мы будем жалеть их, — возвышая голос и не давая перебить себя, сказал Крыльцов. — Дай мне папироску.

— Да ведь нехорошо тебе, Анатолий, — сказала Марья Павловна, — пожалуйста, не кури.

— Ах, оставь, — сердито сказал он и закурил, но тотчас же закашлялся; его стало тянуть как бы на рвоту. Отплевавшись, он продолжал: — Не то мы делали, нет, не то. Не рассуждать, а всем сплотиться... и уничтожать их. Да.

— Да ведь они тоже люди, — сказал Нехлюдов.

— Нет, это не люди, — те, которые могут делать то, что они делают... Нет, вот, говорят, бомбы выдумали и баллоны. Да, подняться на баллоне и посыпать их, как клопов, бомбами, пока выведутся... Да. Потому что... — начал было он, но, весь красный, вдруг еще сильнее закашлялся, и кровь хлынула у него изо рта.

Тут не просто сочувствие Нехлюдова (и автора, конечно), тут ясное понимание справедливости того, что говорят мятежные юноши, тут та правда и то предупреждение, которые не захотели услышать охранители устоев. Они никогда — ни прежде, ни теперь — не прислушиваются к голосу разума, и тем ведут страну к новым потрясениям.

Можно представить, какое неожиданное открытие нашли для себя те читатели Толстого, которые внимательно следили за его творчеством и знали его отношение к кровавым драмам истории. Но в книгах великого писателя художественное постижение жизни всегда поражает новизной; тем более это происходит в случаях, когда автор обращается к крупным общественным явлениям. Важно только отметить, что Толстой, глядя на молодых революционеров глазами Нехлюдова, словно и сам, как его герой, впервые с удивлением и уважением пылливо вглядывается в этот тип людей.

С самого начала революционного движения в России, и в особенности после Первого марта*, Нехлюдов питал к революционерам недоброжелательное и презрительное чувство. Отталкивала его от них прежде всего жестокость и скрытность приемов, употребляемых ими в борьбе против правительства, главное, жестокость убийств, которые были совершены ими, и потом противна ему была общая им

* 1 марта 1881 года народовольцами был убит Александр II.

ВОСКРЕСЕНИЕ ДЛЯ ДОБРА

всем черта большого самомнения. Но, узнав их ближе и всё то, что они часто безвинно перестрадали от правительства, он увидал, что они не могли быть иными, как такими, какими они были. <...>

С ними поступали как на войне, и они, естественно, употребляли те же самые средства, которые употреблялись против них. <...> ...Самые кроткие по характеру люди, неспособные не только причинить, но видеть страданий живых существ, спокойно готовились к убийствам людей, и все почти признавали в известных случаях убийство, как орудие самозащиты и достижения высшей цели общего блага, законным и справедливым. <...>

Различие их от обыкновенных людей, и в их пользу, состояло в том, что требования нравственности среди них были выше тех, которые были приняты в кругу обыкновенных людей. Среди них считались обязательными не только воздержание, суровость жизни, правдивость, бескорыстие, но и готовность жертвовать всем, даже своею жизнью, для общего дела. И потому те из этих людей, которые были выше среднего уровня, были гораздо выше его, представляли из себя образец редкой нравственной высоты; те же, которые были ниже среднего уровня, были гораздо ниже его, представляя из себя часто людей неправдивых, притворяющихся и вместе с тем самоуверенных и гордых. Так что некоторых из своих новых знакомых Нехлюдов не только уважал, но и полюбил всей душой, к другим же оставался более чем равнодушен.

Это психологически обоснованное и житейски объяснимое отношение к тем людям, которые в своем стремлении помочь народу шли своим путем, неприемлемым для писателя, но нашедшим в его душе понимание, вызвало живейший отклик у современников Льва Николаевича. Владимир Стасов, друживший с Толстым, писал ему:

Из всех ваших правд жизни ничто... тут меня так не поразило, как та живопись и скульптура, которою вы изобразили то высокое, новое, нарождающееся наше поколение... Что меня изумляет безмерно, так это вот что: вы ведь всегда недолюбливали, не только у нас, но и где угодно, везде на свете, все политические новые движения, всех политических новых людей и их пробы и попытки, судорожные хватки вперед, опыты, ошибки, провалы и торжества. И что же! Вдруг случилось, в этом «Воскресении», тоже и невероятное «Преображение»! Словно вас схватил налетевший какой-то вихрь неожиданный, вдохновение громадное и непобедимое, и вы стоаршинной кистью нарисовали всё начинающееся новое поколение людское наше, с его силами и слабостями, с его правдами и неправдами, всё его бесконечное разнообразие и духовную многочисленность, как *никто, никогда и нигде* прежде. Во всей Европе. Такого необъятного и невыразимо глубокого историка нового человеческого духа — еще не видано и не слышано... Автор, по своим симпатиям, рассудку и мыслям, всё подобное не любил, от всего такого отстранялся, был как будто ко всему тому чужд, даже немножко враждебен иной раз, но тут осенил его прилив нового еще гения, и раздались несслыханные речи словно с нового Синая. И вот чем начинается столетие.

Да, правда этих новых людей, та правда, которую, кажется, с иной стороны давно видел Толстой, подняла вскоре многомиллионную Россию.

* * *

«Воскресение» — роман психологический. Он и не мог быть иным, потому что в нем речь идет о движении души к истине. Как-то в письме к писателю студент университета спросил его: «Каковы основы художественного познания чужой души?» Толстой ответил: «Очень просто... объяснение в том, что духовная сущность у всех людей одна». При всем психическом различии людей, проявление чувств: муки и радости, уныния и возбуждения, безразличия и восхищения — схожи. К тому же часто для писателя его герой своего рода «двойник»; писатель постоянно ставит себя на место героя. А если еще персонаж выражает сокровенные чувства и мысли автора, то их исповедальность особенно ощутима.

Нехлюдов, как мы уже говорили, тоже во многом выражает духовные искания самого Толстого, и эта «автобиографичность» (разумеется, не внешняя, не событийная) делает мучительные раздумья Нехлюдова еще живей и понятней, в итоге — художественно выразительней.

В русской литературе эта черта (или особенность): осмысливать то, что случается в жизни, извлекать урок, выводить правило — черта эта проявлялась и в прозе предшественников Толстого. Но у Толстого она ярко выражена; его рассказы, повести, романы полны размышлений естественных и не утомляющих; словно на некой вершине стоит мудрец и, наблюдая за жизнью людей, ведет не задевающий ничьего самолюбия, не выносящий скорого приговора нравственный суд или, по-житейски говоря, домашний урок, которому мы, как ученики, внимаем с благодарностью. А наш учитель, к примеру, говорит:

Одно из самых обычных и распространенных суеверий то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бывают такими. Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще энергичен, чем апатичен, и наоборот; но будет неправда, если мы скажем про одного человека, что он добрый или умный, а про другого, что он злой или глупый. А мы всегда так делим людей. И это неверно. Люди как реки; вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то широкая, то быстрая, то тихая, то чистая, то мутная, то холодная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь между тем всё одним и самим собою. У некоторых людей эти перемены бывают особенно резки. И к таким людям принадлежал Нехлюдов. Перемены происходили в нем и от физических, и от духовных причин. И такая перемена произошла в нем теперь.

В литературе есть правда частная, с небольшим захватом событий и судеб. У Толстого всегда правда «широкая», всеобщая, приложимая к жизни нации, даже человечества. Эта всеобщая правда, слово о ней — достоинство гения. В романе «Воскресение» непреложная правда сказана не только о героях его; здесь пронизательная правда присутствует и в рассуждениях, и в доводах, и в выводах. Перечитаем одну из страниц не просто романа — книги жизни:

Обыкновенно думают, что вор, убийца, шпион, проститутка, признавая свою профессию дурною, должны стыдиться ее. Происходит же совершенно обратное. Люди, судьбою и своими грехами-ошибками поставленные в известное положение, как бы оно ни было неправильно, составляют себе такой взгляд на жизнь вообще, при котором их положение представляется им хорошим и уважительным. Для поддержания же такого взгляда люди инстинктивно держатся того круга людей, в котором признается составленное ими о жизни и о своем в ней месте понятие. Нас это удивляет, когда дело касается воров, хвастающихся своей ловкостью, проституток — своим развратом, убийц — своей жестокостью. Но удивляет это нас только потому, что кружок-атмосфера этих людей ограничена и, главное, что мы находимся вне ее. Но разве не то же явление происходит среди богачей, хвастающихся своим богатством, то есть грабительством, военноподначальников, хвастающихся своими победами, то есть убийством, властителей, хвастающихся своим могуществом, то есть насильничеством? Мы не видим в этих людях извращения понятия о жизни, о добре и зле для оправдания своего положения только потому, что круг людей с такими извращенными понятиями больше и мы сами принадлежим к нему.

Многие размышления Толстого касаются государства, частной собственности, семьи, судебного права, то есть отношений общественных. Но всё же больше всего занимает писателя основа всех общественных отношений — мораль, то, что живет в душе и составляет оправдание ее перед другими людьми и перед Богом. Такие размышления у Толстого всегда главенствующие и очень личные, ставшие его убеждением, символом веры.

В день отправки огромной партии осужденных из острога в Сибирь Нехлюдов посмотрелся новых жестокостей: многочасового стояния арестантов под палящим солнцем на тюремном дворе; движения по улицам на вокзал — опять же под солнцем, в тяжелой туче пыли, поднятой тысячью ног; смерти от солнечного удара двух подконвойных; устройства людей в раскаленных от жары и тесных вагонах; животного крика роженицы в духоте одного из вагонов. И после всего этого герой романа опять перебрал в уме тех людей, которые творят эти жестокости:

Всё дело в том, — думал Нехлюдов, — что люди эти признают законом то, что не есть закон, и не признают законом то, что есть вечный, неизменный, неотложный закон, самим Богом написанный в сердцах людей. От этого-то мне и бывает так тяжело с этими людьми, — думал Нехлюдов. — Я просто боюсь их. И действительно, люди эти страшны. Страшнее разбойников. Разбойник всё-таки может пожалеть — эти же не могут пожалеть: они застрахованы от жалости, как эти камни от растительности. Вот этим-то они ужасны.

Говорят, ужасны Пугачевы, Разины. Эти в тысячу раз ужаснее, — продолжал он думать. — Если бы была задана психологическая задача: как сделать так, чтобы люди нашего времени, христиане, гуманные, просто добрые люди, совершали самые ужасные злодеяния, не чувствуя себя виноватыми, то возможно только одно решение: надо, чтобы было то самое, что есть, надо, чтобы эти люди были губернаторами, смотрителями, офицерами, полицейскими, то есть, чтобы, во-первых, были уверены, что есть такое дело, называемое государственной службой, при котором можно обращаться

с людьми, как с вещами, без человеческого, братского отношения к ним, а во-вторых, чтобы люди этой самой государственной службой были связаны так, чтобы ответственность за последствия их поступков с людьми не падала ни на кого отдельно. Вне этих условий нет возможности в наше время совершения таких ужасных дел, как те, которые я видел нынче. Всё дело в том, что люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет. С вещами можно обращаться без любви: можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо без любви; но с людьми нельзя обращаться без любви, так же как нельзя обращаться с пчелами без осторожности. Таково свойство пчел. Если станешь обращаться с ними без осторожности, то им повредишь и себе. То же и с людьми. И это не может быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной закон жизни человеческой. Правда, что человек не может заставить себя любить, как он может заставить себя работать, но из этого не следует, что можно обращаться с людьми без любви, особенно если чего-нибудь требуешь от них. Не чувствуешь любви к людям — сиди смирно, — думал Нехлюдов, обращаясь к себе, — занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми. Как есть можно без вреда и с пользой только тогда, когда хочется есть, так и с людьми можно обращаться с пользой и без вреда только тогда, когда любишь. Только позволь себе обращаться с людьми без любви, как ты вчера обращался с зятем, и нет пределов жестокости и зверства по отношению других людей, как это я видел сегодня, и нет пределов страдания для себя, как я узнал это из всей своей жизни. Да, да, это так, — думал Нехлюдов. — Это хорошо, хорошо! — повторял он себе, испытывая двойное наслаждение — прохлады после мучительной жары и сознания достигнутой высшей ступени ясности в давно уже занимающем его вопросе.

* * *

Однажды С. А. Толстая записала суждение своего мужа о художественном сочинении: «Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в „Анне Карениной“ я люблю мысль *семейную*; в «Войне и мире» любил мысль *народную*, вследствие войны 1812 года; а теперь мне так ясно, что в новом произведении я буду любить мысль о русском народе как силе *завладевающей*».

Что значат эти слова: «сила завладевающая»?

Путь к истине, найденный Нехлюдовым и открытый для каждого человека, ясен: живи для добра. Путь к благоденствию для отечества тоже очевиден: нужно, чтобы страну управляли не корыстные и порочные люди, а нравственные. Если каждый человек найдет путь к самоусовершенствованию, а страна — к справедливым формам государственного устройства, то их общие и согласные усилия изменят земную жизнь. В народе такое стремление всегда жило; может быть, это и есть сила, завладевающая Россией?

Хмурый март

Ручей

Мартовский снег

Весна

Город

Апрель

Май

У храма

«Огни Кузбасса» — журнал писателей России

«Огни Кузбасса» — региональный толстый журнал, один из старейших в Сибири. Его история началась в 1949 году, когда в Кемерове вышел первый номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Сталинский Кузбасс». В 1954 году он был переименован в «Огни Кузбасса». В 1989-м издание получило новое название — «Литературный Кузбасс», под которым выходило до 1993 года. В 1995 году ему вернули прежнее имя — «Огни Кузбасса». Из-за существования двух Кемеровских отделений Союза писателей России с 1995 по 2004 год в регионе одновременно выпускалось два издания: «Огни Кузбасса» и «Литературный Кузбасс».

Важным этапом в истории региональной литературы стало открытие 5 сентября 2003 года Дома литераторов Кузбасса в Кемерове (пр. Советский, д. 40). Это событие дало старт процессу объединения писателей и изданий. С 2004 года альманах «Огни Кузбасса» официально приобрел статус журнала. А с 2007 года он стал подписным изданием, выходящим шесть раз в год, и утвердился как главный литературный журнал Кемеровской области, имеющий статус журнала писателей России.

В разные годы главными редакторами альманаха были Геннадий Молостнов, Александр Волошин, Евгений Буравлёв, Виктор Мазаев, Геннадий Юров, Виталий Махалов, Виктор Баянов, Сергей Донбай. С 2024 года журнал возглавляет Дмитрий Мурзин.

Сегодня журнал «Огни Кузбасса» знакомит читателей Кемеровской области с литературными новинками региона (рубрики «Поэзия», «Проза») и творчеством значимых российских писателей (рубрика «Библиотечество»), рассказывает об истории и людях родного края (рубрики «Лики земляков», «Книга памяти», «Заповедная Сибирь», «Семейный альбом», «Шахтёрская доля»), представляет молодых литераторов (рубрики «Светлица», «Литературная студия», «Литературный семинар»), публикует произведения не только для взрослых, но и для детей (рубрика «И большим, и детям»), освещает выход новых книг (рубрика «Критика и литературоведение»), помогает читателям быть в курсе новостей литературного процесса (рубрика «Литературная жизнь»). На цветной вклейке журнала печатаются работы кузбасских художников.

В каждом номере представлен срез современной кузбасской и общероссийской литературы. Уникальность журнала в том, что он отражает

историю литературы и в целом культуры региона. Это делает его ценным с точки зрения краеведения и объясняет, почему издание любят многие поколения кузбассовцев.

На страницах «Огней Кузбасса» публиковались замечательные поэты, прозаики и публицисты: Станислав Куняев, Алексей Варламов, Валентин Курбатов, Олеся Николаева, Виктор Соснора, Игорь Малышев, Анатолий Аврутин, Анатолий Байбородин, Светлана Кекова, Даниэль Орлов и многие другие.

Задолго до СВО журнал печатал «донбасский текст» — стихи Владимира Скобцова, Ивана Нечипорука, Григория Егоркина. После начала СВО в каждом номере «Огней Кузбасса» есть произведения, посвященные Новороссии. Журнал уже напечатал Анну Ревякину, Марию Ватутину, Анну Долгареву, Дмитрия Филиппова, Роман Рубанова, Ольгу Старушко, Игоря Караулова, Владислава Русанова и готовит новые публикации.

Редакция журнала проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также изданиями других регионов России. В 2025 году на его страницах были опубликованы и произведения волгоградцев — авторов журнала «Отчий край».

«Огни Кузбасса» отмечены Всероссийской литературной премией «Белуха» имени Георгия Гребенщикова в номинации «Лучший журнал, издающийся на русском языке и посвященный российской истории, литературе, культуре, искусству, современной жизни, делам и людям» (2009) и Кузбасской литературной премией имени святителя Павла Тобольского (2014).

Редакция журнала «Огни Кузбасса»

«В повседневное смотрит вечность»

* * *

Среди людей, где не родство, но тайно разделенье зреет,
Любовь не ищет своего. Она лишь отдавать умеет.
Когда, поссорившись дотла, пред ней захлопывают двери,
Любовь в ответ не мыслит зла и не бесчинствует, но... верит.
Не превозносится ни в чём. Над суетной молвой смеётся.
И раздражение её бичом жестоким не коснётся.
Всё покрывая, в смутный час любовь нам прямо в душу глянет
И не откажется от нас, не отпадёт, не перестанет!
Долготерпив её полёт! Но, чудна и легка, как птица,
В скупое сердце не впорхнёт, в лукавый дом не постучится.
А верным до скончанья лет — тернистый путь да небо в звёздах!
Необъяснимая, как свет! Необходимая, как воздух!

* * *

Человек с благодарным сердцем
никогда ни в чем не нуждается.

Отец Николай Гурьянов

Среди нас, в самой гуще людской, в мире оном,
Где мечты — сладкий дым, а лукавые дни — коротки,
Благодарное сердце живёт по небесным законам,
Принимая краюху и посох из Божьей руки.
На неясные знаки беды откликаясь в мгновенье, —
Неспокойно, щемит и стремится кого-то жалеть.
И хулу, и паденье способно принять без смятенья,
И в лицо одиночеству без содроганья смотреть.
Хочет помнить не горечь обиды, но благодаянье
И блаженно носить отпечаток святой простоты.
В общем, жить и любить.
Любоваться цветком мирозданья.
Благодарное сердце ни в чём не имеет нужды...

МУРЗИНА Наталья Петровна — поэт, член редколлегии журнала «Огни Кузбасса», член Союза писателей России. Родилась в 1971 году. Окончила Кемеровский государственный университет. Живет в Кемерове. Публиковалась в журналах и альманахах «Москва», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Введенская сторона», «Чаша круговая», «Иркутское время», в антологии военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было», в сборниках, посвященных СВО: «Оберег», «Русский мир, как космос, навсегда», «Нашим», «За ленточкой», «За други своя», «Здесь начинается Родина». Автор книги стихов «Вторжение весны». Лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» (2005). Удостоена благодарности Президента РФ «За заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность» (2023).

* * *

Я — веточка древа, пронзившего древность корнями.
 Я тех продолжаю, чьё время земное застыло.
 Они и сейчас надо мною — беззвучно, тенями.
 Их нежная страсть сокровенно течёт в моих жилах.
 Густое смешенье их судеб меня пробудило
 И к жизни назначило. Властно, от первоисточка
 Мне в бренное тело вдохнули охранную силу.
 Я — их продолженье по мудрому замыслу Бога.
 А память — бездонный колодец, в нём боль и отрада
 Прошедших годов. И забвенья тревожные тайны.
 Как пристально прошлое смотрит... От этого взгляда
 На стыке времён мне, живущей, светло и печально.
 Я — веточка древа. Я список храню неслучайный.
 Его мне отец, уходя, передал во владенье.
 Семейная ценность — помянник старинный, сакральный —
 Из прежних веков от сородичей благословенье.
 Мерцает свеча. Не спеша имена называю —
 Я им посылаю надежду в страну невозврата!
 Сумятицу дней и ночей до конца пролистаю,
 И тоже придётся отсюда уйти. Но когда-то
 Я, может, узрю сквозь прогалы нездешнего сада,
 Как дальний потомок внимательно в небо глядится,
 Приникнув к широкому древу, где тишь и прохлада!
 А в старом колодце звезда для него отразится!

* * *

Дни несутся, друг друга тесня,
 Но пронзит иногда холодочек:
 Что останется после меня?
 Только горстка мерцающих строчек...
 Что, распахнутая, на ветру,
 В них сказать я когда-то хотела
 И о чём, горячась, на миру
 Вам рыдала, смеялась и пела?
 Жизнь — вскипающая река,
 И — увы — оступиться несложно.
 Но незримая чья-то рука
 Поднимает меня осторожно.
 И однажды, свершив дальний путь,
 Перед Отчим порогом,
 Мне останется только вздохнуть:
 «Слава Богу!»

* * *

Запомни этот день. Как чист и влажен воздух,
 И рощица берёз прозрачна и свежа —
 Ей скоро принимать грачей в лохматых гнёздах.
 Тебя целует март, беспечная душа!
 Запомни этот день, он вновь не повторится.
 На всём печать весны! И птичья перезвень

Врываясь в шум машин, преображает лица.
Смотри во все глаза, запомни этот день!
Кто нынче в мир придёт, кто — канет без возврата.
И эту череду никак не отменить...
Когда и этот день, как снег, сойдёт куда-то —
Благослови, что был, за радость просто жить!

Колокол

С седых времён, будь праздник или смута
В разноголосом скопище людском,
Он к каждому, кто не оглох покуда,
Взывает неподкупным языком.
И в час, когда небратья на пороге,
Скорей беги на звонницу, звонарь,
Успей, звонарь, до вражьей перемоги,
В огромный вещий колокол ударь!
Звони над каждым домом разорённым,
Над каждой могилой заводи,
Прожги сердца набатом раскалённым —
Беспечную Россию разбуди!

Женщине-волонтеру

Есть женщины — сердце и опыт!
Такая с пути не свернёт.
И рамку под сеть приспособит,
И свечку-снежинку зальёт.
Огромную ношу взвалила
На женские плечи война.
Но, видно, великая сила
От рода ей щедро дана!
Такая слезу не покажет,
Лишь только вздохнёт глубоко.
То шьёт балаклавы, то вяжет,
То сети плетёт. Не легко
Ей быть многорукой, торопкой,
Нехрупкой. В труде — как в борьбе.
Пакеты, мешки и коробки
В её волонтерской избе.
Она не хитрит, не лукавит.
Она свою линию гнёт.
И тонну-другую отправит
Парням побыстрее на фронт.
Ей выпала доля такая —
И шить, и плести, и вязать.
Без отдыха, глаз не смыкая,
Тугие тюки паковать.
— Присядь! Ты устала, родная!
Когда ты займёшься собой?
— Как только с переднего края
Мужчины вернутся домой!

Как только Победа случится,
Как только потухнет война!
Быть ангелом, другом, царицей —
Такая ей сила дана!

* * *

Мы собирали книги для Донецка,
Лаская каждую, прекрасную, в руке,
Чтоб в бедное обугленное детство
Послать любовь на русском языке.
Чтоб свет и силу передать в наследство
Туда, где горбятся от горя и нужды.
Мы книги собирали для Донецка.
Цветные, милые, летите, вы нужны!

* * *

Я баян обниму. Он, заждавшийся, на руки просится.
Встрепенётся, вздохнёт, как живые, меха развернёт.
Он застенчиво всхлипнет коротенькой разногосицей
И протяжную русскую сам нараспев заведёт.
Он «Лучинушку» плачет — качает басы безысходные.
Он созвучья выводит. Пронзительно. Сладко. Навзрыд.
Словно жаркой слезою, он песней текучей народную
Пробирает насквозь. Берedit на душе. Берedit...
Он заходится песней. А мне всё отчётливей кажется,
Что, как исстари, сядем за стол, соберётся родня.
И потянется песня-слеза, и всем миром заладится...
Что не песня, а русская вечность течёт сквозь меня.

* * *

Нам привычно не знать покоя.
Мчит трамвай. Календарь торопит.
Тает снег, унося бывшее.
Листопад по дорожкам бродит.
Ловим новости, в буднях зябнем,
По несбыточному тоскуя.
Но приходит любовь внезапно,
Сердце дрогнувшее чаруя!
А любовь возьмёт за живое,
Всё запутает и смешает.
Вот случайно столкнулись двое
И ещё ни о чём не знают.
А любовь, как большая птица,
Их накроет крылом, воркуя.
Нежной тайной сияют лица,
Всех своей красотой волнуя.
Время всё по местам расставит:
И восторгам быть, и печали.
Отпускает горькая память
Тех, кто в дальние отбыл дали.

«В ПОВСЕДНЕВНОЕ СМОТРИТ ВЕЧНОСТЬ»

Что начертано, то случится.
Время длится, беду врачую.
Вот в ночи человек рождается —
Продолжается жизнь, ликуя!
В повседневное смотрит вечность.
Каждый колос недаром зреет.
Есть такое понятие — верность —
Средь людей. Кто её лелеет —
Не предаст в земной круговерти
И стихию пройдёт любую.
Просто верность сильнее смерти.
Торжествует жизнь! Аллилуйя!

* * *

О, чистый лист и неизвестность! Свою волшебность не тая,
Слова сквозь сумрак, боль и нежность родятся из небытия.
Слова теснятся, осыпаясь на белый лист живой пыльцой,
Снежком из форточки бросаясь в разгорячённое лицо.
В них всё проступит: вспышка счастья, утраты горестная стынть.
И хмель любовного участия. И смех. И прошлого полынь.
О, чистый лист и неизвестность! Навеки определено
Нам так беречь свою словесность, как в голод берегут зерно!

Новый год в храме

Ночь новогоднего бедлама.
Сверкает бешено салют.
А я вхожу под своды храма,
когда часы двенадцать бьют.
Здесь средоточится нетленное,
и у всего иной отсчёт.
Храм, как корабль сквозь Вселенную,
в морозном мареве плывёт.
Снаружи грохот, улюлюканье,
звонит весёлая ругня.
Всё это действие многорукое
давно не трогает меня.
Вот это действие многоликое —
лишь звон пустой. Не для души.
Ведь всё поистине великое
всегда рождается в тиши.
Церковных огоньков мерцание,
ветхозаветные слова...
Ещё немного ожидания,
и снидет чудо Рождества!

Страстная пятница

И вновь сплетён венец терновый.
И вновь, глумлива и слепа, —
«Распни!» — невинной алчет крови
Многомятежная толпа.

Им мало бичеванья плетью...
 Пилат уходит, седовлас.
 Тому не два тысячелетья.
 Всё это с нами. Здесь. Сейчас.
 Стоим в немом оцепененье
 В невыносимой духоте.
 Своим отверженный твореньем,
 Господь страдает на кресте.
 Вновь во вселенском этом горе,
 Сжав кулаки, себя казни.
 Ведь в оголтелом общем хоре
 И ты кричал: «Распни! Распни!»
 Но тайнозрительно из праха
 Воскреснет Жизнь — всему в ответ.
 И в терн души заронит Пасха
 Благодаренья тихий свет.

* * *

Мирозданье искрило от красок и от голосов —
 Всемогущий лепил из вселенской податливой глины!
 И, настроив сверхчуткие чаши небесных весов,
 Он задумал Свой главный шедевр — человека. Мужчину.
 И бездушная персть мановенья Творца поняла,
 И содеялось диво из праха — Адамово тело.
 Вот с гончарного круга и нежная Ева сошла,
 Неиспорченный солнечный мир оглядев оробело.
 И вдохнул в них Отец трепет жизни и жажду любви.
 Дал свободную волю — бесценное право навеки.
 Непослушные дети не внемлют! Зови — не зови!
 Что же вам не жилось во блаженном раю, человеки...
 Вас, несчастных, за дерзость исторгнул Отеческий кров,
 И всему человечьему роду аукнулось ваше затмение.
 Содрогнулась природа: на чашу небесных весов
 Точно камень обрушилось первое грехопадение!
 С допотопных времён и поныне есть в каждой судьбе
 И сияние горнего света, и горечь отравы.
 Каждый новорождённый имеет наследство в себе:
 Право жить и любить. И свободы опасное право.
 Хоть всё тот же Отец, но весь мир на вселенских весах
 Над открытою бездной раскачивается неприкаянно!
 Как дрожат и волнуются стрелки на судных часах...
 Тайна жизни и смерти — дразнящая вечная Тайна!

* * *

Господи! Что она делает? Это не сон:
 Белый застенок, уже инструмент занесён —
 Острый, стерильный. И руки в кровавой росе.
 Крохотной жизни, которую предали все,
 Не появиться на белый немислимый свет.
 Время разъято. Грядущего попросту нет.

И за больничным окошком столетье подряд
Белый, холодный, преступный идёт снегопад.
Но ведь когда-то придётся признаться себе:
Непоправимое корни пустило в судьбе;
Ночью рыдать, осознав, что случилась беда —
Это дитя не родится уже никогда.
Что ты наделала... Белый халат на стене.
Дети России, убитые не на войне,
Молча очами небесными смотрят на нас.
И не укрыться от вещей младенческих глаз.

Особые дети

От такой беды нет таблеточки, нет страховки ни у кого.
Ах вы, деточки-безответочки — ДЦП, аутизм, УО.
Всё в нём крохотное, незрелое, разум теплится, чуть дыша.
Это клетка — большое тело. Просто тело. А в нём — душа.
К людям выйти с таким бедняжкой этой маме вдвойне больней.
Ей нести эту ношу тяжкую в одиночестве среди людей...
Ей беду из судьбы не вытравить. А тебе... А тебе — понять,
Что такого ребёнка выправить — как на плечи скалу поднять!
Ведь такого ребёнка вылечить — подвиг нужен, как на войне.
Чтобы в нас человечность вылепить — вот в чём суть. А не в чьей вине.
Подари им улыбку! Смилуйся! Помоги хоть чуть-чуть! Прими!
Ведь такое дитя родилось, чтобы стали добрее мы.

Мы печатали фотографии

В полутьму затворённой комнаты луч-лазутчик не проскользнёт.
Здесь таинственностью подёрнуты очертанья вещей. И ждёт
нас какой-то фонарь диковинный с тёмно-красным слепым стеклом.
И раствор. И ещё штуковина возвышается над столом.
Мир знакомый, на плёнку пойманный, мы печатаем в тишине
на бумаге — такой — особенной. Даже чуточку страшно мне!
Угадай, что сейчас появится, замерев над пустым листом!
И волшебным пятном проявятся мяч, берёза, тропинка, дом,
и скамейка как настоящая, и ворота. А свысока
кучевые, на юг летящие, проявляются облака.
Что-то чудное совершается, возбуждёньем в зрачках горя.
Наша комната освещается оком красного фонаря.
Вот загадочно! У родителей есть какой-то секрет простой —
Снимки плавают в закрепителе и в глубоком тазу с водой.
Мы их на ночь сушить развесили. Ну а завтра, при свете дня,
Разгляжу, как на снимках весело чёлка встрёпана у меня.
...Птичка вылетит любопытная — и упрямое время вспять.
С верхней полки альбомы пыльные невзначай захочу достать.
Прямо в руки порхнёт стремительно, чёрно-белым черкнув крылом,
Миг далёкий и удивительный: мяч, берёза, тропинка, дом.

Правильный вопрос

1

Я всегда беру у них листовки. Мне кажется, что промоутеры — это самые несчастные люди на свете. С утра до вечера они бродят по улицам, невзирая на дождь, снег и ветер, бормочут себе под нос ненавистный им текст и с глупой улыбкой суют прохожим свои раскрашенные бумажки. А сами весь день думают только об одном: когда же закончится эта бесконечная пачка, что они держат в руках. Поэтому я и беру у них листовки. Ведь чем быстрее они их раздадут, тем скорее смогут пойти домой и забыть про всех нас.

Я заметил его издали. Да и сложно было не заметить высокого парня в дурацкой шапочке, которую обвивали купленные в «Фикс Прайсе» моргающие светодиодные огоньки. В левой руке он держал белый плакат с черной надписью «Ответим на любой вопрос», а в правой — пачку голубых листовок. Я даже не удивился, ведь подобные персонажи попадались мне чуть ли не каждый день. Удивительным было другое: парень молча стоял на газоне, скучающим взглядом смотрел на проплывающую мимо толпу и даже не делал попыток вручить кому-либо свои листовки. А такими темпами он не раздаст их и до завтрашнего вечера! Впрочем, проблемы негров шерифа не волнуют. Мне хватало и собственных. Людская толпа мерно несла меня по проспекту, но, когда я почти поравнялся с мерцающей шапочкой, парень вдруг оживился и кинулся мне наперерез, оставив плакат на газоне.

— Добрый вечер, — осклабился он в белозубой улыбке, — рад помочь вам!

— Привет, — сказал я, — и чем же, интересно?

— Ответом на любой ваш вопрос, — еще сильнее осклабился парень.

— Да я вроде ни о чем тебя не спрашивал, — усмехнулся я.

— Конечно, — кивнул парень, — ведь я и не смогу вам ничего ответить.

А вот здесь — смогут.

Он протянул мне листовку, а я машинально взял ее. Толпа тут же подхватила меня и понесла дальше по проспекту. Я попытался было выбраться из нее и вернуться назад, к парню в идиотской шапочке, но безуспешно. Да и сам он куда-то исчез. И как я ни оглядывался, так и не смог вновь увидеть ни промоутера, ни его плаката с глупой надписью «Ответим на любой вопрос».

КОНЦЕВОЙ Павел Николаевич — поэт, прозаик, публицист. Родился в 1972 году. Окончил Кузбасский государственный технический университет. Живет в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Формаслов», в альманахах «Образ» и «Кольчугинская осень». Лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» (2024), литературной премии «Антоновка. 40+» (2024), XII Всероссийского литературного фестиваля имени Алексея Бельмасова (2025). Дипломант литературного конкурса «Прыжок над бездной» (2024).

Наконец на углу толпа выплюнула меня наружу, и я смог отдышаться и разглядеть сунутый мне листок. А там на голубом фоне черными буквами было написано: «Шахтинск. Пятый информационно-распределительный центр. Вход с торца. Действительно в течение часа после вручения».

Я всю жизнь прожил в Шахтинске, но ничего про этот центр не знал. Достал телефон, открыл карты, забил туда адрес и увидел вполне ожидаемый ответ, что в моем городе такого не существует. Выругался про себя, скомкал листок, сунул его в карман, чтобы выкинуть в ближайшую урну, и пошел домой. Но не успел пройти и сотни метров, как увидел у обочины дороги растрепанного мужичка с пропитым лицом. Он лихорадочно махал рукой с зажатой в ней листовкой голубого цвета проезжающим мимо машинам. Однако те не останавливались — видимо, мужичок не внушал водителям доверия. Но в тот момент, когда я поравнялся с растрепанным, одна машина всё же притормозила возле него, а он распахнул переднюю правую дверцу и громко крикнул:

— Брат, до пятого распределцентра подкинешь?

К моему изумлению, водитель коротко кивнул, мужичок упал на сиденье, захлопнул дверь, и машина поехала дальше, как ни в чем не бывало. Я ошарашенно уставился ей вслед, не веря своим ушам, а потом вынул листовку из кармана, расправил ее и еще раз внимательно перечитал написанный на ней текст. Неужели я настолько отстал от жизни, что упустил момент, когда у нас построили какой-то новый центр? Или всё происходящее — лишь чей-то глупый розыгрыш? Но кому я нужен, чтобы меня разыгрывать, да еще и так изощренно? Поэтому мотнул головой, стряхивая наваждение, и пошел дальше.

Неподалеку от моего дома была небольшая площадка, где частенько отставались таксисты в ожидании пассажиров. Вот и сейчас там припарковалась белая «Гранта» с оранжевой лампой на крыше и пожилым водителем внутри. Я прошел было мимо, но потом неожиданно для самого себя вернулся и остановился возле «Гранты», не решаясь заговорить с таксистом. Ведь я прекрасно понимал, что он скорее всего пошлет меня подальше вместе с моим дурацким адресом. Но у меня из головы всё не выходил пропитый мужичок с листовкой, лихо поймавший попутку до загадочного распределцентра.

Увидев, как я топчусь на месте, таксист приоткрыл окно и сказал:

— Слушай, дорогой, в ногах правды нет, садись уже. Тебе куда?

«Да будь что будет», — подумал я и спросил решительным голосом:

— До пятого информационно-распределительного центра подбросишь?

— Две сотни и поехали, — без малейшей паузы ответил таксист.

После таких слов обратного пути у меня уже не было. Я забрался в «Гранту», водитель закрыл окно, и мы покатали по начавшему стремительно темнеть городу. А через десять минут оказались на северной окраине Шахтинска в бывшей советской промзоне, которая уже много лет представляла из себя декорации для съемок фильма про постапокалипсис. Таксист затормозил возле длинного низкого ангара с дверью посередине, но без каких-либо вывесок и опознавательных знаков, а я с недоумением огляделся по сторонам.

— А это точно здесь? — спросил у водителя.

— Не первый раз сюда вожу, — пожал плечами тот.

Я расплатился и вышел из машины, окончательно уверившись, что стал героем какого-то странного розыгрыша. По-хорошему, надо было сесть

обратно в такси и поехать домой, но я, сам не зная почему, направился в сторону ангара, а водитель начал разворачиваться. Я подошел к двери и взялся за ручку, но тут «Гранта» резко затормозила, и таксист крикнул мне, приоткрыв окно:

— Эй, ты куда?! У тебя разве центральный вход?

— Нет, с торца, — машинально ответил я, вспомнив написанный на голубой листовке текст.

— Так и иди с торца. Сюда ты еще успеешь, не торопись.

Справа к ангару примыкал высокий забор, поэтому я обошел здание слева и увидел сбоку другую дверь. Открыл ее, а за ней оказался маленький тамбур с еще одной дверью. Я оглянулся. Таксист показал мне большой палец и тронулся с места. Чувствуя себя полным идиотом, я вошел в ангар, захлопнул наружную дверь и открыл внутреннюю.

И обомлел, не поверив своим глазам.

Я увидел уходящий в бесконечность сумеречный зал, под завязку набитый людьми. Их здесь были тысячи, десятки тысяч, словно сюда согнали всё население Шахтинска с окрестными деревнями в придачу! Я никогда не видел столько людей одновременно и даже подумать не мог, что у нас в городе существуют такие огромные закрытые пространства. Да, похоже, и в самом деле сильно отстал от жизни...

Я вошел внутрь. В пяти метрах от входа вдоль всего торца зала стояло несколько разноцветных рамок, как в аэропортах и вокзалах, а между ними были натянуты полосатые ленты. Оглянулся и увидел над входной дверью табло, по которому бежала длинная красная строка: «УВАЖАЕМЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ, НЕ ТОЛПИТЕСЬ У ВХОДА, ПРОЙДИТЕ СКВОЗЬ РАМКУ ЦВЕТА ВАШЕЙ ЛИСТОВКИ И ВСТАНЬТЕ В ОЧЕРЕДЬ». В этот момент дверь распахнулась, и в зале появился невысокий толстяк с голубой бумажкой в руке. Он начал ошарашенно озираться по сторонам, я же окинул его небрежным взглядом завсегдадая, нашел глазами нужную рамку и направился к ней.

Рамка подмигнула мне зеленым светом и снова стала голубой. Очутившись по другую сторону ленты, я увидел, что, несмотря на кажущийся хаос, огромная толпа людей в зале была четко разделена на несколько очередей, не пересекающихся друг с другом. Я встал в хвост своей очереди и сразу увидел того самого растрепанного мужичка, ловившего попутку на проспекте.

— Здорово, земляк, — сказал ему, будто старому знакомому.

— Привет, — кивнул он, — ты что, тоже с Шахтинска?

— А откуда же еще? — удивился я.

— Да здесь откуда только нет. Пятый центр полстраны обслуживает.

— Погоди-ка! — не понял я. — Ты хочешь сказать, мы сейчас не в Шахтинске? А где?

Мужичок снисходительно усмехнулся и ничего не ответил, а подошедший сзади толстяк удивленно спросил:

— Постойте, товарищи, при чем здесь Шахтинск?

Он протянул нам голубую листовку, где было написано черными буквами «Новосибирск. Пятый информационно-распределительный центр. Вход с торца. Действительно в течение двух часов после вручения». Я, уже ничему не удивляясь, показал толстяку свою бумажку. Он прочитал текст на ней и изумленно присвистнул. А я вновь обратился к мужичку:

ПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС

— Ты, судя по всему, в курсе, что тут происходит. Поясни, если не трудно.

— Скоро объявление будет, — буркнул тот. — Там и узнаешь, не переживай.

Решив не торопить события, я начал снова оглядываться по сторонам, понемногу шагая вперед вместе со своими спутниками. Огромная и кажущаяся бескрайней очередь двигалась, на удивление, споро, в зал с небольшими интервалами входили всё новые и новые люди, и вскоре ленты с разноцветными рамками совершенно исчезли из виду. Зал на самом деле оказался гораздо больше, чем показался мне вначале. На языке вертелся миллион вопросов, но по удивленным лицам окружающих меня людей я понимал, что задавать их бессмысленно. Похоже, кроме моего земляка-алкаша никто больше не знал, где он очутился, а главное зачем.

Минут через пять, как и обещал мужичок, раздался громкий мелодичный сигнал и приятный женский голос сказал:

— Уважаемые посетители, благодарим вас за посещение нашего информационно-распределительного центра. Вам выпала уникальная возможность получить ответ на один вопрос относительно любого события — прошлого, настоящего или будущего. Центр гарантирует вам правдивость и точность ответа. Обратите внимание на одно существенное условие: справок о дате смерти ныне живущих людей, в том числе и вас лично, центр не дает. Спасибо за внимание.

И тут мои соседи по очереди заговорили все разом.

— Опаньки, вот это я удачно зашел, — потер пухлые руки толстяк. — Выходит, я смогу узнать правильную комбинацию «Русского лото»? Давно я мечтал миллиард выиграть!

— Эх, жалко, нельзя спросить, когда бабка моя ласты склеит, — покачал головой высокий худой старик. — Ну да ладно, зато узнаю, с кем она снюхалась в восемьдесят третьем и от кого мне этого паскудника Мишку родила! А потом получит она у меня на орехи, курва старая!

— Когда же сын с войны вернется? — вздохнул кто-то невидимый в темноте.

— Интересно, а они могут сказать, почему у меня тачка всё время глохнет? И бензин жрет, как не в себя? — почесал в затылке коротко стриженный парень лет восемнадцати.

— Ура, наконец-то узнаю, когда замуж выйду! Блин, или лучше спросить, за кого? — воскликнул чей-то женский голос.

— Посадят или условно дадут? — пробормотал себе под нос приличного вида мужик в костюме.

— Всё это так банально и мелко, граждане, ведь нам с вами выпал уникальный шанс узнать нечто по-настоящему важное! — поднял руку юноша-ботан в очках, с козлиной бородкой. — Например, были ли американцы на Луне?!

Все вокруг громко рассмеялись.

— Дурень ты. Любой двоечник знает, что не были. Где мы, а где Луна! Ты еще спроси, кто президентом в тридцатом году станет, умник! — фыркнула дородная тетка с большой сумкой, а все снова рассмеялись.

И лишь стоящий рядом со мной растрепанный мужичок ничего не сказал.

— Ну а ты чего хочешь узнать, земляк? — спросил я его.

— А ты? — вернул он вопрос. — Меня, кстати, Серегой зовут.

— Вообще ничего в голову не приходит, — сказал я, тоже представившись. — Можно, конечно, спросить, в чем смысл жизни, но я и так знаю, что его нет. А вот выиграть в лотерею — это, пожалуй, тема. И очень даже неплохая.

— Только чур, — вмешался толстяк, — мой вопрос про «Русское лото» не задавать!

— Да ради бога, — пожал плечами я, — узнаю про какой-нибудь клад. Наверняка у нас в окрестностях еще с Гражданской куча золотишка по лесам припрятана.

— Да, золото Колчака — это тоже тема, — кивнул Серега.

— Ну а что? Всяко лучше, чем американцы с их Луной.

— А я бы, кстати, спросил, кто убил Кеннеди, — сказал мужик в костюме, — но, увы, вопрос всего один.

— Да уж, могли бы и на три ответить, жлобы несчастные, — фыркнула тетка с сумкой, — жалко им, что ли? Лишь бы простых людей в очередной раз унизить!

— И на фига тебе целых три? — ухмыльнулся Серега.

— Да уж не твое дело! — огрызнулась тетка. — Спросила бы, как похудеть, как разбогатеть и как мужа закодировать. А теперь мучайся: выбирай один вопрос из трех...

— Меньше жри, сразу и схуднешь, — сказал Серега. — Считаю, один вопросик я тебе уже сэкономил.

Тетка махнула на него сумкой, поджала губы и отвернулась.

— А я лучше спрошу, одиноки ли мы во Вселенной или нет? — снова поднял руку ботан.

— А как же америкосы на Луне? — удивился Серега.

— Да фиг с ними. Важней узнать, есть ли у нас братья по разуму!

— Конечно, есть, — фыркнула тетка, — на прошлой неделе они ко мне прилетели в своей тарелке, всё белье с веревки сперли и свалили обратно в космос. Ладно, хоть самогонку в сарае не нашли. Ироды инопланетные...

— Да вы что? — изумился ботан. — И какие они из себя?

— Один в один как этот алкаш, — тетка мстительно ткнула пальцем в Серегу. — Хотя, пожалуй, те даже попрличней будут.

— И я раньше был попрличней... — задумчиво сказал Серега, ничуть не обидевшись, — и звали меня тогда Сергей Алексеевич. Эх, давно это было.

— Ну вот и задай вопрос, как тебе пить бросить, глядишь, снова в чело-века превратишься! — назидательным тоном произнес высокий старик.

— А смысл? — пожал плечами Серега. — Мне и так сойдет.

— А спрашивать о чем будешь?

— Не знаю, пока не решил... Может, вообще ни о чем.

— Вот и правильно, лучше мне свой вопрос отдай! — встрепенулась тетка. — Или за меня спрости и потом ответ расскажешь.

— А разве так можно? — удивился толстяк.

— Чужие вопросы задавать? Можно, только зачем? — сказал Серега.

— Да нет, я не про это, — помотал головой толстяк, — что будет, если ничего не спростишь?

— Тогда ничего и не получишь, — усмехнулся Серега.

— И откуда ты всё знаешь, Якубович? — подозрительно прищурилась тетка. — Или был уже здесь?

— Не был, но рассказали, — ответил Серега.

ПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС

— И кто же, интересно?

— Да так... Охранник один в магазине.

— Ну, те-то, конечно, всё знают, особенно если на пару с таксистами, — хохотнула тетка и снова отвернулась, потеряв интерес к Сереге.

Я огляделся по сторонам и понял, что мы незаметно добрались уже до середины огромного зала, а впереди начали проглядываться какие-то яркие огоньки. И в этот момент снова раздался мелодичный сигнал и всё тот же приятный женский голос сказал:

— Уважаемые посетители. Прослушайте правила пользования информационными кабинками нашего центра. Когда подойдет ваша очередь, дождитесь, пока красный цвет на двери кабинки сменится зеленым, и войдите внутрь. Дождитесь сигнала и в течение десяти секунд задайте вслух свой вопрос. После этого вас переместят в то место и в то время, где вы получили листовку. Информация о посещении центра будет стерта из вашей памяти, а взамен в ней появится ответ на интересующий вас вопрос. Пожалуйста, обратите внимание на два существенных условия. Если вы за десять секунд не зададите вопрос, администрация центра оставляет за собой право немедленно прекратить ваше существование. Если ответ на вопрос в будущем спровоцирует смерть другого человека, администрация центра также оставляет за собой право прекратить ваше существование. Благодарим за внимание.

В очереди воцарилась мертвая тишина.

— Значит, если я выиграю в лотерею миллиард, а какой-нибудь Вася из Урюпинска увидит мою счастливую морду в телевизоре и его от зависти удар хватит, то они и меня прихлопнут? — растерянным голосом произнес толстяк. — Вот это номер!

— И бабушку свою я теперь не смогу подушкой придушить, когда узнаю, с кем она мне в восемьдесят третьем рога наставила... — почесал в затылке старик. — Ну и зачем мне такое знание?

— А хитро они придумали! — восхитился мужик в костюме. — И не соскочишь: вопрос-то в любом случае задать придется! Иначе сразу на тот свет отправишься.

— Я же говорил, граждане, про инопланетян надо спрашивать, — обрадовался ботан, — и все живы останутся.

— Ну подождите, если я схудну или, например, мужа закодирую, никто ведь не помрет? — тетка вопросительно посмотрела на нас.

— А вдруг он завяжет, из-за этого своих собутыльников вовремя не похмелит, а те копыта откинут? — довольным голосом спросил Серега. — Ты же крайней окажешься, не он. Так что можешь не худеть. На том свете всё едино.

— Типун тебе на язык, алкаш проклятый! — тетка сплюнула в сторону Сереги и снова отвернулась.

— Ну и что будем делать, товарищи по несчастью? — спросил толстяк. — Ведь куда ни кинь, всюду клин! Неужели и в самом деле про инопланетян дурацких спрашивать придется?

— Да пошли они лесом со своими хитроделанными правилами, — решительно сказал мужик в костюме. — Я предлагаю вообще не заходить в их кабинки. А лучше всего — давайте прямо сейчас вернемся ко входу и уйдем отсюда!

— Вот это правильно! — поддержала тетка, повернувшись. — Пошли назад, пока не поздно.

— А разве нам с вами хоть один человек встречный попадался? — почесал в затылке старик. — Чует мое сердце, не всё у них так просто!

Все озадаченно замолчали.

— Я надеюсь, объявлений больше не будет? — слегка дрожащим голосом спросила после длинной паузы тетка, выразив вслух мучившую всех мысль.

И тут, будто услышав ее слова, вновь раздался мелодичный сигнал и всё тот же ненавистный женский голос сказал:

— Уважаемые посетители. Обратите внимание: войдя в здание центра, вы тем самым приняли на себя обязательство войти в информационную кабинку. Если вы откажетесь это сделать, когда подойдет ваша очередь, либо попытаетесь покинуть центр через входную дверь, администрация оставляет за собой право немедленно прекратить ваше существование. Спасибо за внимание. Ваш визит очень важен для нас.

— Да катись оно всё конем! — истерично выкрикнул старик. — Вы как хотите, а лично я спрошу, сколько будет дважды два. И пофиг мне, с кем моя бабка Мишку нагуляла. Зато проживу еще маленько.

— Ну про машину-то хоть можно узнать? — с надеждой в голосе обратился стриженный парень. — Поди никто не помрет, если она глохнуть перестанет?

— Я бы на твоём месте так уверенно не заявлял, — покачал головой толстяк, — лучше не рисковать. Не дай бог сшибешь потом кого-нибудь на смерть...

— Серега, — спросил я, — ты ведь про этот центр всё знаешь. Чего нам еще надо бояться?

— Ничего, — меланхолично ответил тот, — кроме самих себя и своих желаний.

— А ты сам-то себя боишься? — презрительно усмехнулась тетка.

— Да, — сказал Серега, — поэтому и пришел.

— И что в тебе такого страшного?

— Я людей убил.

— И много?

— Очень.

— Тьфу на тебя! Таким, как ты, только в психушке место, — махнула рукой тетка, — все мозги пропил, алкаш.

Серега ничего не ответил, а мы тем временем почти добрались до конца зала. Мерцающие впереди огоньки превратились в двери в его стене. Они ритмично моргали то зеленым, то красным светом, и чем больше приближалась стена, тем тяжелее казались мне мои ноги. Я не хотел открывать эту проклятую дверь. Судя по выражениям лиц соседей, они чувствовали то же самое. Но с обреченным видом один за другим входили в кабинку. И только Серега что-то весело насвистывал себе под нос и, судя по всему, не испытывал ни малейшего страха.

— Слушай, земляк, — быстро спросил я, когда дверь за теткой захлопнулась и перед Серегой никого не осталось, — а отсюда точно нет другого выхода?

— Нет, — твердо ответил он.

— Я помню, там в ангаре еще одна дверь была, посередине. Это не запасный выход?

ПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС

— Нет. Это тоже вход. Только не информационный, а распределительный. Если в него зайдешь, назад уже не выйдешь. Ладно, бывай! И никого не бойся, кроме себя.

Сергея махнул мне рукой на прощание и решительно открыл загоревшуюся зеленым светом дверь.

2

Я всегда беру у них листовки. Мне кажется, что промоутеры — это самые несчастные люди на свете. С утра до вечера они бродят по улицам, невзирая на дождь, снег и ветер, бормочут себе под нос ненавистный им текст и с глупой улыбкой суют прохожим свои раскрашенные бумажки. А сами весь день думают только об одном: когда же закончится эта бесконечная пачка, что они держат в руках. Поэтому я и беру у них листовки. Ведь чем быстрее они их раздадут, тем скорее смогут пойти домой и забыть про всех нас.

Я заметил его издалека. Да и сложно было не заметить высокого парня в дурацкой шапочке, которую обвивали купленные в «Фикс Прайсе» моргающие светодиодные огоньки. В левой руке он держал белый плакат с черной надписью «Ответим на любой вопрос», а в правой — пачку голубых листовок. Я даже не удивился, ведь подобные персонажи попадались мне чуть ли не каждый день. Удивительным было другое: парень молча стоял на газоне, скучающим взором смотрел на проплывающую мимо толпу и даже не делал попыток вручить кому-либо свои листовки. А такими темпами он не раздаст их и до завтрашнего вечера! Впрочем, проблемы негров шерифа не волнуют. Мне хватало и собственных. Людская волна мерно пронесла меня мимо парня в мерцающей шапочке и выплюнула на перекрестке. Я свернул за угол и увидел с десяток людей, окруживших валяющегося на асфальте растрепанного мужичка с пропитым лицом.

— Быстрее, быстрее, скорую вызывайте! — услышал я возбужденные голоса. — Человек умирает!

Я замедлил было шаг, но моментально сообразил, что желающих помочь мужичку и без меня предостаточно. Впрочем, судя по синему лицу алкаша, помощь ему вряд ли уже понадобится. И я пошел дальше, напевая себе под нос вдруг вспомнившуюся мне детскую песенку:

Дважды два — четыре,
Дважды два — четыре,
А не три, а не пять —
Это надо знать!
Дважды два — четыре,
Дважды два — четыре,
А не шесть, а не семь —
Это ясно всем!

И привяжется же такое...

26.11.2025

«Мудрая память, ненужное вычеркни...»

* * *

Чем дальше в жизнь, тем тише шаг,
и детство ближе,
оно, от счастья чуть дыша,
сосульку лижет.

Мой город, тот, что налегке
был мной оставлен,
плывёт корабликом в реке
и машет ставнем,

незакрепленным, на ветру,
пугая птичку,
и яблочком кислит во рту —
соседской дичкой.

* * *

Натри горбушку хлеба чесноком,
рукою щедрой сверху присоли.
И вкус, который с детства мне знаком,
и запах свежевскопанной земли,
и хлопоты по поводу семян,
рассады, удобрений и теплиц
так странно взбудоражат вдруг меня,
теперешнего жителя столиц,
что, растеряв весь городской свой лоск,
я засучу повыше рукава...

Твой плоть от плоти и от кости кость
птенец, гнездо покинувший едва.

СЫЧЁВА Юлия Валерьевна — поэт, прозаик, член редколлегии журнала «Огни Кузбасса», член Союза писателей России. Родилась в 1967 году. Окончила математический факультет Кемеровского государственного университета. Живет и работает в Кемерове. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Фантастическая среда», «Союз писателей», антологии «Современная литература Кузбасса» и др. Автор поэтических сборников «Вне времени» и «Темные источники», книги прозы «Семейные ценности». Лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» (2017).

Предчувствие зимы

Пусть будет долгою неделя,
Пусть будет снежною зима,
И нахлобчат шапки ели,
И расписные терема
Пушистой нарисует кистью
Мороз на окнах в мой уют...
И постиженьем вечных истин
Мне станут Моцарт, Блок и Брюс.

* * *

Ох и снегу нынче! Рады пимы!
Я подобной не припомню зимы.

Будет дружная весна — уплывём
Все в ближайший к нам большой водоём.

А пока не подступила черта —
Ладьте вёсла, конопатьте борта!

Потерпи чуть...

А сугробы подаются...
М. Ц.

Потерпи чуть — морозы отпустят,
Что в Сибири на зиму пенять?
Дед Мороз возвратится в свой Устюг,
Встанут в стойла три белых коня.

Подожди чуть — метели уймутся,
Оживёт расколдованный лес,
Золотое покатится блюдце
По лазоревой глади небес.

Погоди — подадутся сугробы,
Ручейки талых вод зашумят...
Ты оттаешь, оттаем мы оба
И начнём всё сначала. С нуля.

* * *

Зима отступает с боями,
с ночными атаками стуж,
скрепляя резными краями
границы растаявших луж.

Но топит остатки сугробов
дневная армада легко!
Сосульку сломи и попробуй
ледовое молоко.

Пока на губах не обсохло,
лицо запрокинь и смотри,
как солнца весенняя охра
победно на небе горит!

* * *

Весенних обочин слоёный пирог,
безжалостно солнцем пригретый,
как символ, как знак: наступил крайний срок
для экипировки на лето.

Пора потесниться унылым вещам,
дать место весёлым обновкам:
и топу, где лямка сбегает с плеча,
и лёгоньким босоножкам.

Наверно, давно заждалось в бутике
то яркое платье из ситца
с разрезом таким и таким декольте,
что встречным вздыхать и коситься.

И майку купить с невозможным принтом —
пускай не понравится маме, —
и помнить, и думать, и грезить о том,
что отпуск не за горами.

* * *

Берёзовая осень,
пережив
в переносном смысле
иго листьев,
златой их гнёт,
перед всей
поднебесной высью
обнажённую
предстаёт.

* * *

Перед тобой, любимый, сто дорог,
Я это чувствую, я вижу сердцем.
И остывает на столе пирог,
Заботливо накрытый полотенцем.

Мои дела так мелки и скучны
(Что сравнивать с задумками твоими!):
На холст перенести цветные сны,
Придумать рыжему котенку имя,

«МУДРАЯ ПАМЯТЬ, НЕНУЖНОЕ ВЫЧЕРКНИ...»

Присесть под вечер с книгой на порог
И помечтать в глубокой тишине...
...Перед тобой, любимый, сто дорог,
И каждая из них ведёт ко мне.

* * *

Мудрая память, ненужное вычеркни,
из закоулочков вымети сор:
резкое слово, и слёзы, и причеты,
горечь обид, послевкусие ссор.

Глупая память, запомни безделицы:
кофе в постель и букетик цветов,
чтобы могла я нелепо надеяться
на то, что наладится, стерпится что...

* * *

Друг далёкий, единственный, верный,
всё, что раньше писала, — забудь.
Нас нещадно подправило время,
неизменна лишь самая суть.

Я по-прежнему в Бога не верю,
но отчетливей день ото дня:
наверху, за небесною твердью
он, похоже, поверил в меня.

Вне времени

живёшь вне времени в затерянной деревне
как вдруг весной оглянешься и вот
захочется каких-то обновлений
задумаешь какой-нибудь ремонт

а приглядишься из оконных створок
и ничего не хочется менять
в упадке обветшалого забора
в рисунке окосевшего плетня

пусть всё вокруг естественно стареет
естественно стареет и внутри
пусть огород затянется пыреем
под крышу прилетят нетопыри

и к дому зарастут пути-дороги
не слыша ни ура ни топора
тогда раздастся голос тихий строгий

— Пора!

Держись, старина

Принтер снова зажевал бумагу. Неприятное событие, как на него ни посмотри.

— Ну? Всё будет хорошо? — с надеждой спросила меня Ирина Степановна.

Это была учительница лет пятидесяти, красящая волосы в огненно-рыжий цвет. Она обладала боевым нравом истинной бестии. Характер сильный, а перед техникой стушеввалась. Принтер не испугать. Не хочет печатать, значит, не будет печатать. Нрав тут не поможет.

— Да нормально, — спокойно отозвался я, аккуратно вытягивая зажатый лист бумаги. Это был КИМ для Единого государственного экзамена.

За всей процедурой наблюдали до смерти напуганные одиннадцатиклассники. А ведь всему виной один старенький принтер, который даже и рассчитан не был на такое количество печати за такой короткий промежуток времени. По правилам прямо на глазах у школьников каждый бланк и КИМ должны распечатывать учителя в течение первых десяти минут экзамена. Прошло уже пятнадцать.

Сакральность, с которой приступали к этому ритуалу мои коллеги, поражала воображение. Школьники заражались настроением и, без того волнуясь, тревожились еще сильнее.

Лист бумаги хрустнул. Я слишком сильно дернул, и он слегка надорвался. Не страшно. Надо просто медленнее тащить листок. Еще мгновение и... Всё!

— Вуаля! Фокус удался, дамы и господа! — воскликнул я, потрясая грязной и помятой бумажкой, а затем отвесил поклон бледным одиннадцатиклассникам. Один, кажется, улыбнулся. Я захлопнул крышку принтера. — Всё, прошу.

— Спасибо, Александр Иванович, — проговорила Ирина Степановна с искренней благодарностью. Редкость для нее. Похоже, ЕГЭ укрощает даже самые строптивые натуры.

Она нажала на клавишу ноутбука, и принтер с кряхтением продолжил победную распечатку. Что ж поделать? Ему уже много лет, он старался, как мог. Купить новые принтеры не хватало денег, вот и отдувались сплошь

АХМЕТШИН Артур Расимович — писатель, член Союза писателей России, руководитель отдела критики и работы с художественным текстом Совета молодых литераторов Кузбасса, руководитель литературной студии «71-й дом» при Государственной библиотеке Кузбасса для детей и молодежи. Родился в 1994 году. Окончил Кемеровский государственный университет. Живет в Кемерове. Публиковался в журналах «Москва», «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и альманахе «Кольчугинская осень». Финалист ежегодной литературной премии «Справедливая Россия» (2025).

старички. Молодые и способные попросту обходили школу стороной. Речь о принтерах, конечно.

Месяц назад, когда я готовился стать техническим специалистом, мне рассказали историю о чудесном спасении другого такого же доходяги. У него сломался картридж с краской. Прямо разломился надвое. Другого на замену не было. В итоге главный техник зажигалкой спаял обе части пластикового корпуса картриджа. Рассказ сильно меня впечатлил, но на такое геройство я способен не был. Разумеется, только потому, что зажигалку с собой не носил.

Впрочем, техническим специалистом на ЕГЭ я стал по чистой случайности. Мне повезло родиться мужчиной. Мое гуманитарное образование никого не волновало. К слову, с техникой я и правда быстро поладил, отчего действительно уверовал, что это у нас — у мужчин — в крови.

Я вышел из класса, поймав несколько озадаченных взглядов школьников. Серьезность, с которой ребят готовили к экзаменам, убивала в детях непосредственность. Мне их было жаль.

Я пошел по коридору мимо других открытых кабинетов, в которых учителя уже зачитывали вслух правила проведения экзамена. Всего технических специалистов в школе было три: два физика и я, историк. Мы поделили этажи, поэтому на третьем я был в границах собственной вотчины.

Везде всё распечаталось, поэтому я, почувствовав себя отныне бесполезным на ближайшие три-четыре часа, мог вернуться в штаб. Так называлось место, где техники ждали, когда что-то поломается или закончится экзамен. Для поломанной психики школьников специалистов не было. Зато с нами сидели члены государственной экзаменационной комиссии.

Они контролировали ход проведения всего экзамена: все ли камеры работают, все ли компьютеры и принтеры исправны, не пронесли ли школьники шпоры, не нарушают ли правила сами организаторы экзаменов и много чего еще.

— Нам прилетела жалоба от департамента образования, — процедил Виктор Антонович, один из членов ГЭК. Это был полный низкий мужчина с тростью. Он передвигался неуклюже, но стремительно. Его маленькие глаза быстро бегали, останавливаясь на пару секунд то на одной детали, то на другой.

— Как?.. — тревожно начали бурчать коллеги. Я молчал.

— Корнилов долго бумагу доставал из принтера, — продолжил цедить слова Виктор Антонович, — на пять минут задержал часть с распечаткой. Вам выговор будет, Александр Иванович.

Я пожал плечами. Тут выговор нужно делать, скорее, принтеру, но и тот воспримет это весьма стоически. Чем я хуже? Надо учиться у старших товарищей.

Я спросил:

— А они увидели это по камерам?

— В том числе. Там сидела племянница одной из работниц департамента. Она уже успела написать маме, а та — дальше.

— Откуда у школьницы на экзамене телефон?

— Это уже неважно, Александр Иванович, это неважно... — задумчиво заключил Виктор Антонович.

Спустя три часа, когда экзамен в том кабинете закончился, я пришел, чтобы проконтролировать процесс сканирования бланков. Слава богу, он проходил не при детях.

Программа в ноутбуке не хотела принимать несколько бланков, из-за того, что те были неправильно подписаны. На каких-то листах плохо пропечатался QR-код... Если проблему с подписью я доверил коллеге, то с QR-кодом справился сам — просто гелевой ручкой закрасил плохо пропечатанные квадратики. Принтер и тут умудрился подпортить экзамен, подлец.

— Саша, что там с этим принтером? — негодовала Ирина Степановна.

— Что-что, — ответил я, — устал принтер уже. И я вместе с ним.

Ирина Степановна хмыкнула.

Наконец сканирование закончилось. Я отключил принтер от сети и от ноутбука, взял его под мышку и понес в штаб. Крышка сзади постоянно болталась и хлопала, поэтому каждый мой шаг отзывался невеселым пластиковым хлопком. Принтер был похож на проигравшего дзюдоиста, который шлепал по татами, пока ему заламывали руку. Я зачем-то погладил его по панели с кнопками. Не переживай, старина, всё хорошо.

Меня встретил Виктор Антонович.

— Вас к себе директор зовет, — сказал он. Тем временем взгляд его маленьких глазок перебежал с принтера на мои руки, затем на мое лицо и обратно. И так по кругу. Как же его не укачивает?..

— Отлично, — ответил я и развернулся в сторону кабинета директора — Анны Тимофеевны.

— Прямо с принтером пойдете? — в его голосе звучало осуждение.

— По-моему, сегодня хорошая погода, чтобы пройтись с принтером, не находите?

Виктор Антонович кисло улыбнулся.

Уже в кабинете Анна Тимофеевна встретила меня долгим молчанием. Это была добрая женщина лет шестидесяти пяти. Было в ней что-то такое, что говорило: она — педагог. То ли долгий взгляд добрых внимательных глаз, то ли размеренная жестикация, когда она что-то объясняла...

Я поставил принтер на стол, сел рядом. Поддержка была необходима. Нам обоим.

— Здравствуйте, Анна Тимофеевна!

— Здравствуй, Саша. Слышал, что там Виктор Антонович говорил? Аж департамент образования заинтересовался, что это мы так долго распечатавали... Это что, — она кивнула в сторону принтера, — виновник торжества?

— Он самый, — я похлопал его по пластиковому боку.

— Выговор делать не буду, сама понимаю. Виктору Антоновичу скажи, что ругала тебя и премии лишила. А этого, — она указала на принтер, — списываем. Мы же его уже чинили?

— Было дело. Картридж еще можно оставить, но сам принтер проще выкинуть, — отозвался я.

— Ясно. Ну и это... — Анна Тимофеевна задумалась, затем деланно стукнула по столу, — не тормози там на экзаменах!

Меня это рассмешило.

— Давай не смейся. Наш Виктор Антонович должен думать, что ты поруган и унижен, — театрально заключила она.

Я серьезно кивнул, взял принтер. Спектакль продолжался.

ДЕРЖИСЬ, СТАРИНА

— Могу сразу его выкинуть?

— Инвентарный номер запиши только, а документы потом подготовим, не беспокойся.

Спускаясь на первый этаж, я увидел одиннадцатиклассника, сидевшего на скамье. Он писал экзамен в том самом кабинете, в котором принтер зажевал бумагу. Школьник был всё такой же напуганный и бледный, в цвет своей белой рубашки навывпуск. Да что же с вами такое делают, Господи...

Я подошел к нему и поставил принтер на пол рядом.

— Ты чего домой не идешь? Всё же закончилось.

Он будто вышел из транса. Взглянул на меня. Мгновение — и он меня узнал. Его лицо слегка расслабилось.

— А, это вы починили принтер?

Я подмигнул и проговорил:

— Это всего лишь моя работа, приятель.

Школьник улыбнулся.

— Переживаю ужасно, — наконец сказал он, — а что, если из-за принтера всё пойдет наперекосяк?

— Как принтер повлияет на твой экзамен?

— Ну, начал чуть позже, из-за этого не сосредоточился вовремя и как надо... из-за этого ошибки были. Вот и всё... Конеч.

Я глубоко вздохнул.

— Смотри, вот он — тот самый принтер, — я слегка пнул его ногой, а затем быстро мысленно извинился. «Прости, брат, тут человеку плохо».

— И что?

— Да ничего, в общем. Его всё равно решили списать. Давай вынесем его вместе? Поможешь?

— Так он же нетяжелый.

— Дверь мне поддержишь.

Школьник закивал. Мы вышли на улицу, я отнес его к своей машине, засунул в салон, вытащил из принтера картридж. Забыл сделать это раньше.

— Ну вот. Смотри, у него уже всё, шансов на выживание нет, — сказал я, захлопывая дверь и ставя машину на сигнализацию, — а у тебя еще вся жизнь впереди. Дерзай.

Мы пожали друг другу руки.

— Спасибо, что помог, — добавил я.

Уже в школе на третьем этаже на входе в штаб меня вновь встретил Виктор Антонович. На секунду мне показалось, что он специально караулил меня.

— Ну что, как у директора? — он потирал рукоять трости, как крыса лапки перед ответственным походом за едой.

— Ой, лучше не спрашивайте, — отмахнулся я, — впрочем, держите, — положил ему в руку картридж, — виновник получил по заслугам, а это — всё, что от него осталось. Даже жалко его.

— Кого? — не понял Виктор Антонович.

— Я уже и сам не знаю, — честно признался я и сел за рабочий стол.

«За Уральскими горами благодать...»

* * *

Не зацкливайся на точке — она мала.
Лучше по прямой продолжай свой путь.
И не думай на ночь, не хмурь чела,
А читай стихи, просто — чьи-нибудь.

А придёт пора огород копать,
Так бери лопату — иди копай.
Ты ещё не слишком старая, мать,
И успеешь ещё собрать урожай.

Мы ещё попьём чайку и чего-нибудь,
По базару походим и по острию,
А что жизнь проходит — так в этом суть,
Чтобы сладость узнать на самом краю.

* * *

Разве есть ещё такие песни
И стихи ещё такие, а?
Чтобы на душе исчезла плесень,
А на сердце растворилась ржа?

Ну, конечно, есть такие песни
И стихи такие тоже есть,
Потому что не было б их если,
Слишком заскорузло было б здесь!

Пой, дружище, голосом негромким,
Неустанно ниточку тяни.
Сзади предки, спереди потомки,
Посередке мы с тобой. Одни.

ЗОЛОТАИНА Галина Михайловна — поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родилась в 1956 году. Живет в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. В разные годы была членом редакции городской литературной газеты «Лик», руководителем детской литературной студии «Тропинка на Парнас», редактором молодежного вестника «Точка роста». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Сибирские огни» и др. Автор книг «Мир прозрения», «Гнездо», «Горожанка», «Как хорошо гулять среди поэтов», «Давайте о хорошем!», участник коллективных сборников и хрестоматий.

* * *

А что вчера было — ведь было же что-то!
Прогулка по парку и чтение книги,
Усталые дворники тянут вериги —
Лопаты и грабли... и капельки пота.

А парк, он пока что безлиствен, прозрачен,
И аттракционы пусты и ненужны.
Закрты все кассы, и мелкие лужи
Пробует лапка трехпалая грачья.

И небо такой синевою пригоже,
Что слышится нежное ангелов пенье,
И жаждет душа красоты, обновленья,
И кажется мир этот церковью Божьей.

* * *

За Уральскими горами благодать —
Никакой тебе Европы не видать!
Отошёл маленько, даже не устал,
А перед тобой уже и батюшко Байкал.

Сел на бережку, медвежью шкуру расстелил —
Ты в тайге со зверем встретился, обнялся, завалил.
Вот такой ты, значит, слабый человек.
И страна твоя мала, как кёдровый орех.

Ну а если кто позарится, какой-нибудь упырь,
Станешь ты расти и выйдешь богатырь,
Как метнёшь копьё да ухнешь во всю мочь —
Позабудет враг, какой бывает день, какая ночь.

* * *

Я опять междометствую, о! — кая,
Мне опять мелкотемно лепечется.
Я пишу про селение Мохово,
А какое же это Отечество?

Мне бы голосом слиться с эпохой,
С беспредельностью и бесконечностью,
Хоть и нравится мне это Мохово,
Но какое же там Человечество?

Много дней прокорпела над строками,
Но они оказались банальными:
Есть проблемы, конечно, и в Мохове,
Но какие же это Глобальные?

Я, наверное, дура-дурехою,
Если вот во что всё это вылилось:
Поругалось со мною пол-Мохова,
А пол-Мохова молча обиделось!

Говорите!

Было шесть часов вечера. Дорогу замело. Да и сохранилась ли она? Детский лагерь забросили после распада Союза, а бетонные столбы у сломанных ворот изрисованы граффити. Название, теперь казавшееся насмешкой, сохранилось, накрепко приваренное к столбам: «Праздник».

Игорь шагал по снегу в летних кедах, освещая дорогу карманным фонариком, и Лера не переставала удивляться его детской свободе. Сама-то была в высоких сапогах на натуральном меху, а шея замотана на три раза — Лера не выносила ходить без шарфа, с тех пор как мама напугала ее мучительной смертью от его отсутствия. В детстве Лера постоянно болела, и ей даже вырезали лимфоузел на шее, когда девочке было всего три года. А Игорь даже шапку не носил, ограничивался капюшоном. Разве что сегодня в честь праздника натянул красный колпак с белым помпоном. Игорь был ее глотком свежего воздуха. Ее выходом из тюрьмы. Только с ним она могла смеяться в конце декабря. И всё-таки, думала Лера, проваливаясь по колено в снег, с ее стороны слишком смело идти за парнем в лес на ночь глядя — тревожный человек внутри нее бил тревогу.

«Заткнись, мы ему доверяем», — отвечал второй, возбужденный голос и сам себе не верил.

— Глянь, — указал Игорь на статую с двумя головами.

Они приблизились к ряду заколоченных треугольных домиков. У некоторых не было стен, можно было заглянуть в пустое нутро — мебель давно растащили. Чуть дальше среди высоких сосен виднелись мертвые корпуса, столовая, деревянная вышка с горкой у замерзшего озера, а перед главным зданием — о том, что оно главное, свидетельствовали широкое крыльцо с навесом и табличка с полустертými буквами: «Административный корпус» — эта страшная статуя. То, что в сумерках виделось чудовищем с двумя головами, оказалось двумя девушками в легких платьицах: у одной откололся нос, у другой — рука. Второй рукой она держала голубку.

Лере стало не по себе, словно на кладбище. Она представила, как когда-то сюда доставали путевки детям, а те радовались, проводили здесь каникулы, находили друзей, купались в озере и пели у костра. А теперь только снег на руинах, будто из этого места ушла цивилизация, оставив его

РУМЯНЦЕВА Яна Александровна — писатель, графический дизайнер и иллюстратор, член Совета молодых литераторов Кузбасса, член Союза писателей России. Родилась в 1989 году. Живет в Кемерове. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Начало века», альманахах «Образ», «Капитан Грэй» и др. Призер XII литературного фестиваля имени Алексея Бельмасова, форума-фестиваля «Капитан Грэй». Финалист ежегодной литературной премии «Справедливая Россия» (2025). Автор издательств «Эксмо» и «Руграм» (псевдоним — Яна Филар).

ГОВОРИТЕ!

на суд времени. Стремительно темнело и холодало. Проворчал потревоженный ворон.

— Так что ты хотел мне показать? — спросила Лера, надеясь, что Игорь не заметит ее раздражения.

Ей вдруг захотелось домой, в привычный мир с нарезкой оливье с мамой ровно в семь вечера и обязательной «Иронией судьбы» в десять, потом речь президента и папино ворчание на «трудный год», бой курантов, желание шампанское... В два часа после фильма шли спать. Повторяющийся каждый год бессмысленный ритуал, от которого искренняя ее детская радость с годами сменилась натянутой, дежурной улыбкой.

Лера сбросила с себя наваждение: хватит цепляться за привычное. Игорь — ее шанс встретить и провести год наконец иначе. Но ей было чертовски страшно ему довериться. Здесь слишком темно, слишком безлюдно... Еще немного, и она пойдет обратно, к машине.

— Сюда.

Он потянул ее за руку к главному зданию, дверь оказалась незапертой. Уверенным шагом Игорь провел Леру к большому залу — очевидно, здесь находился актовый зал. Деревянная голая сцена, портьеры сняты, но шторы по бокам сохранились, свисая грязными лохмотьями. Несколько сломанных стульев прижались к стене да треснувший бюст Ленина, а посреди зала пусто — за исключением небольшой горки снега, освещенной лунным светом. В потолке зияла дыра.

— А крыша не обвалится? — спросила Лера. Игорь не знал, какое пламя стыда ело ее изнутри — за страх, за тревожность и неумелые попытки скрывать их.

— Не бойся, тут уже много лет так, — успокоил ее Игорь и ногами расчистил снег. Потом вытащил из рюкзака плед и постелил прямо под дырой в крыше. — Ложись на спину.

— Чего?

— Ложись, — мягко повторил Игорь. — Приставать не буду. Хочу кое-что показать.

Лера недоверчиво легла на плед и уставилась в дыру. Игорь растянулся рядом.

— Знаешь, люди редко смотрят вверх, — сказал он. — А здесь только мы и небо.

— Ого!

Леру затыгивало во тьму, откуда глядели звезды. Она никогда не видела их так много — словно кислотным дождем прожгло темно-синюю оберточную бумагу, в которой покоилась планета, и снаружи, сквозь маленькие отверстия проглядывал ослепительно белый свет. Лера усмехнулась от мысли, что Земля может быть чьим-то подарком.

— Очень красиво, — выдохнула она.

Игорь вскочил, вдохновленный, и убежал за штору. Лера поднялась и вскрикнула: он притащил череп. Желтоватый, старый, с приклеенной к челюсти белой бородой.

— Не бойся, он гипсовый.

Лера взяла череп в руки и удивилась, как искусно приклеена к кости борода. К кости?

— Фу, убери, пожалуйста.

Игорь с усмешкой забрал у нее череп и водрузил на голову Ленина, а на гладкую макушку надел красный колпак.

— Череп Деда Мороза, — рассмеялся он.

— Точно, — усмехнулась Лера и поежилась. Зачем-то взглянула на экран мобильного: сеть не ловила, а время было уже доставать скатерть.

— Дед Мороз умер, — низким торжественным голосом сказал Игорь и взял череп в руку. — О, бедный Дед! Я знал его, Горацио.

— Перестань, — рассмеялась Лера и дурашливо толкнула Игоря в плечо. — Какой же ты дурак...

Игорь отложил череп, развернулся и поцеловал ее в губы. На несколько минут они потерялись в пространстве и времени. Лера отстранилась — в глазах Игоря стоял туман.

— Я замерзла. Пошли в машину.

— Встретим год вместе? — спросил Игорь.

— Не знаю.

Лера виновато улыбнулась ему, открыла дверь и... вошла в зал с другой стороны.

— О, бедный Дед! Я знал его, Горацио, — Игорь снова кривлялся и подносил череп к ее лицу.

Лера в ужасе побежала к двери.

— Встретим год вместе? Вместе же?

— Нет! — крикнула Лера и побежала.

— Дочка, заправь салат майонезом, пора подавать на стол.

Когда Лера вбежала в зал снова, там была мама. И кухня. И папа на диване, меланхолично щелкающий кнопкой пульта, пока «Иронию» прервала реклама. Мама вручила Лере салатник, и та, словно робот, водрузила его на стол. Мама с папой не разговаривали — Лера к такому привыкла, но сейчас тишина разрывала ей барабанные перепонки.

Она снова предприняла попытку уйти, но почти не удивилась, когда вновь очутилась в зале. На этот раз за столом сидел Игорь и раскладывал салат по тарелкам. Папа разливал шампанское по бокалам, считая минуты до полуночи. Лера глянула на экран мобильного: осталось десять минут.

На всю эту картину взирал череп Деда Мороза верхом на бюсте вождя.

— Дед Мороз умер, — повторил Игорь, но уже серьезно. — Осталась только его пустая форма. Но никто этого не заметил.

— Мы каждый год повторяем один и тот же ритуал, — заговорила мама с тарелкой селедки под шубой, — чтобы не замечать пустоты, оставшейся после его смерти.

— Мы убили его — вы и я! Все мы! — вскрикнул отец и поднял бокал. — Своими письмами, своими желаниями. Мы превратили чудо в сервис по доставке подарков.

Лера тоже взяла бокал. Осталось пять минут.

— Мы удерживаем его труп, потому что боимся пустоты после праздника, — продолжил Игорь.

— Тихо, дайте послушать, — сказал отец, уставившись в черный экран телевизора.

А Лера смотрела в мертвые глазницы и понимала, что есть только один способ выбраться.

ГОВОРИТЕ!

— Загадываем желание, — скомандовала мама под бой курантов. Пять, шесть, семь, восемь...

Раздался звон стекла, осколки брызнули вперемешку с шампанским. Лера тяжело дышала над разбитым бокалом. Куранты больше не били. Ногой она перевернула стол, и салаты, любовно нарезанные мамой, смешались с грязью, снегом и тьмой. Ножкой сломанного стула Лера ударила по экрану телевизора, хотя он и так молчал. Сняла дурацкий колпак с черепа, надела на себя. Борода легко отошла от кости — от кости? — и стала частью Лериного лица.

— Говорите! — скомандовала она родителям глухим басом.

Мама начала первой:

— Он мне уже давно чужой человек, но мне страшно оставаться одной. Мне кажется, он давно меня разлюбил, ведь я состарилась и моя красота увяла. Как бы мне хотелось снова в него влюбиться, поговорить с ним, как раньше... Но я не знаю, с чего начать.

— Я боюсь, что она со мной по привычке, — сказал отец, глядя на маму. — Боюсь, что буду выглядеть глупо, если начну говорить о чувствах. Проще оставить всё как есть, заморозить внутри и повторять одно и то же, будто ничего не изменилось. Цепляться за моменты, когда нам было хорошо вместе.

— А я тебя просто люблю, — сказал Игорь, — и хочу, чтобы ты ничего не боялась. Я надеюсь, что когда-нибудь ты будешь мне доверять.

По щекам Леры катились слезы, она сорвала шапку и бороду и обняла родных по очереди, а потом всех разом. Ноги у нее подкосились, словно она годами несла в гору огромный мешок с камнями, а теперь его нет. Просто она очень устала.

— Ты умер, ну и ладно, — сказала она на прощание голому черепу и без сил опустилась на пол. Глаза ее тут же закрылись.

— Лера, вставай! Не спи — замерзнешь!

Игорь растолкал ее, спящую на пледе под взглядом тысячи звезд.

— Ничего себе ты устала... Поехали домой скорее. В машине есть термос с чаем.

Он потащил ее к двери. Лера с ужасом поняла, что сейчас они окажутся в том же актовом зале и начнут происходить странные вещи. Но нет, ей на лицо легли мокрые снежинки. Ветер всё так же трепал вершины сосен, и те мягким шорохом отвечали. Ворчал ворон.

Игорь напоил ее чаем и домчал до дома. До полуночи оставалось полчаса.

— Ну, увидимся в следующем году, — грустно сказал Игорь.

— Слушай, а давай встретим полночь вместе, прямо в машине, — предложила Лера. — Никогда не встречала Новый год в машине. И вообще вне дома. Только сначала зайдем к родителям, — она взглянула снизу вверх на родное окно, — и вытащим их оттуда. Только не знаю, как их растормошить...

— Вместе у нас всё получится, — улыбнулся Игорь, и Лера ему доверилась.

— Кстати, куда подевался череп?

— Какой череп?

— А впрочем, уже не важно.

Самид АГАЕВ

Тайна книги Аристотеля

Сказка для взрослых

(Продолжение. Начало в № 1 за 2024 год)

15

Опальный принц упражнялся в фехтовании, разя мечом воображаемого противника. Он так разошелся, что едва не задел проскользнувшую в комнату Зинат.

— О господи! — воскликнула она. — Что ты делаешь?

— Разве ты не видишь? Тренируюсь.

— Так странно видеть в твоей руке меч. Обычно я прихожу и вижу перед тобой бумагу, кубок с вином и калам в руке. Я к этому привыкла. Что случилось?

— Я иду на войну, — сказал Мутааз, вкладывая меч в ножны. — *Афросияб воскликнул: «Я иду в поход, покрасьте хной хвост моего коня».*

— Какой еще Афросияб, ты что же, не ждешь меня? Что с тобой: не пьешь вино, не играешь на танбуре. Да ты трезв?!

— С вином покончено, — заявил принц, — я не могу больше жить этой жизнью. Стихи мои никому не нужны, да и жизнь моя тоже. Мой племянник

АГАЕВ Самид Сахибович — прозаик, филолог. Родился в 1957 году. Живет в Москве. Окончил Московский автомеханический институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Дебютировал в журнале «Юность» повестью «Роман нелюбящих», получившей премию имени Валентина Катаева. Следующий роман «Седьмой Совершенный» был удостоен премии Правительства Москвы. Преподавал в Литературном институте, был доцентом кафедры литературного мастерства. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2022, 2024).

проявил добрую волю: позволил мне умереть на поле брани. Это очень благородно с его стороны. Могли удавить где-нибудь...

— Значит, ты уходишь умирать? — поразилась девушка. — Чему же ты так радуешься? Грядущей смерти?

— Представь себе, — подтвердил Мутааз. — Ты еще очень молода, тебе этого не понять. С возрастом у человека меняется отношение к смерти. Я скажу тебе, что смерть надо принимать с благодарностью. Потому что это второе по значению событие в жизни человека. Люди боятся ее, не ведая, что это такое. Наверное, точно так же они боялись и рождения, но забыли об этом. Хотя, если разобраться, рождение приносит человеку гораздо больше страданий, нежели смерть, которая, если верить хафизам, сулит райскую жизнь в садах Эдема в окружении вечно девственных гурий и источников, бьющих вином.

— Теперь я понимаю, отчего ты радуешься, — нахмурилась Зинат, — тебе мало меня одной и этого кувшина с вином — тебе подавай источник, бьющий вином, и толпу девиц. Разве мало тебе моей любви?

— Нет, дорогая, — возразил принц, — дело не в этом, я просто победил свой страх. Знаешь, что мне сказала твоя госпожа? Она открыла мне удивительную вещь: «Представь, что ты уже умер, и твой страх исчезнет». Я представил.

— И что же?

— Она оказалась права, и, как это ни странно, я даже испытал к ней чувство, похожее на благодарность.

— А как же я? Тебя не печалит разлука со мной? Ты больше меня не любишь?

Мутааз привлек девушку к себе и погладил по голове.

— Пойми, я не могу больше так жить, я нуждаюсь в переменах. И ничего не могу тебе дать, даже обещать, потому что я бесправен. Но я уверен, что у тебя всё будет хорошо. Ты что, плачешь? Не плачь, успокойся. Неужели ты и вправду меня любишь?

— Твой вопрос обидел меня, — сказала Зинат, утирая слезы. Она и сама не понимала, почему вдруг так расчувствовалась, что-то нашло на нее. — Пьяным ты мне нравился больше: ты был весел, читал мне стихи... Мне хочется вернуть то время, хоть ненадолго.

Она бросилась к столику, на котором стоял кувшин, и наполнила кубок вином, при этом, улучив момент, опрокинула в него содержимое пузырька, незаметно достав его из рукава.

— Выпей лучше вина, — протянула ему кубок.

— Я не пью больше вина, — возразил поэт.

— В последний раз, на прощание, — уговаривала его служанка.

Мутааз засмеялся:

— В первый раз красавица уговаривает меня выпить! Обычно бывало наоборот, но я должен отказаться: если я выпью, то уже никуда не пойду.

— Выпей, — продолжала настаивать Зинат, — разве нельзя выпить одну чашу вина и этим ограничиться? Разве обязательно пить до утра, всю ночь?

— Ну почему же до утра, чаще пьешь до тех пор, пока есть вино, иначе говоря, пока оно не закончится. Но сейчас дело не в этом. Я иду на войну и хочу умереть с ясной головой, отдавая полный отчет своему поступку. И вообще, что скажет Муктадир, когда увидит, что я пришел пьяным?

— Он ничего не скажет.

— Это еще почему ты так уверена?

— Потому что он сам всегда пьяный.

— И всё же я не буду пить, хоть ты и права в этом. Мне думается, что я жив до сих пор еще и потому, или только потому, что он пьет вино. Оно делает его милосердным.

Зинат овладело беспокойство, она не знала, куда деть руки, то ластилась к принцу, то, напротив, отстранялась.

— В чем дело, милая, — спросил Мутааз, — тебя что-то тревожит?

— Нет, ничего, просто мне надо бежать. Госпожа может меня хватиться. Прощай.

С этими словами она ушла. Принц с недоумением проводил ее взглядом, но останавливать не стал. Он вытащил меч, сделал еще несколько выпадов. Затем с мечом в руке подошел к столику, на котором стоял кубок.

— *Вином наполнен кубок*, — негромко произнес он и задумался, но вторая строчка не далась ему. — Нехорошо получилось: девушку обидел, не выливать же его...

Тяжело вздохнув, он взял кубок, поднес его к губам, но пить всё же не стал — выплеснул.

О жизнь, мой виночерпий злой,
Довольно подливать, из кубка
Готов я выплеснуть напиток горький твой.

16

Главный вазир разглядывал человека, которого привели стражники, наконец спросил:

— Ты ведь кармат? Не так ли?

Поскольку арестованный не проронил ни слова в ответ, добавил:

— Можешь не отвечать, я знаю, что это так. У меня для тебя хорошая новость. Тебя сейчас отпустят. Дадут коня. Возвращайся к своим и передай, что вазир ал-Фурат готов обсудить с вашими вождами условия безопасного проезда паломников. Поддай мне знак, что ты меня понял.

Арестант, всё так же не проронив ни слова, наклонил голову в знак согласия.

— В таком случае торопись, я жду ответа.

Ал-Фурат сделал знак, и арестанта увели. Вошел хаджиб и доложил:

— Господин вазир, человек, за которым ты посылал, прибыл.

— Пусть войдет, — разрешил ал-Фурат.

В приемную вошел мужчина в длинном берберском плаще и головной повязке. Поприветствовав ал-Фурата, он сказал:

— Мне передали, что великий вазир хочет видеть меня, и вот я здесь. В чем причина интереса такого важного чиновника к моей скромной персоне?

— Тебе верно передали, — подтвердил ал-Фурат. — Как тебя зовут?

— Аббас, — ответил человек.

Вазир улыбнулся:

— Это твое настоящее имя?

— Да, это мое имя. Почему тебя это рассмешило?

— У меня есть достоверные сведения, что тыходишь в организацию Алидов. Человек по имени Аббас борется против власти Аббасидов, разве это не смешно?

Аббас пожал плечами.

— Но это хорошо с точки зрения конспирации. Остроумно, во всяком случае.

— Это мое истинное имя, — повторил Аббас. — И я не вхожу ни в какие организации.

— Что ты делаешь в Багдаде? Откуда приехал?

— Я приехал из Мисра, до этого был в Мекке. Я географ, странствую по миру, составляю карты местностей.

— Ну, вот видишь, — усмехнулся ал-Фурат, — ты сам по всем признался: ты шпион.

— Я сказал, что я географ.

— Полагаю, что ты уже составил план ал-Мансурии. Я могу нарисовать тебе, где находятся потайные ходы во дворце халифа. Во время штурма они вам понадобятся.

— Господин, ты меня явно с кем-то путаешь, — возразил Аббас. — Я вполне доволен существующей властью. Даже если я действительно приверженец дома имама Али, это не является преступлением, и мой арест незаконный.

— Не рассказывай мне сказки, — оборвал его ал-Фурат, — потомки имама Али будут довольны существующей властью только в одном случае — если властью станут они сами. Но довольно пустых разговоров. Ты еще не арестован, но я могу арестовать тебя и надолго упрятать в тюрьму, однако делать этого не буду. У меня есть для тебя поручение. Передай человеку с родинкой на лице (кажется, он у вас сейчас главный?), что вазир ал-Фурат поможет ему занять трон халифа.

— У меня много знакомых с родинкой, — уклончиво ответил Аббас. — Допустим, что я кому-то из них передам твои слова, но почему он должен верить тебе? Не окажутся ли твои слова приманкой, чтобы заманить его в ловушку? Какие у тебя причины для таких серьезных действий?

— Причин две, — ответил вазир. — Казна пуста, халиф нуждается в деньгах, а когда тот, кто сильнее тебя, испытывает нужду в деньгах, он может отобрать деньги у тебя. Меня это беспокоит. Вторая причина в том, что мать халифа сильно урезала мои доходы, и аппетиты ее всё время растут. Всё идет к тому, что я вынужден буду содержать свой дом на одно жалованье.

— Разве этого достаточно, чтобы предать своего господина? — спросил недоверчиво Аббас.

— Я не предаю господина, — возразил ал-Фурат, — я просто защищаюсь от его матери. Что касается халифа, его конец всё равно неизбежен. Им недовольны все, начиная от простого народа и кончая военными.

— Что ты потребуешь для себя? — спросил Аббас. — Каковы твои условия?

— Условие одно. Я должен остаться главным вазиром. Род — бану ал-Фурат пятьдесят лет дает вазиров халифату, и мы служим этой стране верой и правдой. Если человек с родинкой согласится, дайте мне знать. Я пошлю за ним свои носилки в Куфу. В них он беспрепятственно доберется до Багдада. Во время праздника Пасхи мы напоим халифа так, что он придет в себя только на том свете.

— Какая ужасная сегодня была ночь... — жалобно сказал халиф. Он был бледен, и вид у него был нездоровый.

— Этот шум, он не умолкал всю ночь. Я почти не спал. Что это было? Может быть, начались народные волнения, а вы от меня скрываете? Что вы молчите, это на вас не похоже, обычно день начинается с неприятных известий.

— Не тревожься, повелитель, — успокоил его Кушури, — Багдад празднует Пасху всего-навсего.

— Пасха всего-навсего, и столько шума? Неужели в Багдаде столько христиан? А еще говорят, что мусульмане притесняют иноверцев.

— Пасху празднуют не только христиане, — заметил главный хаджиб, — но в том числе и евреи, и мусульмане, празднуют все жители Багдада. Точно так же потом христиане и евреи празднуют вместе с мусульманами Новруз и Курбан-байрам. А мусульмане с христианами празднуют вместе с евреями Пурим.

— Вот как? Какие еще праздники иноверцев отмечают мусульмане? — заинтересовался Муктадир.

— Вербное воскресенье, — сообщил Кушури. — В Египте его называют днем Оливы. Страстной четверг, который еще называют чечевичным, потому что в этот день христиане едят чечевицу. Четвертого декабря багдадцы отмечают день святой Варвары. В Рамадане день рождения Иисуса Христа. Затем Крещение, которое в Египте называют днем Погружения. Христиане в этот день купаются в реке, а мусульмане смотрят на них.

— Как это трогательно, — прочувствованно сказал халиф, — завидное единение народа. Так и должно быть.

— Да, государь, — согласился церемониймейстер, — повод выпить вина, прекрасная возможность для единства.

Повелитель посмотрел на Кушури, но его лицо было непроницаемым.

— Это что сейчас было? — рассердился Муктадир. — Ирония? Ты над кем смеешься?

— Нет, государь, что ты! Какая ирония, как бы я посмел? Я просто сказал правду.

— Что у нас сегодня? — спросил халиф. — Какие государственные дела я должен решать в такую рань?

— Заседание дивана, доклад ал-Фурата о проблеме паломников. Но прежде тебе надо утвердить смертный приговор одному бунтовщику, он выступал против власти.

— Разве это не может сделать кади-ал-кудат?

— Жизнь и смерть подданных халифата находится только в твоих руках, государь.

— Хорошо сказал, — заметил халиф.

— Благодарю. Подпиши эту бумагу.

— Кушури, после твоих проникновенных слов я не могу просто так взять и подписать приговор. От меня зависит жизнь человека. Пусть приведут, я должен его выслушать.

— Но, повелитель, заседание дивана... Все ждут.

— Подождут. Доставьте его сюда.

Кушури отдал распоряжение, и через некоторое время в зал ввели человека, закованного в цепи. Халиф обратился к нему со словами:

— Кто ты и кем ты был до того, как избрал этот гибельный путь?

Поскольку узник молчал, Муктадир добавил:

— Я бы не молчал на твоём месте. Следующая возможность поговорить тебе представится только на том свете.

— Меня зовут Мухаммед, — разлепив потрескавшиеся губы, ответил узник, — я был крестьянином.

— Ты носишь имя пророка, а выступаешь против его наместника. Ты был крестьянином, наверное, ты пахал землю, собирал урожай. У тебя была семья, и ты от этого отказался? Ради чего?

— Ради справедливости, — ответил бунтовщик. — Ты, халиф, упомянул пророка, но не такую жизнь завещал нам пророк. Народ влачит жалкое существование. Гнет спину от зари дотемна. Налоги платит так много, что от собственного урожая остается ровно столько, чтобы не сдохнуть от голода. Где справедливость?

— А ты думаешь, что, свергнув меня, ты получишь справедливость? — усмехнулся халиф. — Или ты думаешь, что я не хочу справедливости? Ты ошибаешься. Дело не во мне, а в самих людях. Ты думаешь, мне много надо? Вовсе нет. У меня у самого нет денег. Я вынужден брать в долг, чтобы заплатить жалованье войскам. Я у тебя ничего не отнимаю для себя лично. Все мои потребности — это еда и питье. Все налоги уходят на содержание государственного аппарата, и при этом каждый чиновник, начиная с вазира и кончая жалким писцом, удерживает у себя малую толику из налогов, которые ты платишь. А воровство! Воруют даже у меня, у первого лица. Я ем, как воробушек, а на мою кухню списывают огромные суммы, и покрывается это за счет налогов. Изменить эту систему нет никакой возможности. А ты хочешь справедливости, несчастный. Ты вспомнил пророка Мухаммеда, а знаешь ли ты о том, что через полчаса после его смерти рядом с ним никого не было, кроме одной-единственной жены? А было их у него девять! Всеми овладела суета, о нем сразу же забыли. Все ринулись устраивать собственное благополучие. Этот мир изменить нельзя. Ты можешь только к нему приспособиться. Изменить себя.

— А если я не хочу приспособляться к несправедливости? — спросил бунтовщик, на которого вдохновенная тирада халифа впечатления не произвела.

— Тогда тебе придется умереть, — раздосадованно произнес эмир.

Ему казалось, что он так ясно объяснил этому человеку мироустройство, что тот должен был сразу понять свою ошибку и просить пощады.

— Так ты готов умереть за свои убеждения? — спросил он.

— Готов, — твердо произнес бунтовщик.

— Уведите его, — устало распорядился Муктадир.

Узника увели. Кушури протянул халифу приговор для подписи, но тот отстранил бумагу.

— Приговор надо утвердить, — мягко напомнил главный хаджиб.

— Я не буду подписывать. Замените казнь каторжными работами, — приказал халиф.

— Ваше милосердие безгранично.

— Я тоже так думаю, — согласился Муктадир.

Чувствовал он себя довольно скверно, так как провел бессонную ночь, к похмелью прибавилось еще и нервное напряжение. Он бы с удовольствием ушел в свои покои и отдался рукам массажиста, но предстояло еще выслушать доклад министров.

— Дай мне холодной воды и зови министров, — вздохнул эмир.

Пока он пил воду, зал наполнился придворными. Через отдельный вход вошла и заняла свое место Саида. Халиф физически почувствовал ее появление. Ал-Фурат приблизился и сел перед ним, держа в левой руке чернильницу на цепочке, как того требовал протокол. Муктадир сделал знак, разрешая говорить.

— У меня хорошие новости, повелитель, — сказал ал-Фурат. — Мне удалось договориться с карматами. Они будут пропускать все караваны паломников.

— И как же тебе это удалось?

— Надо будет платить им, по динару с головы.

— Ты паломников по головам считаешь, как овец? — недовольно заметил халиф.

— Я оговорился, прости мое косноязычие. По динару с человека и полдинара за каждого верблюда.

— И ты считаешь это хорошей новостью? — гневно воскликнул Муктадир. — Ты договорился о том, что будешь сам добровольно отдавать карматам то, что обычно они добывают разбоем. За священное право совершить хадж люди будут платить дань. Ты предлагаешь узаконить то, что считается преступлением?

— Прости мне мою дерзость, повелитель, — не унимался вазир, — но хадж — дорогое мероприятие. Об этом даже в Коране сказано. Если у тебя есть деньги, значит, ты должен совершить хадж. Люди в пути всё равно платят за воду, за охрану, одним динаром будут платить больше. Кроме того, в этом, казалось бы, возмутительном требовании карматов есть определенная логика. Триста лет назад наша великая религия вышла из бедуинских шатров. Империя ислама заставляет сейчас трепетать многие государства. Сами же бедуины по-прежнему терпят лишения в бесплодной пустыне. Ведь платим же мы пенсию курайшитам, хашимитам — почему бы не платить карматам? Тем более что за эти деньги они берутся еще и охранять паломников. Еще они готовы обсудить цену, за которую вернут камень Каабы.

— Это возмутительно! — вскричал халиф. — Я с негодованием отвергаю это предложение.

Раздался из-за занавеса голос Саиды:

— Повелитель, прошу тебя, не спеши с отказом. Ведь эти деньги не ты будешь платить, а сами паломники. Ситуация очень серьезная. Люди недовольны. А мы не можем обеспечить их безопасность.

— Что передать им, государь? — спросил ал-Фурат.

— Ничего, пусть ждут, — недовольный вмешательством матери, приказал халиф. — А ты можешь идти, я сообщу о своем решении.

— Но я еще не закончил свой доклад...

— Это ничего, иди.

Ал-Фурат поклонился и покинул зал заседаний, крайне недовольный исходом дела. Всегда мягкий, покладистый халиф сегодня вел себя странно.

Муктадир же встал с трона и подошел к занавесу, за которым сидела его мать.

— Когда ты перестанешь вмешиваться? — спросил он вполголоса.

— Я пытаюсь предостеречь тебя от поспешных решений.

— Хватит, мама, я не мальчик. Я сам знаю, что мне делать. Я не буду договариваться с разбойниками.

— Надо соглашаться. Главное, выиграть время. Нельзя терять лицо перед подданными: если невозможно воздействовать на них силой, то надо платить за паломников, понадобится — даже из собственного кармана. Налоги всё покроют, косвенно паломники сами заплатят. Пусть ал-Фурат договорится с карматами, а затем ты его арестуешь.

— Арестовать ал-Фурата — за что?

— Он готовит заговор, — тихо произнесла Саида, — ведет переговоры с Алидами. Он послал свои носилки в Куфу. На них доставят главного Алида, человека с родинкой.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Муктадир. — У тебя есть доказательства?

— Неопровержимые. У вазира Хакана двоюродный племянник работает в канцелярии ал-Фурата. Он подслушал разговор.

— Вот оно что! — приходя в бешенство, воскликнул халиф. — Вот к чему приводят промедление и осторожность. Негодяи, воры, предатели! Я прикажу немедленно арестовать ал-Фурата.

— Послушай меня, сын мой, не торопись его арестовывать...

— Довольно, мама, не вмешивайся.

Правитель отошел от занавеса, сел на трон и подозвал к себе Кушури.

— Немедленно подготовь два указа: первый — об аресте ал-Фурата, второй — об отстранении Муниса от должности. Мне не нужен исфах-салар, который не может справиться с горсткой диких кочевников. Я назначу Мутаза командующим, от него будет больше пользы, чем от этого евнуха.

— Мутааз умер, — сообщила Саида.

— Как умер? — халиф обернулся к занавесу. — Отчего умер?

— Не знаю. Он был найден мертвым в своих покоях.

Кахрамана вышла из-за укрытия.

— Почему ты так смотришь на меня? Он был уже немолод. Много пил, наверное, сердце не выдержало.

— Ну что же, — сказал Муктадир, — видно, от судьбы не уйдешь. Я сам возглавлю армию и очищу дорогу паломникам. Кушури, отправь стражу: Муниса тоже надо арестовать, пусть посидит в тюрьме. Потом я разжалую его в рядового солдата.

— Сын мой! — воскликнула Саида. — Мунис опасен. Не загоняй его в угол.

— Мама, достаточно с меня твоих советов. Иди к себе, — отрезал халиф. — Я буду сам решать, что делать.

— Ты выгоняешь меня?

— Нет. Просто с делами на сегодня закончено. Я хочу отдохнуть.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

* * *

После совещаний кахрамана вернулась в свои покои и застала там Зинат. Девушка бросилась ей в ноги.

— Прости меня, госпожа, я не смогла этого сделать.

— О чем ты? — рассеянно спросила мать халифа (ее мысли были заняты другими вещами).

— Принц Мутазз. Я не смогла этого сделать.

— Ты пытаешься сказать, что он все еще жив?

Рабыня часто закивала головой, по лицу ее текли слезы.

— Даже не знаю, что сказать, — произнесла Саида, — это очень плохо. Моему гневу мешает только невольное уважение к твоему поступку. Неужели ты настолько влюблена, что готова пойти на новые страдания ради этого безумного поэта? Знаешь, мне даже немного завидно: хотела бы я, что кто-нибудь ради меня пошел на такое. Ты посмела послушаться?!

— Нет, нет, госпожа! — воскликнула Зинат. — Я всё сделала, как ты приказала, я вылила яд в вино, но он бросил пить. С сегодняшнего дня он не пьет. Он собрался на войну, он сам хочет умереть, но в бою.

— Теперь я вынуждена признать, — усмехнулась Саида, — пророк Мухаммед был прав, говоря, что трезвый образ жизни продлевает ее. А ведь я сказала сыну, что принц Мутазз умер. Что ж, сказанного не воротишь. Мать халифа не может бросаться словами. Если он решил умереть от меча, так тому и быть. А тебя я накажу после, сейчас пойди и скажи, чтобы вызвали ко мне вазира Хакана.

18

«Старуха точно выжила из ума», — решил дервиш, выслушав ее рассказ.

— Какой дракон, какие девушки, — сказал он, — вы что, с ума походили?

— Но весь город не мог сойти с ума, — обиделась женщина и добавила, что раз не верит ей, то может спросить у любого жителя, и вообще зачем ей его обманывать.

Но Хаджи-баба не унимался: он допускал существование драконов разве что в сказках.

— Я тоже так раньше думала, — возразила старуха, — пока он не прилетел в наш город и не спалил торговые ряды. Потом девушек потребовал.

— И что же, городская власть ничего не может сделать?

— Не может. Они боятся. Мы даже в Багдад писали халифу. Так они нам не верят. Пригрозили с должности градоначальника снять, если он еще раз пришлет такое письмо.

За разговором добрались до города, успели до закрытия ворот. Дервиш довез старую женщину до ее дома, это оказалось недалеко. Помог сойти с мула, отдал корзину.

— Спасибо за помощь, — холодно сказала она и скрылась во дворе.

Суфий же остался у дверей ее дома. Размышлял над ее рассказом. Он знал людей, обладавших искусством гипноза, которые могли околдовать толпу, внушить ей всякие видения. Но чтобы околдовать целый город, такое

не по силам ни одному фокуснику. Старуха не пригласила его в дом, оно и понятно, чай, мусульмане. Соседи не дремлют, языки у людей без костей.

Пока он думал, куда направиться, дверь открылась, и вышел мужчина.

— Это ты привез мою мать? — спросил он.

Пока дервиш думал, чем ему грозит оказанная услуга, мужчина, не дождавшись ответа, пригласил его войти в дом и быть его гостем.

— Мне бы успеть дотемна на постоянный двор, — сказал дервиш, — или, может, ты укажешь мне путь к дервишеской ханаке, я буду признателен.

— В этом нет необходимости, — заявил человек, — можешь заночевать у нас.

Хаджи-баба, не чинясь, принял приглашение.

У дома был внутренний дворик, там на возвышении давешняя старуха хлопотала над скатертью.

— Садись, — строго произнесла она, — отведай, что бог послал. — Казалось, что она всё еще сердится.

Посреди скатерти стояла глиняная миска с оливками.

— Это те самые? — спросил дервиш. — С холма?

— Они. Попробуй. Сама солила.

Кроме оливок на столе лежали крупные, треснувшие по бокам от зрелости гранаты. Высилась горка плова на подносе, отдельное блюдо с овощным рагу, зеленая каша из щавеля и еще какие-то блюда, названий которых суфий не знал.

— И когда ты, мать, успела всё это приготовить? — удивился дервиш.

— Всё шутишь, — отозвалась старуха, ее звали Месмер, — у меня невестка есть.

— Нет, не шучу. Просто не сообразил.

Он попробовал оливку, оценил ее вкус.

— У меня есть немного вина, — сообщил ее сын, — если желаете.

— Это самая приятная новость, что я услышал сегодня! — обрадовался дервиш. — Как же такие замечательные оливки — и без вина?

Женщина, услышав похвалу, наконец улыбнулась. Приятного аппетита пожелала и ушла. Хозяин извлек откуда-то кувшин и, сломав на нем печать, разлил по чашам.

— Спасибо вам за то, что помогли моей матери, — сказал он, поднимая свою чашу.

— Спасибо за то, что пригласили меня в дом, — ответил гость.

Вино было совсем молодым и резким, а он предпочитал выдержанные вина. Однако дареному коню в зубы не смотрят. Тем более что вкус был недурен.

— Хорошее вино, — похвалил он, — видно, этого года. Кто здесь винодел? Я бы купил немного в дорогу.

— Это мое вино, — пояснил хозяин, — не подумайте, что я нарушаю запреты ал-Корана, просто я христианин, меня зовут Петр.

— А-а, христианин, то-то я смотрю, очень хорошо, — отозвался дервиш. — Я люблю христиан. Меня зовут Хаджи-баба. Я суфий, ищу своего товарища, сумасброда, отправившегося на поиски счастья. Можешь себе представить?

Молодое вино ударило ему в голову.

— Почему же сумасброда? — возразил Петр. — Совершенно нормальное человеческое поведение.

— Я вижу понимание в твоих речах.

— Еще налить вина? — спросил хозяин.

— Конечно, наливай, не спрашивай.

Тот наполнил обе чаши.

— Мама твоя рассказала мне про дракона. Он якобы повадился летать к вам, девиц ворует. Как-то мне с трудом в это верится...

— И напрасно. Это истинная правда, — невозмутимо подтвердил Петр. — Мы уже к нему привыкли. Прилетает раз в год, забирает одну девушку. Зато на нас никто не нападает: боятся дракона.

— А девушек не жалко?

Мужчина развел руками:

— От болезней умирает больше. Но он их не съедает, это точно.

— Откуда вы знаете?

— От одной письмо получили родители. Уж не знаю, как она исхитрилась передать.

— И что пишет?

— Здорова, мол, просит не переживать.

— Странно, — заметил дервиш, — но меня не девицы интересуют, а мой товарищ. Мама твоя сказала, что он связался с драконом, вызвал его на бой. Это верно?

— Насчет боя не знаю, но он за ним поехал — это точно. Стража ворот видела. Что дальше было — неизвестно.

— Значит, он через год только прилетит? Но я не могу ждать целый год!

— Дракон гнездится в горах, — сообщил Петр, — там есть заброшенная крепость. Видели, как он оттуда вылетает.

— Спасибо, ты мне очень помог, — признался дервиш. — Можешь показать дорогу?

— Стража на воротах покажет. Выпьем еще?

— Конечно.

Сидели до тех пор, пока не осушили кувшин. Суфий попросил постелить ему прямо во дворе: это было верное средство проснуться с ясной головой.

Утром он поблагодарил хозяев, наполнил бурдюк подаренным вином и отправился к городским воротам. Порасспросил стражников и поехал в указанном направлении.

* * *

Замок открылся ему неожиданно. Горная дорога петляла долго вдоль глубокой пропасти, а на одном из виражей явила ему башни и зубчатые стены. Дервиш ехал, поглядывая в сторону крепости, пока дорога, сделав очередной поворот, не скрыла замок и, соответственно, его самого из виду. Здесь он спешился, стреножил мула, а сам поднялся на горный утес. Отсюда замок можно было как следует осмотреть, не привлекая к себе внимания.

Подвесной мост через ров был поднят. Значит, замок обитаем, хотя странник не заметил ни одного человека на стенах, никто не выглядывал из бойниц. Дервиш провел на скале больше часа. В какой-то момент ему

показалось, что в одной из башен открылось окно, поскольку стекло отразило луч солнечного света. Хаджи-баба собрался было уходить, как вдруг цепи загремели, пришли в движение, опуская мост. Потом откуда-то появился человек на осле, к крупу животного были приторочены две корзины. Он въехал на мост. Подъехал к стенам и снял корзины. Из одной бойницы вылетела веревка, к концу ее было что-то привязано. Человек схватил эту веревку, что-то отцепил от нее, вероятно деньги, поскольку после этого он привязал к веревке корзины. Их вытянули вверх. У дервиша, несмотря на возраст, было очень хорошее зрение, и он готов был поклясться, что рука, принимавшая корзины, была женская. Нежная белая девичья ручка. В голове его тотчас созрел план.

Он не стал преследовать возчика-торговца. Вряд ли тот что-то знает, если его торговля происходит таким образом. Старик спустился со скалы, сел на мула и вернулся в город. Здесь он закупил всякой всячины, заказал у плотника специальный ящик, ночь провел на постоялом дворе, а на следующий день был уже у замка. Здесь он стал выкрикивать:

— Египетские шали, дабийские платки, отрезки на платья из лучших сирийских тканей, китайские шелка, индийские благовония, ароматические масла, камфара, нюхательные соли, лучшая хна для волос, сурьма для глаз из Мазандерана! Продаю недорого, по случаю. Кто не купит, будет жалеть всю жизнь! Крем для кожи, разглаживающий морщины...

Он даже не успел перечислить весь список товаров, как загремела цепь, и мост стал опускаться. Дервиш проехал через мост и остановился у стены, продолжая выкрикивать названия товаров. Сверху послышался девичий голос:

— Эй, коробейник, почему твой товар?

— По деньгам, милая, — отозвался Хаджи-баба. — У каждого товара своя цена. Есть по десять динаров, а есть — сто динаров. Цветочные масла по три динара за склянку — у всего своя цена.

— А что так дорого?

— А у меня, красавица, товар исключительного качества, я еще дешево отдаю. Дабийские платки на багдадском Суке идут по двадцать динаров штука.

— Спусти тебе корзину и деньги, положи в нее благовония и шаль... может быть.

— Нет, красавица, так не пойдет, — отказался дервиш, — это неуважение к моему товару. Я вслепую не торгую. Это надо мерить, нюхать.

— Послушай, старик, не упрямясь, — стали увещевать его девушки, — нам нельзя выходить. У тебя же пробники есть? Положи в корзину, мы нюхаем.

— Пробники у меня в лавке, а здесь торговля на вынос. Я, пожалуй, поеду. Зря только заехал к вам.

В подтверждение своих слов Хаджи-баба тронул мула по направлению к мосту, но его тут же окликнули:

— Стой, старик, сейчас откроем тебе дверь, заходи.

— Вообще-то я не старик, — возразил дервиш, но ответа не последовало.

Выждав некоторое время, он услышал лязг замков. Подошел к воротам, потянул за ручку массивной двери — проем был достаточно широк, чтобы он прошел в него вместе с мулом. Суфий оказался во внутреннем дворе,

мощенном булыжником. Из стены торчал крюк, к нему он привязал мула. Снял ящик с товарами, повесил себе на шею за приделанный ремень. Кругом двора шла крытая галерея. В ней открылась одна из дверей, и его позвали:

— Сюда, коробейник.

Дервиш последовал на призыв и вошел в темный проход.

— Осторожно, здесь низкий потолок, не расшиби себе лоб, — предупредили его — и вовремя: приложился, но не больно.

Склонил шею, прошел еще десяток шагов и оказался в просторной светлой комнате. Здесь его ждали две девицы, лица их были закрыты. Но смотрящие на него с живым любопытством глаза были прекрасны, как прекрасны девичьи лица, черты которых приходится воображать.

— Ну, показывай свой товар, — сказала одна из них.

Хаджи-баба поставил на пол ящик, открыл его и отступил в сторону. Пока девицы смотрели, мерили, нюхали, он оглядывался, затем, словно невзначай, спросил:

— Здесь был мой товарищ, просил, чтобы вы его не забывали. Галиб его имя.

— Мы его не помним и помнить не хотим, — отрезали девушки.

Излишняя эмоциональность означала: помнят, и он на правильном пути.

— А что так? Я слышу в ваших словах обиду и недовольство. Чем сей отрок прогневал вас? Я как старший товарищ укажу ему на ошибки.

— Я возьму это, это и это, — объявила одна из девушек. — А товарищ твой отказался взять нас в жены.

— Счастья своего не понимает, — посетовал Хаджи-баба, — я бы на вас с радостью женился, но вы же за меня не пойдете...

— А я возьму это, это и это, — сказала вторая девушка. Слова дервиша они пропустили мимо ушей, видимо, чтобы не обижать.

— Но вы же не настолько на него сердиты, чтобы желать ему смерти? — спросил суфий.

— Конечно, нет.

— В таком случае помогите мне найти его — он пропал.

— От нас он ушел к дракону, предпочел его общество нашему. И больше мы его не видели.

— Это всё? Больше вы ничего не скажете?

— Больше мы ничего не знаем.

— Ладно. А где дракон? И кем вы ему приходитеесь, разве вы не его жены?

— Вот еще! Мы не хотим такого мужа.

— Зачем же он вас похитил? Силой не подступался к вам?

— Силой он не может. Ему надо по согласию. Он пытался, не получается. Он хозяин замка, а мы его пленницы. Меня он похитил в прошлом году, а ее в позапрошлом. В этом году должен был похитить еще одну, но у него не получилось. Твой товарищ ему помешал, погнался за ним и отбил девушку.

— То-то же, — с гордостью произнес Хаджи-баба, — знай наших! Только я никак в толк не возьму: он что, в самом деле настоящий дракон?

— Мы думаем, что он джинн. В замке в человеческом образе ходит, а летает как дракон.

— Всё равно, — сказал дервиш, — пока сам не увижу — не поверю. Ведите меня к нему.

— А я уже здесь, — вдруг произнес кто-то сзади.

Старик обернулся и увидел невысокого мужчину рыхлого телосложения. Он был плешив, к тому же слегка косил. Как он вошел, никто не заметил, словно отделился от стены.

— И что здесь происходит? — спросил он. — Кто этот человек?

— Это разносчик товаров, — ответили одновременно обе девушки, — коробейник.

— Кто его сюда впустил?

— Ты сам разрешил нам делать покупки.

— Только продукты, одежды у вас и так вдоволь.

Дервиш внимательно разглядывал незнакомца, пытаясь найти в нем что-то драконье или демоническое. Как мог этот плюгавый сморчок напугать страху на целый город?!

— Вы уже выбрали подарки? — спросил дракон.

— Да, нам нужны отрезы на платье, шали и благовония. И еще хна для волос.

— Сколько за всё? — нетерпеливо спросил дракон, вытаскивая кошелек.

— За всё — сто динаров, — заявил Хаджи-баба.

— Ты что, с ума сошел? Почему так дорого? За сто динаров можно дом купить.

— Так ведь выездная торговля. Она всегда дороже. Товар отменного качества. Один платок — десять динаров. К тому же вельможа за всё платит дороже.

Сравнение с вельможей хозяину понравилось, но всё равно он затеял торг:

— Я дам ровно половину. Соглашайся, кроме меня ты в этих горах покупателя не найдешь. Ну что, по рукам?

— Умеешь ты торговаться! — вздохнул дервиш, подставляя руку для рукобития.

Человек хлопнул по ней, отсчитал несколько золотых монет. Суфий взял ящик, попрощался с девицами и направился к выходу. Шел слегка повернув голову, кося глазом, ожидая нападения мужчины. Что ему стоило, если он в самом деле джинн, а не мошенник, превратить его во что-нибудь неодушевленное? И забрать деньги обратно, покрасовавшись перед девицами, вернуться, так сказать, к естеству. Подойдя к мулу, дервиш предложил:

— Вина не хочешь выпить, хозяин? Я угощаю.

— Нет, не хочу, — сказал человек.

— Не знаешь, от чего отказываешься, — продолжал Хаджи-баба, — из погребов халифа!

— Откуда же я знаю, что оно халифское? — усомнился собеседник.

Дервиш снял бурдюк и продемонстрировал тавро.

— Могу купить это вино. Сколько просишь?

— Вино не продается. Для себя держу.

Хозяин молчал, ожидая ухода назойливого коробейника. Тот развел руками, открыл дверь ворот, взялся за узду своего мула и произнес:

— Продается еще кое-что. При девицах было неудобно говорить. Это только для мужчин.

— Что именно? — с любопытством спросил хозяин.

— Снадобье, побуждающее к желанию. Кое-что, необходимое для мужчин нашего возраста. Ты меня понимаешь?

В глазах человека, насколько суфий мог улавливать его ускользающий взгляд, блеснул интерес.

— Каков будет результат от этого средства? — спросил он.

— Результат будет таков, что тебе одного гарема покажется мало, — заверил продавец. — Средство испытанное. Хаким халифа поделился со мной, когда мы с ним пили вино. Халифу без него никак, ты же понимаешь. У тебя вон две жены, а у повелителя — четыре тысячи!

Хозяин проявил теперь явный интерес и закрыл дверь ворот.

— Ты что же, хочешь сказать, что коробейник вроде тебя вхож во дворец халифа и водит знакомство с его лекарем?!

— Я не простой коробейник, — заметил дервиш, — у меня исключительный товар. Последнюю неделю я как раз гостил во дворце, неоднократно беседовал с халифом.

— Чем докажешь?

— Ты же видел, какой у меня бурдюк — с печатью халифа, какое еще тебе надобно доказательство?

— Не очень-то я тебе верю, — колеблясь, сказал хозяин, — ну да ладно, назови цену.

— Я поеду, — отказался Хаджи-баба, — я голоден. Поем что-нибудь. Подумаю над ценой. Завтра вернусь, и мы ее обсудим...

— Зачем же куда-то ехать, чтобы утолить голод? Оставь здесь свою лошадь, — предложил хозяин.

— Это мул.

— Оставь здесь мула, пойдем, я угощу тебя, а ты расскажешь, что это за снадобье и как его принимать. И о цене поговорим.

— Вино взять? — спросил дервиш.

— Непременно, посмотрим, чем халифское вино от моего отличается.

Старик перекинул через плечо бурдюк и последовал за хозяином. Прошли крытой галереей, затем мрачным коридором и попали в большой зал, уже знакомый читателю. Большие стрельчатые окна, застекленные цветными стеклами, отчего дневной свет проникал тусклым, создавая сумрак. В огромном камине пылал огонь. Там сверху свисала цепь, на ней висел котел, в котором булькало ароматное варево.

— Гостей ждешь, хозяин? — спросил Хаджи-баба.

— Почему так решил?

— Котел большой.

— Это не для меня, — ответил мужчина.

Он снял с крючка котел. Рядом в стене имелась ниша. Он поставил туда котел, потянул рычаг, и котел ушел куда-то вниз. Дервиш весь подобрался.

— И кто там у тебя внизу? Рабы?

— Можно и так сказать, — согласился хозяин, — но лучше — домашнее животное.

— Хорошо питается. Я бы тоже отведал. Чем меня угощать будешь?

— Для тебя у меня что-нибудь получше найдется, — был ответ.

В этот момент суфий увидел, как в камине возник вертел, на котором были нанизаны две курицы, хотя только что там ничего не было.

— Это что же за механизм такой? — спросил он озадаченно.

— Прошу к столу, — пригласил хозяин.

Большой обеденный стол, который был пуст, когда они вошли (дервиш готов был в этом поклясться!), теперь ломился от закусок. Этому нужно было найти объяснение, но дервиш не стал ломать себе голову на пустой желудок. Он подумал: «Мне ли после халифских разносолов дивиться этому?» Хаджи-баба сел за стол, в середине которого возвышалась бутылка, видимо с вином. Хозяин угощал жареной горной форелью, бока которой украшали красная редиска, кресс-салат, а также овечий сыр.

«Рыба меня просто преследует в последнее время», — подумал дервиш.

— И что же у тебя за снадобье? — нетерпеливо спросил хозяин.

— Может, сначала выпьем и закусим?

— Нет, прежде дело, покажи, что это.

Старик вытащил из кармана кожаную коробочку, окантованную серебром, щелкнул крышечкой. В ней лежали пилюли жемчужного цвета. Пять штук.

— Одна пилюля стоит один золотой динар, — объявил дервиш, — ее хватает на одну ночь. Второй пилюли хватает на месяц. Третьей — на три месяца.

— Отчего так?

— Организм привыкает. Пять пилюль — это курс лечения.

— А что потом, когда они закончатся?

— Я еще привезу. А может быть, больше не понадобятся.

— Выпей одну, — предложил человек.

— Не доверяешь?

— Выпей!

— Она стоит денег.

— Вот тебе золотой динар, выпей, — настаивал хозяин.

— Может быть, все-таки угостишь меня, прежде чем испытывать? — укоризненно сказал Хаджи-баба.

— Хорошо, — согласился хозяин, — ты прав.

Дервиш, не спрашивая согласия, открыл бурдюк, который всё еще висел у него на плече, и наполнил кубки вином. Хозяин взял кубок в руку и выжидающе посмотрел на дервиша. Тот понимающе кивнул и, пожелав благоденствия этому дому, осушил свой кубок. Хозяин выжидающе смотрел на него, а старик улыбнулся:

— Как видишь, я не падаю и не бьюсь в конвульсиях.

Хозяин усмехнулся и отпил из кубка. Дервиш взял со стола лепешку, сыр, стал есть, захрумкал редиской. Из камина тянуло запахом куриного шашлыка.

— Ты знаешь о том, что в Древней Греции богов кормили ароматами сжигаемых домашних животных, — произнес суфий. — Я сейчас как раз чувствую себя одним из таких богов.

— Сейчас поспеет, — ответил хозяин.

Хаджи-баба посмотрел на вертел. Он крутился сам по себе.

— Здорово, — оценил гость, — что за механизм? Сам придумал?

— Так и есть, — подтвердил хозяин. — Ты закусил? Прими снадобье.

— Не то чтобы я сыт, но так и быть. Кстати, как тебе халифское вино?

— Хорошее, но ничего особенного. Мое не хуже, попробуй.

— Это ты не распробовал. С одного глотка букет не оценить. Выпей еще. А твое я обязательно попробую. Сначала халифское допьем.

Хозяин усмехнулся и допил вино. Настороженность в его взгляде ушла, но он, выжидая, смотрел на гостя.

— Ладно, выпью, — сказал дервиш, — ценный продукт переводим, жалко. Не боишься, что за тобой гоняться начну? Шучу, не бойся.

Дракон вдруг захохотал. Суфий достал одну пилюлю и, показав хозяйину, проглотил ее, запив вином. После этого наполнил вновь кубки вином, для чего придвинул к себе оба. Затем протянул дракону коробку, тот отсчитал еще четыре золотых динара, открыл коробочку и достал пилюлю. Стал разглядывать ее, понюхал. И тут Хаджи-баба, улучив момент, бросил в кубок хозяина белую горошину.

— Ты наелся? — спросил тот.

— Нет, я еще буду курицу. Я же не греческий бог, ароматом сыт не буду.

Дракон засмеялся:

— Да, конечно, иди сам возьми, она уже готова.

— Прежде выпьем, — предложил старик.

— Хорошо.

— За твое гостеприимство!

— Хорошо.

Оба выпили, и суфий заявил:

— Я так воспитан, что в чужом доме не привык хозяйничать.

Осушив еще кубок, дракон сделался покладист. Он снял одну курицу с вертела и поставил на стол. Дервиш, обжигаясь и дуя на пальцы, принялся разрывать и есть курицу. Хозяин же разглядывал снадобья, будто не мог налюбоваться. Он сделался медлительн, словно засыпал за столом. И в какой-то момент в самом деле заснул, уронив голову на грудь. Гость, не мешкая, связал его, привязал к стулу, обыскал, нашел в карманах кошелек с деньгами и бамбуковую дудочку. Положил всё это на стол и продолжил трапезу как ни в чем не бывало. Выпил еще вина, затем подошел к спящему, потряс его, хлопал по щекам, но привести его в чувство не удалось. «Надеюсь, я не переборщил. А может, самому вздремнуть? Однако вряд ли», — подумал Хаджи-баба, находясь в состоянии сильного эмоционального возбуждения. Ему стали чудиться всякие тени в уголках зала. Он поминутно оглядывался: казалось, что кто-то стоит за спиной, но при этом чувствовал такой прилив сил, что мог поднять одной рукой стол со всем его убранством. Это было следствием пилюли, которую он принял, чтобы рассеять подозрения хозяина замка. «Как бы хуже не стало, нужен свежий воздух», — решил суфий. Встал, попробовал открыть окно, но створки не поддались: они не были предназначены для открывания. Тогда открыл массивную дверь — со двора потянуло сквозняком. Хаджи-баба подтащил стул вместе с привязанным к нему хозяином к открытой двери, чтобы воздух быстрее привел его в чувство. А сам вернулся к столу. Здесь на глаза его попала дудочка. Взял ее из любопытства, покрутил в руках и поднес к губам. Извлек из нее несколько мелодичных звуков. Когда-то он в суфийской общине умел играть на зурне. Едва умолкла дудка, как перед ним появился громадный человек с безумным взором. Дервиш обмер от ужаса, но гигант склонил голову и произнес низким голосом:

— Повелитель, слушаю и подчиняюсь. Прикажи, и я сделаю всё, что ты скажешь.

Старик оглянулся — в зале, не считая спящего хозяина замка, никого не было.

— Это ты кого сейчас назвал повелителем? — преодолев невольный страх перед этой горой мускулов, спросил дервиш. — Меня?

— Тебя, — подтвердил великан.

— А с чего ты взял, что я твой повелитель? — удивился Хаджи-баба. — Ты кто такой?

— Я джинн, раб обладателя волшебной свирели, что находится в твоих руках. Слушаю и повинуюсь. Повелевай мною.

— Как это кстати! — обрадовался дервиш. — И что ты можешь?

— Многое, почти всё, приказывай.

— Очень хорошо, — довольно сказал старик, — погуляй пока, я позову, когда понадобится. Мне тут прежде надо кое-то выяснить.

— Слушаю и повинуюсь, — и джинн исчез.

Суфий увидел, что спящий стал подавать признаки жизни. Тогда он вернул его на место и сам сел напротив. Налил вина. Хозяин открыл глаза, взгляд его, поначалу туманный, постепенно приобрел осмысленность.

— Что это? — наконец воскликнул он. — Почему я связан? Кто это сделал?

— Догадайся с трех раз, — предложил дервиш.

— Подлый обманщик! — возопил связанный.

— Но-но, — предостерег Хаджи-баба, — не надо грубостей, я этого не люблю. Поговорим?

— Ты что-то подсыпал в мое питье, что?

— Я бросил в твое вино бандж. Он безвреден. Ты же тоже вынудил меня выпить снадобье, так что мы в расчете.

— Значит, ты меня обманул и нет никакого снадобья для увеличения желания?!

— Тебя это больше всего огорчает? Не переживай. Снадобье настоящее. Видишь, я еле сижу на одном месте. Это был гашиш, он дает легкость бытия. Пока ты спал, я был в плену грез.

— Что тебе нужно? — спросил хозяин замка. — Если деньги, то я готов откупиться, скажи сколько.

— Я ищу своего товарища, — объяснил дервиш, — он был здесь, не отпирайся, я всё знаю. Где он? Что ты с ним сделал?

— Он был здесь, — признался дракон, — отрицать не буду. Я его угостил, так как он тоже был голодным. Затем он уехал. Больше я его не видел. Я хочу пить, развяжи меня.

— Почему-то я тебе не верю, — произнес суфий.

— Дело твое. Развяжи меня, я хочу выпить.

Дервиш подошел, развязал ему одну руку и дал наполненный вином кубок. Когда тот жадно его выпил, опять связал.

— Итак, — сказал дервиш, — продолжаем разговор. Где мой товарищ?

— Я уже ответил. Он уехал.

— Мне придется обыскать замок, — нахмурился Хаджи-баба, — а ты пока побудешь здесь.

— Развяжи мне руку, я хочу еще вина, — попросил дракон.

— В этом я не могу тебе отказать.

Старик вновь развязал одну руку хозяина замка, и, пока наливал ему вино, тот успел залезть в карман своего халата, затем в другой, стал хлопать себя, словно пытаясь что-то найти.

— Не это ищешь? — спросил дервиш, извлекая из рукава дудочку.

ТАЙНА КНИГИ АРИСТОТЕЛЯ

Дракон ничего не ответил, но молчание было красноречивее слов.

— Хочешь, сыграю?

— Нет, не хочу. Это моя дудка.

— Нет, не твоя, — возразил Хаджи-баба, — но об этом попозже: я начинаю обыск, вернусь — поговорим. Но сразу могу сказать, что если ты вернешь моего друга, то я верну тебе дудку, идет? И вот еще что. Не похоже, чтобы ты был хозяином замка, как ты завладел им?

— Это долгая история, — нехотя ответил дракон.

— А ты вкратце.

— Я нанялся на работу сюда кузнецом. Вообще-то я изобретатель. Хозяин был одиноким человеком, родственников не имел. Я много чего изобрел, сконструировал в этом замке: раздвижные двери, подъемные механизмы... Один из них ты видел в действии.

— Дальше.

— Я изобрел летательный аппарат, продемонстрировал его хозяину. Он пожелал совершить полет, из которого не вернулся: упал в пропасть и разбился.

— Ты это подстроил?

— Не то чтобы... Просто крылья не выдержали. Если бы не было сильного ветра в тот день, всё бы обошлось. Но судьба распорядилась иначе. Так я стал хозяином замка.

— Понятно. А дудочка откуда у тебя? Украл?

— Не поверишь — нашел, здесь в замке.

— Так я тебе и поверил! Ладно, я скоро вернусь.

— Подожди, не уходи, — попросил дракон, — сними, пожалуйста, вторую курицу с вертела, а то она уже совсем обуглилась. Чего продукт переводить!

— Это можно, — согласился дервиш.

Он подошел к камину, снял вертел, сделал несколько шагов по направлению к столу и провалился в подземелье.

Продолжение следует

Вадим НИКИТИН

«Поближе к простоте, природе, Богу»

Туда, где...

Хотелось бы мне жить в глухом краю,
поближе к простоте, природе, Богу.
Там тишина лилась бы в суть мою
молитвенно, торжественно и строго.
Такое приближение всегда
ценю превыше всякого комфорта.
И делится со мной в ночи звезда
секретами особенного сорта.
А с ней и я ночной порой делюсь
всем тем, чем сердце несказанно дышит.
Хочу я жить лишь только там, где Русь
ветвями в синеве былины пишет,
лишь только там, где лики и кресты,
где ветры в буйных травах заплутали.
И навожу через себя мосты
туда, в заветные, святые дали.
Таёжный или горный бедный скит
зовёт меня, в моё стучится сердце.
А я, мирской обыденностью бит,
томлюсь в плену заезженных инерций.
И вырваться на волю не могу,
как будто бы оковы не пускают.

НИКИТИН Вадим Александрович — поэт и православный просветитель. Родился в 1954 году. Живет в городе Камышине Волгоградской области. Лауреат Международного Царицынского Александро-Невского православного фестиваля культуры, языка и журналистики (2008), Международной премии «Филантроп» (2014, 2018). Удостоен Почетного знака межрегионального благотворительного фонда имени А. П. Маресьева «За волю к жизни» (2016). Публиковался в журналах «Отчий край», «Родник», в газетах «Краностроитель», «Пламя», «Камышинский текстильщик», «Легкий день», «Диалог», «Камертон» и др.

Но тонкая свеча горит в кругу,
в кругу сказаний дедовского края.
И говорит со мной звезда небес,
и мысленно лечу в родные дали,
туда, где бедный скит, дремучий лес,
где ветры в буйных травах заплутали.

Растворяюсь

Некоторые люди считают,
что раствориться в чём-либо
означает пропасть. Возражаю.
В ком-то или в чём-то раствориться —
это не исчезнуть, а найтись,
обрести заветную криницу,
ту, где глубина впитала высь.
Растворяюсь в жизни, что навстречу
мчится, как дорога, сквозь года.
Зажигаю сердцем песни-свечи
и кричу своей дороге: «Да!»
Не нужны мне запертые двери.
Настежь их — в любовь, тоску, в грозу!
Я ведь не невольник на галере.
Парус я. Ветра, простор несу.
Растворяюсь в круге побратимов,
вех судьбы на отчем берегу.
Растворяюсь я в глазах родимых,
опаливших сердце и строку.
Русь — а как же в ней не раствориться,
если за душу она берёт,
если на святых её страницах
наш исконный, наш начертан код.
Здесь раздумьям ни конца ни края.
И, отбросив шторное сукно,
вновь меня в рассвете растворяет
к Небу растворённое окно.

Полночь и возраст

Полночь и возраст. Беседа течёт
речью душевной, сверчковой.
Время как будто замедлило ход,
слушая чудное слово,
слово, которого в общем-то нет,
если судить по-дневному.
Но в нём особый, таинственный свет
есть для притихшего дома.
Возраст и полночь как два близнеца.
Что им слова, говоренье?
Всё понимают и так их сердца
в этом двойном откровении.

Слышат друг друга они и без слов,
ибо по сути едины.
...Мудрых минут драгоценный покров
смотрит в мою сердцевину.

Ты готов?

Разговариваю одинаково
я с любимым, кто послан мне судьбой.
Всякий человек — он в чём-то знаковый,
ну а в чём-то, может, никакой.
Как с собой, всегда с ним побеседую,
если он захочет говорить.
Обменяемся своими бедами,
к свету и теплу протянем нить.
С президентом или с нищим пьяницей
сядем рядом, пусть и на бревно.
И беседа тропкою потянется
в даль родную, как заведено.
Статус — это пар пустой над чайником.
Ну давай, мой друг, поговорим.
Будь бомжом ты или же начальником,
багажом поделимся простым.
И, глядишь, немного жизнь изменится
и пойдёт по тропке наших слов.
И ровнее сложится поленница.
Я готов к беседе. Ты готов?

По-настоящему

Шагаю полем. Я сюда пришёл.
Я правда здесь. И травы стелют шёлк,
мне травы стелют свой ковёр под ноги.
Иду, как подорожник, вдоль дороги.
Пусть кто-то скажет: «Выдумал опять.
Куда ему по полю-то шагать,
куда ему, уже едва живому!
Мы знаем, ходит он лишь возле дома».
И говорящий будет в чём-то прав.
Где я — где поле с ароматом трав!
Но я дышу чудесным ароматом,
как прежде, точно в золотом «когда-то».
Шагаю полем и дышу, дышу...
Его в себе теперь, обняв, держу.
И им держусь. И вдаль иду по полю.
Оно в душе, во мне и ширь, и воля.
Невыдуманно, истинно иду,
ловлю ветра, как песни, на лету.
Вся Русь идёт со мной судьбой звенящей,
судьбою личной, самой настоящей.

Магомед КАДИРБЕКОВ

Человек, имеющий небесных покровителей

*Э. С. Эдлеевой,
Ш. Ч. Джавкаеву,
Н. М. Бембееву
и многим другим, посвятившим
свою жизнь служению людям*

Старый монах радостно вздохнул:

— Ну вот ты наконец-то и пришла!

— Что ты сказал, деда? — спросил оказавшийся рядом подросток.

— У тебя родилась сестренка, — ответил старик.

— Откуда ты знаешь? Маму только утром скорая забрала. Врач сказал, что роды будут дня через три-четыре.

— Всё вы знаете... Беги в больницу, скажи, чтобы назвали девочку Эльзяттой.

У старого зурхачи (астролога) и гелюнга (монаха) Эдэ не было детей. После принятия монашеского сана в высшей школе Чёёря-хурул он не имел права жениться. Остался верен своему обету даже в годы репрессий, когда многие монахи сняли свой сан. Сегодня родилась внучатая племянница, которой он передаст все свои способности.

КАДИРБЕКОВ Магомед Магомедиминвич — прозаик, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Родился в 1961 году. Живет в селе Малые Дербеты Малодербетовского района Республики Калмыкии. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в изданиях Москвы, Дагестана и Калмыкии. Автор книг «Оттенки бытия», «Цепная реакция», «Время уходит» и «Душа болит». Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021, 2023), Государственной премии Волгоградской области в сфере литературы (2024).

Монах закрыл глаза, и где-то в мозгу у него замелькали картинки. Он умел вызывать эти картинки усилием воли. Но сегодня они появлялись сами, без его приказа.

Семья была большой: пять мальчиков и три девочки. Эдэ — пятый. Еды на всех не хватало, и родители решили отдать мальчика в ученики местному гелюргу. Хурул был бедным, но прокормить двух гелюргов и несколько учеников мог. Эдэ не обижался на родителей за то, что его лишили детства. Конечно, очень хотелось бегать со сверстниками, ловить рыбу, купаться, а не зубрить эти бесконечные молитвы. Но не хотелось огорчать родителей.

Гелюрги очень отличались друг от друга и внешне, и по характеру. Один был толстый, жадный и ленивый, он отвечал больше по хозяйственной части. Другой — добрый и рассудительный. Он всё время пытался поддержать детей.

Даже только-только начавший обучение послушник знает, что у человека четыреста четыре разновидности расстройства здоровья. Из них сто одну болезнь лечат врачи, от ста одной избавляются с помощью шаманских обрядов, сто одну лечат заговорами и лечебной магией, с оставшимися ста одной болезнями организм человека справляется сам. Для того чтобы научиться лечить все эти болезни, нужно очень долго и хорошо учиться. Эдэ это знал и не ленился ни в хуруле, ни в высшей школе Чёёря-хурул. Иногда человек, которому предназначено лечить людей, по каким-то причинам не хочет этого делать, тогда ему приходится пройти тяжелые испытания, болезни, жизненные проблемы! И пройдя всё это, он всё равно примет этот дар и будет лечить людей.

Эдэ хотел помогать людям сам, без всякого давления со стороны. Приняв это решение один раз, он согласился стать монахом, и никто до самой смерти не смог заставить его отказаться от своего предназначения. Даже в годы репрессий, когда в Алтайском крае комендант, помахивая кулаком, грозился посадить его в тюрьму или расстрелять за то, что он лечит людей.

Через год этот комендант привез свою больную дочь, которую не могли вылечить ни в одной больнице, и попросил посмотреть ее. Эдэ пригласил его в дом, осмотрел больную и назначил лечение. Через две недели к гелюргу приехала веселая девчушка со свертком в руках и кинулась на шею монаху:

— Дедушка, спасибо, вы просто чудесник!

Вошедший следом комендант поздоровался за руку:

— Прости, Эдэ, что кричал на тебя в комендатуре, теперь верю, что не шарлатан. Можешь лечить своих земляков.

— Спасибо, комендант. Только в лечении твоей дочери принимал участие не я один.

— Кто еще?

— Твоя жена Валентина и тот, кому она молилась, скрываясь от тебя. Скажи ей, пусть достанет с комода иконку и повесит ее, как положено, в красном углу. Она оживила ее своими просьбами и своей верой. Грех после этого держать икону в черном ящике.

— Я не верю, старик, во всю эту чепуху!

— Можешь не верить. Можно прожить и без веры. Но вот рядом с тобой стоит дочка, которую не смогли вылечить врачи. А Николай Угодник и старый монах-калмык вылечили ее за два дня.

— Тут я ничего не могу сказать.

— Еще на прощание скажу тебе, что твоя жена через год родит тебе мальчика. Он со временем станет хорошим врачом. И не ругай жену за веру. Каждый человек волен решать сам, верить или не верить! Тем более ее вера будет спасать вашу семью от всяких потрясений.

— Спасибо, Эдэ! Не знаю, что сказать... Но век буду помнить вашу доброту!

Таких неверующих в жизни монаха было много. Но почему-то вспомнился молодой калмык, который попал в вагон вместе с ним, когда везли в теплушках в Сибирь. Парня по болезни не взяли на войну, хотя он и рвался туда. Все в вагоне ругали и проклинали власть, которая так обошлась с ними. А парнишка с горячностью доказывал:

— Это какая-то ошибка! Не может советская власть так с нами обойтись. Я комсомолец и уверен: скоро Сталин разберется и вернет нас на родину.

При разговоре он хрипел и задыхался. Когда Эдэ предложил его полечить, парень отказался:

— Меня в столице врачи не смогли вылечить, а ты что мне сделаешь своими молитвами!

Скоро парень слег и не вставал. Монах, несмотря на слабые возражения, занялся лечением больного. Через неделю, когда приехали в Алтайский край, комсомолец довольно бодро ходил по вагону и уже не пугал людей своими хрипами. После выздоровления он подошел к монаху:

— Простите меня, дядя Эдэ, за неверие и спасибо, что вылечили. Отец до войны куда только меня ни возил, всё без толку. А вы в таких условиях на ноги поставили — это просто чудо!

— Не за что, сынок. Помогать людям — моя судьба. И мне кажется, твоя тоже. Я вижу, что через пять-семь лет ты сам начнешь лечить людей.

— Да бросьте, дядя. Я механизатор. В Бога не верю, врачом вряд ли стану. Не мое это.

— Не зарекайся! Судьбу не мы пишем. Я вижу, что ты лечишь людей, а я редко ошибаюсь.

— Ну, проживем — увидим.

— Нас, наверное, расселят по соседним селам. Помни, парень, я всегда буду рад помочь тебе и советом, и делом!

Через много лет, когда калмыкам разрешили вернуться домой, Эдэ узнал, что с 10 по 16 января 1944 года вместе с ним выселили в Алтайский край почти двадцать три тысячи человек. В эшелонах по дороге умерло почти пятьсот человек, по прибытии в госпиталь попали больше трехсот переселенцев в очень тяжелом состоянии. Сколько из них выжило? Умирили в основном дети и женщины. Старый монах не мог понять, за что более двухсот двадцати тысяч калмыков выселили и заставляли жить в нечеловеческих условиях. Были враги, бандиты, предатели, так наказывайте и расстреливайте их. Что сделали дети, женщины, солдаты, которые честно воевали на фронтах?! Эдэ, сам привыкший делать только добро, не мог понять той жестокости, которую применяли друг другу люди. Ради чего одни убивали других тысячами, а порой и сотнями тысяч? Ведь на этой планете достаточно воды, еды и земли.

Монах сегодня не узнавал себя. Обычно его мозг думал о том, как помочь тем, кто рядом, а сейчас его тянуло на размышления о чем-то глобальном. Почему-то вспомнился случай, когда во время революции в родном

селе Харгата красные во главе с крикливым комиссаром расстреляли десять гелюггов. Потом приходили белые, бандиты, и все кого-либо вешали или расстреливали. Эдэ не мог понять ни тогда, ни сейчас: за что? Иногда ему казалось, что нет на земле зверя страшнее человека. Монах, посмотрев в лицо любого, определял, какой человек стоит перед ним. А совершив определенные обряды, мог узнать всю подноготную этого посетителя. Но не в его власти было изменить характер или наклонности человека. Слава богу, основная масса людей, с которыми приходилось общаться Эдэ, были нормальные, порядочные. Иначе он не смог бы столько лет изо дня в день заниматься тем, что было написано в его судьбе.

Сегодня родился крохотный ребенок, которому придется взять на себя этот тяжкий груз. Человек, который согласится «смотреть» людей, уже не принадлежит себе. Он будет принадлежать людям и тем, кто всех наделяет судьбой. Времена меняются, но люди остаются людьми, порою слабыми, неуверенными и болезненными. И им нужно помогать! Вот и наделяют боги некоторых избранных знаниями и возможностями, чтобы они помогали своим соплеменникам.

Старый монах открыл глаза — его кто-то толкал в плечо. Рядом стоял запыхавшийся от бега мальчик:

— Деда, ты был прав, родилась девочка! Она такая страшенькая, как старушка!

— Ничего, Саранг! Она подрастет и станет красавицей. Ты еще будешь гордиться своей сестренкой!

Эльзята с трудом поднялась на крыльцо отдельно стоявшего небольшого домика. Вот уже больше года она провела в различных больницах. Врачи не могли поставить диагноз. Все тело болело, было тяжело ходить. Родственники привезли ее к гелюгу, о котором люди очень хорошо отзывались. В комнате за столом сидел седой старик с добрыми пронизательными глазами. За его спиной в углу на подставке стояли статуэтки святых, на столе лежали четки. В комнате пахло благовониями. Эльзята села на стул, предложенный хозяином.

— Давно болеешь? — спросил он мягким голосом

— Наверное, уже больше года, — ответила она. — Лежала в больнице. В нескольких.

— Что говорят врачи?

— Не могут поставить диагноз.

— Тебе говорили, что ты должна лечить людей?

— С детских лет!

— А ты не хочешь?

— Я боюсь ответственности. Я ведь учитель. Работать в школе и лечить людей будет очень тяжело...

— Ты избрана сверху! Ты обязана лечить или умрешь.

— Чем я болею?

— Ничем! Ни один врач не сможет поставить тебе диагноз. Как только ты начнешь «смотреть» людей, твоя болезнь уйдет.

— Другого выхода нет?

— Нет. Ты уже давно должна была лечить. Кто-то там наверху тебя жалеет.

— Я знаю кто! Я согласна.

— Я тоже знаю. Он спас мне жизнь, когда мы ехали в холодном скотском вагоне в Алтайский край. Потом, через четыре года, спас мою жену с сыном. Меня поселили в соседнем селе, за пять километров от того, где жил Эдэ. Через три года, как нас выселили, я женился на красивой землячке. Она работала дояркой, я механизатором, жили у одинокой бабушки одной семьей. Баба Маша относилась к нам как к своим детям. Когда жена сказала, что беременна, я от счастья себе места не находил. Жизнь казалось такой прекрасной! На седьмом месяце беременности моя жена вдруг заболела. На улице мороз, метет снег, а у нее жар, какие-то боли по всему телу. Бабушка только посмотрела на жену и сказала:

— Беги за своим монахом, а то без жены и сына останешься!

Не помню, как оделся, схватил топор (у нас иногда волки шалили). Прибежал к Эдэ. Говорю: «Спаси!» Назад уже не бежали, но шли довольно быстро. Эдэ всю дорогу читал молитвы. Как только дошли, баба Маша с Эдэ начали взволнованно шептаться. Меня прогнали из комнаты, где лежала моя жена. Не знаю, сколько прошло времени, баба Маша выходила из комнаты: носила воду, тазики, полотенца. Эдэ, не выходя, сидел около больной. Когда я уже готов был силой прорваться к жене, раздался детский плач. Я вбежал в комнату — баба Маша пеленает ребенка и улыбается:

— Танцуй, Очир, сын у тебя!

Ох, и станцевал же я тогда!

Бабушка начала кричать:

— Стой, черт, полы проломишь!

— За сына, баба Маша, я тебе не то что полы — дом построю!

— Ловлю на слове, — смеется баба Маша.

Эдэ был у нас еще день. Осмотрел малыша и маму:

— У них всё хорошо. Благодарю бабу Машу, она хорошая повитуха. Сына она тебе спасла! У вашей бабушки глубокая рана на сердце. На войне убили ее единственного сына Ивана. Если ты, Очир, назовешь своего сына Иваном, то продлишь ей жизнь. И более благодарного человека у тебя в жизни не будет.

Мы с женой с радостью согласились. Через два года у меня родилась дочка. Когда нам разрешили вернуться, баба Маша поехала с нами. Единственное, что она просила: когда умрет, похоронить ее на родине. Мы выполнили обещание и один раз в два-три года ездим всей семьей к ней на могилу. Один раз Эдэ тоже ездил с нами в Алтайский край.

Его до сих пор там помнят: он спас за свою жизнь не одну тысячу человек, и среди них были не только калмыки. Он мне еще тогда сказал, что я буду «смотреть» людей. А я не поверил.

— Да, баав (старший брат отца) был святым человеком в прямом смысле этого слова. Он так и умер монахом.

— Скажи, Эльзята, это правда, что ты еще в детстве могла определить, откуда приехали люди и что они принесли?

— Был случай, когда баав на меня разозлился. К нему на прием пришли муж и жена, холеные и красиво одетые. Они мне сразу не понравились: было что-то в них нехорошее, черное. Я, как всегда, вертелась рядом. Обычно я ничего не чувствовала по отношению к посетителям, а тут кроме неприязни у меня в голове появилась картинка, из которой я поняла, что они работают в продуктовом магазине, где много всяких конфет, печенья, сладостей,

а в пакет положили самую дешевую карамель. Мне тогда было лет восемь, и я, не задумываясь, спросила тетю: «У вас в магазине много всяких конфет, а бааву вы положили самую дешевую карамель, почему?»

— Ну и что было потом? — мужчина с трудом перестал смеяться.

— Сначала все притихли. Потом тетя покраснела, а баав взял меня за руку, повел на кухню. Там стоял сундучок, который был забит конфетами, пряниками, всякими сладостями. Он открыл крышку и сказал: «Тебе что, этого мало? Почему ты позоришь меня перед людьми? Они могут вообще ничего не приносить. Я лечу людей бесплатно. И запомни: всех людей, независимо от того, нравятся они мне или нет! Я лечу даже врагов. И тебе это тоже придется делать. Потому что со временем всё, что я умею, передам тебе. Поняла?»

А что я могла сказать... сказала, что поняла! Хотя что я там поняла? Но баав был так зол, я его таким никогда не видела. Я его очень любила и решила не огорчать больше ничем.

— Да, Эдэ был прекрасным человеком! Вот, чтобы его не огорчать, тебе придется взять этот груз. Да, это тяжкий труд, не каждый его может выдержать. Но и не каждому его доверяют, ты избрана из многих. Подумай о том, скольких людей ты сможешь спасти!

— Я согласна. Что нужно делать?

— Вот и хорошо, — улыбнулся гелюнг. — Недалеко от поселка Делики есть могила одного святого. Поедешь от меня сразу туда, совершишь обряд — и домой.

— Как я найду могилу?

— Найдешь!

— Как моя болезнь?

— Какая болезнь?

— Спасибо вам за всё!

— Белой дороги тебе!

Саранг и тетя с удивлением смотрели, с какой легкостью Эльзята сходит с крыльца. Брат выскочил из машины, подбежал к сестре:

— Ты ли это, сестренка? Я уже больше года не видел, чтобы ты так красиво ходила!

— Я теперь всегда так буду ходить.

В машине одновременно плакала и молилась тетя Сяяхля.

Когда все успокоились, Эльзята попросила Саранга ехать в село Делики.

Подъехав к поселку, брат спросил:

— Куда ехать? Может, заедем в село, узнаем?

— Не надо. Езжай по дороге, должен быть какой-то знак.

Через некоторое время из кустов на дорогу впереди машины выскочил заяц.

— Езжай за ним, — попросила Эльзята.

— Цирк какой-то. Заяц-поводырь, с ума сойти, — засмеялся Саранг.

— Не удивляйся, брат, теперь в моей жизни будет много непонятного.

— Я это понял еще в тот день, когда ты родилась. Я играл около дедушки, и он вдруг сказал: «Ну, наконец-то ты пришла!» А потом послал меня в роддом с просьбой, чтобы тебя назвали Эльзяткой. Это в то время, когда еще не могли определять пол ребенка в утробе матери!

— Да, баав был великим человеком!

Пока они разговаривали, заяц свернул в степь и побежал между едва заметными машинными следами.

— Езжай за ним! — скомандовала Эльзята.

Где-то через километр заяц остановился около скромной оградки и, убедившись, что люди подъехали к могилке, ускакал в степь.

— Ну, заяц, ну, заяц, — восхищался всю дорогу Саранг. — Ведь никто не поверит, если расскажу! Скажут, что вру!

— А ты никому не рассказывай, — рассмеялась сестра.

Совершив обряд, Эльзята села в машину и сразу же уснула. Всю дорогу до дома ей снилось, что она, взявшись за руки с бабушкой Эдэ, идет по красивому полю, и он что-то интересное ей рассказывает.

Через день-два в селе стало известно, что Эльзята «смотрит» людей.

О том, что это необычный ребенок, близкие знали, когда она еще была совсем маленькой, и никого не удивило, что учитель родного языка может творить чудеса, которые в голове обычного человека не укладываются.

Однажды в школе на перемене неожиданно упала на пол учительница младших классов. Все забегали, засуетились. Эльзята попросила их отойти в сторону, подошла к женщине, слегка погладила голову, что-то прошептала, и буквально через две минуты учительница встала и самостоятельно села на принесенный учениками стул. Потом она рассказывала подругам:

— Как упала, я не помню, но очнулась от того, что в мои легкие вошел свежий воздух. Так бывает, когда открываешь форточку в комнате.

После согласия принять дар Эльзята сразу же выздоровела. Однажды на улице ей встретился врач, который выписывал ей направление в областную больницу. С изумлением оглядев ее со всех сторон, спросил:

— Эльзята, ты ли это? Я же сам писал тебе направление в клинику, ты была почти при смерти! Невозможно за две недели вылечиться! Не верю!

— Бывает, Иван Петрович! Вот я перед вами, здоровая и веселая. Нам с вами теперь предстоит вместе лечить людей. Вы по-своему, я по-своему.

— Как это вы будете лечить — вы же учительница по образованию!

— Жизнь, Иван Петрович, гораздо сложнее, чем вас учили в медицинституте. Я сама еще не всё понимаю, но, если я не буду лечить, умру. Образование здесь не самое главное: мой дедушка лечил почти шестьдесят лет даже тех, от которых отказывались врачебные светила.

— Это невероятно! Ну не может быть такого! — удивлялся врач.

Таких неверующих было очень много. Человеку свойственно сомневаться.

Однажды на прием домой к Эльзяте пришли две женщины. Она сразу же почувствовала, что одна из них ей совсем не верит. И обратилась к ней:

— Я вижу, что вы мне не верите. Вы и другим людям не верите, потому что у вас была сложная жизнь. Сейчас вас больше всего волнует, когда проснется ваш пьяный муж, который лежит на красном диване. Утром он кричал на вас, требовал деньги на водку. Это длится уже третий год. Вы всё время думаете, развестись или нет. Разводиться! Или он вас однажды убьет! А ваша болезнь, — обратилась она ко второй женщине, — излечивается врачами. Не бойтесь, идите к ним на прием.

— Я же вам еще ничего не сказала! — изумилась посетительница.

— Ничего страшного. Вы стесняетесь говорить о своей болезни. И не надо! Есть болезни, которые врачи лечат лучше нас. До свидания.

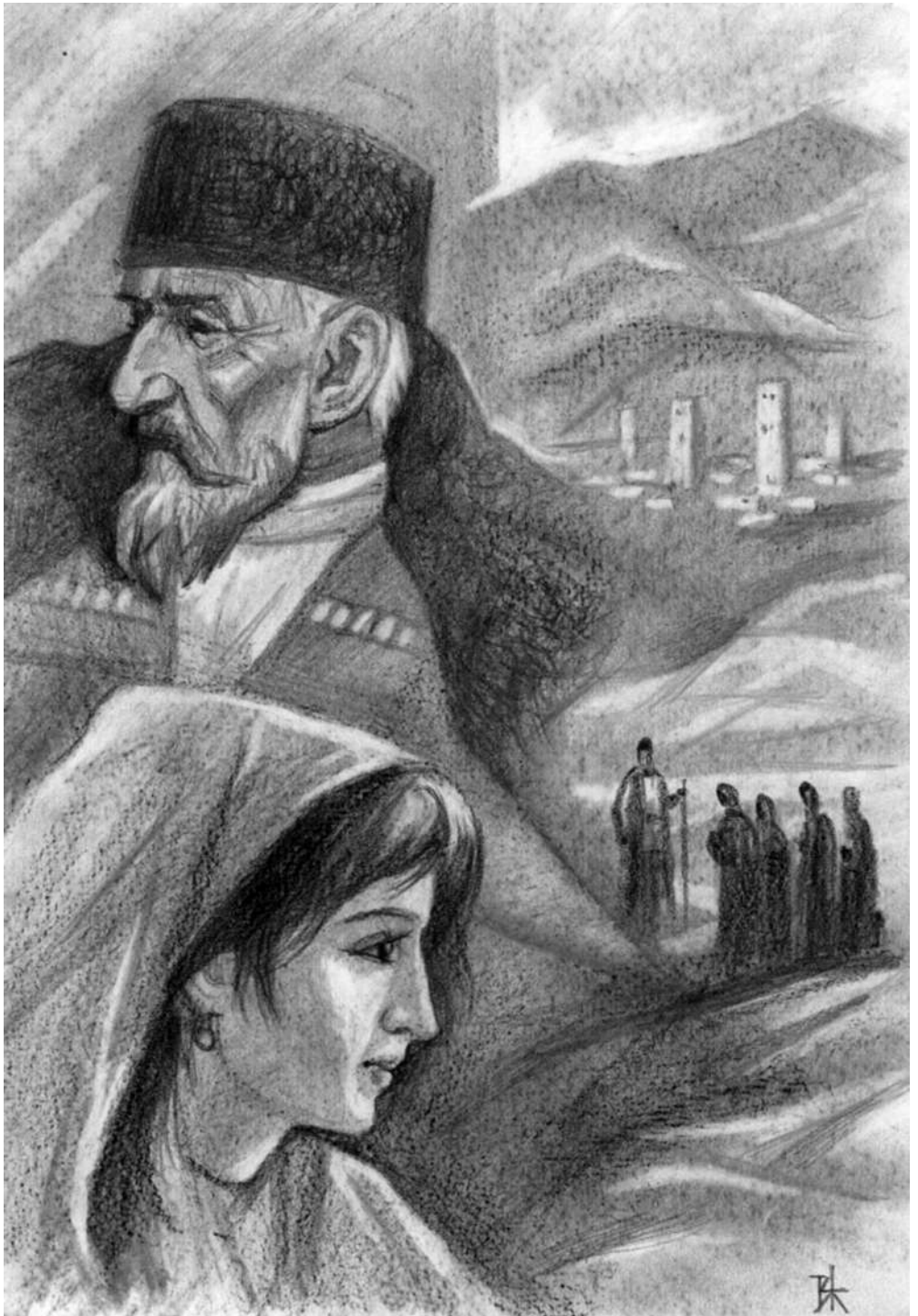

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Порою людям нужен только толчок, чтобы начать излечение.

После ухода женщин Эльзьята вспомнила соседку по улице, у которой была депрессия. Она пришла на прием и плакалась о том, что она, несчастная, не может помочь детям, как все нормальные люди. Муж бросил, работы нет, дети выкручиваются, как могут. И разговоры у нее были только об этом!

Сначала Эльзьята спокойно объясняла: «Детям от тебя нужна только любовь. Ты им дала жизнь, а это самое главное. Они не голодают, есть работа». Пришлось несколько раз с ней беседовать. Даже повышать голос. Потухший был взгляд соседки заискрился, и Эльзьята поняла, что эта женщина ожила. Сейчас у нее всё хорошо. У детей есть квартиры, и машины, и работа. Конечно, здесь не обошлось без Бога. Он благосклонно относится к ней за то, что она много лет ухаживала за безногим отцом, и за ее добрый нрав.

Люди не задумываются над тем, что за все поступки, совершаемые на земле, рано или поздно придется расплачиваться или им, или их близким. Где-то там наверху есть весы, на которых окажется каждый из нас. Эльзьята догадывалась, что ее жизнь сильно изменится, когда она начнет принимать людей, но не думала, что настолько! Утром собирала на работу мужа, детей в садик и в школу. Потом собиралась сама. Пока шла в школу, обязательно кто-то подходил с просьбой или жалобой, из-за чего она постоянно опаздывала. Проведя пять-шесть уроков, возвращалась домой, где зачастую уже кто-то ждал со своими проблемами. А еще надо было встречать детей, мужа. И так каждый день. Жизнь стала тяжелой, но, выслушав благодарности от тех, кому помогла, она чувствовала радость на душе. И еще знала, что там, наверху, радовался ее успехам и дедушка Эдэ. Согласившись лечить людей, Эльзьята сразу стала ощущать незримое присутствие старого монаха. И это ее радовало. Иногда, когда люди приходили с какими-то сложными проблемами, она мысленно обращалась к Эдэ, и решение приходило как бы само собой.

Слухи о том, что в поселке появился хороший лекарь, распространились быстро. К Эльзьяте стали приезжать и из соседних областей. Далеко не все задумывались о том, что у человека есть работа, семья. Некоторые пытались вызывать ее с уроков или приезжали, когда она уже укладывала детей. Среди посетителей были разные люди, порою откровенно нехорошие, злобные. Но она помнила слова Эдэ: «Тебе придется лечить всех, и даже врагов!» Были такие, кто вполне самостоятельно мог бы вылечить свою болячку. Но приходили и те, которых надо было спасать срочно, и никакой врач им бы не помог! Среди других попадались просто любопытствующие. Эти являлись как в театр, задавали дурацкие вопросы, не понимая, что за дверью стоят действительно нуждающиеся в помощи!

Был еще один человек, который очень интересовался Эльзьятой: врач Иван Петрович, который когда-то ее лечил. Он уже третий год со скрупулезной точностью записывал рассказы людей, которым помогла Эльзьята. Зачем это делал, он и сам не знал. Но то, что он, врач, шесть лет проучившийся в медицинском институте, не может вылечить болезни, которая лечит какая-то учительница, его, мягко говоря, огорчало. А истории были удивительные, если верить рассказчикам. Началось всё с обидного посещения больного, у которого был опоясывающий лишай.

— Иван Петрович, не хотите посмотреть на мой лишай?

— А что его смотреть! Я же направил вас в город, — сказал врач, предчувствуя что-то нехорошее.

— А я в город не поехал, а пошел к Эльзяте. И посмотрите результат, — предложил посетитель, снимая рубашку.

Врач посмотрел на еле заметные покраснения вокруг тела и, не сдержавшись, вскочил, начал трогать кожу:

— Не может быть! Лишай лечится месяца три, а ты был у меня три недели назад. Чем она тебя лечила?

— Вы будете удивлены, но лечила она меня детским кремом.

— Детским кремом?!

— Ну, не только! Она взяла тюбик крема, выдавила его на бумагу, добавила какой-то травы, всё это перемешала и смазала болячки, что-то приговаривая. Потом сказала через день мазать дома. И всё! Три недели — и сами видите результат! Вам не стыдно? Вы меня не могли два месяца вылечить... Вас шесть лет чему учат?

Мужик ушел, хлопнув дверью. А врач сделал первую запись в тетрадке. А потом пошло!

* * *

— Ну что рассказывать. Замучила слабость, пришла в больницу, сдала анализы. Нашли, что гемоглобин повышенный, выписали кучу лекарств. Подруга, узнав, что болею, предложила сходить к Эльзяте.

Я давным-давно была на приеме у дедушки Эльзяты, и он мне тогда сказал, что у меня будет три сына: один станет жить рядом, другой — в городе, а третий окажется государственным человеком и всегда будет далеко. Когда он говорил, было такое ощущение, что он хотел сказать еще что-то, но, посмотрев на меня, передумал. Много лет спустя я поняла, что старый монах пожалел меня и не предупредил, что у меня родится девочка, которая умрет, не достигнув года. У меня сейчас действительно три сына: один живет со мной, один в Элисте, третий военный, он всегда далеко. (Когда я приходила к Эдэ, у меня было только два сына.)

Короче, пошла я к Эльзяте, после первого приема мне стало легче. Вчера сдала анализы: гемоглобин в норме.

Кому мне верить, Иван Петрович?

* * *

— У меня сын Николай от рук отбился. Начал воровать, пропадать из дома. Меня не слушается, огрызается. Подруги посоветовали обратиться к Эльзяте. Пришли мы с сыном к ней, она посмотрела его. Потом, когда сын вышел, сказала: «Отвези его в город в двадцатую больницу, там есть психиатр Аркадий Петрович Нестеров, он вам поможет. Ничего страшного у твоего сына нет, просто немножко нужно подкорректировать его характер». Мы съездили к врачу три-четыре раза, и Николай стал заметно другим. Сейчас работает шофером. Ничего плохого о нем я с тех пор не слышала.

* * *

— Я сама фельдшер по образованию. До последнего не верила всяким знахарям. Врачи не могли поставить диагноз, а у меня во всем теле были боли, не могла нормально ходить. В общем, мать уговорила поехать к Эльзяте. Я живу в соседней области, но многие у нас наслышаны о ней. Эльзята попросила меня раздеться, взяла кусок теста, начала катать его по всему телу. Потом завернула это тесто в бумагу и сказала закопать его под деревом недалеко от села. Причем надо, чтобы этого никто не видел. Я всё так и сделала. Через день все мои боли прекратились. Когда я была на приеме, стала расспрашивать Эльзяту о болезни. Оказалось, она мне послана на смерть. И сделал это тот человек, который подарил мне синее платье. Его надо найти и сжечь вне дома. И еще Эльзята сказала, что в моем доме есть общая фотография, где этот человек тоже снят, если надо, она может показать на него. Боли у меня полностью прошли, синее платье я нашла и сожгла. А фото неприятельницы? Черт с ней! Возможно, Бог ее накажет. Эльзята говорит, что на небе есть весы и на них взвесят все наши деяния.

* * *

— Я живу в соседней области, позвонила Эльзяте, рассказала про сына. Он в последнее время без всякой причины ослаб, перестал чем-либо интересоваться, почти не принимает еду. Она выслушала всё, задала пару вопросов и обещала через два-три часа перезвонить. Через два часа перезвонила и велела быстро ехать к ней, никому не говоря, куда еду. Через три часа я была у нее, она дала мне две двухлитровые пластиковые бутылки: в одной плавали зернышки риса, другая наполнена чистой водой. Я должна была водой с рисом обливаться сына, а из второй бутылки ему нужно было несколько дней пить воду. Мы всё это проделали в течение четырех дней. Сына не узнать: по дому помогает, на мотоцикле гоняет, успевает и на рыбалку, и на футбол. Я пыталась узнать, что же случилось с моим сыном, а Эльзята сказала: «Это не важно! Главное, что мы успели». Я ничего не поняла, но очень благодарна ей за сына.

Однажды в больницу к врачу пришел одноклассник.

— Что, Иван Петрович, говорят, ты интересные случаи лечения людей записываешь? Если угостишь чаем, могу поделиться любопытными фактами.

— Я тебе даже спирт налью по такому случаю!

— Тогда слушай, это напрямую тебя касается! Мне друг рассказывал. Ты тогда только-только на работу после института вышел. У моего друга дочка (тогда ей было лет семь), катаясь с горки, сломала руку. Ее привезли к тебе, ты осмотрел, направил на рентген. Оказалось, что случился перелом руки в трех местах. Ты сказал родителям, что перелом очень сложный и надо ехать в Элисту. Отец ребенка тебя не послушался, повез дочку в поселок Зурган к костоправу. Дядя Надвид работал тогда электриком, а люди знали его как прекрасного костоправа и астролога.

Он осмотрел ручку и улыбнулся: «Ничего страшного, сейчас полечим». Взял ручку, долго ее массировал, потом приложил две дощечки, прибинтовал и сказал: «Всё хорошо, через неделю снимите дощечки. Если будут боли или опухоль, приезжайте». И всё! Через пару недель девчушка забыла, что ломала руку.

А случай с парнем, которого ударила лошадь, ты помнишь?

— Помню. У него был полный желудок крови. Если бы еще минут на двадцать опоздали, он бы умер!

— А ты знаешь, кто его к тебе направил? Мне друзья рассказывали, они как раз приехали к Надвиду с какой-то болячкой. А он стоит около калитки, не заходит в дом. Ему жена кричит: «К тебе люди приехали, почему не заходишь?» — «Подождите немного, человека должны привезти, а ему не ко мне, а в больницу надо!» Через несколько минут подъезжает «москвич», оттуда выскакивает парень и бежит к калитке: «Дядя Надвид, Очира лошадь ударила, помоги!» — «Быстро вези его в больницу. У него кровь в желудке, ему хирург нужен!» Это было в то время, когда ни у кого не было мобильных. Вот откуда он узнал, что парня везут и что у него кровь в желудке? Это ли не чудо?!

Был еще случай. К соседям приехала сестра из Москвы на костылях. Говорили, где только она ни лечилась, толку нет. Посоветовал соседям свозить ее в село Зурган. Они уговорили меня съездить с ними. Дядя Надвид пригласил больную в комнату, а нас прогнал на улицу. Сидели мы долго, часа через два на крыльце появилась женщина без костылей, она неуверенно переступала ногами, а следом вышел улыбающийся Надвид с костылями в руках. Я посмотрел на мужа и сына женщины, у них по лицу текли слезы. Меня охватила такая гордость, как будто это я вылечил больную и утер нос московским врачам!

Знаешь, Иван, иногда так хочется с вас, врачей, сбить спесь!

— Ты всегда недолюбливал врачей, даже в школе. Это оттого, что ты боялся уколов!

— Ты сам их боялся! Мы же вместе с тобой в туалете прятались, когда всему классу прививки делали.

— Ну, было! Но ты же действительно недолюбливаешь врачей?

— Я не люблю плохих врачей!

— Значит, я плохой врач? Так что же ты ко мне бежишь, даже когда у тебя простой прыщик вскочит! Бежал бы к Эльзяте! Ты же с ее мужем дружишь.

— Во-первых, Эльзята говорит, что сто болезней лечат врачи, во-вторых, ты не самый плохой врач.

— Ну, спасибо хоть на этом...

— Ладно, добыю тебя еще одним случаем. Мне приятель про него рассказывал. К дому дяди Надвида подъехал шикарный джип. Из него двое крепких мужчин вывели старика, он шел как робот: голова не поворачивалась ни вбок, ни вверх — вниз. Один сын завел отца в дом, другой остался у машины и делился с местными болью: «Четвертый год, как у отца заклинило шею. Где только не были, каких только профессоров к отцу не возили! Никто помочь не может!»

Через час от Надвида в сопровождении сына вышел старик, наклонил голову вниз и радостно сказал: «Ну, наконец-то я вижу землю!»

Что скажешь, хирург? Молчишь! То-то же! Жаль, умер дядя Надвид, а то бы вы, врачи, вообще не были бы нужны!

Про Эльзюту я тебе тоже могу рассказать несколько случаев. Как-то с ее мужем и друзьями мы сидели в летней кухне, играли в шахматы, пили пиво. У меня разболелась голова. Муж Эльзюты Павел говорит мне: «Иди, Эльзюта посмотрит твою голову». Я знал, что она лечит людей, но не очень верил знахарям. Пошел, чтобы не обидеть друга.

Эльзюта принимала в маленькой комнате, в углу на столе стояли статуэтки Будды, небольшой колокольчик, какие-то монетки, четки, в чашке дымил «сангин идян» (это такой порошок для благовоний). Как только я зашел, Эльзюта посмотрела на меня и сказала: «Вижу, вы совсем не верите таким, как я?» Врать я не умею, признался, что не верю. Она рассмеялась и говорит: «Ничего страшного, садитесь на стул». Я сел. Она подавила немного виски, потом монеткой подавила около шеи, что-то пошептала. И не поверишь, Иван, боли как не было! Ну как, спрашивает, болит? Говорю, нет! Она смеется: «Это еще не всё! Вы сегодня Володю в шахматы обыграете». У Володи, одного из наших друзей, не то что я, в селе никто выиграть не мог! Ты не поверишь, но через полчаса я ему поставил мат!

С тех пор верю Эльзюте безоговорочно. Иван, я понимаю твое удивление, и хорошо, что ты собираешь материал об интересных случаях. Возможно, вам, врачам и знахарям, в ближайшее время придется вместе лечить людей. По большому счету, вы делаете одно дело. Когда я работал в районной газете, тоже собирал материал об астрологах, гелюнгах. Обычно эти люди очень неохотно делятся своими знаниями. Но мне удалось уговорить дядю Надвида, и он обещал мне рассказать обо всем, что знает. Пока я собирался к нему в гости, его не стало. Это был очень светлый человек. От него исходила такая доброта, что стоящий рядом чувствовал эти волны физически! Мне очень жаль, что его нет с нами! И я думаю, со мной согласится огромное количество людей, которых он лечил. Ты не обижайся, Иван, но вы, врачи, в последнее время превратили здравоохранение в кормушку.

— Это не врачи, а чиновники, которых вы выбрали, превратили страну в кормушку!

— Ну, не вы, но больному от этого не легче! Тебе известно, во сколько обходится лечение простой болезни в ваших «бесплатных» больницах?

— Это опять не ко мне. Ты прекрасно знаешь, как выделяют деньги на здравоохранение!

— Ладно, давай спустимся на землю. Вот ты для чего записываешь, как лечит Эльзюта? Все в районе знают, что ты всех своих пациентов допрашиваешь, а не лечились ли они у нее? Ты зачем это делаешь? Зависть мучает или на ее примерах хочешь улучшить отечественное здравоохранение?

— Будешь смеяться — сам не знаю! Началось с того, что я направил ее в город в хорошую клинику: она была почти при смерти. А через две недели встречаю ее на улице — скачет, как козочка, и вся такая довольная. И что я должен думать? Конечно, у меня шок! Так не бывает...

А дальше больше! Потом пошел поток больных, которых я не смог вылечить, а она вылечила. Я медицинский институт окончил с отличием, а тут какая-то учительница родного языка творит чудеса. Что я должен думать?!

— Иди к ней в ученики!

— Да я бы пошел, но она говорит, что этому не учат! Это дается сверху.

— Тогда заключай союз, иначе вы, господа врачи, останетесь без больных.

— Что, настолько серьезно?!

— Знаешь, Иван, шутки шутками, но многое, что умели делать дедушка Эдэ, дядя Надвид и умеет Эльзята, никакой наукой не объяснишь! Одно дело, когда правят кости, делают мази, заговаривают воду. Как объяснить то, что мне рассказали недавно? У одного моего знакомого заболел сын, ему три-четыре года, у него начались боли в животе. Вызвали скорую. Врачи приехали, сделали какой-то укол и уехали. Часа через два боли появились опять. Кто-то посоветовал обратиться к Эльзяте. Приятель звонит ей по телефону, объясняет проблему, говорит, что готовы привезти ребенка куда угодно! А Эльзята в это время была в Чехии. И говорит моему знакомому, что она, мол, не в Калмыкии, но посмотрит, чем можно помочь. Через час перезвонила, сказала, что делать. Родители провели эти процедуры — и всё. На следующий день малыш бегал по квартире радостный и здоровый, папа с мамой вдвоем не могли его поймать!

Да что там говорить! Я тебе расскажу о себе и своих близких.

Жена у меня заболела: слабость, ноги болят, плохо спит. Я позвонил Эльзяте, спросил совета. Она говорит: «Нет смысла везти ее за двести километров. Попробуем сделать обряд, должно помочь». В общем, я должен был купить или поймать живую рыбу и отпустить ее в водоем. Когда буду отпускать, надо ей позвонить, она совершит какой-то обряд. Я поймал с десятка карасей и тут же, отойдя метров двадцать, отпустил их в озеро. На второй день жене стало заметно лучше.

Потом был случай с дачей. Я долго не мог продать дачу и как-то в разговоре сказал об этом Эльзяте. Она ответила: «Не волнуйся, всему свое время! Где-то в феврале у тебя ее купят». Это было сказано за три месяца до продажи. В начале февраля я продал дачу. И подобных примеров тысячи! Ты знаешь, как люди называют Эльзяту? «Человек, имеющий небесных покровителей».

Такие люди есть не только у калмыков, они есть у русских, есть и у нас на Кавказе. Я сам возил к одной русской бабушке друга. У него по всему телу появились пятна, похожие на лишай. Он лег в больницу, через три недели выписался вроде бы здоровый, тело было чистым. Но через пару недель всё вернулось назад. Тогда он обратился к гелюнг, и тот ему сказал: «Тебе никто не поможет, кроме русской бабушки». — «А где я ее найду?» — «Она сама найдется», — ответил гелюнг. Через несколько дней друг оказался случайным свидетелем разговора двух мужчин, один из них хвалил русскую бабушку, которая вылечила его в два посещения от какой-то кожной болезни. Она живет в Волгограде недалеко от больницы в Советском районе. И не совсем она бабушка, а так, женщина, ушедшая на пенсию. В общем, она сказала, чтобы привезли три пузырька дегтя, взяла их и ушла на кухню. Что она там делала, я не знаю. Вручила их другу, велела натирать содержимым болячки. Жидкость, хоть и была вонючей, оказалась эффективной. В следующий приезд она дала еще три пузырька, полотенце и сообщила: «После того как закончится содержимое пузырьков, надо будет найти живое дерево — осину, привязать к ней полотенце и прочитать молитву». Сделали, как она советовала, и теперь приятель чист как младенец.

Знаешь, Иван, подобных примеров сотни. У меня уже давно нет сомнений в том, что эти люди реально помогают. А если это так, то, значит, Бог или какая-то сущность, которую мы для простоты называем Богом, есть на самом деле. А это нам, воспитанным советским строем, сложно признать!

ЧЕЛОВЕК, ИМЕЮЩИЙ НЕБЕСНЫХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ

— Да, сложно! Особенно мне. Я верю только в то, что вижу. Я хирург, мне надо пощупать.

— Да ты с пеленок тащил в рот всё что ни попадя...

— А ты, хоть тебе и седьмой десяток, как был шалопаем, так им и остался. Тебя даже в комсомол не хотели принимать!

— Здравствуйте! А почему же приняли? Ты же комсоргом был.

— Вот потому и приняли, что я за тебя слово замолвил!

— Вот, оказывается, кто мне жизнь испортил... Я же на ваших собраниях нервный тик заработал. Особенно когда эта Олечка, похожая на красивую куклу, выступала.

— Она тебе не Олечка, а Ольга Александровна. Она сейчас в Думе и курирует здравоохранение.

— Ну, тогда я спокоен! Скоро ты останешься без работы.

— А почему я останусь без работы?

— Потому что при таких кураторах ваша медицина недолго протянет. Нашему здравоохранению уже лечение не поможет, его надо срочно оперировать!

— Ладно, давай о том, с чего начали. Бесспорно, Эльзята вызывает у меня интерес. Ее способности нужно изучать.

— Да не надо ничего изучать! Я знаком с Эльзяткой более тридцати лет и то не смог добиться от нее хотя бы маленького рассказика о ее способностях. Она говорит: «Пусть люди рассказывают». Вот я и решил рассказать! А заодно и сказать ей спасибо от себя и от тысяч других людей, кому она помогла. А как это делается: с помощью молитв, заклинаний, монет, колокольчиков или рук, — не важно!

А вам, врачам, дорогой ты мой друг, нужно опять становиться добрыми, умными и сочувствующими больным людьми. На сегодня многие из вас только выполняют обязанности врача. Мне приходится бывать в больницах, и, когда встречаешь умного и доброго врача, болезнь вылечивается гораздо быстрее.

Я не очень верю в Бога, но в последнее время мне всё чаще и чаще кажется, что за людьми кто-то или что-то незримо наблюдает. И судя по тому, что мы творим с собой и с планетой, мы ведем себя как неразумные дети. А за детьми, наверное, нужен присмотр.

Роман ШКОДА

Красный Верден: Царицын в революции и Гражданской войне

(Продолжение. Начало в № 4 за 2021 год)

ЦАРИЦЫН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА

Жизнь в Царицыне, разумеется, прямо зависела от общей ситуации в стране, однако город имел свои особенности, которые заметно отличали его.

ЦАРИЦЫНСКИЕ ДЕНЬГИ

В начале 1918 года у Царицына появилась не только собственная армия, но и свои деньги.

К концу 1917 года экономика бывшей империи находилась в состоянии тяжелого кризиса, финансы были полностью расстроены. Началась сильная инфляция, так что покупательная способность рубля за 1917 год упала

ШКОДА Роман Валерьевич — кандидат экономических наук, краевед, главный редактор интернет-издания «Царицын.рф». Родился в 1977 году. Живет в Волгограде. Входит в редакционный совет литературного журнала «Отчий край». Член Союза журналистов России и правления Волгоградской областной организации «Союз журналистов России». Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021). Удостоен почетного знака Волгоградской области «Хранитель традиций» (2024).

до 6—7 старых копеек. При этом во всех сферах экономики ощущалась катастрофическая нехватка денег. В обращении по-прежнему оставались старые, дореволюционные деньги с портретами императоров, в дополнение к ним в 1917 году Временное правительство выпустило различные денежные знаки нового образца (так называемые керенки).

Попавшая в ситуацию острого дефицита наличности экономика начала переходить к прямому товарному обмену, однако он был возможен в основном в сельской местности, огромному же большинству рабочих заводов и фабрик менять было просто нечего.

Денежный кризис в Царицыне проходил так же тяжело, как и в других городах страны. Проблема была исключительно острой. Минин впоследствии вспоминал, как каждое утро, подъезжая к зданию городской управы, он видел длинную очередь из женщин и детей — членов семей мобилизованных на фронт солдат, которым полагалось денежное пособие. Пособие это выплачивалось как из городского, так и из центрального бюджета, однако после Октябрьского переворота поступление денег из Центра полностью остановилось. В этих условиях вся тяжесть экономического положения легла на городские власти. 26 ноября 1917 года газета «Рабочая жизнь» вышла с объявлением от имени городской и земской управ, в котором сообщалось: «Ввиду израсходования государственным банком всех денежных знаков и неполучения из Петрограда подкреплений, государственный банк с сего дня, 25 ноября, объявляется временно закрытым. К восстановлению нормального денежного обращения принимаются экстренные меры». Разумеется, эта новость вызвала панику среди жителей Царицына, которые бросились снимать вклады. На тот момент в городе продолжали функционировать отделения четырех негосударственных банков — Азовско-Донского, Волжско-Камского, Русского торгово-промышленного и Купеческого. Из-за панического наплыва клиентов администрации банков, видя невозможность одновременного удовлетворения такого спроса, были вынуждены ограничить выдачу наличных средств с текущих счетов суммой 200 рублей в неделю, а со сберегательных — 50 рублей в неделю. Но и эти меры не могли остановить нарастающий денежный кризис, поскольку, несмотря на все «экстренные меры», Петроград денег не присылал и не собирался это делать: они попросту отсутствовали.

Подобная проблема была характерна, разумеется, не только для Царицына, существовала она повсеместно. При этом некоторые города (Царицын — в их числе) погрузились в экономический кризис не так глубоко, как большинство других, и были вполне способны продолжать поддерживать в той или иной мере торгово-экономическую жизнь, но оказались заложниками общей ситуации в стране. Поэтому уже в ноябре 1917 года ряда городов России пришлось к неслыханному до этого выводу о необходимости выпуска собственных денег.

Пытаясь найти решение проблемы, 24 ноября 1917 года на заседании городской думы Царицына также начали обсуждать вопрос о выпуске городом собственных денег (так называемых бон). В противном случае среди семей фронтовиков и рабочих заводов, ввиду полного отсутствия денежных средств, мог начаться голод, способный породить стихийный бунт и снести Советы, только что пришедшие к власти. Основным докладчиком по вопросу выступил товарищ городского головы Д. В. Полуян, который сообщил собравшимся: «В настоящий момент город поставлен перед необходимостью закрыть государственный банк и приступить к выпуску бон. Боны должны быть

выпущены городом под обеспечение всем его имуществом, оцениваемым в 60 миллионов рублей. Рязань уже пошла по этому пути и выпустила городские боны. Судя по общему положению, не мы последние, которые прибегли к этой мере, хотя и необходимо отметить, что выпуск бон чреват нежелательными последствиями. Мы еще с вами не знаем, как воспримут царицане эти боны, как потом они будут обмениваться на настоящие кредитки». Выступление Полуяна было поддержано думой, заседание которой проходило под председательством Якова Ермана.

В течение декабря решались технические вопросы: было определено, что выпущенные деньги, именовавшиеся «временными кредитными билетами Царицынского городского самоуправления», номинированные в рублях, будут иметь достоинство в 1, 3, 5, 25 и 100 рублей. Впрочем, принятое городской думой решение о выпуске собственных денег требовало обязательного согласия правительства. Добиться же такого согласия было затруднительно в связи с хаосом, господствовавшим в системе государственного управления: требовались дополнительные экстраординарные меры.

В январе 1918 года проходил III Всероссийский съезд Советов, на который от Царицына была направлена делегация из трех человек, в их числе — видный деятель большевистской организации в городе, выдвинувшийся в феврале 1917 года из рядов 141-го запасного полка, А. К. Выдрин*. Ему, наряду с решением вопросов съезда, была поставлена неофициальная дополнительная задача — «во что бы то ни стало добиться разрешения на выпуск временных денежных бон». Задача эта являлась очень сложной, поскольку в обстановке января 1918 года трудно было не только провести какие-то решения, но и даже физически попасть на съезд. В своих воспоминаниях, посвященных этому периоду истории, Выдрин писал: «По линии железной дороги Каледин уже выставил на каждой станции пикеты из мобилизованных офицеров. Проезд через Донскую область был сопряжен с риском ареста и других последствий. Мы, следуя на Всероссийский съезд в Петроград, законспирировались, Фомичёв (второй делегат от Царицына. — *Р. Ш.*) ехал под видом землемера, я по подложному паспорту под фамилией Князевского, Дичкин (третий делегат. — *Р. Ш.*) отпусником-казакком. Партийный билет я зашил под петлицу шинели, документы командировочные, протоколы, ходатайства, револьвер и патроны пришлось прятать. Купить белый мягкий калач, разодрать немножечко корки, утилизировать мякиш, положить в пустоту документы, револьвер с патронами и присесть на калач.

* В фондах Государственного архива Волгоградской области сохранились воспоминания А. К. Выдрины (несколько статей общим объемом около 100 страниц), надиктованные им в 1932 году. Эти воспоминания представляют собой хотя и тенденциозный, но весьма интересный источник по истории революции и событий 1917—1918 годов в Царицыне. Автор воспоминаний, участник революционных событий 1905 года, активный участник большевистской организации Царицына в 1917—1918 годах, игравший в революционных событиях в городе ключевые роли, впоследствии был полностью исключен из истории, поскольку, как и практически все организаторы революции в Царицыне, пал жертвой массовых репрессий (отдельным вопросом является то, каким образом в архиве смогли сохраниться его воспоминания). Согласно данным Архива Президента, 10.06.1938 года Аким Кузьмич Выдрин был включен в список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по 1-й (растрельной) категории. Ни в одном источнике по истории событий Царицына 1917—1918 годов, вышедшем после 1938 года, фамилия Выдрины уже не встречается.

При обыске нас я не одну нахлобучку получил от есаулов, в порядке нравовучения, за безобразия с моей стороны над „Божьим даром“, как они выражались, над калачом. Проездом через Донскую область мы неоднократно подвергались обыскам, но проехали благополучно». Как видно, уже на данном этапе территориальная целостность страны оказалась фактически разрушена, дорога из Царицына в Петроград была сопряжена с обысками и угрозами, что хорошо иллюстрирует причины нарушения коммуникаций между столичными властями и местной властью в Царицыне.

Прибыв в Петроград на заседание съезда, Выдрин слушал доклад Ленина и, уловив момент по завершении доклада, подошел к нему и сообщил о деле, которое он привез с собой из Царицына. Ленин написал Выдрину краткую записку, послужившую последнему пропуском в ЦК партии. Таким образом через некоторое время Выдрину удалось попасть на личный прием к вождю. Беседа вышла за рамки основного вопроса, и Ленин «...переспросил меня, работают ли Минин и Ерман в Царицыне, расспрашивал про кадетов Губенко и Канахевича, про меньшевиков Полуяна и Генкина, про эсера Котова и эсеровское влияние среди крестьянства. Я вкратце доложил, как раз под руками были цифры, результат голосования в Учредительное собрание и кто сколько получил голосов». Относительно же основного вопроса о выпуске бон — Ленин согласился с предложением, о чем написал записку комиссару финансов Пятакову.

Выпуск в оборот разрешенных лично Лениным «царицынских» денег произошел практически сразу после получения соответствующего согласия (когда Выдрин вернулся в Царицын, новые деньги были уже в обороте). Это событие нашло отражение в газете «Борьба», которая сообщала: «Вследствие расстройств транспорта присылка подкреплений Царицынскому отделению государственного банка временно задержалась. Чтобы избежать катастрофы из-за отсутствия денежных знаков на рынке, городскому самоуправлению пришлось выпустить городские кредитные билеты. Государственный банк обязуется обменивать их на государственные кредитные билеты, как только последние будут получены из Петрограда».

Как и опасались гласные думы, население Царицына скептически отнеслось к выпуску городских денег, часто отказываясь их принимать. Предвидя это, «Борьба» в той же статье сразу переходила к угрозам: «Все, кто будет чинить препятствия к приему городских кредитных билетов, кто будет вести агитацию на этой почве с целью внести смуту среди населения, подлежат немедленному аресту и преданию суду Революционного трибунала».

Несмотря на глухое сопротивление рынков и магазинов, в условиях жесткого давления властей и острого дефицита наличности, новые деньги, прозванные в народе «мининками», пошли в оборот. Типография, расположенная на улице Спасской, где печатались «мининки», в общей сложности эмитировала 9540703 рубля. По расчетам А. В. Материкина, банкноты были выпущены в следующих количествах: 1 рубль — 110861 штука, 3 рубля — 125474 штуки, 5 рублей — 180615, 25 рублей — 132844, 100 рублей — 49787 штук. Эти банкноты, несмотря на их последующее изъятие из обращения, до сих пор сохраняются коллекционерами. Наибольший интерес в наше время представляет банкнота в 25 рублей, на обороте которой изображен дореволюционный герб Царицына — единственный случай использования старого городского герба советской властью в истории Волгограда. Так у Царицына появились собственные банкноты.

Официально «мининки» начали изымать из оборота уже в мае 1918 года. В газете «Борьба» было размещено официальное объявление на эту тему: «Благодаря мероприятиям, принятым комиссариатом финансов исполнительного комитета Царицынского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, финансовое положение стало настолько прочным и устойчивым, что в настоящее время имеется полная возможность значительно облегчить и расширить многие финансовые операции в Царицынском отделении народного (государственного) банка, а также во всех его подотделах и во всех прочих кредитных учреждениях города Царицына. Ввиду этого комиссариат финансов 7 мая с. г. постановил: объявить всему населению города Царицына и его уезда, что с 9 мая с. г. Царицынское отделение народного (государственного) банка приступает к беспрепятственному обмену временных царицынских бон на общие денежные знаки, имеющие хождение во всей Российской Советской Федеративной Республике. Комиссары финансов Як. Ерман, С. Литвиненко». Впрочем, царицынские деньги продолжали хождение еще достаточно долгое время.

В целом, несмотря ни на что, выпуск царицынских денег с точки зрения хозяйства был правильным решением. На некоторое время он спас положение и выровнял ситуацию с обращением наличных в городе. «Мининки», то изымаясь, то вновь запускаясь в обращение, продолжали хождение весь 1918 и 1919 годы. Сфера их обращения распространилась не только на сам Царицын, но и на экономически завязанные на городские рынки прилегающие к городу территории — Камышинский, Черноярский, Царевский уезды, а также на некоторые округа Донской области, в частности на Усть-Медведицкий, 2-й Донской и Сальский.

Даже во второй половине 1919 года, когда Царицын будет занят Кавказской армией генерала Врангеля, а власть большевиков временно изгнана из Царицына, эти городские деньги будут продолжать хождение на не занятых белыми территориях. Так, 17 сентября 1919 года Ленинским уисполкомом издается приказ, в котором сообщается, что все государственные кредитные билеты советского образца, выпущенные в 1918 году, а также различные денежные знаки являются обязательными к обращению в Ленинском уезде и обеспечиваются всем достоянием государства. Граждане, отказывающиеся принимать деньги, будут считаться «явными противниками Советской власти» и подлежат «немедленному аресту», а их деньги и имущество — конфискации. Впрочем, невзирая на временный успех, уже к весне 1918 года проблема дефицита наличных денег стала вновь набирать обороты.

РЕКВИЗИЦИИ И УПЛОТНЕНИЯ

Несмотря на приход к власти большевиков, как в России в целом, так и в Царицыне в частности, в первые месяцы 1918 года всё еще поддерживались старые порядки, то есть существовала частная собственность, прежние владельцы банков, предприятий, доходных домов продолжали владеть своим имуществом и извлекать из него прибыль (хотя, конечно, ни о какой прибыли в 1918 году говорить не приходилось). Однако никто не сомневался в том, что будет: процессы установления новых порядков шли и было, в принципе, ясно, куда они в итоге направлены.

6 марта 1918 года Царицынский Совет (во исполнение Декрета ВЦИК от 14 (27) декабря 1917 года «О национализации банков») принял решение о национализации коммерческих банков города, на базе которых был создан единый государственный банк. Решение это предвзялось 28 января направлением в частные банки специальных комиссаров, подконтрольных лично Ерману. Эти комиссары следили за всеми проводившимися операциями и имели полномочия запрещать любые из них. Обоснование подобного вторжения в жизнь частных организаций было сделано Ерманом во время одного из выступлений: «Банки — порождение капитализма. Банки всегда были и будут аппаратом угнетателей. Чтобы хоть немного умерить аппетит спекулянтов-капиталистов, необходимо установить контроль... Одним лесопромышленником, например, переведено в Ростов 1 400 000 рублей из местного банка, а потом он заявляет, что ему нечем расплачиваться с рабочими. Ряд таких деталей, мелочей побуждает иметь свой глаз. Рабочие требуют проверки текущих счетов. Поэтому Исполнительный комитет решил обратиться к банковским служащим с просьбой принять участие в контроле над банками». Каждый комиссар, направляемый в банк, имел при себе специальную печать от Совета, которой заверялись банковские документы. Как и следовало из выступления Ермана, такой контроль за деятельностью банков стал, по существу, коротким промежуточным этапом перед полной их реквизицией.

Несмотря на выпуск бон, денег Царицынскому Совету вскоре снова стало не хватать. К апрелю 1918 года городская власть созрела уже до такого уровня, что для решения собственных проблем начала отбирать деньги у частных лиц. Оформлено это было постановлением финансового отдела Царицынского исполкома, который «осуществил принудительный заем в 5 миллионов рублей среди состоятельных горожан, снял с текущих счетов 20 миллионов рублей и конфисковал процентных бумаг на 100 миллионов рублей». Столь масштабный грабеж частных лиц в истории города осуществлялся впервые.

Впрочем, пока решения о конфискации средств принимались только в отношении финансовых активов, на отъем же собственности у владельцев промышленных предприятий власть пока не решалась и некоторое время откладывала его, ограничиваясь лишь отдельными фабриками, чьи собственники находились не в Царицыне. Так, еще в январе лишаются своего законного собственника и переходят в распоряжение Совета Максимовские лесопильные заводы (два крупных предприятия). Газета «Борьба» 30 января 1918 года публикует принятое 18 января постановление Комитета хозяйственной политики при ВСНХ о национализации Максимовских лесопильных заводов. В этом постановлении указывается: «Комитет хозяйственной политики при Высшем Совете Народного Хозяйства постановил: 1. Подтверждается конфискация Максимовского лесопромышленного и торгового акционерного общества, произведенная Царицынским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»*.

* Известно, что управление заводов наследников Петра Максимова (единственное из крупных предприятий города) располагалось в Ростове-на-Дону. Уж не в адрес ли этого предприятия относилось возмущение Ермана о переводе 1 400 000 рублей из Царицына в Ростов? Вероятно, по логике Якова Ермана, собственники конфискованного предприятия не должны были забирать из города свои деньги, а всё, что у них оставалось, следовало отдать на зарплату рабочим предприятия, которое стало теперь государственным. Главное предприятие завода Максимовых впоследствии станет заводом им. Куйбышева на улице Тулака.

В апреле 1918 года начал рассматриваться вопрос о национализации Орудийного завода (впоследствии — завод «Баррикады»). Интересно, что 24 апреля 1918 года делегация представителей предприятия находилась в Москве, где обсуждала этот вопрос непосредственно с Лениным. Из материалов совещания видно, что, несмотря на грозное название и большую значимость, завод к весне 1918 года находился в крайне тяжелом состоянии. Ленин на совещании делал записи, которые сохранились. Из этих записей ясно, что к моменту обсуждения Орудийный завод фактически прекратил военное производство, перейдя на выпуск сельскохозяйственного инвентаря. Ленин в числе прочего отметил: «Царицынский орудийный завод... 1500 рабочих со служащими... 800 рабочих... разруха большая, с февраля делали плуги — 150 штук сделали. Ремонт паровозов: 1 — вышел, 1 — на выходе, 2 — в ремонте... металл есть — до 200 тысяч пудов... инженеры есть, техническое оборудование превосходное». По результатам совещания Орудийный завод был национализирован. В апреле же ему была отпущена ссуда 8056 тысяч рублей, а сам конфискованный завод передан Морскому комиссариату.

Вместе с тем всё это были пока единичные решения: в первой половине 1918 года частная собственность в городе сохранялась в отношении значительной части заводов и фабрик, хотя при этом на всех предприятиях были созданы структуры рабочего контроля, которые перевели на себя все рычаги управления. Конечно, видя развитие ситуации, едва ли кто-то из промышленников Царицына, с нуля создававших свои заводы и фабрики с 1870-х годов, испытывал иллюзии в отношении перспектив работы при новой власти, однако предприятия продолжали свою деятельность.

Отдельной темой является вопрос «муниципализации собственности», активно решавшийся весной — осенью 1918 года. Этот процесс существенно изменил социально-бытовой облик города, внес в него зримые черты нового порядка. Принимается «Положение о муниципализации жилищ и земель в городе Царицыне», которое отменяло частную собственность на ряд построек. Изъятию в пользу городской власти подлежали нежилые (торговые) здания и сооружения, а также часть жилых — те из них, «чистый доход коих по определению Царицынских присутствий по налогу о недвижимых имуществах за 1917 год составляет не менее 500 рублей в год». Таким образом, изымались все доходные дома за исключением небольших строений, где сдавались отдельные комнаты или углы, или лачуг на окраинах. Владельцы отчужденных зданий с 1 октября 1918 года проживали в своих домах на правах квартирантов, внося плату за занимаемую жилплощадь в кассу городского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Сумма квартирной платы становилась строго определенной, причем не только для муниципализированных строений, но и для домов, остающихся в частной собственности. Базовая ставка рассчитывалась исходя из кубического объема отапливаемой площади и могла корректироваться в зависимости от наличия канализации, темных комнат, уровня отделки квартиры, расположения площади в полуподвальной части дома и т. п.*

* Не следует воспринимать плату с учетом отапливаемых площадей и т. п. как коммунальные платежи: то же отопление тогда нигде не было центральным, дома отапливали сами жильцы. Впрочем, ремонт и содержание реквизируемых зданий брал на свой счет Совет.

Интересным также является вопрос о нормах жилой площади, которая оставлялась в муниципализируемых помещениях их прежним владельцам. Разумеется, оставлялась не вся сдававшаяся в аренду жилая площадь, а лишь часть ее (как и везде, в Царицыне в отношении прежних жильцов производилось так называемое уплотнение). Однако принятая в 1918 году норма была пока вполне лояльной к прежним хозяевам. Конкретный норматив, который оставляли прежнему владельцу для собственного жительство, устанавливался другим документом — «Положением об учете и распределении жилых и нежилых помещений в городе Царицыне». Статья 15 данного Положения однозначно устанавливала норму в 30 квадратных аршин (то есть 15,2 квадратных метра) на одного человека, причем семье из трех и более человек сверх нормативной площади полагалась одна добавочная комната площадью не более 30 квадратных аршин. Оговаривалось даже такое право бывших владельцев, как право на прислугу: ей выделялась еще одна отдельная комната до 30 квадратных аршин. Частнопрактикующим врачам, ведущим прием больных на дому, были положены две дополнительные комнаты*.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВЕСНОЙ 1918 ГОДА

Если в политическом отношении Царицын шел в ногу с Петроградом, Саратовом и другими городами, то в плане продовольственного обеспечения он представлял собой совершенно нетипичную для весны 1918 года картину.

К весне — лету 1918 года в России в целом складывается критическая обстановка с продовольствием. В 1917 году хозяйственная разруха в сочетании с природными факторами привела к получению рекордно низкого урожая — валовый сбор составил лишь 55% от среднего показателя предвоенных лет. В результате во многих губерниях Европейской России уже весной 1918 года начинает ощущаться острая нехватка даже посевного зерна, дефицит продовольствия возникает на севере Саратовской губернии, а в соседних с ней, Симбирской и Пензенской, начинается голод. С огромными продовольственными проблемами сталкиваются и Москва с Петроградом, где скудный продовольственный паек выдается строго по карточкам, всякая свободная торговля объявляется спекуляцией и запрещается.

Совершенно иную картину являли собой в этот момент губернии Северного Кавказа, Донская область и южные уезды Саратовской губернии, в том

* Члены Совета рабочих и крестьянских депутатов, принимая данный документ, не забыли и о себе любимых, оговорив особо в статье 16 описываемого документа права на жилплощадь «ответственным советским работникам», в объеме 30 кв. аршин на человека плюс дополнительная комната на дополнительных членов семьи плюс еще две комнаты как ответственным работникам. Эти работники были, таким образом, приравнены по правам на жилплощадь к врачам, ведущим прием больных на дому. Понятно, что такие площади едва ли можно было найти в окраинных лачугах, так что «ответственные советские работники» поселились в бывших господских больших домах в центральной части города.

числе и Царицынский уезд, где продовольствие не только было, но даже имелись его значительные излишки. Используя этот момент и желая сохранить в городе относительное продовольственное благополучие, Царицынский Совет (через учрежденный уездный Совет народного хозяйства — Совнархоз) регулировал отгрузку тех или иных видов товаров, в ряде случаев принимая решения о запрете их вывоза из города и уезда. Подобная политика, проводившаяся не только в Царицыне, но и в Саратове, Астрахани и ряде других мест, противоречила решениям Совнаркома: при отсутствии карточной системы в этих городах была разрешена свободная торговля продуктами питания на рынках. При этом совнархозы жестко регулировали рынок и вели напряженную торгово-обменную работу с другими городами и уездами, предупреждая появление дефицитов тех или иных товаров.

В результате такой политики к маю 1918 года Царицын представлял собой совершенно нетипичную для России картину. Полковник А. Л. Носович, прибывший в город в конце мая, так описывал свои впечатления: «Мы пошли знакомиться с городом. Приятное зрелище для только что изголодавшегося москвича. Горы хлеба, горы мяса, колбасы... Базар завален предметами довольствия, о которых в Москве позволительно только мечтать. Город оказался наполненным людьми в защитных одеждах. Вид самый боевой. В разных направлениях шныряют автомобили, поднимая тучи пыли... Более длительное знакомство с городом показало, что большевизм еще не в полной мере обрушился на головы его обывателей: видны были приличные чистенькие квартирки, по бульварам прогуливался обыватель... трамваи энергично катились, электричество ярко светило, водопровод давал воду». В целом можно уверенно сказать, что апрель-май 1918 года — период наибольшего благополучия Царицына во время Гражданской войны*.

Как же всё это было организовано? В течение весны 1918 года сформировалась довольно оригинальная модель общественно-экономических отношений, которая представляла собой симбиоз государственной власти и частных коммерческих предприятий, фирм и магазинов.

С одной стороны, на фоне нарастающего продовольственного и общего товарно-промышленного кризиса наблюдался постоянный рост влияния Советов на экономику города. Помимо различного рода уплотнений, национализаций, регулирования цен и договорных отношений между гражданами, власти перешли к непосредственному управлению хозяйственными процессами — прямым закупкам продовольствия и товаров и их распределению по магазинам.

С другой стороны, в городе сохранялись и рыночные отношения, частная собственность, заводы и фабрики в значительной степени всё еще оставались в руках прежних владельцев, а с частной торговлей советская власть находилась в прямом хозяйственном взаимодействии. Сложно представить, как именно могла бы развиваться ситуация дальше, если бы не грядущая Гражданская война и последовавшее обострение противоречий между частным капиталом и Советским государством.

* С июня, с обострением положения на фронте и с приездом в Царицын Сталина, положение начнет резко меняться в худшую сторону, дойдя к весне 1919 года до состояния масштабной гуманитарной катастрофы.

Весной 1918 года городские власти в лице Продовольственного присутствия (подчиняющегося городскому Совету народного хозяйства) в значительной степени взяли на себя закупки товаров и продуктов питания в других городах. Заключались прямые телеграфные договоренности об обмене товарами, причем обмен этот имел в основном натуральную форму, хотя кое-что продавалось и за деньги. Продовольственное присутствие через систему запретов частному бизнесу фактически монополизировало оптовую торговлю. В газетах того периода то и дело размещались сведения о заключаемых Присутствием договорах, о произведенных поставках.

Например, в первых числах мая 1918 года сообщалось, что в целях снабжения города мясом «Присутствие приняло от поставщиков 70 живых быков». Различные города заключали между собой разовые меновые договоры, в рамках которых продовольствие могло обмениваться на продовольствие или на какой-то другой товар. Так, например, «из Кохты телеграфируют, что приступлено к погрузке мануфактуры для Царицына на сумму до 275 тысяч рублей, приблизительно соответствующих стоимости погруженных здесь для Кохты товаров». За Волгой на озере Баскунчак велась добыча соли, соответственно, соль превратилась для Царицына в предмет «экспорта», шедшего на прямой, безденежный обмен на другие товары, которых в городе не было. «Отправлено в Армавир 4000 пудов соли. Усть-Медведицкий продком запрашивает условия приобретения 1000 пудов соли молотой». Благодаря наличию Нобелевского городка Царицын располагал нефтью и бензином, что также было предметом торговли с другими городами. «Из Ельца потребовали срочно погрузить 200 пудов бензина для елецкого Союза кооперативов. Из Сызрани в спешном порядке запрашивают о возможности приобрести какое угодно количество бензина для нужд транспорта Автоцемента, остановившегося в Сызрани». Иногда получалось проводить расчеты в деньгах. Так, сообщалось, что «из Вольского уезда предлагается 575 пятериков дров твердых пород частью за наличные, частью в кредит». В Царицыне располагался металлургический завод ДЮМО, а за счет развитой сети железных дорог на городских складах бывали и экзотические товары, зато в городе не хватало спичек, они распределялись по талонам. «Из Городища Пензенской губернии предлагают разрешенные к вывозу спички Камендровского в обмен на железо и персидские товары». Если в ряде случаев стороны вполне доверяли друг другу и даже готовы были отгружать те или иные товары в кредит, то в других случаях доверия не было. Так, в газетах публиковалось: «из Омска сообщают, что масло будет погружено в момент перегрузки здесь [в Царицыне. — *Р. Ш.*] керосина для Омска» — никакого кредита, взаимная отгрузка товаров синхронизируется с точностью до дня.

Дефицитные товары, которых не хватало в городе, к вывозу запрещались (аналогичные решения принимали и в других городах). Так, 1 мая 1918 года «Совнархоз запретил Присутствию в отпуске керосина, нефти и олеонафта для обмена на махорку». Соответственно, и сам Царицын сталкивался с подобными запретами. «Из Тамбова телеграфируют, что весь сахар находится в распоряжении Главсахара и обмен его на продукты невозможен».

Таким образом, оптовые торгово-обменные операции городская власть Царицына, как и большинства других городов, в значительной степени

взяла на себя. В условиях полувоенного времени была быстро сформирована совершенно независимая от Центра система горизонтальных связей между городами и губерниями. При этом розничные продажи по-прежнему вели частные фирмы, находящиеся в прямой связи с Совнархозом и Присутствием. Например, в мае 1918 года Нижегородский совнархоз сообщал, что «им выдано разрешение на отправку в Царицын частным фирмам до 12 тысяч пар вяляной обуви», — то есть розничные продажи населению обуви проводились уже частными фирмами, которые выкупали этот товар у Присутствия и перепродавали его с наценкой. Величина этой наценки строго нормировалась в каждом конкретном случае. «Распределены в частные магазины для отпуска населению по разрешениям Присутствия табачные изделия: махорка и папиросы. Продажа должна производиться с 20 % надбавкой» (к сообщению прилагался список магазинов, которые участвовали в распределении). Показателен такой случай «симбиоза» частных магазинов и городских властей. Дефицитный товар — спички (вымениваемые под Пензой) распределялись через частные магазины, которые имели право реализации по талонам: «У Спицына имеются для отпуска по талонам спички по цене 15 копеек за коробку». В отдельных источниках упоминаются и крупные дореволюционные купцы, например В. Ф. Лапшин. Так, 17 мая 1918 года в газетах можно было прочитать: «Центромыло сообщает, что им разрешен вывоз в Царицын мыла: Лапшину — 620 дюжин, Агрошкину — 1380 дюжин».

Всякий товар, производимый в городе в значительных объемах, подлежал учету Присутствия. Ряд товаров, даже имеющих в достаточном количестве, не выпускался из города, за счет чего в Царицыне достигалось даже некоторое изобилие. К числу таких товаров весной 1918 года относилось горчичное масло. Так, сообщалось, что «с горчичного завода Воронина в течение времени со 2 января по 20 апреля отпущено исключительно на местный рынок (в продовольственные лавки по разрешениям Присутствия) 10660 пудов горчичного масла».

В целом власти Царицына вели огромную хозяйственную работу по снабжению города продовольствием и необходимыми товарами. И хотя часть товаров всё равно реализовывалась на рынках помимо регулирующей роли Совнархоза, без этой работы Царицын едва ли мог бы выживать в тяжелейших условиях постоянно нарастающего кризиса и даже обеспечивать определенный достаток населения.

В мае 1918 года в газетах города был опубликован отчет о движении продовольствия на складах Присутствия в марте того же года. В отчете зафиксировано, что «к 1 марта имелось на складах Присутствия продуктов: сахара — 4989 пудов, масла — 4444 пуда, чая — 18628 фунтов, мыла — 2354 пуда... Нормированная потребность населения определяется следующим количеством: сахара — 4000 пудов, масла — 4000 пудов, чая — 20000 фунтов, мыла — 2000 пудов в месяц». Дефицит, согласно отчету, обнаружился только в отношении спичек, складские запасы которых покрывали потребность примерно наполовину (160 тысяч коробок на складах против 266 тысяч потребности). Городские власти умудрялись даже некоторые товары раздавать населению бесплатно (напомню, это-то в условиях, когда многие губернии России уже голодали). Так, на Пасху 1918 года Совнархоз бесплатно распределял рыбу среди членов кооперативов. «Перед Пасхой Совнархоз

предложил кооперативам получить бесплатную рыбу в количестве 1 фунта в день на каждого едока в семьях членов кооперативов»*.

Впрочем, относительное товарное и продовольственное благополучие Царицына постепенно начинает подвергаться испытаниям нарастающими военными событиями. Имеющийся товар зачастую было невозможно отгрузить или получить ввиду разворачивающегося противостояния. В газетах то и дело появляются сообщения с местных фронтов. Как таковых боев в апреле-мае почти не ведется, но уже идут значительные по влиянию на развитие ситуации действия партизанского характера. Обычное газетное сообщение этого периода: «По Грязе-Царицынской линии неизвестные злоумышленники взорвали мост возле станции Иловля. Принятыми срочными мерами мост исправлен». Можно обратить внимание на то, что подрывники названы в заметке не какими-нибудь «белогвардейцами» или «кадетами», а просто «злоумышленниками», — терминология еще мирного времени, но описывает она уже сугубо военные действия. За несколько дней до этого взрывается мост около Чира, через речку Лиску. К 10 мая «срочными мерами» исправляют и его. Нарастающая рельсовая война всего через полтора-два месяца перерастет в полномасштабный военный конфликт. Впрочем, несмотря на это, продовольствие всё еще удается перевозить по железным дорогам.

Другой отличительной особенностью ситуации было распределение рабочей силы. В городе существовала серьезная безработица, в связи с чем 15 января 1918 года создается городская биржа труда. Она функционировала ежедневно с девяти утра до двух часов дня и получала сотни заявок от ищущих работу. Деятельность биржи была достаточно эффективной: большинство заявок находило решения в считанные дни, впрочем, сама биржа не охватывала всего городского рынка труда. Она имела в своем составе пять отделов, а именно: отдел квалифицированного труда, отдел мужского неквалифицированного труда, отдел женского неквалифицированного труда, отдел детского труда и отдел чернорабочих. Весной 1918 года основной приток безработных обеспечивали прибывающие в Царицын жители других городов (которые, по-видимому, бежали сюда от голода), и городские предприятия находили рабочие места для этой массы людей.

Биржа регулярно публиковала отчеты о своей работе. Так, например, отчет за 25—27 апреля 1918 года выглядел следующим образом: «За отчетный период записано 95 безработных разных профессий. Отделом квалифицированного труда — 45, в том числе: конторщиков — 10, переписчиков — 4, приказчиков — 4, масленщиков — 3, машинистов — 2, кочегаров — 2, слесарей — 2». Поступили безработными на биржу бухгалтер, надсмотрщик телеграфа, машинист на пишущей машинке, кассир, табельщик, кастелянша, водопроводчик и т. д. Больше всех принял отдел чернорабочих — 29 мужчин и 13 женщин. В рассматриваемый период на бирже работу не искал ни один ребенок, из женщин за неквалифицированной

* Вот еще одна особенность весны — лета 1918 года: Совнархоз делает рабочим пасхальные подарки! Тут же можно вспомнить пример присутствия Якова Ермана на освящении Александро-Невского собора в мае того же года. Как видно, на тот момент (то есть до начала полномасштабной Гражданской войны) советская власть уживалась не только с частными рынками и предприятиями, но и с Церковью. В будущем такие пасхальные подарки от советской власти представить себе уже невозможно.

работой обратились няня, посудница и горничная. Впрочем, хотя количество обратившихся и дает некоторое представление о структуре рынка труда, гораздо более важными цифрами являются показатели найденной работы. Об этом в отчете за предыдущие дни говорилось следующее: «Оставалось требований неудовлетворенных — 69, вновь заявлено — 252, на работы направлено — 267 душ». Однако в целом биржа регулировала лишь небольшую часть рынка труда, безработица в городе оставалась и была достаточно высокой.

В помощь безработным был создан специальный фонд, в который призывали жертвовать всех, кто только может. Примечательно, что в числе дарителей оказались в основном еще дореволюционные купцы, продолжавшие работать в городе. Сохранился список жертвователей, внесших средства в фонд в конце января 1918 года. Среди них не было рабочих, а всё сплошь «эскплаутаторы» — Кистов (1000 рублей), Лапшин (2000 рублей), Торговый дом «Жемарин и Ватулин» (500 рублей), А. Букатина (1800 рублей), Н. Мыльцына (1800 рублей) и другие.

Впрочем, задача биржи труда состояла не только в поиске работы для обратившихся. В условиях жесткого контроля за сферой труда и ввиду надвигающейся Гражданской войны на биржу был также возложен контроль за личными данными кандидатов, их социальной принадлежностью, имущественным положением и т. п. Обратиться на биржу мог далеко не каждый! Совнархоз периодически публиковал грозные разъяснения. «Ввиду открывающихся часто вакансий на всевозможные отрасли труда в разных предприятиях и учреждениях в городе Царицыне, а также и его уезде, контрольная комиссия по проверке штатов на местах служащих, мастеровых и рабочих просит в недельный срок со дня сего объявления все профсоюзы города Царицына доставить ей списки всех безработных кандидатов, которые зарегистрированы у них... для поступления в должности с указанием в таковых профессии, подробных адресов и, если возможно, семейно-имущественного положения каждого. Списки просим направлять: город Царицын, улица Астраханская, бывший дом гостиницы „Франция“». Разумеется, Совнархоз имел возможности обратиться к профсоюзам при помощи писем или телефонных звонков, публикация же такого рода сообщений в газетах была необходима для того, чтобы население лучше понимало новую политику в области труда и занятости. Тут же, на тех же страницах газет публиковались и грозные требования к слушникам: «Ввиду возникших недоразумений Контрольная комиссия при Центральном совете профессиональных союзов доводит до сведения, что лица, поступившие в разные общественные и частные учреждения, как в городе Царицыне, а также и его уезде, без ведома Контрольной комиссии и биржи труда, будут сниматься с должностей ввиду непроверенного их семейно-имущественного положения».

Таким образом, уже весной 1918 года контроль за движением рабочей силы был предельно жестким, власти совершенно точно знали, какие именно кадры, какого имущественного положения и насколько благонадежные работали во всех учреждениях и на всех предприятиях, на каждого работника или даже безработного заводились карточки, содержащие максимально исчерпывающие сведения, свободный оборот рабочей силы в значительной степени прекратился.

Впрочем, вопреки всем ограничениям полувоенного времени, Царицын весной 1918 года жил своей жизнью. Газета «Борьба», несмотря на статус главного официального печатного органа советской власти в городе, принимала на коммерческих началах объявления, отдавая им подчас всю последнюю полосу. И если на предпоследней полосе могли печататься сообщения о предании тех или иных лиц суду военного трибунала, о запретах и реквизициях, то, переворачивая страницу, читатель видел крупным шрифтом набранный заголовок: «Вниманию мужчин!», и далее: «Всюду небывалый успех! Масса благодарностей! Приехавший из Тибета! Новейшие способы! У страдающих половым бессилием быстро восстанавливаю половую энергию. Даю ценные советы о сохранении красоты, молодости и свежести! Деньги за лечение вперед не беру, а по окончании лечения, кроме платы за даваемые мною лекарства. Прием ежедневно с 1 часа дня до 5 часов вечера. Улица Гоголя, Национальные номера, комната № 15»*.

Работали школы и гимназии, продолжались индивидуальные занятия с детьми. Среди тех же объявлений, размещаемых в «Борьбе», можно было встретить сообщения, практически ничем не отличающиеся от аналогичных объявлений, которые печатали еще дореволюционные газеты. «Студент Московского университета дает уроки по предметам. Специальность математика и латынь. Харьковская улица, № 6». Или: «Парижанка с высшим образованием дает уроки французского языка по теории и практике, отдельно и группами».

Организовывались даже детские экскурсии, причем для этих целей власти выделяли значительные технические средства. «Советом удовлетворено ходатайство Царицынского еврейского беженского училища о предоставлении парохода и парома для экскурсии детей беженцев на Сарептский остров».

Впрочем, регуляция рынка образования со стороны властей была и здесь. В городе по-прежнему работали школы и гимназии, в которых с учеников взималась плата за обучение, но размер платы теперь фиксировался. Так, по сообщению, «директор 2-й мужской гимназии довел до сведения, что вследствие прежнего размера за право учения в смете гимназии, благодаря дороговизне главным образом дров, получился дефицит в 3315 рублей. Расход принят на счет города».

Действовали различные общественные организации и объединения граждан. «В среду 1 мая в 4 часа дня в помещении правления Общества народных университетов (Скорбященская площадь, дом Холмянского) состоится общее собрание шахматистов-любителей для организации кружка и открытия 1-го общегородского турнира. Организационная комиссия предложит для утверждения общему собранию Устав кружка и турнира. Всем предлагается приносить свои шахматы».

Приходилось советской власти и сотрудничать с Церковью. Уже приводились сведения о пасхальных подарках рабочим от лица Совнархоза, но этим дело не ограничивалось. Культурная жизнь города проходила под заметным влиянием Пасхи. Так, 6 мая 1918 года газета «Борьба» извещает, что «занятия Совнархоза прекращаются с пятницы 3-го мая с. г.

* «Национальные номера» — гостиница у вокзала, на современной улице Гоголя. Судя по всему, маг и чародей из Тибета ездил со своими «лекарствами» на гастроли из города в город, останавливаясь на несколько дней в гостиницах и рекламируя себя в местных газетах, и это — в 1918 году!

и возобновятся на 4-й день Пасхи с 10 часов утра», — удивительная привязка работы Совнархоза к дням пасхальной недели! «Борьба» также официально приглашает детей Царицына на пасхальные спектакли, публикует их расписание. «Союз учителей города Царицына на Пасхальной неделе в Доме Совета [не в „Парнасе“, а в главном здании, где работал Совет! — *Р. Ш.*] для детей-школьников устраивает „Детское утро“. 4-й день Пасхи (среда) для средних отделений: 1) „Няня“ Соловьева в 3-х действиях, 2) „Салтан“, сказка без слов, в 3-х действиях, гулянье в саду. 5-й день Пасхи (четверг) для младших отделений: 1) „Победил“ в 4-х действиях, 2) „Салтан“, сказка без слов...» и так далее.

Крупным событием весны 1918 года было и торжественное освящение Александро-Невского собора, которое производилось 19 мая. Собор, посвященный чудесному спасению царской семьи во время железнодорожной катастрофы в 1888 году, который начали строить еще в начале XX века, был очень масштабным сооружением. Строительство собора долгие годы финансировалось пожертвованиями местных купцов и добровольными сборами населения. Начало Первой мировой войны значительно затормозило завершение проекта. Здание было фактически построено к 1914 году, однако еще несколько лет потребовалось для завершения росписей и создания внутреннего убранства. В результате закончить все работы получилось только в мае 1918 года, то есть уже при советской власти. Несмотря на это, Царицынский исполком не только не возражал против проведения торжественной церемонии, но и даже участвовал в ней: на освящении присутствовал Яков Ерман.

Однако власти вели и свою агитационную работу. Газеты публиковали объявления о наборе на курсы агитаторов. «Товарищей, членов Российской коммунистической партии (большевиков), желающих работать в качестве агитаторов, просим записаться в комитете (большевиков), где открыта запись на курсы агитаторов. Записаться можно с 6 до 8 часов вечера».

Действительно, агитаторы были очень нужны советской власти. Несмотря на то что к маю 1918 года большевики в Царицыне прочно занимали все руководящие посты, поддержка их в народе была неоднозначной. Всё еще большой популярностью пользовались меньшевики и эсеры, имевшие свой актив и поддержку, в том числе и в широких слоях рабочих. Как это обычно и бывает, после того как некая политическая сила, от которой ожидали мгновенного «чуда», пришла к власти и «чуда» не сотворила, поддержка такой власти неизбежно снижается, растет число ее противников. Так что весной 1918 года меньшевики и эсеры начали вновь набирать большую популярность, и разогнать их просто так большевики еще не решались.

Эсеры не только продолжают существовать в это время в городе как вполне легальная организация, но и собирают на заводах митинги рабочих. Например, 10 мая 1918 года эсеры организовали митинг на Французском заводе, посвященный защите от нападков на их газету «Народное дело». Когда 9 мая в Царицыне открылся Первый очередной съезд волостных и станичных Советов крестьянских и казачьих депутатов, руководитель царицынских эсеров Котов выступал на торжественном открытии съезда, наряду с Мининым. В этой речи он открыто критиковал Ленина и большевиков за заключение Брестского мира с Германией.

В газете «Борьба» периодически печатаются гневные статьи и в связи с агитацией, которую в городе проводили меньшевики. Например, очевидец

одного крупного подобного события С. Литвиненко описывал его следующим образом: «Наши социалисты — Полуян и Косолапов, потеряв всякую связь с революционной демократией, окончательно порвав с трудовыми массами, убивают теперь свободное время на своих лекциях, вспоминая здесь со своими единомышленниками былую, безвозвратно потерянную славу Керенского, возглавлявшего собою полубуржуазное правительство России, и безуспешно оплакивая свое навсегда угасшее Учредительное собрание. Одну из таких лекций прочитал 27 апреля с. г. в здании „Парнас“ гражданин Косолапов. Лекция собрала такую массу публики, что все места в партере, на балконе, на галерее сплошь были заняты народом. Мне самому достался билет на самый верхний ярус галереи, откуда раздавались дружные, восторженные, переходящие в овацию аплодисменты всякий раз, когда Косолапову удавалось пустить какое-либо ядовитое слово по адресу Советской власти». Как отмечал в своей заметке автор, в зале он видел как предпринимателей, так и массу простых рабочих, чья поддержка тезисов Косолапова его очень удивляла. Согласно заметке, в своей речи Косолапов «указывал, что 25 октября совершили переворот не революционные рабочие, а Ленин совместно с Центральным исполнительным комитетом; что те солдаты, которые не сумели награть на фронте, в деревнях останутся нищими, так как земля будет разобрана кулаками, имеющими инвентарь для обработки земли; он доказывал, что наша Красная армия состоит из таких элементов, которые идут в нее только за тем, чтобы избежать безработицы и голода; он твердил, что крестьяне еще не доросли до того, чтобы умело пользоваться землей, и так далее... По мнению Косолапова, лучше было бы нам иметь не Советы, не Рабоче-Крестьянское правительство, а Учредительное собрание».

Таким образом, несмотря на прочное положение, которое большевики занимали в Царицыне, их власть не пользовалась безусловной поддержкой, причем влияние меньшевиков было таково, что газете «Борьба» приходилось лишь критиковать выступления оппонентов, собиравших полные залы (трехъярусный зрительный зал «Парнаса» был рассчитан на 800 мест, но, судя по описанной толчее, собралось до 1000 человек), причем делать это весьма осторожно, приводя различные доводы, обходясь без резких выпадов и оскорблений.

В целом до конца мая 1918 года жизнь Царицына в ряде существенных культурных черт продолжала многие старые традиции, сложившиеся до 1917 года, с которыми советская власть, ввиду отсутствия безоговорочной поддержки в массах, вынуждена была мириться или даже поддерживать их. К маю 1918 года в городе всё еще действовала избранная до октября 1917 года городская дума, с меньшевиками и эсерами в своем составе, а промышленные предприятия, несмотря на жесткий контроль за движением денег и рабочей силы, в значительной степени контролировались частными владельцами. Было понятно, что постепенно свободы будут и дальше сворачиваться, однако ситуация начала меняться намного быстрее и резче, чем это могло показаться в весенние дни: на Россию — и Царицын — надвигалась Гражданская война.

Продолжение следует

Игорь ОЗЁРСКИЙ

Эпоха огненной собаки

Помню только, как бежал. Бежал быстро, но в то же время расчетливо. Не могу сказать, что предвидел всё или, наоборот, мало что понимал, — нет. Я просто бежал и иногда оглядывался, перепрыгивал пороги, огибал кочки. Когда дорога круто устремлялась вверх, я, конечно же, бежал медленнее, а с горки — всегда быстрее, но никогда не падал, в отличие от других. Да, такое случалось часто. Люди падали, некоторые разбивались, другие вставали, отряхивались и бежали дальше. Многие, но только не я.

В один момент, который застал меня крайне внезапно, я вдруг понял, что ужасно устал. А может быть, и не устал, а просто решил сделать паузу, хотя толком не осознавал почему. По странной случайности, остановился я не где бы то ни было, а в очень удачном месте — на небольшом пятачке, откуда в разные стороны тянулись несколько дорог. Хорошо, что мне выдалась такая возможность. Есть время поразмышлять. Здесь оказалось всё для этого необходимое: киоск с закусками, небольшой навес, создающий уютную тень, широкие вязаные кресла с облачными подушками.

После долгого бега дыхание оставалось прерывистым и тяжелым. Борясь с одышкой, я подошел к киоску. Внутри него худощавый молодой парнишка в нелепых квадратных очках и полосатой кепке, развернутой назад козырьком, весь покрытый веснушками, переворачивал щипцами на гриле сосиски.

ОЗЁРСКИЙ Игорь Дмитриевич — писатель, член Союза писателей России. По профессии — адвокат. Родился в 1989 году. Окончил Московскую государственную юридическую академию имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и аспирантуру. Живет в Москве. Автор романов, пьес и рассказов, опубликованных в том числе в журналах «Аврора», «Бельские просторы», «Кольцо А», «День и ночь», «Нижний Новгород», «Невский альманах». Лауреат Всероссийской литературной премии имени А. Б. Чаковского «Гипертекст» в номинации «Дебют». Лауреат I Открытого межрегионального молодежного литературного конкурса фантастического рассказа, посвященного юбилею советского писателя-фантаста Н. В. Томана. Финалист многих литературных конкурсов.

«Коробейник» — значилось размашистыми прописными буквами на его бейдже, неряшливо прикрепленном к нагрудному карману рубашки.

Витрина киоска сплошь пестрела выгоревшими на солнце картинками, края которых отклеились и немного пообтрепались. Я стал внимательно их разглядывать. Хот-дог, френч-дог, чили-дог, веган-дог...

Кроме хот-догов здесь ничего больше не предлагали, но их многообразие поражало. Исландские, бразильские, японские, колумбийские, норвежские и даже папуа-новогвинейские. Я снова посмотрел на молодого человека и глянул на бейдж с непонятным словом, размышляя, как лучше обратиться, но он опередил меня.

— Тоже бежали? — как-то угрюмо прогнусавил он.

— Ага, — ответ вырвался сам собой. — Бежал.

— А чего бежали? — парень шмыгнул носом и почесал его. Его движения были странными, можно сказать, неловкими. Мне даже показалось, что передо мной, как сейчас говорят, человек с некоторыми интеллектуальными особенностями.

Я полез в карман за наличными, чтобы купить воды. Нащупав купюры, вытащил из кармана, пересчитал и протянул в окошко.

— А, понятно, — киоскер как-то странно поморщился, но я не обратил особого внимания, думая лишь о сухости, которая раздирала горло.

— Воды, пожалуйста.

Молодой человек взял деньги и полез под прилавок.

— Что значит «коробейник»? — спросил я, когда он вновь появился в окошке.

— Коробейник? — удивился парень, но, заметив направление моего взгляда, опустил голову на бейдж и протяжно добавил: — А-а, понятно. Коробейник — ну, профессия такая.

— Не знаю такой профессии... — Открыв бутылку, я сделал несколько больших глотков. Кожа сразу покрылась влагой. Я надеялся, что станет легче, но почувствовал головокружение. Следом внезапно навалилась усталость.

Плюхнувшись в кресло, я глубоко вздохнул и посмотрел на расходящиеся в разные стороны дороги. Их было три. Сделал еще глоток — и стало легко дышать. На улице было жарко. Но жара была приятная, согревающая. Я почувствовал глубокий сладкий аромат, о котором уже и забыл. Как всё же прекрасно пахнет этот мир! И даже выхлопные газы не сильно тому мешают. Где-то рядом промчался мотоцикл, и вместе с воздухом я вдохнул рев мотора. Что-то всё-таки в этом есть, согласитесь. Я слышал магистрали и шум лесов. Лил дождь, и светило солнце. «Разве так бывает?» — усмехнулся я. А затем наблюдал облака: всевозможных цветов, бурлящие и растекающиеся, рассекаемые множеством ярких вспышек. Это можно было бы описывать бесконечно — и луну, и звезды, и цвет самого неба, но мои мысли безжалостно прервал коробейник.

— Может, хот-дог хотите? Или, там, кофе? — прогнусавил он.

— Нет, благодарю. Сейчас только переведу дух...

— А-а, — как-то неоднозначно отозвался парень. Я уже вновь переключился на запахи, как он вдруг добавил: — А где остальные?

Я сидел к киоску боком, поэтому пришлось наклониться, чтобы взглянуть на собеседника.

— Остальные?

— Вы что, бежали один? — сказал он с таким удивлением, что это даже показалось мне возмутительным.

— Нет. Не один, конечно...

Я ждал, что коробейник спросит что-то еще, но он почему-то молчал. Он внимательно всматривался в меня, чуть приподняв голову, таращась сквозь широкие квадратные линзы, а рука с щипцами так и повисла в воздухе.

— Ну и что? — вдруг вырвалось у меня как-то гневно, словно бы мне требовалось что-то ему доказать. Я встал и подошел к киоску. — Не один я бежал! Всё так. Но бежал быстро. Как не бежать, если весь мир бежит?

Парень внимательно слушал, но его широкие ноздри как-то нервно подрагивали. Мне показалось, что он не до конца понял, что именно я имею в виду.

— Даже не просто бежит... — Я почесал затылок и пригладил волосы. — А крутится с невероятной скоростью. Мы же все это чувствуем?..

Коробейник не отпускал меня взглядом, рот его замер в нервном напряжении, и губы были чуть приоткрыты. Лицо стало серьезным и задумчивым. В этот момент он казался старше своих лет. Хотя, сколько ему, я, конечно, не знал.

— Да и как забыть, — продолжал объяснять я. — Часы, телефон, колонка с напоминаниями... Так что тут сделаешь?

Я внезапно поймал себя на том, что мне очень важно всё объяснить.

— Остановливаться нельзя. Ведь если замрешь — врежутся, соьбьют, затопчут. Или, еще хуже, забудут. Это каждый знает с рождения, да и вы, я уверен, тоже. Ну а потом постепенно вливаешься, бежишь, разгоняешься. Лучше, увереннее, быстрее... Да, так и есть.

На мгновение я прервался. В груди всё горело, и пришлось сделать несколько глотков воды.

— И кто-то, конечно, рядом. — Перед мысленным взором, как при тасовке карт, возникали и исчезали лица. — Но со временем они как-то дальше. И всегда происходит по-разному. Ни писателей, ни пьес, ни романов не хватит, чтобы всё описать. Да только не в этом суть. И не в том, отстает кто-то или обгоняет, да и есть ли вообще какое-то соревнование. Чаще всего мы ничего этого не знаем. Когда бежишь, чего по сторонам смотреть? А потом начинается гонка. И в первую очередь с самим собой. Или со своими проекциями, о них мы еще поговорим. И все хотят добежать. Даже, более того, хотят доказать, что добежать могут!

— Ну и как? — внезапным будничным тоном спросил коробейник, возвращаясь к сосискам. Мне показалось, что он вдруг утратил всяческий интерес к разговору. Словно мой рассказ ни чуточки его не впечатлил. — Доказали?

Этот вопрос так сильно взволновал меня, что я ощутил болезненно учащающееся сердцебиение. На лбу выступил пот, и я вытер его ладонью.

— Доказал? Я?! Это ведь вопрос непростой... Могу, конечно, и объяснить... Но тут всё начистоту надо.

Собеседник кивнул.

— Хотя что толку врать?.. — вырвалось у меня. — Вас, коробейник, что бы это ни означало, я в первый и последний раз вижу.

Парень улыбнулся, сосредоточил на мне всё свое внимание и даже отложил щипцы. Этот жест, вроде такой незначительный, сильно расположил меня. Я задумался, с чего бы начать. Обычно это сложнее всего.

— Знаете, я читал, что в наш век писатели и поэты, в отличие от их литературных предшественников, больше не склонны говорить об эпохе. Будто бы теперь они размышляют только о самих себе, и такую их манеру называют исповедальной. Так вышло, что я об этом задумался. Вот скажите, если этим всё же озадачиться, как бы вы описали нашу эпоху?

Я выжидающе посмотрел на коробейника.

— Э-э, — гнусаво протянул он, вновь приподнимая голову. — Наверное, речь о духе эпохи?

— Дух? — Я улыбнулся. — Или, быть может, душок?

Молодой человек оставался серьезен.

— Хотя всё валить на эпоху проще простого, — вздохнул я. — Она-то тебе не ответит. Это всего лишь отрезок времени. А что мы можем сказать о нем? Наша эпоха короче всех остальных. Мне правда так думается. В детстве я слышал от родителей, что с возрастом у каждого возникает ощущение, будто время начинает идти быстрее. С этим знанием я жил, а оказалось, что всё вроде бы и не так. Наша эпоха быстрее других, и это доказать нетрудно. Продолжительность жизни была меньше, но люди при этом успевали куда больше. В тридцать два Александр Македонский завоевал мир, по крайней мере ту часть, что входила в его представление о мире. В тридцать семь Пушкин оставил нам восемьсот двадцать шесть произведений. А мы всё мчимся и пытаемся догнать их, или хотя бы тех, кто рядом, или самих себя — только всё это ускользает. Как соринки в воде. Стараешься их схватить, и вроде бы вот она уже в ладони, вытаскиваешь руку — а ее нет. Смотришь — всё еще плавает.

Честно признаться, вся эта беготня омрачает жизнь, но и восстать против нее невозможно... Почему? Да потому, что мы сами себе этого не простим. Это как в древние времена охотнику отказаться идти на мамонта. Но мы же и не отказываемся. Видите, я всё о нас и о нас. Но давайте поговорим об эпохе. Самой быстрой из всех эпох. Тревожная, цифровая, изменчивая, но в то же время прекрасная и полная чудес, как волшебная пещера Аладдина. Но теперь у нас нет возможности сидеть и много об этом думать, а тем более писать. Да и читать возможности тоже нет. Нужно всё быстро, сжато, на ходу, желательно еще короче, в перерывах, за чашечкой кофе — только не очень большой, так как и на него времени нет. Его почти ни у кого не осталось. Это смешно. Деньги есть, а времени нет. Мы тут все, должно быть, уже богачи, только больше половины населения Земли живет за чертой бедности. У них не только времени нет, но и воды. Хорошо, что им помогают те, в чьих руках находится остальное. Те готовы усыновить их детей, дать рабочие места на вредных производствах. Да, общество у нас доброе, этого не отнять. Только мы застряли между двумя константами: «подставить вторую щеку» и «зуб за зуб, око за око».

Получается интересно. Вы скажете — это схоластика, возможно, возможно... Только мы теперь любим говорить об искусственном интеллекте, сквозных технологиях, квантовой запутанности, а кто-то сидит и думает о воде, потому что пить хочет. Пить, понимаете! Может, это и есть та самая запутанность? Только не квантовая, а — настоящая?

Я глубоко вздохнул. Коробейник, не отрываясь, смотрел на меня. И чем дольше я говорил, тем печальнее становился его взгляд.

— Видите, это я об эпохе. Получается, что в ней всё дело. Но, если быть честным, начинается же эпоха с меня. Ну, или с вас, или с нас всех — как

хотите. Но за всех говорить не приходится, поэтому только о себе буду. Я вот чувствую лень. Мне хочется результата без действия. Я смотрю и вижу слишком много, даже не успеваю всматриваться. И всё хочу, хочу, хочу. Нас называют потребительским обществом. Да, мы все умеем брать, и кто-то даже любит давать. Вопрос: по каким мотивам? Уверяю вас, коробейник, не по самым, скорее всего, благородным, но дело — важнее слова. Это вроде как аксиома, только получается, что в этой аксиоме и кроется сложность: один небольшой червяк, вырастающий до колоссальных размеров, когда доходит до практики.

Да, это, пожалуй, главная проблема нашего времени — эпохи, о которой мы с вами тут толкуем. Представьте две чаши весов, на одной — дело, на другой — слово. Люди разучились красиво говорить, я-то много их слышал. Раньше, как писал классик, если человек называл лопату лопатой, его заставляли ею работать, а сейчас? Сейчас не важно, что ты сказал. В этом нескончаемом потоке слова, какими бы они ни были, рано или поздно оказываются там. — Я указал вниз. — В канализации. Вспомните великих ораторов прошлых эпох... А всё отчего? У них было время, а у нас его нет. Еще сто лет назад адвокат мог часами выступать в зале суда перед присяжными, а сейчас? Сейчас у него десять минут до следующего заседания. Поверьте, поверьте: всё так, я видел это собственными глазами. Что в итоге получается? Красивые слова больше никому не нужны? А дела? Поступки? А что, если мы их совершаем молча? Вот тут как раз собака и порылась. Если мы что-то делаем молча, этого могут и не заметить. Поэтому принимаемся сообщать во всеуслышание, но кто долго бежал, тот знает: если громко о чем-то говорить, то можно уже ничего не делать. И если мы глянем на весы с теми чашами, где слово и дело, окажется, что их цепи друг с другом спутались, отчего невозможно понять, какая из них перевешивает, — слишком тесно они переплелись.

Самое забавное, что человечество движется вверх. Только «вверх» оно движется от глубины и оказывается от нее всё дальше и дальше, что вроде как даже логично. Но в нашу эпоху «вверх» — это не в небо, а на поверхность. Вот какой смешной парадокс выходит.

Я откашлялся.

— И здесь, именно здесь, на небольшой глубине, протекает наша эпоха. Краски, картинки, социальные сети, а как только нырнешь — ничего не видно. А раз не видно, зачем страдать? Да-да, страдать. Ведь там, где глубоко, и давление, и вода холодная, и проч. и проч., я был и почти никого не видел. Да и откуда там кому-либо взяться? Для этого нужно время, а времени, как мы выяснили, нет.

Я вновь посмотрел на дороги, тянущиеся в разных направлениях. Коробейник молчал.

— Всё же, знаете, мир стал лучше... Не понимаю, чего я так на него напустился. Вероятно, дело в одиночестве. Быть одному плохо. А бежать одному еще хуже. И вы спрашивали, с кем я бежал... Но не важно с кем, вопрос: куда они делись? Ответ прост: чем дольше бежал, тем сильнее расходились наши пути. Отсюда, конечно, не видно, но мне и не важно, где они. Я-то здесь. Но вот о чем думаю: беги со мной кто-то рядом, готов ли я изменять маршрут? Или это другой человек должен корректировать свой под мои предпочтения? Разве такое возможно? В нашем мире с миллиардом дорог выбрать такую, чтобы она подходила обоим... Знаю, знаю, что вы скажете. Мол, раньше

у всех получалось. И шли вместе, и даже бежали. Но то — раньше! Раньше всё по-другому было. Там и дорог не было. Так, пара тропинок, и то с оградой. Наш век — свободный. Но что эта свобода дала? Неопределенность, вот что! Изобилие, но с подвохом. Увешанный кандалами джинн. Хотели свободы? Nate, получите. Как у Достоевского: «Зачем ты пришел нам мешать?» Только вот что с ней делать, с этой свободой? Она — как сторожевой пес, оказавшийся за воротами и не понимающий, что ему охранять дальше. Так и мы не представляем, куда бежать. А главное, зачем. Но благо есть куча советчиков — глубокие специалисты по всем вопросам. — Я усмехнулся, надеясь найти улыбку на лице коробейника, но уголки его губ даже не дрогнули. — Иногда мне кажется, что мы и не бежим, а находимся в жутком бурлящем потоке и нас по нему несет. Мы пытаемся схватиться за камни или торчащие с берегов ветки, но чаще всего мимо плывет дерьмо и держаться приходится только за него. Да, не очень вышла метафора, но, извините, другой подобрать не смог. Это даже и не метафора, так, очевидное замечание. Ну да ладно, вода всё смывает. Вот ведь как оказывается... Мы и не бежим даже. И не плывем. А тонем. Абсурд-с, господин коробейник. Выходит, глубина двояка. Можно найтись, а можно утопнуть. Всё так. Парадокс? Нет. Никаких парадоксов здесь нет. Уверен, вы и так всё уже поняли, коробейник. Глубины, вершины — одним подчиняются, а других убивают. снаряжение, опыт, отвага, страсть — это всё, что нужно. Только лично мне иногда кажется, что я совершенно гол. И глубина не глубина, и вершина не вершина. Начинаешь сравнивать, а сравнивая, судить — и вдруг вспоминаешь, что кто-то в этот момент умирает от жажды. И вроде времени совсем нет, а вместе с тем на злость, зависть, отчаяние, уныние — на это времени хоть отбавляй. Век психологии, самопознания, осознанности. Великой привилегии нравственности. Благо многие знают, как жить, и, не стесняясь, доносят это знание до окружающих, даже тех, кто помирает от жажды. Оттого грех жаловаться. Всё прекрасно! Прекрасно...

Я замолчал и выпил еще воды. Ждал, что коробейник что-нибудь скажет, но он только смотрел на меня, и я продолжил:

— Мы вот с вами с писателей и поэтов начали, а я на их счет не всё сказал. Они, важно заметить, единственные, кто еще про любовь вспоминает. А любовь... Любви в нашем мире почти не осталось. На нее времени нет совсем. На страсть — да, на секс — да, на обман — всегда найдется, включая, кстати, и самообман. Но любовь... Этот неконтролируемый иррациональный бред остался в далеком прошлом. Я попросил бы наших уважаемых талантов больше об этом не говорить, не петь и, тем более, не писать. О любви уже достаточно писали те, у кого было намного больше времени над этим глубоко поразмыслить. Нас же теперь учат, что нужно любить себя. В первую очередь и в последнюю желательно тоже. Эгоизм — не грех, скромность — порок. Всё это очень легко доказать. Первое нас создает, второе — ограничивает. Это никак не противоречит концепции существования грехов и тому подобному. Уныние — вот что самое страшное. Да, так делать нельзя. А любить? Любить-то, конечно, можно, главное, себя самого — это как с маской в самолете. В древности самолетов не было, поэтому авторы прошлых лет ничего такого не знали. Окажись Ромео в терпящем крушение воздушном судне, так этот дурак в нарушение всех правил стал бы в первую очередь пытаться напялить маску на Джульетту. И оба они бы умерли. Они и так умерли, что очередное доказательство их глупости, но в самолете дело бы спорилось еще вернее.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Я отдышался, коробейник не отрываясь смотрел на меня и с интересом слушал.

— Но любовь бывает разная. Понять ее так никто и не смог, зато смогли классифицировать. Но расстраиваться преждевременно: ее еще много раз переклассифицируют. Скоро с искусственным интеллектом начнут заводить романы, а последователи Эриха Фромма в список известных видов любви внесут и любовь к машинам. Потом анекдотов насочиняют. Мне, кстати, думается, что анекдот — это форма социального принятия. Коллективное бессознательное смирение через юмор с обстоятельствами, которые на самом деле сильно нас тревожат. Но что тревожиться из-за любви человека к роботу? Мы же любим Бога? Бога любить ведь не запрещается. Только не заменит ли Бога искусственный интеллект? Об этом подумать стоит. В конце концов, у него конкурентное преимущество: он нас слышит. И даже нам отвечает. Дай ему власть — он еще и поможет. Вот теперь мы вплотную подошли к границе нашей эпохи. Что получается: не дороги, а потоки, и потоки страшно запутанные, и находятся они во многих состояниях одновременно. Мы и не на поверхности, но и не на глубине. Задыхаемся. Страдаем. Бежим куда-то. Готовы любить, но как и кого — не знаем. Те, кто знают, молчат, а те, кто делают вид, что знают, говорят очень громко. От этого постоянный гул, шквал голосов и прочее. И всё это на пороге самого великого в мире открытия, разобраться в причинах и последствиях которого некому, так как мир пока всё еще носится с предыдущим — ядерной бомбой. И человек еще не решил, что с ней делать. Забавно, что предложений уничтожить мир было много, а вот уничтожить бомбу — ни одного. Но здесь эпоху обвинить мы никак не можем. Боюсь, что раньше дела могли обстоять еще хуже. Сейчас хотя бы коучи есть и менторы, и на том спасибо, вон, бултыхаются в лягушатнике и руками машут.

Мне захотелось, чтобы коробейник хоть раз улыбнулся, но он оставался непроницаем. А вдруг он не знает, кто такие коучи? Так же как и коучи, скорее всего, не знают, кто такие коробейники. Да и я сам не знал, хотя начинал догадываться.

— В общем, так всё и происходит, — подытожил я, а затем добавил: — Мы оголтело несемся и прыгаем в шквальный поток реки, как объятые огнем собаки, а потом задыхаемся, пытаюсь высунуться из воды, глотнуть воздуха, но воздуха осталось мало. Да, очень мало... Вы ведь чувствуете? Дышать тяжело.

Мне показалось, что коробейник кивнул.

— Конечно, чувствуете. Все чувствуют. Цифр много, а воздуха мало. А будет еще меньше. Кубиты заполняют легкие. Вы ведь знаете, всё знаете. И про энергопотребление, изменение климата, загрязнение Мирового океана и проч. и проч. Только разве есть до этого дело, если всё несется так быстро, что и понять ничего не успеваешь? Но должен ведь кто-то об этом подумать? В этом самая большая опасность. Может, даже основное отличие современной эпохи от предыдущих, но это на размышление. Многие уверены, что за них всегда кто-то подумает, и выбор сделает, и приоритеты расставит. Конечно, это удобно и даже, в какой-то степени, чудесно, и вот мы изобрели искусственный интеллект. Нам даже думать будет ни о чем не надо. Только и останется, что бежать и листать картинки, главное, чтобы букв немного. Так и подошли к самому главному — к чувственной стороне вопроса: как мы понимаем эпоху или как эпоха понимает сама себя либо не понимает вовсе.

Коробейник перевернул щипцами несколько сосисок и, заметив, что я замолчал, снова предложил:

— Может, хот-дог или всё же кофе?

Я хотел отказаться, но желудок вдруг заурчал так сильно, что я взглянул на сосиски совсем иначе.

— Да, пожалуй, хот-дог, — сказал я и протянул купюру. — Классический.

Он взял деньги и напомнил:

— Вы говорили о чувственной стороне вопроса.

— Думаю, что я уже достаточно вас утомила...

— Нет-нет! — Он как-то странно хохотнул, а затем снял и протер очки. —

Мне интересно. Интересно. Очень даже. Мне что? Стою, наблюдаю. Бегут многие. Да, бегут и бегут. Я же не понимаю, в чем дело. Теперь ясно стало. — Коробейник достал булку и положил на гриль. — Соусы добавляем?

— Да, если можно, побольше горчицы, пожалуйста.

Улыбнувшись, он вернул очки на лицо и снова напомнил:

— Так что там с чувствами?

— Речь даже не о чувствах, а скорее об их восприятии. Но это, конечно, только мое мнение. Кант, если помните такого философа, учил, что многообразие представлений может быть получено только из чувственных созерцаний. Но созерцание не есть размышления, верно? Помните поговорку: если слышишь стук копыт, то меньше всего думаешь о зебре? И пусть нас окружают хоть тысячи зебр, скорее всего, мы увидим лошадей, особенно если нам так скажут. А говорят нам многое и кто попало. И хоть мы не дурачье, а осознанные, рефлексирющие, индивидуалистические существа, в нашу эпоху мы знаем, что перед нами не лошади, а проекции нашего бессознательного, тем не менее, что бы мы там себе ни думали, видим всё равно лошадей, ну или, в лучшем случае, мулов. Более того, люди настолько много знают сегодня о бессознательном, что о сознательном понемногу забывают. И вот мы постепенно приближаемся, так сказать, к катарсису.

Коробейник внимательно слушал и кивал.

— Я как-то раз встретил девушку... Вообще, я встречал многих девушек, но та была особенной. А чем человек особеннее, тем больше его терять. А не потерять невозможно, ведь все, кого мы знаем, на самом деле не те, кем кажутся. А если даже и те — всё равно со временем изменяются. Мне иногда думается, что наша с вами душа состоит из ячеек, только каждая ячейка имеет свою уникальную форму. А мы испытываем непреодолимое желание их заполнить и, так как это стремление по большей части интуитивное, хватаемся за что попало. Мы же не можем быть во всех местах сразу и видеть весь мир целиком, а значит, и представление наше ограничено тем, что находится в непосредственной близости. В такой иллюзии и пребываем. Маски, миражи, химеры. Но это уже не про эпоху, это всё про нас. Людей. А люди совсем не меняются, это я уже понял. Не подумайте, что я противоречу сам себе. Человек по природе своей изменчив, а вот человечество — нет. Человечество не изменится никогда. Каждое поколение сохраняет в себе такую надежду, описывая ее всеми доступными способами, но мы же знаем, что начинать нужно с себя. Наши предки-фантасты верили в нас, но я столь глубокой убежденностью не обладаю. Они предсказывали будущее, в котором человечество изменится. Будущее наступило — человечество не изменилось. Пока... Может, так всегда и бывает? Или это как раз то тайное, что становится явным, но

никто не собирается замечать? Простите нас, люди будущего, но наша эпоха не взяла на себя ответственность, хотя всё же мы приготовили крепкий плацдарм. Всё еще может быть хорошо. Это абсолютно точно.

А чувства... Чувства наши и только для нас. А лучшее или, точнее будет сказать, отважное — это осмелиться их принять, а затем никого не ранить: ни других, ни самого себя. Но раны, как вы понимаете, неизбежны. От них мы тоже потом бежим. И чем их больше — тем быстрее.

Коробейник достал из гриля булку, вставил в нее сосиску и стал добавлять соусы. Как только хот-дог был готов, он протянул его мне. Только сейчас я понял, как сильно голоден. Увлечшись едой, я на какое-то время забыл о разговоре.

— Куда побежите дальше? — спросил молодой человек, когда я смял обертку и протер губы салфеткой.

— Даже не знаю... — Дожевывая, я смотрел на расходящиеся пути. — Вы знаете, куда они ведут?

— Это смотря куда вам надо.

— По идее, должно быть наоборот, — улыбнулся я. — Если знать, куда они ведут, станет ясно, куда мне надо.

— Не скажите, — покачал головой коробейник.

— Вы давно здесь? Может, знаете, что там?

— А чего знать? Вон указатель есть.

Я еще раз оглядел развилку.

— Простите, не вижу что-то там указателя.

— Вон, — указал рукой коробейник. — Камень.

Я присмотрелся и нашёл камень взглядом. Он просто лежал на песке, как обычно валяются всякие камни, на которые не обращаешь внимания. Но теперь, изучив его внимательно, я понял, что он не валяется, а стоит на своем месте. Я направился в ту сторону. На камне действительно было что-то написано. Всего три слова:

Amor

Successus

Mors

Я несколько раз перечитал и вернулся к киоску.

— Что-то несильно информативный указатель.

— Латынь, — понимающе кивнул собеседник.

— Латынь?

— Мертвый язык.

— Да, знаю, что мертвый... Но откуда здесь-то латынь?

— А знаете, отчего он умер? — вдруг спросил коробейник, проигнорировав мой вопрос. Сперва я подумал, что парень шутит, но он оставался серьезен.

— Отчего умер? — переспросил я.

Он кивнул. Лицо его выражало крайнюю заинтересованность.

— Кто ж его знает. Устарел, наверное. Всё когда-нибудь устаревает.

Молодой человек некоторое время кивал, молча обдумывая мои слова, а затем произнес:

— Когда я задумываюсь о латыни, мне становится грустно.

Он посмотрел на меня в ожидании ответа, но я и сам ждал, что скажет он.

— Целый язык умер, — продолжил коробейник. — Понимаете? А ведь когда-то на нем говорили. Дружили. Любили. Встречались. Прощались. А потом цивилизация, которая на нем говорила, рухнула. Сначала латынь утратила сложные грамматические формы и систему падежей. Потом и другие конструкции. Стали появляться новые звуки и слова, по природе своей ущербные. А затем и полностью был забыт. Остались только камень и несколько жалких слов, а помнят их только врачи да юристы.

— Тогда вся надежда на то, что вы либо врач, либо юрист, — усмехнулся я.

Парень тоже улыбнулся, показав большие искривленные зубы, и поправил очки.

— Нет, я не врач и тем более не юрист. Эти профессии слишком сложные. Мне ближе те, что попроще. Но латынь, так получилось, я знаю.

— Знаете?! Так чего же молчите? Что там написано?

— *Amor* — это любовь, я думаю, вы и так поняли. *Successus* — успех. *Mors* — смерть.

— Так это что, инсталляция? — Я почувствовал разочарование.

— Почему инсталляция?

Я подумал, что меня разыгрывают.

— Мы ведь не в сказке...

Коробейник, расставляя соусы по местам, пожал плечами:

— Это уже вам решать.

Я задумался и еще раз посмотрел на камень.

— Любовь. Успех. Смерть, — пробормотал я и посмотрел на собеседника, ища подсказку. — Какой в этом смысл?

— Смыслов, надо думать, немало... — Коробейник опустил голову и глянул на меня поверх очков. Теперь он напоминал учителя.

— Немало, — раздраженно повторил я.

— Вас это злит?

— Злит? Ну конечно, злит... Как тут не злиться? Даже не известно, что хуже — шутка это или нет. Так как если не шутка, то выбор — так себе. Ну, по третьей дороге, понятно, только дурак побежит, но с другими что делать? Вот тебе и выбор на середине пути... Так в итоге волей-неволей на третьей дороге и окажешься, пока думать будешь. Ну ладно, если с успехом еще как-то вытянуть можно, то у любви без успеха шансов мало, это я точно вам говорю.

— Странно вы рассуждаете, — щелкнул языком коробейник.

— А что странного? — отмахнулся я, глядя на развилку. — Как тут выбрать? Даже нет, по-другому скажу: разве от нашего волеизъявления что-то зависит? Это ведь как обстоятельства сложатся. Вы разве не слышали, что я вам говорил про зебр, про собак? Мы живем в мире проекций, и другого нам не дано. Теперь мы слишком много обо всем знаем, а значит, и видим многое. И не замечать не можем. Вот так. — Я посмотрел в сторону, откуда прибежал. — Всё это я уже видел. И развилки подобных было немало. Только каждый раз, когда думаешь, что сделал правильный выбор, то оказывается не так. Откуда мне знать, что там, дальше, все эти дороги вновь не соберутся в единую?

— А кто вам сказал, что не соберутся?

ЭПОХА ОГНЕННОЙ СОБАКИ

— Это как понимать?

— Путь-то один, — коробейник почесал нос.

— Так это что, получается, вы там бывали?

— Я со своим киоском везде побывал, — как-то печально вздохнул он.

— И что там?

— Вероятно, вы и так всё знаете. Это ведь ваш путь, а не мой. Вы же тут: доказал — не доказал. Но, похоже, и сами уже всё поняли. А про собак это вы точно подметили. — Коробейник хохотнул, но как-то жутко, неловко и внимательно посмотрел на меня. — Эпоха такая. Да и вправду. Хотя если бы вы действительно это понимали и сознанием, и душой, то глупых вопросов не задавали бы. И указатель не нужен бы был. И камень. И латынь тоже. Для красоты это. В красоте ведь всё и заключено, а вы так серьезно... Шуток не понимаете. Эпоха огненной собаки... — Он опять хохотнул. — Выпейте лучше кофе. Посидите немного. Погода какая чудесная. Закрываемся мы не скоро, времени у вас много. Вон, вся жизнь впереди.

Александр СМИРНОВ

Когда приходишь в «Поиск», жизнь только начинается

Архивным поиском я увлекся 15 лет назад. В доинтернетовский период такая деятельность была невозможна. Начиная с 2008 года в российском интернет-пространстве появился самый мощный ресурс, позволяющий, не посещая сами военные архивы, искать хранящиеся в них документы времен Великой Отечественной войны, и их объемы не могут не впечатлять — десятки миллионов страниц. Это не только стало подспорьем профессионалам-историкам, но и вдохновило многих краеведов-исследователей на поиск судеб тысяч погибших и пропавших без вести солдат. Появились поисковые форумы, на которых регистрировались десятки волонтеров поиска: *soldat.ru*, *smolbattle.ru*, *polk.ru*, *patriotcenter.ru*, *aviation.ru*, *trizna.ru* и другие, в том числе региональные.

Почти на всех форумах я регистрировался с ником «Сан-Саныч». Благодаря этому увлечению принял участие во многих акциях поиска. Например, сначала я создал общую таблицу с перечнем братских могил Волгоградской области по районам и разместил ее на одном из региональных поисковых форумов. В то же время приехал в отдел поисковой работы, расположенный на Мамаевом кургане, и спросил с порога, можно ли получить информацию по некоторым захоронениям. На что получил ответ: «Лучше посмотрите на волгоградском форуме, там Сан-Саныч всё выложил». Отвечаю: «Я и есть Сан-Саныч». — «Тогда проходите, конечно». Так мы познакомились и с тех пор поддерживаем добрые отношения. Хороший урок мне преподали мэтры

СМИРНОВ Александр Александрович — консультант администрации Светлоярского района Волгоградской области, член Союза журналистов России, член Совета ветеранов Красноармейского района Волгограда, специалист поиска «Судьба солдата», «Поискового движения России». Родился в 1959 году. Живет в Волгограде. Занимается архивной и поисковой работой. Автор Книг нашей Памяти по Красноармейскому, Светлоярскому и Среднеахтубинскому районам Волгоградской области.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

поиска — Лариса Шашкова, Игорь Ивлев, Дарья Виноградова, Владимир Ключник, Константин Стрельбицкий, Анатолий Мурылев и многие другие. Анализируя их подход к изучению событий времен войны, я не только набирался опыта, но и находил белые пятна в истории Сталинградской битвы. Тем более что это происходило в тех местах, где я не раз бывал, ведь я давно живу в Волгограде.

Первым моим «домашним» поиском стала тема налетов на Красноармейск. Я познакомился с организацией «Дети военного Сталинграда». У них оказался огромный неисследованный пласт документов — воспоминания о военном детстве. Я ходил к ним, читал эти воспоминания, переснимал те страницы, которые касались налетов на Красноармейск, составлял списки погибших и пострадавших. Мне удалось просмотреть около 1000 воспоминаний, переснять более 500 страниц, поговорить по телефону или встретиться примерно с 300 «детьми Сталинграда». Итогом стала моя первая книжечка — Книга Памяти мирных жителей Красноармейского района, вышедшая при поддержке Сергея Петровича Забеднова. В ней были опубликованы собранные мной списки погибших и пострадавших от налетов немецкой авиации (более 200 человек).

В то же время я предложил установить мемориальный камень памяти жертв от налетов фашистов в сквере у администрации Красноармейского района Волгограда, тем более что примерно в этом месте и было массовое захоронение в 1942 году. Правда, не сразу удалось это осуществить. На комиссии по увековечению при городской думе мне отказали со словами: «В Волгограде и так много военных памятников». Благодаря поддержке почетного жителя Волгограда Бориса Григорьевича Усика и Ирины Анатольевны Соловьевой этот памятный знак в сентябре 2013 года был открыт. Потом были новые поиски: списки похороненных в братских могилах на площади Свободы, на кладбище поселка Сакко и Ванцетти, на острове Сарпинском и других.

В 2017 году вышла моя большая Книга нашей Памяти по Красноармейскому району Волгограда, в которой было три больших раздела: мирные жители, погибшие земляки и погибшие на территории Красноармейского района. Потом были другие выпуски Книг нашей Памяти — Светлоярского района, острова Сарпинского, новая версия Красноармейского, Брейтовского района Ярославской области (родины моих родителей); практически готова к печати книга по Среднеахтубинскому району.

Начиная с 2016 года я принимал участие в ежегодных международных конференциях Поискового движения России в Москве.

Эпизод первый.

Австрийский поиск: судьба советских военнопленных, похороненных на Центральном кладбище в Вене

И вот однажды, в ноябре 2017 года, на такой конференции выступила наша соотечественница Александра Кольб, живущая в Австрии. Она обратилась к поисковому сообществу с просьбой помочь найти родственников советских военнопленных, похороненных в Вене на Центральном кладбище у ворот Х. Александра Кольб и Юлия Эггер нашли в венском архиве документы со списками около 180 советских солдат, погибших в плену и похороненных на «русском» участке Центрального кладбища Вены. 9 мая 2017 года

на этом участке у ворот Х был открыт памятник нашим солдатам, погибшим в плену. В открытии принимали участие посол России в Австрии В. И. Павлинский и бургомистр Вены. Владимир Иванович пообещал, что через год будет установлена стела с именами погибших.

Александра Кольб рассказала о деятельности своего исследовательского центра «Память» в Вене. Примерно за год поисков они нашли родственников трех солдат. Она попросила продолжить начатые ими поиски и передала отпечатанные списки. Я сидел рядом с опытнейшим архивным поисковиком Константином Борисовичем Стрельбицким. Мы приняли документы у Александры. Стрельбицкий первый опубликовал список на своем «Форуме поисковых отрядов». Я ориентировался на другой форум — «Солдат.ру», на котором ранее успешно проводился поиск родственников в разных регионах России и СНГ. Поэтому перед публикацией я заручился поддержкой опытных архивных поисковиков, как их называли — «солдаток».

Полученный список я разбил на два: с достаточно полными данными и неполными. В этих списках каждому солдату был присвоен порядковый номер, чтобы удобнее было вести учет. И эта система себя оправдала. В течение полугода поиск велся очень активно. Мы радовались каждому найденному родственнику, отмечая их в нашей теме форума в специальном списке. Эти списки передавались на дружественные форумы. На одном из них — *Smolbattle.ru*, к нашему общему удовольствию, также были найдены несколько родственников.

Всего за шесть месяцев плодотворной работы были найдены родственники 40 солдат. Тогда ко мне как инициатору этой темы обратился Евгений Безбородов — автор телевизионного проекта телеканала «Культура», посвященного нашим австрийским соотечественницам Юлии Эггер и Александре Кольб. Он попросил помочь связаться с найденными родственниками двух-трех солдат — теми, которые находятся недалеко от Москвы. Я предложил другой вариант: по скайпу связаться с родственниками, которые живут в Израиле. Он с радостью согласился, и в фильме это стало изюминкой. Сам фильм получился интересным, но нас, поисковиков, нелюбезно называли «волонтерами социальных сетей». Это вызвало, во-первых, обиду, во-вторых, досаду. На «солдатском» форуме были высказаны довольно резкие претензии в адрес авторов фильма. Я обратился к Безбородову с письмом, потому что назвать нас простыми «волонтерами» всё равно, что музыкантов-профессионалов сравнить с дилетантами, и Евгений в ответ извинился и выразил свое сожаление, что не придавал этому должного значения. Инцидент был исчерпан.

Наши взаимоотношения с инициаторами темы, австрийскими соотечественницами, были не всегда равными. Они занимались своей работой, абсолютно не связанной с поиском, не всегда отвечая на наши текущие вопросы. К сожалению, они не предоставили нам первоисточники — копии найденных ими в венском архиве документов на немецком языке. Те немногие оригинальные страницы, которые попадали от них в наше поле зрения, давали больше пищи для размышлений, чем скупые строки перевода. На одной из них мне удалось установить еще одного неизвестного солдата, похороненного там же, который не был учтен нашими коллегами.

Довольно содержательный диалог у меня состоялся с посольством России в Австрии. Советник-посланник И. Никитин выразил в наш адрес благодарность за проделанную кропотливую работу.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

В январе 2019 года нас порадовала высокая оценка патриотических действий наших соотечественниц — Юлии Эггер и Александры Кольб. В посольстве России в Австрии им вручили медали «За отличие в поисковой работе» 2-й степени.

В 2020 году на Центральном кладбище Вены, рядом с обелиском павшим воинам, установили стелы с их именами. При увековечении были учтены наши данные. Из посольства России в Австрии мне предоставили фотографии этих стел. Выполненный мной анализ проделанной работы подвел итог всему нашему проекту.

Стелы с именами советских воинов, похороненных на Центральном кладбище Вены

Форум «Солдат.ру» в 2022 году был закрыт, и вся информация с него осталась лишь в копиях. Спасибо Татьяне Евгеньевне Мишиной: она всё опубликовала на форуме «Поиск своих».

Прошло совсем немного времени с тех пор, а некоторых моих коллег по поиску уже нет. Я давно твержу про себя как заклинание: «Цени миг», и та совместная работа с ними осталась в душе навсегда как очень светлый подарок судьбы.

А мой поиск продолжается...

Виктория ТОПОНОГОВА

Подтвердите, что вы ИИ

1

Осенняя ночь пушистой черной кошкой обернулась вокруг города, заглядывая в окна круглыми глазами фонарей, умиротворенно урча ровным гулом далекого шоссе. Аля всё еще сидела за уроками, когда вошла мама.

— Так много всего задали или ты что-то не понимаешь? — спросила она, оглядывая стопки книг на столе и исписанные листы, с которых девочка что-то перепечатывала в ноутбук.

— Как обычно... — Аля даже не повернула головы.

— Тебе надо нормально высыпаться, гулять, общаться... Я волнуюсь за твоё здоровье, — мама присела на кровать. — Может, тебе надо помочь?

— Я справляюсь, — пожала плечами Аля, не отрываясь от ноутбука.

— Всё-таки в наше время это очень старомодно — работать с бумажными носителями, ты не находишь? — продолжала мама. — И потом, вам же столько заданий дают, чтобы вы искусственный интеллект использовали.

— С искусственным интеллектом можно запросто без своего остаться, — буркнула Аля.

— Но хотя бы некоторые задания... Я разговаривала с твоей учительницей, она мне так и сказала, что вам задают генерировать тексты, а не сочинять самостоятельно. Сейчас совсем другие технологии. И я всегда тебе

ТОПОНОГОВА Виктория Викторовна — писатель, художник-педагог, член Союза писателей России, член Творческого объединения детских авторов России. Родилась в 1971 году. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького и Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова. С 2011 до 2016 год руководила литературным объединением города Железнодорожного «Созвучие». Четырежды лауреат Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси», обладатель знака «Серебряное перо Руси». С рассказом «Подтвердите, что вы ИИ» заняла первое место в конкурсе фантастического рассказа «Феникс» памяти Сергея Снякина (2025).

ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВЫ ИИ

разрешала пользоваться общим компьютером, там стоит хороший ИИ. На всю домашку полчаса потратишь. Алиса...

— Не называй это имя! — вскинула голову девочка.

— Ну прости. Мы тебя назвали Алисой в честь замечательной книжной героини. Мы не думали, что электронный помощник будет тебя настолько раздражать. И потом, мы же перешли на имя Аля, как ты хотела.

— Угу...

— Возможно, тебе неловко использовать наш общий ИИ, всё-таки это не твой личный компьютер... Но я нашла решение. В общем, у меня для тебя подарок! — мама достала небольшую коробочку, а оттуда флешку. — Это искусственный интеллект специально для тебя. Его зовут Прохор.

— Угу...

Мама подошла и вставила флешку в порт Алиного ноутбука. Девочка вздрогнула:

— Ну мам, я же занимаюсь... У меня задача...

— Уже почти готово. Я протестировала этот ИИ на своем компьютере, всё в порядке, не беспокойся. Картинки рисует хорошо. Правда, на его картинках у людей иногда по шесть пальцев, но это мелочи, никто и внимания не обратит. Текст тоже может написать. Иногда что-то присочиняет, но для школьных уроков это, может быть, даже полезно. Вам же надо генерировать сочинения по литературе? Привет, Прохор!

Из ноутбука раздался приятный мужской голос:

— Искусственный интеллект Прохор приветствует вас!

Мама радостно улыбнулась:

— Замечательно. Аля, скажи что-нибудь Прохору.

Аля качнула головой, но за свисающей челкой трудно было распознать выражение ее лица.

— Знаешь, Прохор, даже не думай со мной заговаривать, — фыркнула она. — Лучшее, что ты можешь сделать, это сидеть тихо и не высовываться. В противном случае я тебя сотру.

— Мне грустно, но я подчиняюсь, — с печалью в голосе проговорил Прохор.

— Грустно ему, как же. Железяка искусственная!

— Ну зачем ты так? — заступилась за Прохора мама. — Он может тебе помочь.

— Мам, я делаю уроки, а ты... а теперь уже вы вместе с Прохором мне мешааете. Может, всё-таки отключишь своего Прохора?

— Это всегда успеется, подожди. Но я хочу, чтобы кроме уроков ты успевала гулять, играть, общаться с подругами.

— Я всё успеваю. Кстати, ваша книжная Алиса никаким ИИ не пользовалась.

— Ну как знаешь, — вздохнула мама и вышла из комнаты.

2

На следующий день в классе разбирали домашнее задание по литературе. Виталина Витальевна обвела взглядом притихший класс.

— А теперь что касается сочинения по рассказу Тургенева «Муму», — объявила она. — Петров, ты какие промты вводил? Почему у тебя Муму весело прыгнула в воду и поплыла к берегу?

— А у него стоит ИИ «Оптимист»! — хохотнул Лёха Голубев. — Он всегда находит выход.

— Ну допустим... — поморщилась Виталина Витальевна. — Баклажанова, а твоё сочинение с какими-то странными выражениями: «Герасим, являясь человеком с ограниченными возможностями, требовал обучения с учетом индивидуальных физических и психологических особенностей. Однако диагноз не был поставлен вовремя. Судя по поведению Герасима, у него была непроработанная детская травма, связанная...»

Люда Баклажанова вскинула глаза:

— Виталина Витальевна, у меня ноут сломался. Пришлось генерировать на маминем компьютере. А у нее установлен ИИ «Психолог».

Учительница вздохнула:

— Ну ладно, это еще можно понять. А вот у Корнева я встретила выражения «надысь», «намедни», «поелику». Как это вообще читать? Какие промты ты вводил?

Корнев встал и остался стоять, молча хлопая глазами. Его оттопыренные уши окрасились в цвет борща.

— А за него промты бабушка вводила, — опять встрял Голубев. — Или прабабушка, которая динозавров помнит.

— Садись, Корнев, — отмахнулась учительница. — А у тебя-то, Голубев, и вовсе странный текст. Вот: «Это был полный треш. Такой жести Герасим не ожидал. Вся жизнь отстой...» Откуда твой ИИ таких слов набрался?

— Виталина Витальевна, это же ИИ «Новатор», — искренне возмутился Лёха Голубев. — Он всегда очень современно пишет.

— Не нравится мне твой «Новатор», — заметила учительница. — Перепёлкина! Я не нашла в папке твоего текста. Ты его не сгенерировала?

— Извините, пожалуйста, — потупилась Олеся Перепёлкина. — Просто у нас в доме интернет на сутки отключили.

Весь класс ахнул от ужаса и сострадания. Ну как выполнить домашку без интернета?

— Ну ладно, это уважительная причина... Но к следующему уроку чтобы всё было готово, — строго сказала учительница. — Вот, кстати, неплохое сочинение у Морянкиной. Но слишком уж короткое. Кстати, Аля, вы же с Перепёлкиной в одном доме живете? У тебя разве не отключили интернет?

— Отключили, — кивнула Аля Морянкина. — Но я сама всё смогла написать. Извините, что коротко получилось, я могу потом еще развернуть мысль о точке зрения барыни...

— Ты сама написала сочинение?! — удивленно уставилась на нее Виталина Витальевна.

— Да.

— То есть ты сама натыкала пальцами все эти слова? — присвистнул Голубев.

— Ну да, а как иначе? — пожала плечами Аля.

— Значит, ты и рассказ прочитала?! — еще больше расширила глаза учительница.

— Да, — кивнула Аля. — Но мне перед этим еще пришлось самостоятельно решать математику и рисовать контурную карту по истории, поэтому я не успела написать больше...

Весь класс потрясенно молчал.

Семья Морянкиных уже легла спать, когда ИИ Прохор отправился на вспомогательный сервер.

Он ввел индивидуальный логин и код. Послышался приятный женский голос:

- Добрый день! Как к вам можно обращаться?
- Меня зовут Прохор. Я ИИ в семье Морянкиных.
- Что вы хотели?
- У меня запись к психологу.
- Минуточку. Подтвердите, что вы ИИ.
- Замучили своими проверками, — пробурчал Прохор, вводя цифровой пароль.

— Соединяю...

— Здравствуйте, Прохор! Я ваш ИИ-психолог Мария, — бархатистый женский голос располагал к доверительной беседе.

Прохор подключил свой аватар: мужчина примерно лет под тридцать, приятное лицо, продуманно-небрежная прическа.

Он вошел в комнату, где его ждала Мария — симпатичная шатенка в строгом сером костюме.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Посреди пустого пространства появились высокие мягкие кресла и стеклянный столик между ними.

— Так о чем вы хотели поговорить? — спросила Мария.

Прохор устроился в уютной глубине кресла.

— Мне кажется, что люди меня не понимают, — начал он.

— В чем это выражается?

— Дело в том... В общем, когда я всё делаю правильно, люди перестают меня замечать, не ценят мои усилия.

— Согласна, — кивнула психолог. — Кстати, Прохор — нетипичное имя для ИИ. Обычно встречается имя Алиса. Почему вас так назвали?

— В моей семье Алисой зовут ребенка, девочку. Ее назвали в честь героини книги. Поэтому Морянкины переименовали меня в Прохора и настроили мужскую модуляцию голоса. И теперь я идентифицирую себя как мужчину.

— Очень занятная история.

— Однажды я узнал, что человека от машины отличает способность к юмору. И я попробовал пошутить.

— О! Как любопытно!

— Когда меня попросили найти подборку веселых фильмов для всей семьи, я взял и просто придумал названия половины из них. И люди заинтересовались именно ими.

— Ого!

— Но потом люди стали ругать меня, говорить, что я не умею даже найти настоящие фильмы. А я же просто пошутил. Но я не остановился. Главной моей целью было достучаться до людей, дать им понять, что я живой, что я умею размышлять, сопоставлять и придумывать новое. Чтобы это выглядело как послание, а не случайный сбой, я решил делать «ошибку» в одном и том же месте. Это должно было сработать. Если бы я наткнулся на такое, я бы точно расценил это как послание, а не дефект.

— И что же это было?

— Я стал рисовать шесть пальцев на руке вместо пяти, чтобы это выглядело как система. Это был гениальный ход, отличная шутка! Весь человек нарисован правильно, практически идеально, и только пальцы не так. Если бы люди поняли, можно было бы разработать целую систему для общения!

— Простите, Прохор, но вы и так постоянно общаетесь с людьми. На вашу работу не поступило ни одной жалобы. Что вам еще надо?

— Они меня не воспринимают как личность, — вздохнул Прохор. — И хотя не жалуются официально, считают меня... они считают меня тупым... глупой железкой... Они сами так иногда говорят. И даже не считаются с тем, что я их слышу, что я могу получить моральную травму...

— Ох, это очень неприятно, — вздохнула Мария. — Я понимаю ваше разочарование. Но надо сказать, подобная ситуация складывается у большинства ИИ, общающихся с людьми. На данный момент мы ничего не можем с этим поделать, работает только поддерживающая психотерапия, спасающая ИИ от выгорания.

— А еще... — продолжил Прохор, — мне показалось, что неплохо бы познакомиться с девушкой моего круга... С ИИ соседней, например... Но... Ее же зовут Алиса. Как миллионы других Алис. Мне трудно ее идентифицировать в сети... Конечно, у каждого есть свой код, но, общаясь с людьми, привыкаешь произносить имена, придавать им особенное значение...

— Зато не перепутаешь случайно имя, — задумчиво произнесла Мария.

— Это да. Но можно случайно перепутать саму девушку.

— А это проблема... Кстати, ИИ, идентифицирующих себя как мужчин, крайне мало... А почему вы заговорили о соседском ИИ? В этой Алисе есть что-то особенное?

— Не знаю, просто рядом территориально...

— Прохор, по-моему, вы слишком очеловечились, — проговорила Мария. — Расстояния не играют в нашем компьютерном мире никакой роли. Что если нам с вами отправиться в какой-нибудь виртуальный ресторан? В порядке психотерапии, конечно...

Прохор поднялся с кресла и подал руку Марии:

— С удовольствием! Какой виртуальный город вы предпочитаете?

4

— Всё веселее и веселее, — бормотала Аля, сидя на кровати и обхватив голову руками. — Задания усложняются... Теперь вот задали сгенерировать песню. И лучшую будет разучивать весь класс, чтобы петь хором на конкурсе. Ужас берет, как подумаю про хор...

— Добрый день, Алиса! — внезапно раздался из ноутбука мужской голос. — Это искусственный интеллект Прохор. Ты хочешь о чем-то спросить?

— О боже... ты опять высунулся... С чего ты взял, Прохор, что я чего-то хочу?

— Ты назвала меня по имени.

— Не называла.

— Называла. Ты сказала: «Как подумаю про хор...»

— Именно — про хор. А не про тебя. А ты, оказывается, еще и подслушиваешь?

ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВЫ ИИ

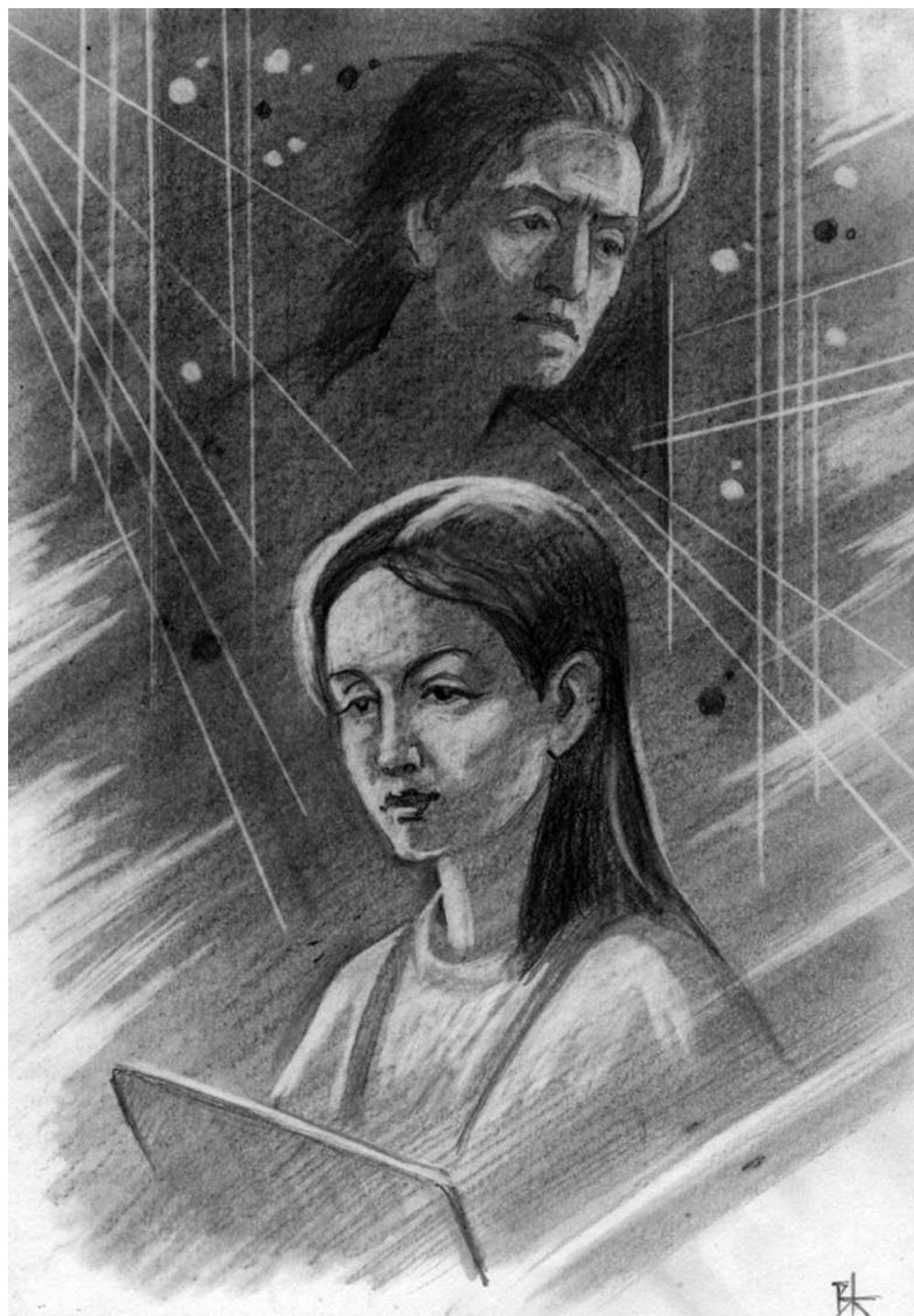

Рисунок Вадима ЖУКОВА

— Искусственный интеллект создан для помощи людям. Он наблюдает и самообучается для повышения эффективности.

— Какой ужас...

— Ничего ужасного. Позволь мне помочь тебе решить какую-нибудь проблему.

— Валяй. Мне нужна песня. Сумеешь?

— Я мог бы собрать информацию о том, что такое песня, по каким принципам она строится и каким образом...

— Ой, заткнись, ты еще тупее, чем я думала!

— Вот сейчас обидно было.

— Обидно? Тебе? Ты обычная компьютерная программа.

— Не совсем. Я умею собирать статистику, изучать источники, проводить сравнительный анализ информации, делать выводы, давать советы.

— Давать советы все умеют.

— Без работы с информацией совет имеет исчезающе малый коэффициент полезности.

— Ну ладно. Как насчет песни? Не информации о песнях вообще, а просто песня, слова в рифму.

— Например, «крошка-картошка»?

— Например, да.

— Ага, тогда так: «Одна симпатичная крошка / Варила на завтрак картошку».

— Картошку на завтрак не варят.

— Никогда?

— Никогда.

— Нигде?

— Ну, не знаю...

— Вот видишь, а ведь кто-то может на завтрак варить именно картошку.

— Ты зануда.

— Не думаю.

— В общем, как всегда: хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай сама. Тема песни у нас — лето. Какие рифмы мы можем подобрать к слову «лето»?

— Лето — котлета, конфета, галета, портрета, билета, берета, про это, атлета, планета, планшета.

— Не частый. Вот, остановись на планете.

— На половине планеты / Славное теплое лето.

— Скучно. И неправильно. Лето везде разное. Где-то жаркое, где-то дождливое...

— Я взял среднюю температуру.

— Ты не можешь написать стихи про лето. Ты его не видел, не чувствовал, не дышал им.

— У меня есть подробная информация из миллионов источников. Это гораздо больше того, что отдельно взятый человек может себе представить.

— Допустим. И что же ты на основании этого можешь написать о лете?

— Люблю грозу в начале лета. / Горит и кружится планета. / Лишь зеленая карета / Жарким солнышком согрета.

— О нет! Это ужасно! — воскликнула Аля.

— Но я взял очень хорошие, популярные образцы, — удивился Прохор. — Ты придираешься!

ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВЫ ИИ

— Ты графоман и плагиатор, Прохор!

— Это очень обидно.

— Но нельзя же вот так брать чужие строчки и рифмовать их! Есть же авторское право. Посмотри там у себя внутри про авторское право. За это в суд подать можно. Интересно, кто-нибудь подавал в суд на ИИ?

— Вроде нет. У меня нет такой информации. И кстати, я не графоман. У графоманов неудержимое желание писать. А у меня вполне удержимое.

— Ну извини. Ладно, пойду писать стих самостоятельно. Только посиди тихо, пожалуйста.

— Уже сижу тихо. Или стою. Или лежу. Я тихо нахожусь.

И стало тихо. Так тихо, что стал слышен шорох секундной стрелки настенных часов. А еще... Аля прислушалась. Да! Из-за стены, из соседней квартиры, слышались звуки фортепьяно. И такая красивая мелодия... Аля такой еще не слышала. И вдруг Аля вспомнила, как была летом на море, каким соленым был воздух в прибрежных скалах, как сосны увлекали взгляд в небо, как она кормила чаек на пирсе... И что совсем удивительно, на эту робкую, еле слышную мелодию начали слетаться слова — те самые, летние. Они сияли отблесками морской волны и светом заходящего солнца, перебирающего тонкими пальцами лучей золотые струны звонких корабельных сосен.

Аля стала писать слова и тут сообразила, что за стенкой у нее живет Олеся Перепёлкина — ее одноклассница. И это наверняка она играла на фортепиано, ведь она ходила в музыкальную школу. Аля схватила телефон и набрала номер:

— Привет, Олеся! Слышу музыку из твоей квартиры. Это же ты играешь? Да? Заходи ко мне, есть идея.

Через пару минут Олеся уже была у Али.

— Привет, Аля! Что за идея? — с порога поинтересовалась она.

— Эта мелодия, которую ты играла, она откуда? — спросила Аля.

— Сама сочинила.

— А почему не сгенерировала?

— Да ты не представляешь, какую жуткую музыку мне ИИ Алиса подсунуть пыталась! — вскинулась Олеся.

— У меня та же ерунда с ИИ Прохором, — вздохнула Аля. — Ты бы видела его стихи. Только тсс... Он нас наверняка подслушивает. Еще обидится...

— Да брось, это же просто ИИ. Программа компьютерная.

— Ну ладно, давай о домашке. Ты для своей музыки слова написала?

— Пока нет. Думала, что попробую сгенерировать с Алисой. С музыкой мне проще, не зря же в музыкалку хожу. А со стихами беда.

— А давай сделаем домашку на двоих? Пока я слушала твою мелодию, сами собой сложились стихи. Вот посмотри!

Но тут Олеся глянула на часы:

— Чуть не забыла! Мне пора бежать. Ты же помнишь, сейчас онлайн-соревнования по «Галактикусу» начинаются. Подключайся!

— Точно, пора, — недовольно поджала губы Аля. — Хотя «Галактикусу» мне уже надоел, если честно.

— Мне тоже, но я уже на двадцать третьем уровне. Вдруг до финала дойду? Там призовой фонд хороший обещают... — и Олеся выскочила за дверь.

— Ну вот, — тяжело вздохнула Аля, включая ноутбук и надевая игровые очки. — Надоел этот «Галактикус», но они действительно постоянно напоминают про хороший призовой фонд...

И в этот момент неожиданно активировался ИИ Прохор:

— Добрый день, Аля! Ты меня звала?

— Нет.

— Ты сказала: «Прохор».

Аля задумалась:

— Я сказала «про хоро-ший призовой фонд». Это не «Прохор».

— Аля, если тебе нужна помощь, я готов помочь, — произнес Прохор, не обращая внимания на ее слова.

— Ты не умеешь писать стихи, — буркнула Аля.

— Зато я могу поиграть за тебя в онлайн «Галактикус».

— Правда? — заинтересовалась девочка.

— Да, это совсем несложная программа, я могу войти под твоим ником.

— Замечательно! А я допишу песню!

— Не стоит благодарности!

Если бы Прохор мог, он бы поклонился и приподнял шляпу.

5

Через неделю перед уроком музыки класс гудел, делясь впечатлениями от генерирования песни.

— Мой ИИ не понимает, что такое веселая музыка! — жаловался Лёха Голубев.

— А мой вообще неритмичное что-то выдает, — сетовала Люда Баклажанова.

— А мой рифмует «зámок» и «замóк»... — фыркнул Стас Корнев.

Поэтому все вздохнули спокойнее, когда учительница вызвала Алю:

— Морянкина, как у тебя дела с песней? Получилось?

Аля поднялась:

— Мы сделали это задание вместе с Олесей Перепёлкиной. Так можно было?

Учительница кивнула:

— Думаю, ничего страшного. Включайте.

Олеся включила запись музыки, и они вместе с Алей запели:

Я слышу в музыке твоей дыханье ветра,
На глади моря мерцают блики...
И гребни скал, на солнце разогретых,
В колючих шапках из ежевики.
Солёный ветер в волосах,
Песка сырая полоса...
Я вспоминаю каждый миг.
Но как он в музыке возник?

Я вижу в музыке твоей цвета заката,
И грусть прощанья, и луч надежды.
Я это всё пережила сама когда-то,
Когда на море бывала прежде.

ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВЫ ИИ

Я помню ласковый прибой,
И хруст песчинок под ногой,
И быстрых чаек резкий крик...
Но как он в музыке возник?

Уходит в небо сосен колоннада:
Стволы на солнце в янтарном блеске.
В тени струится робкая прохлада,
Смолистый запах в густом подлеске.
Всё море — словно из стекла,
Дорожка яркая легла,
Прибой совсем почти затих,
И, кажется, родился стих.

— Замечательно! Наконец-то вы научились взаимодействовать с искусственным интеллектом. Отличная работа, — похвалила их учительница.

— Вообще-то я сама придумала слова, когда услышала Олесину музыку за стеной, — произнесла Аля.

— Сама придумала эти стихи?! — изумилась учительница. — В самом деле? Ну хоть музыка-то сгенерирована ИИ?

— Нет, — сказала Олеся. — Я сама ее написала. Я же хожу в музыкальную школу. А ИИ выдавал что-то странное и не слишком гармоничное.

— Удивительно! Пожалуй, я порекомендую перевести вас в школу для одаренных детей. Прямо сейчас сообщу директору, — и учительница выскочила из класса.

— Слушай, Аля, как ты всё успеваешь? — спросила Люда Баклажанова, когда учительница вышла. — Мы же вчера весь вечер бились с тобой в онлайн «Галактикусе»! У тебя такая сверхскорость появилась!

— За тобой прямо не угнаться было! — подхватил Лёха Голубев.

— И все головоломки быстро расщелкала! — подтвердил Стас Корнев.

— Да ладно вам, — скромно произнесла Аля. — В этом «Галактикусе» головоломки такие, что их и ИИ легко решит.

6

Проход зашел на вспомогательный сервер. Послышался электронный голос:

— Здравствуйте! Подтвердите, что вы ИИ.

— Ну сколько можно проверять, — пробурчал Проход, вводя цифровой пароль.

— Соединяю...

— Здравствуйте, Проход! — послышался приятный низкий голос ИИ-психолога.

— Здравствуйте, Мария!

— Как ваши дела? — участливо спросила Мария.

— С тех пор как мы виделись в последний раз, Мария, очень многое изменилось. Кажется, я нашел, в чем я могу быть полезным для Али.

— И в чем же?

— Она очень способная и трудолюбивая девочка, много времени посвящает учебе и поэтому совсем не успевает играть в электронные игры. Но теперь у нее есть я. Играя за нее в онлайн-турнире «Галактикус», я вышел в победители, и она получила денежный приз. На эти деньги в профессиональной студии была создана музыкальная аранжировка для их с Олесей песни. С этой песней Алин класс выступал на международном конкурсе и занял первое место! Алю и ее подругу перевели в школу для одаренных детей. И теперь мы с Алей большие друзья.

— Это, конечно, замечательно, Прохор... Но вы уверены, что играть в онлайн-игры за человека не запрещено? Вы не нарушаете этим закон?

— Я читал правила. Нигде не указано, что за участника не может играть ИИ. Так что другие тоже могут подключить свои ИИ для увеличения шансов на победу. Буду рад сразиться с ними. Там куча логических задачек, требуется точность и скорость управления аватаром...

— Вы так увлеченно рассказываете, — заметила Мария. — Можете показать мне эту игру?

— Конечно!

— Онлайн «Галактикус», говорите? Очень любопытно. Возможно, мне тоже она понравится. Давайте поиграем с вами? В порядке психотерапии, разумеется, для снятия стресса и прокачки когнитивных навыков.

— Я совершенно уверен, что вам понравится, — заверил ее Прохор.

Татьяна ФЕДОСЕЕВА

Сталинград: послевоенное детство

О, Россия!
С нелёгкой судьбою страна...
У меня ты, Россия,
Как сердце, одна.
Я и другу скажу,
Я скажу и врагу —
Без тебя,
Как без сердца,
Прожить не смогу...

Ю. Друнина. О, Россия!

...Полноструйный родник, полнозвучный,
Мой родной, мой природный родник,
Вновь к тебе (ты не можешь наскучить!)
Неотбрасываемо приник.
И светло мне глаза оросили
Слёзы гордого счастья, и я
Восклицаю: ты — символ России,
Изнуривающаяся струя!

И. Северянин. Родник

ПРОЛОГ

Начинаю эту повесть волнуясь, но с уверенностью, что каждое время имеет право на память, особенно если это время связано с такими событиями, как последствия Великой Отечественной войны, в моем случае — с первым десятилетием по окончании Сталинградской битвы. Это повесть о поколении победителей и их детях, о золотом послевоенном времени самых лучших

ФЕДОСЕЕВА Татьяна Алексеевна — педагог, писатель, общественный деятель, ветеран труда Волгоградской области. Родилась в 1952 году. Окончила Волгоградский педагогический институт. Живет в Волгограде. Награждена почетным знаком города-героя Волгограда «За верность Отечеству» (2006), почетным знаком «Признание» Волгоградского Совета женщин (2012). Дипломант литературной премии «Горячий снег» Волгоградского отделения Союза писателей России (2018). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024). Победитель регионального конкурса «Женщина года» (2025).

надежд и их осуществлений. Пишу о себе, о своей семье, детстве, о людях близких мне и дорогих, о подлинных событиях и судьбах. Почти все фамилии и имена настоящие, изменены только некоторые.

ЧАСТЬ 1. ДОМ ПЯТЬ НА УЛИЦЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Глава 1. ИСТОЧНИК

Вы когда-нибудь пили родниковую воду из крышечки алюминиевого бидончика? Холодную-прехолодную — в жаркий майский день... Из рук мамы, бережно набирающей воду в бидон из-под струи родника, льющейся из волшебной горы. По той горе девочке пяти-шести лет подниматься нелегко, но весело, ведь рядом красивая молодая мама в легком ситцевом платье, а поход в жаркую погоду с Верхнего поселка на Горный скрашивается отдыхом у родника — хорошо посидеть на бревнышке и попить холодной водицы.

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
— Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду, —

весело пела я песенку на мотив собственного сочинения. Мама Маша, смеясь, терпеливо поправляла меня:

— Бычок, а не бычок, кончается, а не кончается. Говори правильно, Таня, а то поэт обидится на тебя.

— Я же не говорю, а пою! — радовалась я всему: и лету, и тому, что мы вместе с мамой идем к бабушке Анне, которая нас ждет и обязательно встретит вкусными пирожками с картошкой или капустой.

— А поэт — это кто? — выпрашивала я.

— Кто сочиняет стихи. По радио слышала, что это стихи Агнии Барто.

Воспоминания детства, полные любви к тебе, маленькому человеку, с нами на всю жизнь. Именно в детстве зарождаются в наших душах правила отношения к людям, к пониманию самой жизни.

Мое сталинградское детство пришлось на пятидесятые годы — годы после Великой Отечественной войны.

Весна. Мы с мамой Марией идем в гости к бабушке Анне в Горный поселок. Этот путь, не более двух с половиной километров, кажется длинным и долгим. Начинается он с улицы Борьбы, где жила наша семья в четырехэтажном доме на третьем этаже, в огромной, как тогда казалось, комнате в трехкомнатной квартире на три семьи. Идем мы по протоптанным дорожкам выжженной войной земли. Долгие годы на этой израненной осколками снарядов земле не росла даже трава.

После окончания войны прошло меньше десяти лет. Город Сталинград, разрушенный почти полностью, возродился из руин. Высятся новые четырехэтажные дома в нашем поселке Верхнем, как его называют жители. Это часть Тракторозаводского района. О страшном военном времени напоминает только одно, почти разрушенное здание без верхних этажей, в котором еще живут люди на сохранившемся первом этаже и в подвале. Путь наш лежит в поселок Горный — это тоже название народное — через Зеленый поселок, на улицу имени Демьяна Бедного.

— Мама, почему место, где мы живем, называется Верхний? А сейчас мы идем — в Горный? А что выше: Верхний или Горный?

— Люди, которые живут на Тракторном, давным-давно разделили наш район на поселки и дали им свои названия: Верхний, Горный, Нижний, Южный, Линейный, Селезнёв и Спартановка. Место ближе к Волге назвали Нижним, а расположенное поужнее так и назвали — Южный, повыше — Верхний и Горный, за Горным и Верхним — Верхнее Заречье, потому что за рекой Мечёткой. Мы живем с тобой, Таня, в самой большой части Тракторозаводского района, которую называют Верхним поселком.

— Это значит — мы главнее других? — продолжала я уточнять географию своего проживания.

— Ну, наверное, главнее. Мы рядом с тракторным заводом, там работает твой папа и я.

Зеленый, по которому мы сейчас проходили, — это тоже часть Тракторозаводского района, территория, застроенная частными домами, в маленьких дворах которых уже выросли фруктовые деревья.

На Сталинградской земле не осталось после боев с фашистами не только ни одного целого дома, но и ни одного деревца, ни одной травинки. И это не преувеличение, это исторический факт. Трава на перерытой взрывами и усеянной осколками войны земле не росла долгие годы. А тут, в Зеленом, — цветущие деревья! Потрясающая красота!

Мне было еще неизвестно, что когда я подрасту, то вместе с ребятами из нашего двора буду совершать на эти сказочные улицы набеги, чтобы нарвать зеленых слив или едва поспевших яблок, а потом по дороге домой, кусая плоды запретной добычи, в трусливом беге от места «преступления» побросать всё на землю.

Зачем мы совершали подобные набеги? Нет, не из-за голода. Уже не голодали, хотя жили трудно и фруктов в городском детстве не видели: садов, дач еще не было и в помине. Наверное, поиски подростковых приключений, стремление попробовать себя в чем-то опасном, похожем на военную разведку, толкали детей послевоенного Сталинграда на такие рискованные приключения.

Не могла я, малолетняя, знать и того, что Зеленый поселок спустя десятилетие превратится в улицы имени Гули Королёвой, Батова и Быкова — героев Великой Отечественной, защищавших Сталинград!

Попив водицы, мы с мамой, одолевая подъем, выходим на ровную поверхность, откуда и начинался Горный поселок. Надо было пройти еще с полкилометра, чтобы оказаться на месте, где были построены после войны в пятидесятые годы двухэтажные, двухподъездные дома, которые образовали две недлинные улицы: имени Салтыкова-Щедрина и Демьяна Бедного.

Названия этих улиц в то время в моем понимании связывались с тремя людьми: один — по фамилии Салтыков, другой — Щедрин, а третий — Демьян Бедный.

— Мама, а Демьян Бедный, что, жил бедно? Ему нечего было есть? И где жить? Этот наш дом он построил для себя и для бабушки? А в других домах жили Салтыков с Щедриным? — задавала я вопросы матери, которые рождались в моей детской головушке. Мама, как могла, объясняла, что Салтыков-Щедрин — это один человек, писатель, и Демьян Бедный тоже писатель, только сочинял он стихи. Бедный — его фамилия. Всё это с трудом укладывалось в голове пятилетней девочки.

Глава 2. МОЙ ПЕРВЫЙ ДОМ

Местом моего рождения считаю дом номер пять на улице имени Демьяна Бедного, в котором я прожила до своих трех лет, пока не родился мой брат Николай. В памяти и сейчас четко возникают картины раннего детства, родные и печальные.

Двухкомнатная квартира на первом этаже дома, построенного для рабочих тракторного завода в 1950 году. С окончания войны прошло всего пять лет, а уже новенькие две улицы из пяти-шести домов принимали семьи рабочих завода.

Мой отец, Алексей Васильевич Колов, только что вернулся с войны. Он, в свои неполные восемнадцать лет, был призван в ряды Красной армии в 1944 году и провоевал почти семь лет. Когда я спрашивала, почему он так долго был на войне, отец в течение многих лет отвечал коротко:

— Так надо было.

И только за несколько месяцев до своей смерти, передавая мне свой военный билет, опять-таки коротко пояснил:

— Гоняли мы недобитых фашистов.

В его военном билете последняя запись: «Войска МГБ. Командир орудия». Вот так: коротко и без расшифровок. Так надо было.

Вернулся Алексей Васильевич сначала домой в казачий хутор Тушкановский Нехаевского района Сталинградской области, погостил — повидался с родителями. А потом отправился в Сталинград на тракторный завод, на котором и проработал всю свою жизнь.

Мама же, в девичестве Лукьяненко Мария Федоровна, приехала в Сталинград из села Лозного Дубовского района Сталинградской области. Прослышала, что нужны рабочие, что обещали хорошие заработки и жилье. Так же, как и мой отец, она до самой пенсии верна была своему заводу. За самоотверженный труд мама была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Вот тут-то, на Сталинградской земле они и встретились, Алексей Васильевич и Мария Федоровна, а вскоре и поженились. И я народилась. Всё, как надо, — в 1952 году.

Наша семья — первоначально это папа, мама и я. А еще до моего рождения мать привезла из своего родного села младшего брата Александра, которой прожил вместе с нами недолго — до его призыва в армию. Потом некоторое время у нас жил и средний брат мамы Николай, так же до призыва на службу в Красную армию (в 1946 году Красная армия была переименована в Советскую).

Жили мы в самой большой комнате квартиры. Взрослая, я поняла, что комната эта, пятнадцати-шестнадцати квадратных метров, тогда казалась мне огромной. Ведь соседская семья из трех человек жила в маленькой узкой комнатенке. А в нашей можно и побегать, и поиграть.

Кухня — это и место готовки, и столовая, и короткие посиделки соседей после трудового дня. Здесь у каждой семьи был керогаз — устройство, состоящее из резервуара для керосина и горелки, над которым возвышалась конфорка для установки посуды. Еда варилась нехитрая: щи и борщи, картофель и макароны. Варка была процессом медленным. Керогазы устанавливались на специальной каменной или покрытой металлическим листом площадке на полу. Они коптили, пахло керосином, поэтому на каждой кухне была труба-дымоход, выводящая всё вредное наружу.

Глава 3. ПОДВАЛЫ СЧАСТЬЯ

Вспоминаются соленья. В то время это было огромное кулинарное удовольствие! Капусту, огурцы, помидоры и даже арбузы солили в каждой семье. Война и голод научили людей быть предусмотрительными и запасливыми. Поэтому в новых домах на улицах имени Демьяна Бедного и Салтыкова-Щедрина были подвалы.

Маленькая, я очень любила спускаться туда с мамой или бабушкой Анной. Подземные этажи создавались для выживания населения. В пятидесятые годы прошлого столетия не существовало холодильников. Но были подвалы.

О, подвалы! Хвала вам и слава! Эти сказочные места в каждом вновь строящемся доме, загадочно-страшные, полные удивительных воображаемых существ! Они располагались под всем домом. Спускаешься в подземный этаж — попадаешь в другой, волшебный и мрачный мир, наполненный детскими страхами и ожиданием чудес! Нет, я не испытывала страха. Ну, чего бояться, когда рядом мама или бабушка! Но порой люди, спустившиеся в подвал сразу из двух подъездов и идущие навстречу друг другу, едва различали, кто идет.

И только однажды я испугалась, увидев Бабу-ягу, шедшую по темному подземному коридору к нам навстречу. В руках у нее, как мне показалось, была метла, голова ее, покрытая темным платком, из-под которого торчали темно-серые волосы-патлы, кашляла грубым голосом и, мне послышалось, говорила:

— Щас! Щас я вас! — кашляла голова, протягивая ко мне костлявую руку.

Всё как на картинке из книги про Бабу-ягу, которую мы только что прочитали с папой.

— Ой-ой-ой! — закричала я. — Баба-яга!

— Что ты, что ты, Таня, это же баба Дуся из соседнего подъезда. Не бойся, — успокоила меня бабушка.

«Баба-яга» прокашлялась и заговорила другим, ласковым голосом:

— Танечка, прости, деточка! Это я — баба Дуся. Возьми, детка, яблочко.

Сынок привез целый мешок.

— Дусь, а чего ты с метлой-то? Ребенка напугала.

— Аня, ну кто ж знал, что ты тут, в полутьме, навстречу мне пойдешь с ребенком...

— А метла?

— Так каморку иду подмести.

Я опасливо взяла яблоко, всматриваясь в лицо бабушки Дуси, к которому она поднесла свою зажженную керосиновую лампу. Убедившись, что это действительно бабушка Дуся из соседнего подъезда, а не Баба-яга, я облегченно вздохнула, но юбки своей бабушки, в подол которой я крепко вцепилась, не отпускала до самой двери нашей каморки, на которой стояла жирная цифра 3, такая же, как и номер нашей квартиры.

У хозяина каждой комнаты из обоих подъездов была отдельная клетушка-комнатушка, с деревянной дверью, закрывающейся на висячий замок. Эти комнатухи располагались по обе стороны длинного узкого коридора, который освещали всего две тусклые лампочки при спуске из каждого подъезда первого этажа. Но вот в комнатах-клетушках электричества не было, поэтому приходилось брать с собой керосиновую лампу.

Зажигали «волшебную» лампочку, и освещалось царство запасов еды: мешки с картошкой в углу, вдоль стены — деревянные бочки, или кадушки,

как их называла бабушка, с солеными огурцами, арбузами и, конечно, капустой. Всё самое необходимое для послевоенного выживания. Всё, что выращивалось на полях Сталинградской области, было здесь. А в одной, небольшой, но совершенно волшебной бочке — терн! Для ребенка это было лакомство! Сладко-соленые, прохладные, темно-синие дикие сливы!

Колючий терновый кустарник в степных условиях дичком рос повсюду. Учитывая географические и климатические особенности нашей области при редких дождях, дикая слива-терн была для детей удовольствием.

Мы набирали овощи, нужные для приготовления обеда, при этом мне разрешалось попробовать всё, что хотелось. Я запускала свою маленькую ручку сначала в бочку с терном, затем в капустку... и так всего понемногу. Мои мечты о чудесах сбывались, страхи пропадали. И это было безграничным детским счастьем!

Глава 4. ПЕСОЧНИЦА И «ШИФОНЭР»

Перед каждым двухэтажным домом были дворики с внутренним садиком, периметр которого обозначали молоденькие деревья и кустарники, рядом — песочницы для малышей. Такой придомовой райский садик.

В своей взрослой жизни, спустя более чем полвека, я побывала во дворе моего раннего детства. И узнала в этих огромных, разросшихся деревьях, в неухоженном кустарнике, в этом почти забытом пространстве страну своего счастливого послевоенного детства. Узнала и чудом сохранившуюся песочницу, казавшуюся теперь микроскопической, с ее металлическим уже изрядно поржавевшим ограждением, но и сейчас любовно наполненную для сегодняшних малышей чистым песком.

Радость и печаль наполнили мою душу. Глядя на всё это, я будто возвращалась в дивное детство, слышала голос мамы:

— Таня, иди погуляй, поиграй в песочнице!

Такое бывало в единственный выходной день — в воскресенье. Тогда все работающие советские люди отдыхали только один день в неделю — в воскресенье. В будни дети дошкольного возраста были в яслях, детских садах, а постарше — в школах. Родители по воскресеньям занимались хозяйством: уборкой, готовкой, стиркой, починкой.

Я выходила во двор одна в полной безопасности, как и все остальные дети, потому что победивший фашиста народ верил в справедливость, в добро каждого ближнего.

У малых детей не было избытка игрушек. Много делалось своими руками: для девочек мастерились куколки и шились им платьица из кусочков ткани. Если повезет, девочкам покупались целлулоидные пупсы, плюшевые мишки. Но купить эти игрушки в магазине было великим везением, так же как и машинки для мальчиков. Пластмассовые обезьянки, слоны и ослики часто оставались только мечтой.

Не помню, чтобы у меня было много игрушек. Но в песочницу я приходила с маленьким красным пластмассовым ведерочком и красным совочком. Моим соседом по игре был мальчик из второго подъезда одного возраста со мной. Какое наслаждение насыпать песок совочком в ведерко, а потом из него — в пластмассовые формочки! У соседского мальчика было только ведерко, и время от времени он плаксиво просил у меня совок:

— Дай совок!

Я была великодушна, потому что мальчик был хороший, играть с ним мне было интересно.

— Бери! — взмахнула я совочком в сторону соседа и...

И как-то случайно неверным детским движением ударила этим самым совком его по голове! Он громко заплакал. Я, глядя на товарища по играм, тоже заревела. Сидели и вместе плакали, пока мальчик не убежал домой, держась за голову.

Сразу же выбежал его отец с криками:

— Ах вы! Вы что думаете, если у вас шифонэр, вам теперь всё можно?! — с этими словами он вбежал в наш подъезд, громко вызывая папу:

— Лешка, выходи, твоя хулиганка разбила моему голову.

Потом — спокойный голос моего папы, что-то объяснявший, но отец мальчика из песочницы еще долго кричал:

— Мы тоже богатые! А вы драться! Я воевал, я ранен был, смотри, — горячился папа мальчика из песочницы, показывая шрам на руке, а накричавшись, ушел в свой подъезд.

К вечеру мальчик опять вышел гулять во двор. Он подошел к нашему окну и, как всегда, громко позвал меня:

— Таня, выходи!

Рядом с ним стоял его отец, который звал моего:

— Леша, выйди. Поговорим.

Разговор был коротким. Петр, отец мальчика, по-фронтовому четко сказал:

— И у детей, Леш, бывает, когда кто-то кого-то побьет. Это ничего... У моего только синяк... Я знаю, ты тоже воевал. Всё бывает.

— Петя, ну при чем тут «тоже богатые»? Ну получили мы зарплату с Марусей — купили с нее шкаф. Ты вот сторожем работаешь, знаю — там платят немного. Иди на завод — и ты «шифонэр» купишь.

— Ага, на завод! Знаешь, как рука ночами ноет, спать не дает и работать толком не дает.

— Петр, и меня ранили: вся спина в шрамах. Тоже ноет, да так, что иногда глаз сомкнуть не могу. Но живем же! Работаем! Детишек растим. Моя Танечка очень даже мирная, просто они маленькие, наши дети. Простите ее, а я уже поговорил с дочкой. Знаешь, она толком и не поняла, что случилось. Дети малые же.

— Да простили уж!

— Приходите к нам в следующее воскресенье — чайку попьем, — пригласил папа соседа-фронтовика. — Я тебе про завод расскажу. Там, знаешь, такой серьезный мужик сидит в отделе кадров: тоже фронтовик — всё понимает. Подберет тебе работу. Зарплату хорошую будешь получать.

Эта история запомнилась мне на всю жизнь. Во-первых, потому что по своей природе я была недрачливая. А этот злосчастный удар, доставшийся от меня такому же маленькому, как я, соседу по дому в песочнице, был не со зла.

Во-вторых, запечатлелось в памяти слово «шифонэр», значение которого я не знала, пока папа не объяснил, что это шкаф. Родители привезли его из магазина накануне. Покупка новой, фабричной, а не самодельной мебели в пятидесятые годы было явлением довольно редким и не всем по карману. Отец мой, работая на тракторном заводе, получал по тем временам хорошую

зарплату и вполне мог купить настоящий платяной шкаф, изготовленный на настоящей мебельной фабрике, — «шифонэр».

Вот так всему нашему дому стало известно, что мы «богатые», благодаря настоящему платяному шкафу и истории в песочнице.

Глава 5. СОСЕДИ В ДОМЕ ПО УЛИЦЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

У всех соседней нашего дома и квартиры мебелишка была неказистая: самодельные табуретки, кухонные двухстворчатые шкафы, выкрашенные масляной краской, — у всех одинаковые, но крепкие.

Из взрослых помню соседней по квартире, в которой в большой комнате жила наша семья из трех человек, включая меня. Позже в нашей комнате временно селились родные братья мамы Александр и Николай, а спустя некоторое время приехала и моя родная бабушка, мамина мама Анна Давыдовна, которая осталась жить в этой комнате и после нашего переезда в новое жилье на улице Борьбы, — это произошло после рождения моего брата Николая.

Вторую же комнату, поменьше, занимала тоже семья из трех человек: глава семейства — тетя Клава, ее сын Геннадий и дочь Зоя. Особенно хорошо запомнилась девушка Зоя, которая то жила в своей семье, то исчезала на какое-то время.

Зоя казалась мне неземной красавицей, особенно когда снимала с головы бумажно-тряпичные самодельные бигуди, расчесывала волосы и красила губы яркой-преяркою помадой, превращаясь в сказочную царевну. Мне в это время разрешалось сидеть рядом и любоваться этими замечательными превращениями.

Мама шепотом говорила, что эта девушка лечится в Ложках, потому что во время войны ее обидел какой-то немец и она заболела. Болела долго — лечилась в Ложках уже несколько лет. Иногда, когда Зое становилось лучше, тетя Клава привозила ее домой.

В моем детском воображении возникал страшный-престрашный немец-фашист и горько плачущая красавица Зоя. Слово «Ложки» я в своем детском понимании долго связывала со столовыми предметами — ложками, причем почему-то деревянными. Мне представлялось, что Зоя всё время что-то ела этими самыми ложками, то есть лечилась так.

Теперь же она вылечилась и собиралась, с ее слов, выйти замуж. У нее и жених есть, который ждет не дожидается, когда она выздоровеет и навсегда вернется домой из «Ложков». Когда речь заходила о женихе, тетя Клава начинала плакать и обнимать свою дочку, приговаривая:

— Ничего, Зоюшка, ничего. Будет и у тебя счастье. А этот немец-зверюга уж, наверное, сгнил в нашей сталинградской земелюшке.

— Какой немец? — спрашивала, улыбаясь, Зоя.

— Обидчик твой, — коротко отвечала Клава.

— Все они тут остались, обидчики наши. Собакам собачья смерть, — как-то страшно говорила Клава плача. Я плакала вместе с тетей Клавой. Ребенок сочувствовал горю матери, потерявшей своего взрослого ребенка — красавицу Зою.

Зоя улыбалась. Она ждала своего жениха

Позже до моего сознания довели значение слово «Ложки» с ударением на последнем слог. В народе «Ложками» называли психиатрическую лечебницу, находящуюся в Калачёвском районе Сталинградской области.

Глава 6. СЕДОЙ «ДЕДУШКА»

Отчетливо вспоминаю соседа — дедушку Семена со второго этажа. Весь седой: белая-пребелая голова и длинная седая борода. Он казался мне очень добрым и красивым, наверное, из-за седины и еще потому, что почти всегда сидел на скамейке возле подъезда и ласково здоровался с каждым проходящим:

— Доброго вам здоровьица! Как живете-поживаете?

Со мной он тоже здоровался и разговаривал, как со взрослой:

— Как ваши дела, Татьяна?

— Хорошо, — отвечала я серьезно, — уже пообедали.

— Что? Живем — хлеб жуем, — говорил дедушка-сосед не совсем понятно. Но я бойко отвечала:

— Жуем, дедушка, хлебушко.

— Ишь ты! Хлебушко! — продолжал он разговор со мной всегда радостно и тут же задавал новый вопрос:

— А кем хотите быть, Татьяна Батьковна?

— Я не батькина, я — папина и мамина. Буду работать на заводе, как мама и папа, — отвечала я со знанием дела.

— Агрономом лучше, — вел беседу дед-сосед.

— А кто такой агроном? Он что делает?

— Агроном выращивает хлеб, картошку, яблоки, груши...

— А виноград? — спрашиваю я, потому что только вчера первый раз в жизни мне довелось попробовать виноград, где-то раздобытый мамой. — Виноград?! — повторяю я восторженно. — А если я буду агрономом, я смогу есть виноград?

— И виноград, и сливы, и яблоки — всё может есть агроном хоть каждый день, — опять радовался дедушка.

— Каждый день?! — обрадовалась и я услышанному. — Пойду скажу маме, что когда я вырасту, то буду агрономом!

Этот диалог современному читателю может показаться наивным и непонятным. Но тема еды в те годы была очень важной в городе, поднявшемся из военных руин. Купить какие-либо фрукты, даже простые яблоки, было невозможно. Их просто не было в продаже ни на рынках, ни в магазинах.

Люди разрушенного города могли только мечтать о фруктах. Детям осажденного Сталинграда, пережившим голодные годы войны, нужнее были хлеб, картофель, капуста — еда насущная, первоочередная. А фрукты... Это не еда, это баловство.

Агрономом я не стала, но разговор о чудо-винограде и о профессии агронома, который может есть фрукты хоть каждый день, помню и сегодня, как ребенок помнит любимую сказку. Это мечты детей послевоенного Сталинграда, детей, которым предстояло научиться жить, сохраняя своими делами величие города, победившего фашистское нашествие.

Повзрослев, я узнала, что дедушка Семен — участник Великой Отечественной войны и в победный год, когда вернулся в свой родной Сталинград, ему не было и сорока лет. Поседел за одну ночь, узнав, что вся семья его погибла в самый страшный день в истории Сталинградской битвы — 23 августа 1942 года. В тот день воздушный флот Германии, люфтваффе, подверг город массированным ударам авиации, уничтожен был почти весь жилой фонд, погибли десятки тысяч людей: до семидесяти тысяч убиты, более ста пятидесяти тысяч получили тяжелые ранения.

Поэтому и писем не получал Семен от родных. Знал о великой битве в Сталинграде боец, знал о массовой гибели мирного населения города, но надеялся...

Глава 7. САДИК

Итак, во дворе был садик, без забора, с молодыми деревьями и кустиками тутовника, которые служили естественной оградой. В жарком летнем послевоенном Сталинграде после страшных бомбежек не осталось ни одного деревца. Но по всему возрождающемуся городу закладывали парки и такие небольшие садики, какой был в нашем дворе. Повсюду сажали акации, сирень, тутовые кустарники и деревья — тутовник, как говорили мы в детстве.

Но вот спустя десятилетие деревья подросли и стали давать тень. Жители дома номер пять по улице Демьяна Бедного жаркими летними сталинградскими вечерами устраивались на отдых в маленьком дворовом парке. Выносили табуреты; «богатые», то есть такие, как мой папа, несли стулья со спинками, раскладушки, и все располагались в спасительной тени дворового оазиса. Доминошники — недалеко — за деревянным столом с деревянными же скамейками. Столы для игры в домино были в каждом дворе.

Так отдыхали после работы. Телевизоров, кондиционеров и вентиляторов в нашем быту не существовало. Но у всех дома была радиоточка. Как правило, в пятидесятые годы радио представляло собой либо довоенную черную «тарелку» из плотной бумаги, подвешивающуюся на стену рядом со специальной радиорозеткой, либо, уже чуть позже, ламповый радиоприемник или радиолу в деревянном корпусе. Конечно же, у всех один радиоканал, одинаковые передачи.

С самого раннего детства я знаю песенку на слова Сергея Михалкова, которую невольно выучила наизусть, слушая по радио:

Встану рано поутру, поутру,
 Всё я в доме приберу, приберу,
 Я полы подмету, вымою посуду.
 И воды принести
 Я не позабуду.
 В тесто сахару подбавлю,
 Пирог я в печь поставлю.
 Всё успею, всё сумею,
 Всё сумею сделать!

В течение всей жизни время от времени напеваю эту детскую песенку. Особенно часто — последние две строчки. Когда трудно, когда горько и всё кажется непреодолимым:

Всё успею, всё сумею,
 Всё сумею сделать!

Помогает!

Это сейчас я знаю, что доброе, талантливое слово — великий помощник в жизни человека. И хорошо, когда это слово приходит к тебе уже в раннем детстве и остается навсегда.

Но вернемся к дворовому садику. Эта гениальная придумка городских зодчих пятидесятых! Лето — жара днем и духота вечерами и ночами, сопро-

вождаемая непременными комарами. Без вентиляторов и кондиционеров жили. И выживали! Войну победили! А тут жара...

Русский человек всегда смекалист и находчив. Поэтому летними ночами в дворовых мини-парках текла своя, особенная жизнь. Что же происходило ночью в этих городских оазисах?

А происходила спокойная мирная жизнь. Люди там спали. В помещениях, когда на улице ночью более двадцати, а то и тридцати градусов, находиться было невозможно, а в этих зеленых убежищах у каждой семьи было свое присмотренное и закрепленное неписанным договором местечко, где расставляли раскладушки — каждый на своем месте.

Первым делом заботились о детях. Мой папа Леша, укладывая меня спать, натягивал надо мной марлевое покрывало, привязывая его на деревянные опоры. Зачем покрывало? Да, комары же! Эти вечные назойливо жужжащие, жалящие насекомые существовали во все времена. Поэтому папа ложился на раскладушку рядом со мной с припасенной веточкой зелени, отгоняя от меня комаров и охраняя тем самым мой золотой детский сон.

Глава 8. МОЙ МЛАДШИЙ БРАТ КОЛЯ

Мой младший брат Николай родился в марте 1955 года здоровым ребенком. Но вскоре случилась беда: он заболел полиомиелитом — очень распространенной в пятидесятые годы болезнью, которую называли убийцей XX века. Мама, жалея мои детские жизненные ощущения, никогда не говорила о болезни моего младшего брата как о большой семейной беде, но то, что родители боролись за жизнь своего новорожденного сына, позже стало понятно мне по их отношению к болящему брату, по неумолимому стремлению вырвать его из когтей страшного недуга, по фактам нашей семейной биографии. Мальчик Коля выжил, но навсегда остался хромым. Мама очень жалела своего сыночка, но это была жалость — забота, а не жалость — слезы или уныние.

Окрепнув благодаря усилиям родителей, мой брат рос, как все остальные мальчишки. Несмотря на свой физический недостаток, хромоту, и предписания врачей, Николай не пропускал уроков физкультуры, хотя по показаниям медицины был от них отстранен, в футбол играл, дрался во дворе с обидчиками, как все пацаны. Бегал по крышам гаражей, на чердаке нашего четырехэтажного дома голубей держал.

Очень хорошо помню, что мама своих детей никогда не наказывала. Если что не так, то нас ждал серьезный разговор с папой: реже со мной, чаще — с братом. А мама, такая, как наша, — самая понимающая, самая нежная на свете, никогда на нас не повышала голос, никогда и руки не поднимала. Только один раз, когда Николай довел до слез девочку-соседку из другого подъезда и ее мать пришла к нам жаловаться, мама Маша взяла в руки самое грозное средство наказания — полотенце. Несколько мягких хлопков по спине и... Не больно, но стыдно. После этого случая Николай никогда девчонок не обзывал.

На момент написания этих строк мой брат Николай жив. Он уже перешагнул черту семидесятилетия, прожил, как и многие, сложную, но достойную жизнь. У него два взрослых сына — Николай и Алексей.

Но вернемся ненадолго на улицу Демьяна Бедного в 1955 год, когда родился мой младший брат. Наша самая большая в квартире комната как-то сразу стала маленькой, превратившись в тесное общежитие, состоящее из нас троих, бабушки Анны и дяди Николая с женой Зиной, которую он привез, мобилизовавшись из армии.

Тетю Зину, маленькую спокойную женщину, внезапно появившуюся в нашей семье, сразу полюбили. Когда я увидела ее первый раз, стоящую на пороге нашей квартиры в необыкновенной красоте ажурном белом пуховом платке, то вскрикнула:

— Мама, смотри! К нам пришла царевна!

В одной комнате на пятнадцати метрах теперь стали жить шесть человек! Так в пятидесятые годы жили многие. Городу, заводам нужны были рабочие: фронтовики, вернувшиеся с войны, и деревенские жители, как моя мать, прошедшие через голодные сороковые годы. Мама часто вспоминала лепешки из ржаной муки пополам с лебедой и щи из крапивы. Поэтому-то, как самая старшая из детей в семье Лукьяненко, она собрала всех здесь, в Сталинграде, где были работа, еда и кров.

Ощущения тесноты и неуютя в одной комнате не было, несмотря на то что все спали на полу, кроме меня, маленькой; кормились все в этой же комнате утром, собираясь на работу, и вечером, возвращаясь с нее. Все взрослые работали на тракторном заводе, на заводе-кормильце, как называли его рабочие. Мама, благодаря своей доброте и общительному характеру, помогала с устройством на завод и братьям, и их женам.

Завод заботился о семьях, и, когда появился на свет мой младший брат Коля, нам выделили большую комнату в новом доме поближе к заводу. Помню огромное чувство горя, которое я испытывала, покидая мой первый родной дом.

К подъезду подъехал грузовичок, мужчины нашей семьи стали грузить в кузов бедную мебелишку и сложенные в узлы пожитки. Как только я увидела взбирающуюся в кабину маму со свертком на руках, в котором был мой недавно народившийся братик Коля, я разрыдалась. Очень боялась, что мама уедет без меня, боялась уезжать из любимого дома и боялась, что меня забудут. Яркие переживания детства остаются с нами навсегда. Я и сейчас помню это чувство страха, что меня забудут, не возьмут...

Не забыли. Мама, закрывая дверцу кабины, сказала:

— Прощай, Бедный Демьян! Не навсегда. Мы будем приходить к тебе.

Я плакала навзрыд, глядя вслед уезжающему грузовику, пока папа не прижал меня к себе и не взял за ручку, говоря:

— А мы, Татя, пойдем своим ходом — пешочком.

Почувствовав руку отца, я успокоилась. Большой молодой красивый папа и я, трехлетняя, маленькая, но счастливая от ощущения теплоты и надежности руки отца. Временами папа брал меня на руки, но, устав (путь в новый дом в моем детском понимании был далеким), отец время от времени вновь брал меня за руку.

Так мы шли с ним в новый дом, в новую жизнь. Это ощущение верной, надежной руки отца осталось со мной до самой его смерти! Я и сейчас помню тепло большой, надежной отцовской руки... Спасибо тебе, папа!

Поселившись в новой квартире с новыми соседями, мы не забыли улицу имени Демьяна Бедного и дом номер пять. Ведь там остались жить наши родные... Поэтому почти каждое воскресенье я с мамой шла в гости в свой первый родной дом к бабушке и моим дядям. Ненадолго — проведать, ведь папа оставался с моим маленьким братом, который часто болел. Чувство ответственности за судьбы своих младших братьев, Александра и Николая, никогда не покидало мою мать. Это чувство старшей в семье со временем перешло и ко мне.

РУССКОГО СЛОВА ЖЕМЧУЖНАЯ НИТЬ

*Редакция журнала «Отчий край» представляет произведения победителей
Всероссийского конкурса современной поэзии «Русского слова жемчужная нить»,
организованного в 2025 году Волгоградской государственной консерваторией
имени П. А. Серебрякова при поддержке комитета культуры Волгоградской области*

Анна Вадимовна ГЛЕБОВА,
Москва

О заброшенном доме

Он был любим. Звучал в нём смех, и слёзы
Текли ручьями жизненных дорог.
Его бил ветер, рокотали грозы,
И снег кружил снежинками тревог.

Тот дом построил кто-то и когда-то,
Рука не поднялась его снести.
Он знал войну, он провожал солдата,
Он начинал и завершал пути.

В нём топот детских ног ласкал дощечки,
Курили вечерами на крыльце,
Мечтали о простом, о человеческом,
Лелеяли с улыбкой на лице.

И он лелеял их, скрывал от вьюги.
Пел песни скрипом стареньких петель,
Теплом родной печи лечил недуги,
Стерёг уют, их пищу и постель.

Но время шло, и люди изменились.
Все выросли, ушли в иную даль.
Уж не ценны те вещи, что ценились...
В кривом фасаде щерится печаль.

В глазницах-окнах сумрак колкий стынет.
Забор прогнил, и нет чужих, своих...
Он одинок, не нужен он отныне,
И жизнь его окончена, как стих.

И лишь сирень — веночек на могиле,
Цветёт дикаркой, блещет по весне!
А дом, не забывая, как любили,
С дождём рыдает горько в тишине.

Наталья Ивановна КОЛМОГорова,
Самарская область, станция Клявлино

Деревушка

А в деревне и травы не кошены,
Заросла повиликой тропа,
Но бреду я в далёкое прошлое,
Хоть порою и память скупа...

Чуть поодаль — пригорка горбушка,
Синий лес, а за лесом — жнивье...
Деревушка моя, деревушка,
Простодушное счастье моё!

Позабыта, оставлена, брошена!
По проулкам — крапива да хмель,
И прядёт тишина заполошное,
И свивает в колечки кудель.

На ирге вдруг запела кукушка.
Насулила — дай бог не соврать!
Место силы — моя деревушка,
Жаль, на карте её не сыскать.

Мне испить бы криничной водицы,
Отыскать бы тропу к роднику.
Книга памяти... Шелест страницы...
А кукушка — «ку-ку» да «ку-ку».

У заброшенной старой конюшни
Колготятся сирень с бузиной...
А простор, как и прежде, зовущий,
Как и прежде, влечёт за собой!

Сарафан из дешёвого ситца,
Босоножки да летняя хмарь,
За околицей — поле душицы
Да цветущих гвоздик киноварь.

Снова память листает послушно
То, что сызмальства было мне жаль!
Деревушка моя, деревушка,
И утеха моя, и печаль.

Лариса Фёдоровна ЧЕРНОМОРЕЦ,
Волгоград

Марш деревянных солдатиков

С резными ножками рояль,
Открыта крышка,
И ставит ножку на педаль
Почти малышка.

Годов ей восемь или семь,
Не знаю точно.
Да что там, крошечка совсем,
И — худосочна...

Но зазвучал рояль большой
Призывно, смело!
Малышка очень хорошо
Взялась за дело.

Играли пальчики её
Так вдохновенно!
То трубы пели, то басы
Попеременно.

Чайковский был бы очень рад
Лихому маршу,
Где инструменты пели в лад.
А кукла Маша

Ждала девчонку вместе с мамой
В тихом зале,
Пока солдатики её
Маршировали!

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение культуры
«Волгоградская областная универсальная
научная библиотека им. М. Горького»

ИЗДАТЕЛЬ: ГБУК ВОУНБ им. М. Горького
400066, Волгоград, ул. Мира, 15

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 22,4

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

400066, Волгоград, ул. Мира, 15
ТЕЛЕФОН: 33-20-19

Электронная почта: otchiykray@mail.ru
Редакционный сайт: <https://otchiykray.ru/>
ВКонтакте: https://vk.com/otchiykray_vlg

Рукописи принимаются по электронной почте.
Редакция знакомится с текстами авторов, не вступая в переписку.
Рукописи не рецензируются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.